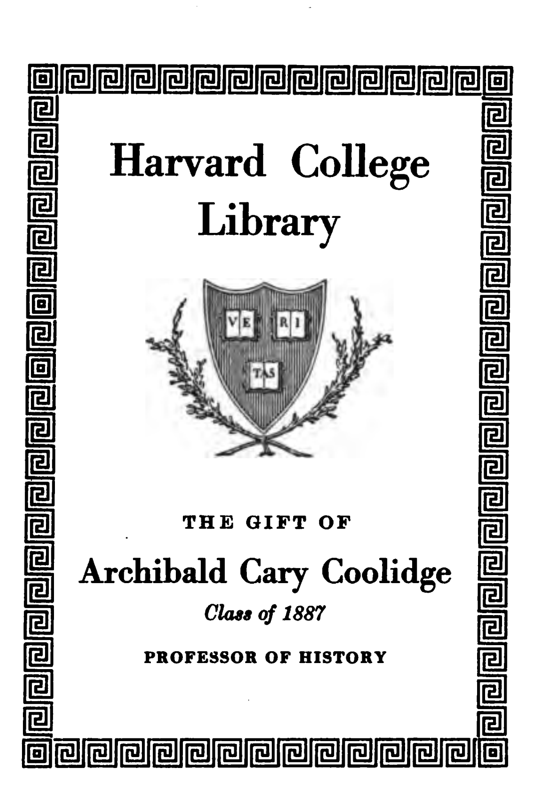
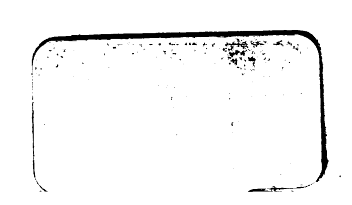




ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ
ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.
ГОДЪ ВТОРОЙ.
ЯНВАРЬ, 1881.

СОДЕРЖАНІЕ.

ЯНВАРЬ, 1881 г.

КОНСТАНТИНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИНЪ.

Съ современной фотографіи рѣз. на деревѣ Панемакеръ въ Парижѣ.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 24 сентября 1880 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ВТОРОЙ

ТОМЪ IV

ИСТОРИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ IV

1881

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2
1881

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ"

Выходитъ ежемѣсячно, книжками въ объемѣ до 16 и болѣе печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** руб. съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени"** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 60. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина **„Новаго Времени"**, Никольская, д. Ремесленной управы.

Программа **„Историческаго Вѣстника"**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику"** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

ВЪ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

При книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ въ Петербургѣ, Невскій просп. № 60, можно получать оставшіеся (въ ограниченномъ количествѣ) экземпляры „Историческаго Вѣстника“ за **1880** годъ. Цѣна за **двѣнадцать** книжекъ со всѣми приложеніями **десять рублей** съ пересылкой.

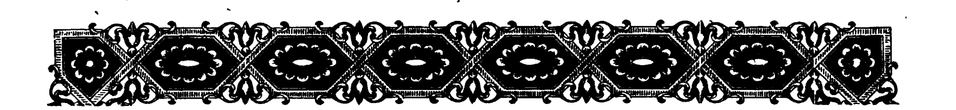
Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1880 года помѣщены, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Самозванецъ лже-царевичъ Симеонъ. Историческій разсказъ **Н. И. Костомарова.** — Московскій бунтъ 23 іюня 1648 г. Разсказъ очевидца, съ предисловіемъ **К. Н. Бестужева-Рюмина.** — Могущество Турокъ-Османовъ въ Европѣ (1396—1739). **В. И. Ламанскаго.**—Воспоминанія о графѣ Остерманѣ-Толстомъ. **Д. И. Завалишина.**—Декабристъ Лунинъ. **Его-же.** — Отношенія Россіи къ Китаю. **Его-же.**—Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ. **В. И. Герье.**—Кадетскій монастырь. **Н. С. Лѣскова.** — Русскій демократъ въ Польшѣ. **Его-же.**—Изъ мелочей архіерейской жизни. **Его-же.** — Несмертельный Голованъ. **Его-же.**—Снятіе опалы съ славянофиловъ. Эпизодъ изъ литературы пятидесятыхъ годовъ. **М. И. Сухомлинова.**—Знакомство съ Сенковскимъ. **А. П. Милюкова.**—Ѳ. Н. Глинка. **Его-же.**—Князь С. Г. Долгорукій и его семья въ ссылкѣ. Историческій очеркъ **Д. А. Корсакова.** — Не быть по сему. Историческій разсказъ **В. В. Крестовскаго.** — Монахъ по неволѣ. Историческій разсказъ **Вс. С. Соловьева.** —Яганна Петрова, камеръ-медхенъ Екатерины I. **Г. В. Есипова.**—Князь В. Ѳ. Одоевскій. Литературно-біографическій очеркъ въ связи съ личными воспоминаніями. **А. П. Пятковскаго.**—Церковно-

земскій соборъ 1551 года. **И. Н. Жданова.**—Адамъ Мицкевичъ въ Россіи. **Ф. К. Неслуховскаго.** — Карлъ Шайноха. **Его-же.** — Польскія смуты передъ возстаніемъ 1831 г. **Н. С. К.**—Записки **В. Н. Геттуна** (1771 — 1815). — Отрывки изъ воспоминаній. **Г. Утробина.**— Русскій ученый въ Новой Гвинеѣ. **В. Н. Майнова.** — Норденшельдъ и его послѣднее путешествіе. **Его-же.** — Поль Брока, основатель антропологіи. **Его-же.**—Скопческій ересіархъ Кондратій Селивановъ. **Его-же.** — Мертвый·городокъ. Изъ путевыхъ замѣтокъ. **Его-же.** — Отъ Эрзерума до Тифлиса, въ 1878 году. **Е. К. Андреевскаго.** — Въ пескахъ Кара-Кумъ. **Н. В. Сорокина.**—Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. **В. Я. Стоюнина.**—Россія и Европа при Петрѣ Великомъ. **А. Г. Брикнера.** — Царевичь Алексѣй Петровичъ въ произведеніяхъ иностранныхъ драматурговъ и беллетристовъ. **Его-же.** — Очерки изъ Украинской литературы. **Н. И. Петрова.** — А. Е. Лобановъ и его отношенія къ Гнѣдичу и Загоскину. **А. О. Круглаго.**—Люди старой Малороссіи. Семья Скоропадскихъ. **А. М. Лазаревскаго.** — Преданія объ историческихъ лицахъ и событіяхъ. **Н. Я. Аристова.** — Къ біографіи преосвященнаго Іоанна, бывшаго епископа Смоленскаго. **Его-же.**—Разработка русской исторіи съ 1855 по 1880 годъ. **Его-же.**— Университетъ и корпорація. **И. В—ва.**—Изъ тамбовскихъ лѣтописей. **И. И. Дубасова.** — На золотомъ пріискѣ. **М. В. Малахова.** — Къ біографіи графа Андрея Замойскаго. **Н. В. Верга.** — Тадзь-Уль-Фехръ, Абдъ-Эль-Нишанъ (Графъ Вацлавъ Ржевускій). **Его-же.**— Прогулка по развалинамъ Рима и Помпей. **В. И. Модестова.** — Одинъ изъ русскихъ государственныхъ вопросовъ въ началѣ XIX в. **Е. А. Бѣлова.**—Русское посольство въ Англію въ 1662 году. **А. Лодыженскаго.**—Тульскій кречетъ. Историческій разсказъ. **Д. Л. Мордовцева.**—Герасимъ Степановичъ Лебедевъ, русскій путешественникъ-музыкантъ по Индіи въ концѣ XVIII в. **Ѳ. И. Булгакова.**—Н. И. Пироговъ. **Его-же.**—Извращеніе народнаго пѣснотворчества. **В. О. Михневича.** — Погибающая русская сила. **Ѳ. М. Уманца.**—Крестьянскіе суды въ старину. **Д. М. Мейчика.** — Близко ли паденіе Англіи. **Н. И. Куницина.**—Госпожа Роланъ. **С. С.**—Новые мемуары о революціонной эпохѣ XVIII вѣка. **М. С. Карелина.**—Записки принцессы **Сальмъ-Сальмъ.**—Записки князя **Меттерниха.**—Записки **Каролины Бауеръ.**—Записки **Луи Шнейдера.** — Дневникъ маркизы **Вестминстеръ.** — Записки квестара. **И. Ходзько.** — Домикъ моего дѣдушки. **Его-же.**—Очерки изъ исторіи нашего времени: 1) Чартизмъ; 2) О'Коннель и ирландское движеніе. **Макъ-Карти.**—Развалины Трои. **Р. Вирхова.** — Легенды Тріанона и Версаля. **М. Лавернь.** — Современная исторіографія: Франція, Германія и Англія. **Иф....ла.**

Въ отдѣлахъ „Критики и библіографіи“ и „Изъ прошлаго“ напечатаны разсказы, очерки, отзывы, сообщенія и замѣтки: **М. Д. Хмырова, Г. В. Есипова, О. Ѳ. Миллера, К. Н. Бестужева-Рюмина, А. П. Милюкова, Н. С. Лѣскова, Д. И. Завалишина, Н. И. Петрова, И. И. Дубасова, Ѳ. И. Булгакова, Н. А. Бѣлозерской, И. В. Добролюбова, Н. Г. Словскаго, П. А. Пономарева, П. Я. Дашкова** и другихъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ 1880 года приложены два переводныхъ историческихъ романа: „Новый всемірный потопъ“, **Ю. Роденберга** и „Люциферъ“, **К. Френцеля,** и слѣдующіе портреты и рисунки: 1) **С. М. Соловьева**; 2) **Н. И. Костомарова**; 3) князя **В. Ѳ. Одоевскаго**; 4) **А. Мицкевича**; 5) Скопческаго ересіарха **Кондратія Селиванова**; 6) **И. И. Срезневскаго**; 7) **Ф. Н. Глинки**; 8) **М. Н. Загоскина**; 9) Памятникъ Пушкину въ Москвѣ; 10) **Н. И. Пирогова**; 11) **Карла Шайнохи**; 12) Русскаго посла въ Англіи князя **Прозоровскаго**; и 13) Г-жи **Роланъ**.



НЕСЧАСТНЫЙ.

(Неизданная повѣсть Т. Г. Шевченки).

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко, малороссійскій поэтъ, принадлежитъ къ немногочисленной плеядѣ перворазрядныхъ писателей славянскаго племени. Такое достоинство признали за нимъ не только соотечественники-малоруссы, но и всѣ знакомые съ его произведеніями цѣнители художественнаго дарованія, къ какой бы національности они не принадлежали сами. Исключеніе составляютъ только тѣ, которые не доразвились до свободы отъ предразсудковъ сословности, національности и воспитанія. Всѣмъ извѣстно, что Шевченко, бывши великимъ поэтомъ, былъ также даровитымъ (хотя и въ меньшей степени) живописцемъ. Но мало кому извѣстно, что у Шевченки было желаніе быть еще и русскимъ беллетристомъ. Послѣ него осталось нѣсколько написанныхъ имъ разсказовъ, о чемъ уже мы сообщали въ одной изъ книжекъ „Русской Старины" 1880 года. Собственно это только наброски, ни мало не отдѣланные, и самъ авторъ никогда бы не дозволилъ пустить ихъ въ свѣтъ въ такомъ сыромъ видѣ. Сомнительно, чтобъ онъ когда-либо занялся ихъ обработкою для печати, такъ какъ считалъ себя всегда слишкомъ не подготовленнымъ для того, чтобъ выходить въ публику съ русскимъ произведеніемъ. Тѣмъ не менѣе эти необработанные и недоработанные опыты не лишены достоинствъ, обличающихъ тотъ же высокій талантъ автора, извѣстный намъ изъ его малорусскихъ стихотвореній. Печатаемъ одинъ изъ такихъ разсказовъ, писанный Шевченкомъ вѣроятно уже въ послѣдніе годы его жизни, по возвращеніи изъ ссылки, такъ какъ онъ указываетъ, что видѣлъ героя своего разсказа въ Орской крѣпости, гдѣ авторъ могъ быть только во время своей ссылки. Не станемъ распространяться объ этомъ разсказѣ; онъ передъ глазами читателей на лицо, и читатели могутъ сами произнести приговоръ надъ его достоинствами и недостатками; просимъ только, относительно послѣднихъ, не терять изъ вида того, что авторъ не допустилъ бы многихъ изъ такихъ недостатковъ и самый разсказъ появляется не по желанію автора, почти двадцать лѣтъ назадъ умершаго.

Н. КОСТОМАРОВЪ.

I.

Крѣпость О. мѣстные киргизы называютъ Яманъ Кала. И это названіе чрезвычайно вѣрно опредѣляетъ физіономію мѣстности и самой крѣпости. Рѣдко можно встрѣтить подобную безхарактерную мѣстность. Плоско и плоско. Для киргиза конечно это ничего не значитъ; онъ

сроднился съ такимъ пейзажемъ, но каково для человѣка пріѣзжаго, привыкшаго въ окружающей его природѣ видѣть красоту и грацію, очутиться вдругъ передъ суровымъ однообразнымъ горизонтомъ неисходимой безконечной степи. Удивительно какъ непріятно такой пейзажъ дѣйствуетъ на одинокую душу новичка.

Крѣпость О. какъ нельзя болѣе гармонировала съ окружающею ее мѣстностію: то же однообразіе и таже плоскость; отъ общаго колорита выдѣлялась лишь небольшая каменная крѣпостная церковь на горѣ,—и при томъ замѣтьте на Яшмовой горѣ. Подъ горою, съ одной стороны лѣпятся грязные татарскіе домики, а съ другой, инженерный дворъ съ казематами для каторжниковъ; противъ инженернаго двора длинное, низенькое бревенчатое строеніе съ квадратными небольшими окошками;—это баталіонныя казармы; онѣ примыкали однимъ концомъ къ деревянному сараю, называемому экзерцисъгаузъ, а другимъ выходили на четыреугольную площадь, украшенную новою каменною церковію и обставленную дрянными деревянными домиками. Гдѣ же самая крѣпость, спросите вы? Я самъ два дня дѣлалъ такой же вопросъ, пока на третій день, по указанію одного старожила, не вышелъ въ поле по направленію къ мѣновому двору и не увидалъ едва приподнятой насыпи и за ней канала. Каналъ и насыпь сравнительно не больше того рва, какимъ у насъ добрый хозяинъ окапываетъ свое поле. Вотъ вамъ и второклассная крѣпость. Полюбовавшись до сыта на это диво фортификаціи, я уже передъ вечеромъ возвращался черезъ слободку къ себѣ на квартиру и, поворотя за уголъ одной бѣдной лачуги, увидѣлъ идущую толпу солдатъ съ балалайкою и бубномъ. Толпа противъ лачуги стала въ кружокъ, грянула лихая пѣсня съ бубномъ и присвистомъ и изъ толпы послышалось:

— Ай да помѣщикъ! Ай да дворянинъ! просто орелъ!

Такія восклицанія меня остановили. Я уже думалъ было подойти къ веселымъ ребятамъ и полюбопытствовать, что тамъ такое за помѣщикъ, только въ это время толпа разступилась, не прерывая пѣсни, и впереди ея явился въ разорванной рубахѣ статный бѣлокурый юноша: онъ ловко подбоченясь пошелъ въ присядку.

Меня поразила наружность этого юноши; въ ней было что то благородное и вмѣстѣ съ тѣмъ, что-то низкое, отталкивающее. Я не могъ его разсмотрѣть подробно за толпою и, отходя прочь, спросилъ у солдата, который мнѣ показался трезвѣе своихъ товарищей:

— Кто это такой у васъ, такъ славно пляшетъ?

— Несчастный! отвѣтилъ мнѣ солдатъ скороговоркою и поспѣшилъ за толпою.

Слово „несчастный“ было какъ-то странно произнесено солдатомъ. Мнѣ показалось, что онъ разумѣетъ какое-то сословіе, а не то понятіе, которое это слово собственно выражало. Послѣ я узналъ, что тамъ и кромѣ солдатъ другіе произносили въ томъ же смыслѣ это

слово, а когда я освоился съ нимъ, то и самъ произносилъ его точно также. Человѣкъ самъ не замѣчаетъ, какъ онъ быстро освоивается съ людьми его окружающими.

Въ продолженіе ночи мнѣ все мерещился бѣлокурый, молодой атлетъ и слышались слова: — „ай да помѣщикъ, ай да дворянинъ!“

На другой день пошелъ я разузнавать кто такой этотъ несчастный? но, разумѣется, не могъ узнать ничего, потому что онъ не одинъ такой, какъ мнѣ послѣ сказали, находится въ О. крѣпости.

Былъ какой-то праздникъ и я отъ нечего дѣлать пошелъ побродить по безотраднымъ окрестностямъ крѣпости. Передъ вечеромъ, возвращаясь домой, какъ разъ у кирпичныхъ заводовъ я опять повстрѣчалъ кучку веселыхъ ребятъ съ бубномъ и съ балалайкой и знакомаго незнакомца-плясуна; я услышалъ тѣже самые возгласы. Чтобы не упустить его опять изъ виду, я отозвалъ одного солдата въ сторону и потихоньку спросилъ, какъ прозывается дворянинъ, что пляшетъ? Онъ мнѣ сказалъ его фамилію, и я на другой же день въ баталіонной канцеляріи прочиталъ его грустную конфирмацію. Это былъ юноша записанный въ рядовые по просьбѣ родной матери. Это происшествіе сильно заинтересовало меня, но какъ разгадать подобную загадку? Я лучше ничего не могъ придумать, какъ познакомиться съ самимъ субъектомъ и узнать отъ него самого всю истину, и какъ же я ошибся увы!

Онъ оказался чѣмъ-то въ родѣ идіота: трезвый, упорно молчалъ, отъ одной рюмки водки пьянѣлъ и начиналъ проклинать мать свою, самого себя и все, что его окружаетъ; одна пляска для него имѣла еще какую то прелесть и больше ничего.

Я попробовалъ было его со стороны образованія, но онъ загородилъ такую чепуху, что лучше было бы и не пробовать. Однажды приходитъ онъ ко мнѣ на веселѣ и видитъ у меня развернутую книгу на столѣ. — Что это вы почитываете? спрашиваетъ онъ. — „Мертвыя Души“.—А, это сочиненіе Эженя Сю?—Точно такъ, отвѣчалъ я.

Только послѣ долгаго времени, по немногу, урывками, я узналъ всю его исторію, которую и хочу разсказать.

II.

Въ одной изъ центральныхъ губерній нашего неисходимаго отечества, близь уѣзднаго городка N., вдоль большой дороги вытянулись въ рядъ сѣрыя бревенчатыя избы съ закоптѣлыми воловыми окнами; такихъ сѣрыхъ избъ я насчиталъ тамъ штукъ болѣе двухъ сотъ. Выходитъ, село по величинѣ порядочное, но на дѣлѣ далеко было не такъ. Странно, кругомъ дремучіе лѣса, а въ селѣ ни одной

избы хоть мало-мальски въ порядочномъ видѣ:—то безъ клѣти, то безъ сѣней, то пошатнулась, а то совсѣмъ повалилась; кругомъ все ростетъ и зеленѣетъ, а въ селѣ, какъ говорится, хоть шаромъ покати, — ни одного деревца; или мужикамъ запрещено сажать деревья, или Богъ ихъ знаетъ, можетъ и сами не хотятъ, а помѣщику и не вдогадъ ихъ заставить, благо у самаго подъ рукою англійскій паркъ со всѣми причудами. Дѣти, когда выбѣгутъ на улицу посмотрѣть на проѣзжающаго, такъ это только слава, что дѣти—медвѣжата, просто медвѣжата.

По срединѣ села церковь съ высокимъ шпицемъ колокольни довольно затѣйливой архитектуры и мало свидѣтельствующая о вкусѣ зодчаго, а можетъ быть и самаго ктитора. Около церкви была когда то ограда, на нее указываютъ полуразрушенные каменные столбики, не вдальнемъ одинъ отъ другого разстояніи и кругомъ запачканные грязью; надо думать это надѣлали свиньи во время почесыванья.

И церковь и село и полунагія закопченыя дѣти, все являетъ изъ себя видъ весьма живописный. Совершенно во вкусѣ Ванъ-Остада нашихъ подающихъ надежды жанристовъ.

Проѣхавши село, въ лѣвую сторону, недалеко отъ почтовой дороги, на горѣ, видны барскія хоромы съ бельведеромъ, окруженныя темнымъ лѣсомъ, а лѣсъ былъ обведенъ, покрайней мѣрѣ со стороны почтовой дороги, глубокимъ и широкимъ рвомъ съ живою на валу изгородью.

Сквозь деревья мелькаетъ свѣтлый прудъ, а за группой липъ уголъ китайской бесѣдки, или кустъ акацій, или другое что нибудь, въ родѣ клеопатриной иглы, воздвигнутое на память дружбы и любви; словомъ прелесть! такъ бы вотъ и соскочилъ съ телѣги, перепрыгнулъ бы черезъ живую изгородь, да и пошелъ писать по всѣмъ направленіямъ роскошнаго барскаго сада.

Я, правду сказать, такъ и сдѣлалъ. Но это было давно; теперь ужъ я подобной штуки не выкину; я тогда прошелъ изъ конца въ конецъ весь паркъ и меня, какъ теперь помню, поразила страшная тишина. Я видѣлъ великолѣпный домъ, павильоны, бесѣдки, качалась раскрашенная лодочка на краю пруда, подъ наклонившимися деревьями, и по срединѣ пруда гордо плавала пара лебедей, но я не видѣлъ ни одного человѣка, который бы оживлялъ эту изысканную картину. На меня непріятно подѣйствовало такое отсутствіе человѣка; это все равно что прекрасный пейзажъ, не оживленной человѣческой фигурой; я даже раскаявался въ томъ, что входилъ въ этотъ заколдованный паркъ.

О еслибъ я зналъ тогда, что мнѣ придется писать исторію обитателей этого роскошнаго уединенія, я бы не ограничился однимъ поверхностнымъ взглядомъ, а постарался бы проникнуть и въ хоромы и всюду, куда только можно проникнуть; всюду бы заглянулъ, и можетъ быть тогда моя исторія была бы и полнѣе и круглѣе; но

прошлаго не воротишь и приходится ограничиться тѣмъ, что теперь имѣемъ.

Проѣхавши версты двѣ, я спросилъ у ямщика: чье это село мы проѣхали?

— Господское.

— Знаю, что господское! да господина-то какъ звать?

— Помѣщикъ Хлюпинъ.

— Что, онъ самъ видно мало живетъ въ своемъ селѣ?

— Только за оброкомъ пріѣзжаетъ и то не каждый годъ.

Этимъ свѣдѣнія мои вѣроятно и кончились бы, еслибъ, спустя десятка три лѣтъ, я не встрѣтился въ О. крѣпости съ несчастнымъ молодымъ человѣкомъ, о которомъ говорилъ выше и который оказался роднымъ сыномъ этого самаго помѣщика и наслѣдникомъ знакомаго мнѣ села и парка.

Ротмистръ Хлюпинъ, отецъ несчастнаго юноши, не расположенъ былъ вовсе къ браку, но обстоятельства заставили его жениться на богатой и не молодой вдовѣ; онъ взялъ за нею въ приданое описанное мною село. Жена его, родивши ему сына, а потомъ дочь, и поживши мало послѣ этого происшествія, переселилась къ праотцамъ, завѣщавъ имѣніе дѣтямъ, а отца сдѣлала надъ ними опекуномъ. Она, какъ видно, не хотѣла, чтобы онъ послѣ нея снова женился, да еще пожалуй на молодой; ротмистръ, вообще не имѣвшій расположенія къ семейной жизни, взявъ своихъ птенцовъ-сиротокъ съ причтомъ нянекъ и мамокъ отправился въ Питеръ. Долго ли, коротко ли, онъ велъ тамъ холостую жизнь, не знаю. Только, какъ онъ ни былъ близорукъ въ отношеніи дѣтей, увидалъ однакожъ, что имъ нужна мать, т. е. необходимо ему жениться.

Съ такою-то благою мыслію однажды онъ вышелъ со двора; идетъ по Литейной, выходитъ на Невскій, глядь, на встрѣчу ему словно заря алая, словно лебедь бѣлая; такъ и плыветъ по тротуару. Замерло ретивое у стараго гусара и во снѣ ему не снилась никогда такая красавица, какую онъ теперь увидѣлъ!

„Что-жъ, думаетъ гусаръ и отецъ семейства,—попытка не шутка, спросъ не бѣда—попробуемъ, ливреи-жъ за нею не видно, помѣшать не кому“.

И онъ поплелся въ слѣдъ за красавицею. Долго она его водила по разнымъ переулкамъ, наконецъ завела чуть не къ Таврическому саду, да въ одинъ самый мизерненькій домикъ съ двумя крошечными окошечками и шасть передъ самымъ его носомъ, а онъ остался на улицѣ, да еще и на грязной.

Простоявши съ добрый часъ противъ домика и махнувъ рукой, пошелъ онъ обратно.

Тутъ бы казалось и всему происшествію конецъ; вотъ то-то и нѣтъ, тутъ только начало самой исторіи, или лучше сказать, начало самаго зла.

Подвернись эта исторія другому военному, а не въ отставкѣ гусару, разомъ бы онъ все покончилъ, да и концы въ воду. Ротмистръ мой хотя тоже слылъ рѣшительнымъ малымъ; однако кончилъ тѣмъ, что послѣ многократныхъ и безплодныхъ хожденій на поиски, рѣшился наконецъ послать сваху въ завѣтный домикъ. Сказано-сдѣлано, и счастливѣйшій ротмистръ съ красивѣйшей супругою катитъ въ свое помѣстье, а дѣти съ няньками и мамками и со всякой рухлядью вслѣдъ за ними.

Здѣсь, я думаю, не мѣшаетъ разсказать хоть въ кратцѣ, кто такая вторая супруга рѣшительнаго ротмистра.

Отецъ ея служилъ прапорщикомъ въ какомъ-то пѣхотномъ полку, расположенномъ на Волыни и влюбился въ какую-то панычку. Дѣло очень обыкновенное; да случился грѣхъ, потребовали чтобы онъ женился; онъ не прекословилъ, женился и выступилъ за ротою въ походъ. Войска въ то время начали стягиваться къ Вознесенску. На послѣдней дневкѣ передъ Вознесенскомъ, молодая жена прапорщика разрѣшилась отъ бремени дочерью Маріею.

Три или четыре года бѣдная прапорщица съ ребенкомъ шлялась за своимъ прапорщикомъ или, лучше сказать, за ротою, наконецъ отъ недостатковъ, горя и всяческихъ лишеній, впала въ чахотку и вскорѣ умерла.

Безумная и трижды безумная дѣвушка, рѣшающаяся влюбляться и выходить замужъ за армейскаго не только прапорщика, но даже поручика, если только онъ не ротный командиръ. За ротнаго командира и то много нужно рѣшимости, чтобы идти замужъ. Тутъ должна быть истинная, настоящая любовь; по моему, это такая великая со стороны женщины жертва, что мало-мальски порядочный мужчина не долженъ бы не только ее домогаться, но даже и желать.

Похоронивъ свою мученицу-жену и сдавши деньщику дитя на руки, прапорщикъ пустился на обывательскихъ догонять роту. По службѣ ему какъ-то не везло, у начальства онъ былъ не на выгодномъ счету, товарищи его давно уже стали подпоручиками и поручиками, а онъ все еще прапоръ. Что-бы это значило, Богъ его знаетъ; по службѣ онъ молодецъ, лишнюю рюмку не пьетъ. Развѣ только рановато маленько женился? такъ кому какое дѣло! вотъ онъ думалъ-думалъ, да и началъ испивать маленькую, потомъ большенькую и еще и еще большенькую, и кончилось тѣмъ, что ему, горемыкѣ, предложили въ отставку; онъ попросился въ переводъ въ какой нибудь линейный баталіонъ, его и перевели въ 23-ю пѣхотную дивизію, расположенную, какъ извѣстно, въ Оренбургскомъ краѣ.

Пока то, да се, глядь, дочкѣ уже пошелъ десятый годочикъ, а она бѣдная и грамотѣ не знаетъ, да и гдѣ узнать то ее! отцу некогда, деньщикъ безграмотный, а деревенскіе мальчишки выучили ее въ бабки играть.

Онъ бѣднякъ думалъ: пріѣдетъ въ Оренбургскій край, поселится

гдѣ нибудь въ одномъ мѣстѣ и займется воспитаніемъ дочери; не тутъ то было. Не успѣлъ онъ осмотрѣться на новомъ мѣстѣ, какъ его командировали въ одно изъ степныхъ укрѣпленій. Бѣда и только.

Дѣлать нечего; пошелъ онъ въ степное укрѣпленіе. Кто не видалъ этихъ степныхъ укрѣпленій, тому совѣтую прилежно молиться Богу, чтобы и не видать ихъ никогда. Кромѣ отчужденія отъ всего, что имѣетъ хотя маленькій намекъ на образованіе, тѣснота и лишенія всевозможныя, а о нравахъ и говорить нечего.

Такъ вотъ, въ такое то гнѣздо попалъ мой бѣдный прапорщикъ съ своею уже двѣнадцатилѣтнею дочерью. На другой же день она прослыла въ укрѣпленіи „кантонистомъ въ юбкѣ“.

Она, дѣйствительно, была дѣвочка красивая, умная и бойкая, хоть и мальчику ея лѣтъ такъ въ пору. На горе онъ привезъ съ собою еще въ видѣ няньки какую то старушенку, безобразную и до нельзя распутную, такъ что когда онъ бывало подгуляетъ въ двоемъ съ нянькою, то Маша убѣжитъ въ казармы женатыхъ да тамъ и ночуетъ. Бѣдное дитя! ее какой то солдатъ и грамотѣ выучилъ.

Такъ прошло два года; роты смѣнились; Маша выросла и удивительно похорошѣла и больше ничего; и то правда, главное есть, а объ остальномъ кому какое дѣло.

Возвратясь къ своему баталіону, отецъ хотѣлъ было приняться за Машу, да Маша уже не та; ей уже пятнадцатый годъ.

„Ну, чтожъ, разсуждаетъ не взыскательный отецъ, за писаря и такъ сойдетъ“.

А пока онъ такъ разсуждаетъ, Маша росла, росла и выросла красавица на диво, не только что за писаря, хоть и за генерала такъ не стыдно.

Какой то чиновникъ, не помню, по питейной, не то по таможенной части, только не военный, чуть ли не изъ пограничной коммисіи, пріѣхалъ въ городъ по дѣламъ службы, увидѣлъ гдѣ то Машу и влюбился. Узналъ что и какъ и чья и гдѣ живетъ, да не разсуждая много сунулъ пьяной нянькѣ пять цѣлковыхъ, она ему и спроворила.

Онъ уѣхалъ по дѣламъ службы въ Петербургъ и Машу взялъ съ собою, а тамъ и бросилъ, потому что ему нужно было опять куда то ѣхать.

Такими то путями она очутилась въ Петербургѣ, а какъ очутилась на Пескахъ, тутъ уже исторія другая.

Но эту другую исторію я готовъ хоть и не расказывать, потому что въ ней кромѣ отвратительнаго ничего нѣтъ. Какъ бы тамъ ни было, а Маша, хотя и едва грамотная, выдержала свою роль лучше всякаго синяго чулка.

Такъ вотъ кто такая вторая супруга моего удалаго ротмистра.

Теперь мы уже будемъ звать ее Марьей Ѳедоровной. На другой, или на третій день послѣ свадьбы, Марья Ѳедоровна настояла на томъ, чтобы сейчасъ же ѣхать въ деревню, и она на это имѣла осно-

вательныя причины. Въ деревнѣ кто ее узнаетъ какого поля она ягода, а живя въ городѣ да еще и въ столицѣ придется поддерживать мужнины знакомства; у него знакомые быть можетъ, все графы, да князья. Богъ знаетъ, онъ человѣкъ богатый, все случиться можетъ, а она какъ говорится и ногой ступить не умѣетъ. Хорошо еще что солдатъ грамотѣ выучилъ, а то и этого бы не знала.

Такъ, или почти такъ, разсуждала Марья Өедоровна и разсуждала, правду сказать, довольно вѣрно; по всему видно, она имѣла умъ практическій, или положительный. Не прошло и мѣсяца, какъ она вступила въ роль провинціальной барыни-хозяйки, все у нее задвигалось и заходило.

Ротмистръ мой только смотритъ да глазами похлопываетъ. А какъ она приняла у себя съ визитомъ мелкопомѣстныхъ сосѣдокъ, такъ только ахнули. Но кто прежде всѣхъ въ домѣ на себѣ почувствовалъ ея вліяніе, такъ это самъ ротмистръ. Онъ до того съузился передъ нею, что сталъ больше походить на лакея, нежели на барина.

На дѣтей она сначала не обращала никакого вниманія, пока не почувствовала себя беременною, а съ той поры и они поступили въ ея вѣдомство и, бѣдные, стали чувствовать какую то тяжесть. Дѣвочка еще кое-какъ рѣзвилась, а несчастный мальчикъ тотъ совсѣмъ затихъ; онъ, какъ говорили, весь въ отца пошелъ; и отецъ тоже хорохорился до первой острастки, а какъ на него прикрикнули хорошенько, такъ онъ сталъ тише воды ниже травы. Во избѣжаніе же дальнѣйшихъ острастокъ, которыя во множествѣ предвидѣлись впереди, онъ переселился во флигель, не подалеку отъ дома и зажилъ настоящимъ анахоретомъ. Сначала приходилъ онъ въ домъ пообѣдать, поужинать, или просто спросить о здоровьи дражайшей половины; но впослѣдствіи совсѣмъ оставилъ свои визиты; даже у человѣка, который приносилъ ему обѣдъ, онъ не спрашивалъ о здоровьи Марьи Өедоровны. Дѣтей своихъ онъ видѣлъ только по праздникамъ, и то съ позволенія жены; впрочемъ, сильнаго стѣсненія онъ въ быту своемъ не чувствовалъ, или лучше сказать не могъ чувствовать. Большую часть дня онъ проводилъ или на псарнѣ, или на конюшнѣ, или же упражнялся въ благородномъ занятіи: стрѣльбѣ изъ пистолета въ цѣль, которую устроилъ у себя въ кабинетѣ на случай дурной погоды. Надо замѣтить, что въ этой комнатѣ, кромѣ стула и цѣли, ничего не было, даже трубокъ и книжки развернутой на 14-й страницѣ; и я не знаю почему онъ называлъ эту комнату кабинетомъ.

Послѣ первыхъ припадковъ беременности, какъ я уже сказалъ, Марья Өедоровна начала обращать вниманіе на мужниныхъ дѣтей. Вниманіе это выразилось такъ: она каждый день исправно начала посѣщать дѣтскую, что прежде дѣлала въ продолженіи мѣсяца одинъ разъ; теперь приходила смотрѣть какъ кормятъ и чѣмъ кормятъ дѣтей, какъ спать кладутъ, какъ по утру ихъ умываютъ, какъ одѣва-

ютъ. Бо̀льшаго попеченія родная мать своимъ дѣтямъ не могла оказывать, а странно дѣти ее не любили и даже боялись; бывало если только заплачетъ который изъ нихъ, то нянькѣ стоитъ только сказать: „мама идетъ“ и дитя въ одно мгновеніе переставало плакать. Дѣти смотрѣли настоящими сиротками, особенно мальчикъ. Дѣвочка, сначала такая рѣзвая, румяная, замѣтно поблѣднѣла и присмирѣла съ той поры, какъ за нею начали такъ заботливо ухаживать.

Есть люди, которыхъ всѣ любятъ и всѣ къ нимъ ласкаются; даже говорятъ, что ихъ и бѣшеныя собаки не кусаютъ; къ числу такихъ людей принадлежалъ и знаменитый Вальтеръ-Скоттъ.

Есть опять люди, которые ко всѣмъ ласкаются, а ихъ всѣ или ненавидятъ, или боятся и вмѣстѣ ненавидятъ. Къ числу такихъ людей принадлежала и моя Марья Өедоровна.

А можетъ быть и независимо отъ этой антипатіи есть еще что нибудь такое, почему вообще мачиха дѣтямъ кажется ненавистною.

Что бы тамъ ни было, только дѣти подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Марья Өедоровны блѣднѣли и худѣли. А когда она встрѣчалась съ своимъ благовѣрнымъ ротмистромъ, то только и рѣчей было что про дѣтей, такъ что онъ уже началъ ее просить, чтобы она поберегла себя, что дѣти дастъ Богъ и безъ нее выростутъ.

Лѣто проходило, дѣти давно уже настолько выросли, что ходили, ихъ не пускали въ садъ побѣгать изъ опасенія простуды: прудъ дескать близко, сыро. Настала осень и дѣтей стали посылать въ садъ гулять, потому что теперь воздухъ холоденъ и прудъ не можетъ имѣть вліянія никакого; — это по физикѣ Марьи Өедоровны, а по физикѣ ротмистра — совершенно все равно, лишь бы его борзые не хворали, потому что скоро начнется травля зайцевъ, а до дѣтей ему какое дѣло: на то у нихъ есть мать. Между тѣмъ въ селѣ показалась оспа; нѣжному родителю и въ голову никогда не приходило, что дѣти его изъ такой же плоти и крови, какъ и чужія дѣти и что ихъ такъ же можетъ постигнуть эта язва, какъ и чужихъ, кому не привита оспа; въ Петербургѣ объ этомъ не подумали, а въ деревнѣ и вовсе позабыли, и вотъ дѣти въ оспѣ.

Марья Өедоровна съ горя сама даже слегла въ постель, велѣла заколотить всѣ окна и двери и окуривать покои уксусомъ; у ней у самой заботливый родитель позабылъ привить оспу, а она бѣдная теперь только объ этомъ вспомнила. Вспомнила и захворала, къ тому же еще была и на сносѣ.

Домъ былъ окруженъ куревомъ, какъ зачумленный; дѣтей перенесли къ отцу во флигель. Бѣдный ротмистръ чуть съ ума не сошелъ. Наконецъ все кончилось благополучно, только мальчикъ ослѣпъ, потому что у него и прежде глаза краснѣли и гноились, а дѣвочка — ничего, выходилась, хотя и попорчена была не много. „Это ничего — говорили няньки шопотомъ — заростетъ; слава Богу, что сама барыня захворала, а то и она бы осталась безъ очей, какъ вотъ барчонокъ“.

Между тѣмъ роды близились; въ домѣ все ходило на цыпочкахъ, разумѣется, кромѣ акушерки-професорши, уже мѣсяца три распоряжавшейся какъ въ собственномъ домѣ. Все молчало и трепетало, а благовѣрный ротмистръ, въ ожиданiи, дресировалъ лягаваго щенка. Наконецъ, все кончилось благополучно. Марья Ѳедоровна разрѣшилась сыномъ, который и былъ во-святомъ крещенiи нареченъ Ипполитомъ.

Обрядъ крещенiя былъ совершонъ отцомъ протоiереемъ, нарочно для этого случая привезеннымъ изъ города. Воспринимали младенца кромѣ дворянскаго предводителя, помѣщики и помѣщицы, какiе считались въ околоткѣ поважнѣе, даже и командиръ стрѣлковаго баталiона, въ то время квартировавшаго въ городѣ. Глядя на фалангу воспрiемниковъ и воспрiемницъ, можно было подумать, что ротмистръ для такой радости готовъ съ цѣлымъ свѣтомъ породниться, или по крайней мѣрѣ со всѣмъ уѣздомъ.

Пиръ по этому случаю былъ заданъ на славу; была мысль у ротмистра устроить и сельскiй праздникъ для мужиковъ, но такъ какъ это случилось зимою, то хороводы и отложены до будущаго лѣта, а вмѣсто сельскаго праздника онъ предложилъ своимъ гостямъ кому угодно облаву на медвѣдя; желающими оказались всѣ, не исключая и баталiоннаго командира.

Послѣ родовъ, Марья Ѳедоровна страдала ровно шесть недѣль. Не подумайте только, чтобы она физически страдала; ничего не бывало,— она на третiй день послѣ родовъ готова была на какой угодно гимнастическiй подвигъ; она страдала нравственно и именно потому, что въ домѣ находилась особа, которая распоряжалась совершенно всѣмъ, и даже ею самою; это была акушерка. А для Марьи Ѳедоровны пытки не было хуже, какъ повиноваться кому бы то ни было.

Наконецъ, мучительныя шесть недѣль кончились; съ крестомъ и съ молитвою акушерку выпроводили и двери заперли. Марья Ѳедоровня вздохнула свободно и, принявъ бразды правленiя, велѣла позвать къ себѣ мужа.

Прошло полчаса—супругъ неявляется. Марья Ѳедоровна бѣсится и посылаетъ сказать, что она его ждетъ. Посланный возвратился и сказалъ, что „они только-что побрились и изволятъ одѣваться“.

Надо вамъ замѣтить, что ротмистръ считалъ себя птицей высочайшаго полета и для него этикетъ, даже въ отношенiи жены, былъ чуть ли не первой заповѣдью. У себя дома онъ бирюкъ бирюкомъ; готовъ даже съ собаками и поѣсть изъ одного корыта; но что касается внѣ дома, тутъ онъ совершенная метаморфоза, какъ выражается одинъ мой прiятель.

— Насилу-то выбрились! такъ встрѣтила Марья Ѳедоровна своего ротмистра.

— Нельзя же, другъ мой, приличiе!

— А вотъ что, другъ мой! тутъ не приличiе, а вотъ что, каковы ваши дѣти?

— Слава Богу, ничего.

— Каковъ Коля?

— Ничего, ослѣпъ, совершенно ослѣпъ.

— То-то ослѣпъ. Я вамъ говорила, что нужно будетъ оспу привить, не послушали. (Соврала, никогда не говорила).

— Не помню, когда вы мнѣ говорили, или я забылъ.

— Забыли, сударь, ну, да не въ томъ дѣло, а вотъ что, у васъ тамъ помѣщеніе хорошее для нихъ?

— Не совсѣмъ, другъ мой! тѣсновато.

— Не будетъ тѣсновато, пускай они остаются съ тобою, а бывшую ихъ дѣтскую я велю передѣлать для нашего сына. Понимаете?

— Понимаю, понимаю, мой другъ.

— Да вотъ еще что я хотѣла сказать, прибавила она, послѣ продолжительнаго безмолвія,—нянекъ я беру къ себѣ, а для дѣтей, такъ какъ они уже взрослые, можно будетъ взять двухъ дѣвокъ изъ деревни.

Мужъ охотно согласился. Ему эти няньки не нравились, особенно младшая: дотронуться нельзя, кричитъ какъ будто ее укусили, да еще грозитъ барыней, „а этихъ я заставлю плясать по своей дудкѣ“— въ тихомолку разсуждалъ ротмистръ, подходя къ колыбели спящаго шестинедѣльнаго своего сына.

— Не правда ли, какое милое созданье! говорила Марья Ѳедоровна, приподнимая занавѣску.

— Прекрасное! позволь поцѣловать его, другъ мой!

— Нельзя, разбудишь—и она опустила занавѣску. Ступай теперь домой и пошли ко мнѣ приказчика, я велю привести ко мнѣ всѣхъ дѣвокъ изъ села и выберу нянекъ.

— Зачѣмъ тебѣ безпокоиться, другъ мой, я самъ выберу.

— Хорошо, хорошо, ступайте, я знаю, что дѣлаю.

И супруги разстались.

Отцу сильно не нравилось постоянное пребываніе дѣтей въ его уголкѣ (такъ называлъ онъ свой флигель); все-таки хлопоты, а съ другой стороны пожалуй и нравилось, т. е. нравились будущія няньки, — „вѣдь она не пришлетъ же мнѣ какихъ нибудь Квазимодовъ въ сарафанахъ“, думалъ онъ, и ошибся.

На другой день ввели къ нему во флигель такихъ двухъ красавицъ, что онъ только ахнулъ.

— Ну, одолжила! проговорилъ онъ съ ужасомъ, глядя на неумытыхъ новобранокъ.

— Зачѣмъ вы пришли? спросилъ онъ ихъ.

— Нянъчить, отвѣчали онѣ въ одинъ голосъ.

— Хороши, нечего сказать.

— Какія есть, баринъ.

— Ну хорошо, ступайте домой.

Дѣвки только повернулись къ дверямъ, какъ дверь раствори-

лась и въ комнату вошла сама Марья Θедоровна. Ротмистръ спрятался въ другую комнату, потому что былъ въ утреннемъ пальто.

— Полно дурачиться, говорила входя Марья Θедоровна, я не для комплиментовъ пришла. Надѣньте что нибудь, да выйдите скорѣе ко мнѣ.

Ротмистръ явился въ форменномъ сюртукѣ и ловко раскланялся, спрашивая о здоровьѣ и самой Марьи Θедоровны и новорожденнаго.

— Ничего, слава Богу, здоровы, а ваши каковы?

— Ничего, слава Богу.

— Покажите-ка мнѣ ихъ, а вотъ прошу любить и жаловать, говорила она, показывая нянекъ.

— Другъ мой, да откуда ты выкопала этихъ уродовъ?

— Ничего, достоинство няньки не въ красотѣ, а въ кротости— пойдемте.

Пройдя сѣни, они вошли въ большую комнату, наполненную щенками всѣхъ породъ и возрастовъ. Когда Марья Θедоровна зажала носъ платкомъ, ротмистръ проговорилъ:

— Ничего, другъ мой, я привыкъ, это моя страсть.

За комнатою со щенками находилось что-то въ родѣ чулана,— это была комната нянекъ, а за чуланомъ уже растворилась дѣтская, не многимъ больше чулана, объ одномъ окнѣ комната. Полуодѣтыя дѣти и няньки съ ними играли въ жмурки, т. е. они прятались, а слѣпой Коля ихъ искалъ; когда вошла въ комнату Марья Θедоровна, няньки остолбенѣли, а маленькая Лиза схватила слѣпого брата за руку и шепнула ему — „мама". Коля задрожалъ и сталъ прятаться за сестру, а сестра, въ свою очередь, за брата.

Марья Θедоровна быстро оглянула комнату и едва замѣтно улыбнулась, потомъ обратясь къ дѣтямъ проговорила:

— Не бойтесь меня, мои крошечки, я вамъ гостинца принесла. И она имъ вынула по леденцу изъ ридикюля. Подавая Колѣ леденецъ, она хотѣла заплакать, но улыбнулась и сказала:

— Бѣдное созданіе. Что вы съ нимъ намѣрены дѣлать? спросила она мужа.

— Ничего, отвѣчалъ тотъ равнодушно.

Послѣ этого она обратилась къ нянькамъ и сказала:

— А вы дуры! только знаете дѣтей баловать, убирайтесь вонъ отсюда, а вы мои милыя оставайтесь здѣсь вмѣсто ихъ,—прибавила она, обращаясь къ новобранкамъ.

— Слышимъ барыня, отвѣчали онѣ и начали снимать свои зипуны.

— Мнѣ пора и я думаю мой генералъ уже проснулся. Прощайте мои крошки, сказала Марья Θедоровна, обращаясь къ дѣтямъ,—пойдемте, приказала она прежнимъ нянькамъ и, закрывши носъ, вышла изъ дѣтской.

Ротмистръ молча пошелъ въ слѣдъ за нею, но въ большой ком-

натѣ, окруженный разномастными и разнородными щенятами, остановился въ раздумьи, и вдругъ, какъ бы осѣненный мыслію свыше, хлопнулъ себя ладонью по узенькому лбу и воскликнулъ:

— Нѣтъ, другъ мой, этому не бывать! Я въ твои дѣла не мѣшаюсь, такъ не мѣшайся же ты и въ мои,—и съ этимъ словомъ онъ вышелъ изъ комнаты, не обращая ни малѣйшаго вниманія на визгъ щенятъ.

До самаго почти обѣда ходилъ онъ по кабинету, заложа руки за спину, или останавливаясь передъ мишенью и складывалъ руки на груди à la Napoleon и даже позицію принималъ Наполеона. Въ этомъ положеніи онъ былъ невыразимо смѣшонъ. Центръ мишени казалось поглощалъ всего его, такъ онъ пристально вперилъ въ него свои сѣренькіе безсмысленные глазки.

Нѣсколько разъ брался онъ за пистолетъ, отходилъ отъ мишени къ стулу, становился въ позицію, прицѣливался и опускалъ пистолетъ безъ выстрѣла.

— Нѣтъ не могу! Проговоривши это самымъ отчаяннымъ голосомъ, долго теръ себѣ ладонью лобъ, потомъ опускалъ руки въ карманы и принимался ходить взадъ и впередъ.

Наконецъ, спросилъ онъ себѣ побриться, потомъ умылся розовой водой, одѣлся самымъ изысканнымъ манеромъ, остановился передъ трюмо, принялъ важную позу и грозную физіономію, посмотрѣлся нѣсколько минутъ, взялъ шляпу и пошелъ къ женѣ объясняться, какъ онъ думалъ, по поводу семейныхъ неудовольствій (подъ этимъ словомъ онъ разумѣлъ безобразныхъ нянекъ).

Марья Өедоровна предвидѣла это критическое посѣщеніе и приготовилась. Она надѣла темносинее бархатное платье, въ которомъ ротмистръ такъ любилъ ее видѣть, и взявши малютку на руки встрѣтила его въ гостинной.

Грозный юпитеръ исчезъ и передъ нею стоялъ самый обыкновенный ротмистръ и сладко улыбался.

— Скажи душенька, „bonjour papa“, говорила она, цѣлуя ребенка, и поднося его мужу—теперь и ты, другъ мой, можешь его поцѣловать.

Ротмистръ безмолвно приложился.

— А знаешь ли, другъ мой, какой я сонъ сегодня видѣла? Будто бы твой Коля и нашъ Ипполитъ уже взрослые и оба гусары—и какіе молодцы! Просто прелесть, особенно Ипполитъ, двѣ капли воды на тебя похожъ. А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, прибавила она, лукаво улыбаясь, если всмотрѣться въ него хорошенько, онъ дѣйствительно будетъ на тебя похожъ—милочка!—и она восторженно поцѣловала ребенка.

Послѣ этого, все что тлѣло въ маленькомъ сердцѣ ротмистра, совершенно погасло; даже няньки представлялись ему благообразнѣе, нежели были на самомъ дѣлѣ.

— Надѣюсь, ты сегодня у меня обѣдаешь? сказала Марья Өедоровна, уходя съ ребенкомъ въ дѣтскую.

— Съ удовольствіемъ, мой другъ! проговорилъ ротмистръ; но другъ его уже былъ въ третьей комнатѣ и ничего не слышалъ.

Ротмистръ былъ совершенно счастливъ и, развалясь въ широкихъ мягкихъ креслахъ самымъ великосвѣтскимъ манеромъ, совершенно безпечно насвистывалъ изъ Фрейшюца пѣсню—„Ахъ чтобъ было безъ вина"—и билъ тактъ лайковой палевой перчаткой по колѣну.

Марья Өедоровна вышла къ обѣду уже въ другомъ платьѣ, не менѣе прежняго великолѣпномъ. Это переодѣванье окончательно уничтожило бѣднаго ротмистра, потому что было совершенно въ тонѣ высшаго общества, котораго ротмистръ считалъ себя (Аллахъ вѣдаетъ почему) не послѣднимъ членомъ.

Послѣ обѣда, они разстались, какъ разстаются самые нѣжные супруги въ первый день послѣ свадьбы; въ заключеніе даже поцѣловались, а такого происшествія бѣдный ротмистръ и не запомнитъ.

Придя домой, онъ, не раздѣваясь, перецѣловалъ отъ восторга всѣхъ щенятъ, а о дѣтяхъ даже и не подумалъ. Раздѣвшись, погрузился онъ въ мягкую перину и полежавши не много тяжело вздохнулъ; а о чемъ онъ тяжело вздохнулъ, Богъ его вѣдаетъ.

Убаюкавши такимъ образомъ на первый разъ своего мужичкадурачка, Марья Өедоровна продолжала туже тактику до тѣхъ поръ, пока онъ не освоился совершенно съ безобразными няньками. Она тогда повела съ нимъ другую политику, посылая его съ визитами къ сосѣдямъ, чтобы не одичалъ и съ добрыми людьми не раззнакомился;—„и я бы поѣхала съ тобой, прибавляла она, но ты видишь у меня ребенокъ на рукахъ, его нельзя же бросить".

— Правда мой другъ, отвѣчалъ онъ, ты оставайся съ нимъ; онъ такой милый крошка, я за тебя передъ нашими добрыми сосѣдками извинюсь.

— Только вотъ что! говорила она, когда онъ собирался кому визитъ дѣлать, ты пожалуйста никого не приглашай къ себѣ пока я кормлю (она сама кормила своего сына).

— Никого другъ мой, увѣрялъ онъ, садясь въ коляску и разъ выѣхавши изъ дому, не возвращался въ него по мѣсяцу, а иногда и по два; гдѣ онъ пропадалъ, объ этомъ знали только его вѣрные слуги кучеръ и лакей. Они можетъ быть и разсказали бы барынѣ о нѣкоторыхъ любопытныхъ похожденіяхъ своего шаловливаго барина, напримѣръ въ губернскомъ городѣ, въ разныхъ трактирахъ; да барыня ихъ объ этомъ не спрашивала; ей какое дѣло до любопытныхъ похожденій своего пустоголоваго мужа; она вѣрными шагами подвигается къ своей цѣли и совершенно довольна.

А цѣль ея была такая... Но нѣтъ, зачѣмъ прежде времени развязывать торбу. Можетъ быть тамъ, Боже сохрани, такое спрятано, что совѣстно и подумать, а не то что прежде времени показывать да

разсказывать. Лучше уже, если начали читать мои терпѣливые читатели, то читайте до конца; тогда и сами узнаете, какого сорта сатана сидѣлъ въ прекрасной головѣ Марьи Ѳедоровны.

Одна изъ безобразныхъ нянекъ, та, которая была неуклюжѣе и безобразнѣе, оказалась доброю и скромною женщиною, и Марья Ѳедоровна, замѣтя это, наказала ей строго смотрѣть только за Лизанькою, а къ Колѣ не подходить. Той же, которая была грубѣе, и злѣе и прожорливѣе, наказала строго смотрѣть за слѣпымъ Колей и не давать ему шалить, а главное обѣдать. Бѣдный, несчастный мальчикъ давно бы умеръ съ голоду, если бы сестра и ея нянька не оставляли для него отъ своего обѣда и не кормили его тихонько по ночамъ, когда его прожорливая нянька спала.

Ротмистру такъ понравились визиты, что онъ въ домъ къ себѣ и не заглядывалъ; когда же ему случалось быть гдѣ нибудь поближе, то лишь пришлетъ записку, попроситъ денегъ, бѣлья или чего тамъ понадобится; разумѣется ему все это отпускалось безпрекословно.

III.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ, т. е. года три или четыре все шло своимъ чередомъ, или, правильнѣе, какъ угодно было Марьѣ Ѳедоровнѣ.

Однажды, это было осенью, не помню въ которомъ мѣсяцѣ, барская коляска подъѣхала къ дому и ротмистра изъ нея не высадили, какъ это обыкновенно дѣлалось, а вынесли на рукахъ, какъ это дѣлается только въ критическихъ случаяхъ. Марья Ѳедоровна, увидя это, злобно улыбнулась; она подумала, что пьянъ, потому что только этой еще добродѣтели ему и недоставало, а теперь и ею украшенъ. Оказалось однакожъ то, чего Марья Ѳедоровна и не подозрѣвала.

Дѣло въ томъ, что къ одному богатому сосѣду, по случаю какого-то семейнаго праздника, съѣхались гости, въ томъ числѣ и нашъ ротмистръ. Послѣ разныхъ увеселеній, собралась порядочная кавалькада охотниковъ и отправилась въ поле русаковъ попугать. Разумѣется, ротмистръ былъ тутъ изъ нервыхъ; онъ даже хотѣлъ было за своими борзыми послать, но ему замѣтили, что это невѣжливо и онъ пустился съ чужими. Случилось такъ, что онъ первый поднялъ зайца. Вотъ онъ и пустился во весь опоръ вслѣдъ за борзыми; только на его несчастіе встрѣтилась на пути канава; борзые то ее перепрыгнули, а лошадь съ всадникомъ прямо въ канаву, да собой его и накрыла. Къ тому же еще, въ канавѣ была вода, уже покрытая тонкимъ льдомъ. Бѣднякъ кромѣ того, что ушибся, еще и въ холодной водѣ окунулся, такъ что когда его вытащили оттуда, то онъ уже едва дышалъ; въ этомъ положеніи его и домой привезли.

Такъ вотъ какая случилась исторія.

Сейчасъ же послали въ городъ за медикомъ, а на другой день и за попомъ. На третій день, передъ вечеромъ, благословивъ своихъ несчастныхъ дѣтей и поручивъ ихъ блюденію и заступничеству Марьи Ѳедоровны, ротмистръ послалъ свою гусарскую душу на лоно Авраамле.

Какъ ни кратковременна была его болѣзнь, однакожъ Марья Ѳедоровна успѣла сдѣлать форменно все, что нужно было для обезпеченія своей будущности, и своего сына, т. е. онъ сдѣлался третьимъ наслѣдникомъ общаго имѣнія, а она и опекуншей и полной хозяйкой во всемъ.

Марья Ѳедоровна похоронила своего обожаемаго супруга въ тѣни березовой рощи, близь прозрачнаго пруда, и при похоронахъ выказала необыкновенныя сценическія способности. Она такъ хорошо сыграла роль неутѣшной вдовы, что самые равнодушные сосѣди, глядя на нее, рыдали, а бѣдныхъ сиротокъ, особенно Колю, чуть въ слезахъ не утопила, а поцѣлуямъ и числа не было и еслибъ сострадательные сосѣди не удержали ее, она бы непремѣнно бросилась въ могилу; но спасибо не допустили, а взяли ее на руки и почти мертвую внесли въ домъ; уже тамъ на силу привели ее въ чувство нашатырнымъ спиртомъ (одеколонъ не помогалъ).

Когда же она очнулась, увидѣла себя одну въ своей спальнѣ и услышала отдаленные голоса поминающихъ сосѣдей, то едва замѣтно улыбнулась и шопотомъ проговорила:

— Главное само собою устроилось, а ихъ я сама пристрою,—и, вставши съ постели, она тихонько пошла въ дѣтскую къ своему милому Ипполиту.

Около вечера гости навеселѣ разъѣхались по своимъ захолустьямъ, совершенно увѣренные, что Марья Ѳедоровна самая несчастная женщина во всемъ мірѣ.

А Марья Ѳедоровна, чтобы увѣрить ихъ еще больше въ своемъ ни чѣмъ не утѣшимомъ горѣ, на другой день велѣла согнать со всего села бабъ и дѣвокъ съ лопатами и мѣшками, а мужиковъ не трогать. „Они пусть дѣлаютъ свое дѣло“, сказала она.

Когда собрались дѣвки и бабы съ помянутыми орудіями, она вся въ черномъ, и со слезами на глазахъ, повела ихъ на могилу своего незабвеннаго ротмистра и повелѣла (подобно Ольгѣ надъ Игоремъ) сыпать курганъ. Работа началась и впродолженіи двухъ или трехъ недѣль огромный черный курганъ высился надъ прахомъ незабвеннаго ротмистра. Марья Ѳедоровна сама лично распоряжалась работами и при работахъ рѣкою разливалась, какъ говорили простосердечныя работницы; но искреннѣе и чистосердечнѣе никто не плакалъ и не проклиналъ и покойника и Марью Ѳедоровну, какъ сами работницы и, правду сказать, онѣ на это имѣли полное право. Морозы уже доходили до 10-ти градусовъ; онѣ бѣдныя выходили на работу, какъ говорится, въ чемъ Богъ послалъ, и на все это чув-

ствительная и неутѣшная Марья Θедоровна смотрѣла совершенно равнодушно. Смѣло можно сказать, что этотъ памятникъ любви и воспоминаній былъ политъ самыми непритворными слезами.

Въ скоромъ времени разнесся по всѣму уѣзду и по всей губерніи слухъ, что Марья Θедоровна такая-то не показывается своимъ людямъ, и выходитъ изъ дому по ночамъ на могилу своего мужа и тамъ плачетъ отъ вечерней до утренней зари.

Она дѣйствительно выходила по ночамъ, не смотря ни на какую погоду, на курганъ и тамъ, не скажу плакала, а вовсеуслышаніе выла.

Такъ она ходила выть на могилу до тѣхъ поръ, пока сердобольныя сосѣдки, утѣшая, не напомнили ей о Лизѣ и Колѣ.

Тутъ она какъ бы опомнилась. „Проклятыя пріятельницы, подумала она, будто я не знаю что дѣлаю.“ Однако, дѣлать нечего, нужно было перемѣнить роль, и изъ нѣжной супруги сдѣлаться нѣжной матерью.

Немедля ни мало, она разослала просить къ себѣ на прощальный праздникъ мелкопомѣстныхъ и крупнорѣчивыхъ своихъ сосѣдокъ,— потому, дескать, случаю, что она, Марья Θедоровна, везетъ барышню въ Смольный монастырь и желаетъ проститься съ своими добрыми сосѣдками, а что сама она потому-де ихъ не можетъ посѣтить, что съ дѣтьми постоянно занята.

Слетѣлись сосѣдки, погостили, позлословили денька два, и разлетѣлись по уѣзду, благовѣстить о безпримѣрныхъ добродѣтеляхъ Марьи Θедоровны и объ истинно ангельской прелести и скромности Лизы. Лиза была просто деревенская дѣвочка, и въ добавокъ загнанная.

Марья Θедоровна была въ восторгѣ отъ своей выдумки и черезъ недѣлю послѣ прощальнаго пира, въ одно прекрасное утро, велѣла заложить тройку въ крытую бричку, въ которой покойникъ ѣздилъ по ярмаркамъ, когда былъ еще ремонтеромъ. Она взяла съ собою своего малолѣтнаго Ипполита, безмолвную Лизу и больше никого: ни слуги, ни служанки. Совершенно на легкѣ отправилась она въ Петербургъ опредѣлить Лизу въ Смольный, или въ Екатерининскій институтъ.

Пріѣхавши въ Петербургъ, она остановилась на любимыхъ своихъ Пескахъ, у задушевной своей пріятельницы, Юліи Карловны Шошеръ, „ведки изъ Випорхъ.“

Эта Юлія Карловна Шошеръ была вдова чиновника 14 класса и имѣла на Пескахъ свой собственный домикъ съ мезониномъ. Кромѣ доходовъ съ домика, она получала еще за свои профессіи порядочный доходъ, а профессіи ея были разныя. Она и поношеннымъ дамскимъ платьемъ торговала, и лотерейные билеты разносила, и дѣтей принимала, и сватала, и просто... да мало ли какія есть на свѣтѣ профессіи, всѣхъ не перечтешь.

На счастье Марьи Өедоровны мезонинъ былъ пустой: она и расположилась въ немъ.

Въ нижнемъ этажѣ этого дома, въ четыре окна и съ дверью на улицу, помѣщалось что-то въ родѣ моднаго магазина. Хотя и трудно предполагать подобное явленіе на Пескахъ, но я думаю, что это былъ дѣйствительно модный магазинъ, а не что нибудь другое, потому, что на одномъ окнѣ постоянно торчала на болванчикѣ шляпка, а въ прочихъ окнахъ, тоже постоянно, красовались молодыя румяныя дѣвицы съ какою нибудь работою въ рукахъ.

Марьѣ Өедоровнѣ сама судьба помогала; она только и думала о подобномъ заведеніи, а оно само очутилось подъ носомъ.

Она позвала къ себѣ Юлію Карловну.

— Юлія Карловна, спросила она, а кто это у васъ въ домѣ содержитъ модный магазинъ?

— Моя землячка, тоже изъ Випорхъ и тоже чиновница Каролина Карловна Шпекъ.

— Я привезла съ собою крѣпостную дѣвушку, чтобы отдать въ модный магазинъ, такъ чѣмъ далеко ходить, поговорите съ нею, не хочетъ ли она взять у меня эту дѣвушку; только мнѣ бы не хотѣлось платить за нее, а не можетъ ли она взять на число лѣтъ т. е. съ заслугой.

— Можетъ, очень можетъ, она прекрасная, преблагородная дама. Я сейчасъ пойду къ ней.

И Юлія Карловна, сходя внизъ по узенькой лѣстницѣ, коварно улыбалась, быть можетъ расчитывая на будущій барышъ, потому что она вдвоемъ съ Каролиной Карловной содержала двухсмысленный модный магазинъ.

На другой же день былъ заключенъ контрактъ. Лиза, вмѣсто Смольнаго монастыря, была отдана подъ видомъ крѣпостной дѣвки Акулины на десять лѣтъ въ руки корыстолюбивой, старой, отвратительной чухонки. Когда Лизу взяла къ себѣ Каролина Карловна и назвала ее въ первой разъ Акулькой, бѣдная дѣвочка заплакала и сказала, что она не Акулька, а Лиза; ее выпорили и бѣдная Лиза согласилась, что она дѣйствительно Акулька, а не Лиза.

Пристроивши такимъ образомъ Лизу, Марья Өедоровна заказала для своего милаго Ипполита нѣсколько паръ дѣтскаго платья, разнаго покроя и на разный возрастъ до четырнадцати лѣтъ.

Когда платье было готово, она, чтобы не проживаться даромъ въ столицѣ, поспѣшно собралась и уѣхала, поцѣловавъ и благословивъ бѣдную Лизу на безотрадную, сиротскую, мученическую жизнь.

Сосѣдки удивились, когда пронеслась вѣсть, что Марья Өедоровна возвратилась изъ Петербурга и, разумѣется, въ запуски полетѣти поздравлять Марью Өедоровну съ благополучнымъ успѣхомъ; когда стали онѣ удивляться, что такъ скоро все случилось, она понесла имъ такіе турусы на колесахъ, что тѣ слушали да только ахали.

Между прочимъ она разсказывала, что самъ управляющій женскими заведеніями, Лонгиновъ, какъ только она подала прошеніе, пріѣхалъ къ ней на квартиру и взявши съ собою Лизу самъ повезъ ее прямо въ Екатерининскій институтъ.

Простодушные сосѣди, принявъ все это за чистую монету, разъѣхались по уѣзду и усердно, съ разными прибавленіями, передавали всѣмъ и каждому то, что наговорила имъ Марья Өедоровна.

А Марья Өедоровна, отдохнувши послѣ дороги, занялась хозяйствомъ т. е. повѣрила прикащика, ключницу и прочихъ должностныхъ лицъ, при чемъ вошла въ мельчайшія экономическія подробности, какъ самая опытная хозяйка. Нужно замѣтить, что при жизни мужа она была расчетлива и бережлива, а со смертію его сдѣлалась настоящимъ скаредомъ, нодъ тѣмъ предлогомъ, что все это не ея, что она только опекунша бѣдныхъ сиротъ, и что за каждую утраченную кроху, она должна отвѣчать передъ Богомъ. Часы же досуга она посвящала на одѣванье и раздѣванье въ привезеннные изъ Петербурга наряды своего ненагляднаго Ипполита.

Когда Лизу увезли въ Петербургъ, слѣпой Коля совершенно осиротѣлъ и положеніе его сдѣлалось еще хуже. Тогда бывало или сестра, или ея нянька, ему бѣдному хоть что нибудь оставятъ ѣсть, а теперь приносятъ ему оглодки изъ дому, да и тѣ его прожорливая нянька истребляетъ, а сама запретъ его въ комнатѣ, да и уйдетъ на цѣлый день въ село на посидѣлки; хорошо еще если иногда щенка броситъ ему въ комнату, все таки лучше,—покрайней мѣрѣ онъ слышитъ живое что-то около себя.

Въ короткое время онъ бѣдный такъ исхудалъ и пожелтѣлъ, что даже Марья Өедоровна испугалась, когда его однажды случайно увидѣла. Но она только испугалась, а положеніе его все-таки не улучшила. Правда прислала она ему новый демикотоновый сюртукъ сшитый на выростъ и такіе же брючки.

Въ этой-то великолѣпной обновѣ, нянька повела его въ село показать своимъ родственникамъ; родственники должно быть были люди мягкосердые и зажиточные, накормили его кашей съ молокомъ и на дорогу дали ватрушку, которая не достигла своего назначенія, будучи вырвана изъ рукъ у него хитрою собакою.

На другой день Коля упросилъ няньку взять его съ собою въ гости. Дорогой, она вспомнила, что ей нужно зайти туда, куда почему-то ей не хотѣлось вести Колю; вотъ она и усадила его подъ заборомъ на улицѣ, наказавъ не сходить съ мѣста,—„иначе тебя собаки съѣдятъ". Распорядившись такимъ образомъ, она пошла къ своей знакомой, да тамъ и пропала.

Долго Коля сидѣлъ подъ заборомъ молча, и только тихо улыбался когда поворачивалъ лицо къ солнцу: наконецъ онъ началъ плакать, сначала тихо, а потомъ громко. На плачъ его сбѣжались деревенскія дѣти и, окруживъ его, долго смотрѣли на него, не зная кто онъ и

откуда. Наконецъ, два три мальчика по взрослѣе предложили ему идти къ себѣ въ избу, но онъ отвѣчалъ имъ, что онъ слѣпой и дороги не видитъ. Одинъ мальчуганъ по-бойчѣе взялъ его за руку и повелъ къ своей избѣ, а дорогой для потѣхи товарищей заставлялъ его на ровномъ мѣстѣ скакать, говоря: „скачи, здѣсь яма, или лужа“.

Послѣ многихъ перескоковъ, наконецъ привелъ его мальчикъ въ свою избу. Здѣсь старуха накормила его щами и пирогомъ съ кашей, а потомъ отвела на барскій дворъ и представила самой Марьѣ Өедоровнѣ, которая въ предупрежденіе несчастія, могущаго случиться отъ повторенія подобнаго своевольства, велѣла его выпороть хорошенько при себѣ лично, чтобъ не бродяжничалъ.

Долго послѣ этого бѣдный Коля не выходилъ изъ своей конуры.

Однажды, въ воскресенье, благовѣстили къ обѣдни, и звуки колокола тихо долетали до бѣднаго Коли. Онъ молча съ улыбкою слушалъ пока звуки затихли, а потомъ спросилъ свою няньку:

— Что это такое гудѣло?

— Вишь гудѣло, это не гудѣло, а къ обѣдни благовѣстили, отвѣчала съ неудовольствіемъ нянька.

— Къ какой обѣдни? не много помолчавъ спросилъ ее Коля.

— Извѣстно къ какой, Богу молиться, въ церкви.

— Въ какой церкви?

— Въ какой? вонъ что въ селѣ.

— Пойдемъ и мы туда.

— А забылъ какъ анамедни... Хочешь еще?

Коля вздрогнулъ и замолчалъ.

Каждый день Коля прислушивался, но звуки колокола не долетали до его конуры. Наконецъ, въ слѣдующее воскресенье онъ опять ихъ услышалъ и радостно вскрикнулъ—„опять загудѣло!“

— Нянюшка! голубушка! родная ты моя, обратился онъ къ нянькѣ—поведи меня въ церковь.

И онъ такъ жалобно и трогательно просилъ ее, что та наконецъ тронулась его мольбами и пріодѣвши его во что Богъ послалъ, повела въ церковь.

Въ продолженіи обѣдни Коля стоялъ какъ окаменѣлый; его сильно поразило никогда неслыханное пѣніе и чтеніе и когда прерывалось то или другое, онъ, какъ бы все еще слушая, тихонько склонялъ голову и едва замѣтно улыбался. Обѣдня кончилась, а онъ все еще стоялъ на одномъ мѣстѣ и дожидался пѣнія; наконецъ, нянька взяла его за руку и вывела изъ церкви, сказавши, что для него другой обѣдни не будутъ пѣть.

Мужички дивились на своего слѣпого барчонка тѣмъ болѣе, что ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ, чтобы онъ хоть разъ въ церкви перекрестился. Первое, чему учитъ мать христіанка едва начинающее лепетать дитя свое, это складывать три пальчика, креститься и произносить слово „Бозя“.

У бѣднаго Коли рано взяла судьба эту нѣжную наставницу, а мачиха объ этомъ забыла, и такъ онъ уже взрослый мальчикъ не зналъ ни одной молитвы и не умѣлъ даже перекреститься.

Священникъ не могъ и подозрѣвать этого, такъ какъ являлся въ домъ только въ извѣстные дни въ году; ему платили какъ медику за визитъ и больше ничего. Впрочемъ, большая часть нашихъ помѣщиковъ, на такомъ точно растояніи, какъ и Марья Ѳедоровна, держатъ сельскихъ священниковъ; это невыразимо грустная правда.

Послѣ обѣдни, священникъ зазвалъ къ себѣ Колю, познакомилъ его съ своимъ сыномъ Ванюшей, годомъ старше Коли, покормилъ обѣдомъ, далъ ему просфорку и наказалъ нянькѣ, чтобы она его каждое воскресенье приводила къ обѣднѣ.

Недѣлю цѣлую Коля почти не спалъ, все прислушивался къ звуку колокола; наконецъ дождался: въ слѣдующее воскресенье зазвонили къ заутрени и онъ въ восторгѣ закричалъ: „Къ обѣднѣ! къ обѣднѣ, пойдемъ няня!“ А няня его спала; онъ ощупалъ ея постель, разбудилъ ее и просилъ, чтобы она вела его въ церковь.

— Ахъ ты полуночникъ неугомонный! закричала нянька съ просонья, какая теперь церковь, благо слѣпой, такъ тебѣ все равно, ночь ли, день ли.

И, поворотившись на другой бокъ, она сейчасъ же захрапѣла. Коля, немного помолчавъ, принялся плакать и проплакалъ до благовѣста къ обѣдни. Тутъ снова онъ принялся просить свою няньку, чтобы вела его въ церковь. На этотъ разъ нянька согласилась.

Священникъ зазвалъ его послѣ обѣдни опять къ себѣ, угощалъ по прежнему обѣдомъ и наказывалъ, чтобы онъ не лѣнился посѣщать храмъ Божій. Коля сказалъ ему, что онъ готовъ идти въ церковь какъ только колоколъ заслышитъ, но что нянька не хочетъ его вести. Священникъ пригрозилъ нянькѣ, что если она его не будетъ водить въ церковь, то онъ ей причастія не дастъ. Нянька испугалась и съ тѣхъ поръ Коля послѣ первыхъ же ударовъ въ колоколъ исправно являлся въ церковь.

Прошло не болѣе полугода съ тѣхъ поръ, какъ Коля началъ посѣщать церковь и священника, а зналъ уже наизусть заутреню, обѣдню и вечерню, нѣсколько десятковъ псалмовъ, всѣ воскресныя евангелія и почти всѣ посланія апостола Павла. Ванюша поповичъ, подружившись съ нимъ, выучилъ его наизусть молитвы утреннія и на сонъ грядущій. Кромѣ всего этого, Коля уже не нуждался въ провожатомъ, самъ ходилъ и въ церковь и изъ церкви, заходилъ къ священнику и отъ него возвращался въ свою конуру совершенно какъ зрячій, такъ что нянькѣ оставалось только спать.

Иногда приходилъ къ нему въ гости Ванюша поповичъ и приносилъ съ собою или псалтырь, или священную исторію, а если была погода хорошая, то они гуляли по саду, или купались въ прудѣ.

Такъ прошло еще лѣто. Ванюшу поповича отвезли въ семинарію.

Бѣдный Коля опять осиротѣлъ; но за то читалъ наизусть псалтырь, священную исторію, и изучилъ всѣ тропинки въ саду.

Марья Өедоровна зорко слѣдила за его необыкновенными способностями и не мѣшала имъ развиваться, не видя въ томъ никакого препятствія сдѣлать со временемъ Ипполита настоящимъ хозяиномъ имѣнія.

Однажды, священникъ, проэкзаменовавъ Колю въ первой каѳизмѣ, заставилъ его прочесть ее въ церкви въ субботу за вечерней. Коля прочиталъ, какъ будто бы по книгѣ; въ воскресенье прочиталъ за утреннею первый часъ, а за обѣдней часы и 25-й псаломъ. Прихожане и самъ священникъ восхищались чтеніемъ Коли, только нѣкоторые набожныя старушки замѣтили, что хорошо-де слѣпой барчонокъ читаетъ, только больно жалостливо.

Церковь для его души сдѣлалась единственнымъ прибѣжищемъ, куда онъ приходилъ какъ бы къ самому милому другу, какъ къ самой нѣжной матери. Возвышенные, простые наши церковные напѣвы потрясали и проникали все существо его, а божественная мелодія и восторженный лиризмъ псалмовъ Давыдовыхъ возносили его непорочную душу превыше небесъ.

Такъ укрѣплялась и мужала его дѣтская душа для грядущихъ страданій.

Священникъ, и въ особенности причтъ церковный, полюбили его какъ безмезднаго и самаго усерднаго помощника. Часто, напримѣръ, случалось, что онъ придетъ и сидитъ около колокольни въ ожиданіи вечерни или заутрени; пономарь, принявъ благословеніе отъ священника на благовѣстъ къ вечерни, отпираетъ церковь, а Колю посылаетъ на колокольню благовѣстить, онъ и благовѣститъ себѣ, пока трижды пятидесятый псаломъ не прочитаетъ.

Или случится покойникъ въ селѣ, дьячка просятъ псалтырь прочитать надъ покойникомъ, а дьячокъ попроситъ Колю и Коля, взявшись за полу или за палку, идетъ за мужикомъ куда его приведутъ; придетъ, станетъ, прочитаетъ „трисвятое“, „пріидите“ и начнетъ съ „Блаженъ мужъ“ даже до „малъ бѣхъ“, хоть бы тебѣ въ одномъ словѣ ошибся, а старушки, слушая его, плачутъ, потому что онъ читалъ чрезвычайно выразительно, и въ голосѣ его было что-то задушевное, трогательное.

Какъ же его было не любить причетникамъ?

А бывало, когда настанетъ великій постъ, то онъ по цѣлымъ днямъ и домой не приходилъ; зайдетъ къ дьячку или священнику, пообѣдаетъ, а тамъ глядишь и наповечеріе пора благовѣстить; послѣ благовѣсту становится по рединѣ церкви и начинаетъ читать большое повечеріе, и когда дойдетъ до „съ нами Богъ“ остановится, переведетъ духъ и чистымъ сердечнымъ тенoромъ съ растановкою прочитаетъ: „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“.

Безъ сердечнаго умиленія слушать нельзя было, какъ онъ прочитывалъ эту молитву.

Послѣ повечерія, когда Коля вмѣстѣ съ дьячкомъ и священникомъ тихо и уныло пѣлъ „Все упованіе мое на тя, матерь Божія“ рѣдкій изъ прихожанъ, выходя изъ церкви, не плакалъ.

Марья Ѳедоровна видѣла въ Колѣ слѣпого идіота и больше ничего, не мѣшала ему хоть даже поселиться на колокольнѣ, если захочетъ. Одѣвала она его, по ея мнѣнію, для слѣпца даже франтовски т. е. двѣ пары демикотоноваго платья въ продолженіи года, полдюжины рубахъ домашняго холста и прочее, чего-жъ больше. Квартира цѣлый флигель, по ея выраженію, хоть собакъ гоняй, одно только, что Богъ зрѣніе отнялъ,—такъ она этому непричастна.

Сосѣдки сначала говорили ей, что не мѣшало бы его отдать въ институтъ слѣпыхъ все-таки лучше.

— Э, матушки! отвѣчала она имъ. Зрѣнія ему не возвратятъ, а слѣпого чему они научатъ?

Сосѣдки, разумѣется, противорѣчить не смѣли, и единогласно соглашались съ такими практическими доводами.

Вслѣдствіе такой-то политики, Коля былъ предоставленъ на произволъ случая и отъ этого вышло хорошо. Случай сроднилъ его невинную, воспріимчивую душу съ святыми словами и звуками, и онъ, возвышаясь духомъ въ звукахъ божественной гармоніи, былъ тысячу разъ счастливѣе тысячи тысячей зрячихъ людей, чего разумѣется Марья Ѳедоровна не могла подозрѣвать, а иначе она, пожалуй, запирала бы его въ своей конурѣ на время богослуженія.

Такъ какъ для него несуществовало дня, то Коля часто проводилъ лѣтнія ночи или въ саду, или подъ колокольнею, читая въ слухъ свой любимый псаломъ: „Не ревнуй лукавствующихъ, ниже, завидуй творящимъ беззаконіе“.

Крестьяне сначала боялись ходить ночью мимо колокольни, думали, что мертвецъ какой нибудь не отпѣтый самъ по себѣ отходную читаетъ; но послѣ, когда узнали, что это слѣпой барчонокъ пробавляется, то проходили въ полночь мимо церкви даже и не крестясь.

Ипполитушка тоже выросталъ какъ пресловутый богатырь, не подпямъ, а по часамъ, и купался, какъ говорится, словно сыръ въ маслѣ. Зачерствѣлая ко всему, Марья Ѳедоровна къ сыну своему была безконечно нѣжна, позволяла ему все, что только обыкновенно позволяетъ ребенку глуполюбящая мать. Она и не думала начинать его учить грамотѣ; „выучится еще — говорила она сосѣдкамъ, за чѣмъ прежде времени изнурять дитя“. И вотъ Ипполитушка продолжалъ развиваться между няньками и горничными.

Однакожъ, все-таки въ одно прекрасное утро Марья Ѳедоровна послала въ экономическую контору за писаремъ Ѳедькою и велѣла ему учить Ипполитеньку грамотѣ, „такъ, для проформы“ говорила она.

Ипполитушка, кромѣ того, что былъ самый избалованный ребенокъ—оказался еще и необыкновенно тупъ. Ученику разумѣется ничего, а крѣпостного учителя таки частенько водили на конюшню (а на конюшню извѣстно зачѣмъ водятъ). Бѣдный Ѳедька мучился, мучился съ своимъ пустолобымъ ученикомъ, наконецъ, хватился за умъ. Однажды Ипполитушка въ числѣ игрушекъ принесъ въ учебную комнату и нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ. Ѳедька смекнулъ дѣломъ, распросилъ ученика откуда онъ взялъ эти кругленькіе игрушки; тотъ сказалъ ему, что у маменьки подъ кроватью въ сундукѣ полный мѣшокъ лежитъ этихъ игрушекъ.

— Такъ вотъ что, Ипполитенька—сказалъ вкрадчиво Ѳедька, хотите вы совсѣмъ не учиться?

— Хочу, отвѣчалъ ученикъ весело.

— Такъ подарите мнѣ сегодня эти игрушки и ступайте гулять на цѣлый день, а завтра, когда придете учиться, то принесите еще, и если можно захватите побольше, только смотрите, чтобы маменька не видала, а то она все-таки будетъ заставлять васъ учиться.

Напрасно наставникъ хлопоталъ; ученикъ уже давно имѣлъ ясное понятіе о художествѣ, называемомъ воровствомъ. Нянька Аксинья уже года три какъ пользовалась отъ своего питомца краденымъ сахаромъ, конфектами и разными лакомствами, въ томъ числѣ изрѣдка и мѣдными круглыми игрушками. Слѣдовательно предосторожности были совершенно лишнія.

На другой день, по условію, ученикъ принесъ учителю штукъ десять пятаковъ и былъ освобожденъ отъ ученья. На третій день сумма была увеличена, на четвертый день еще; день за днемъ продолжалось тоже и тоже, такъ что къ концу мѣсяца мѣшокъ уже былъ пустой.

Когда ученикъ объявилъ своему наставнику объ этомъ истинно печальномъ происшествіи, то наставникъ подумавши немного сказалъ:

— А не замѣтили ли вы, Ипполитъ Ивановичъ, гдѣ у маменьки хранятся такія же игрушки, только бѣленькія?

— Не знаю, не видалъ, отвѣчалъ ученикъ.

— А когда не знаете, такъ садитесь учиться.

— Я завтра же узнаю, завопилъ испуганный ученикъ,—и принесу тебѣ сколько угодно, только не учи меня.

— Хорошо, посмотримъ, идите гулять, только помните, до завтрашняго дня.

А на завтрашній день понадобились на что-то мѣдныя деньги Марьѣ Ѳедоровнѣ; она къ мѣшку, а мѣшокъ пустой.

Горничныхъ и нянекъ потребовали на лицо. Явились тѣ и другія.

— Вы,—говоритъ Марья Ѳедоровна,—такія, сякія, деньги изъ мѣшка вытаскали?

— Нѣтъ барыня, мы и не видали.

— Розогъ! крикнула она лакею.

Явились розги и еще два лакея. Началась пытка, перебрали всѣхъ. Аксиньи не было дома, послали и за ней; приходитъ Аксинья и говоритъ: „да вы барыня за что людей мучите, барчонокъ-то деньги перетаскалъ своему учителю“.

Дорого же поплатилась бѣдная Аксинья за свою дерзость; ей было отпущено вдвое противъ прочихъ.

Отпустивши горничныхъ, Марья Ѳедоровна пошла по комнатамъ искать Ипполитеньку, но Ипполитенька какъ ни былъ тупъ, смекнулъ однакоже, что не даромъ дѣвки благимъ матомъ завыли и, не дожидаясь конца вытью, убѣжалъ въ садъ. Послѣ тщетныхъ поисковъ въ комнатахъ, Марья Ѳедоровна разослала всю дворню и сама пошла искать Ипполитеньку; а онъ, не будучи дуракъ, пока ѣсть не хотѣлось, сидѣлъ въ кустахъ, а когда увидѣлъ, что обѣдъ пронесли къ слѣпому Колѣ, пошелъ къ нему во флигель и безцеремонно истребилъ его скудную трапезу. Но увы! тутъ его за трапезою и накрыла сама Марья Ѳедоровна. И досталось же бѣдному Колѣ за укрывательство вора. Кромѣ ругательствъ, попрековъ и угрозъ, ему не велѣно было давать ничего, кромѣ куска чернаго хлѣба и ковша воды, впредь до разрѣшенія.

Нѣжно, ласково, настояще по-матерински, вывѣдала Марья Ѳедоровна отъ Ипполитушки, когда и кому онъ отдавалъ деньги и, узнавши все обстоятельно, велѣла Ѳедьку наставника выпороть хорошенько и отдать на скотный дворъ до Кузьмы и Демьяна, а тамъ отвезти въ городъ да и сдать въ солдаты; сказано, сдѣлано.

Теперь оставалось подумать объ Ипполитенькѣ, что съ нимъ дѣлать? вѣдь ему уже пятнадцатый годъ пошелъ, а эти изверги его въ деревнѣ пожалуй испортятъ. Нужно отвезти его въ Петербургъ и отдать въ какой-нибудь благородный пансіонъ. Какъ думала Марья Ѳедоровна, такъ и сдѣлала.

Оставивши наказъ или инструкцію приказчику на счетъ управленія имѣніемъ, она вооружила снова ремонтерскую бричку, взяла съ собой милое чадо свое и любимую его няню Аксинью и отправилась въ Петербургъ, не простившись даже съ самыми близкими и самыми долгоязычными сосѣдками своими.

Теперь ей не зачѣмъ сообщать имъ, куда она намѣрена отдать своего сына на воспитаніе. Еще пожалуй, пригласи ихъ, онѣ провѣдаютъ какъ-нибудь о поступкѣ Ипполитеньки и тогда на всю губернію прославятъ воромъ, а того дуры не разсудятъ, что онъ еще дитя.

IV.

Пріѣхавши въ Петербургъ, Марья Ѳедоровна остановилась не на Пескахъ, какъ можно было предполагать, а въ Ямской слободѣ, около церкви Ивана Предтечи, на постояломъ дворѣ.

На другой день, она отправилась сама поискать квартиру, потому что на постояломъ дворѣ и неудобно и грязно, а главное дорого; она же намѣревалась остаться въ Петербургѣ по крайней мѣрѣ года два, если не болѣе.

Выйдя за ворота, Марья Өедоровна перекрестилась на церковь (съ нѣкотораго времени она сдѣлалась чрезвычайно набожна) и не переходя Лиговки направилась къ Знаменью; остановилась здѣсь, посмотрѣла вдоль туманнаго Невскаго проспекта, помечтала немного о своемъ давно прошедшемъ и пошла прямо на Пески къ извѣстному домику о четырехъ окнахъ съ мезониномъ.

Въ одномъ изъ оконъ этого домика торчала на болванчикѣ та же самая шляпка, которая торчала назадъ тому десять лѣтъ, а въ прочихъ окнахъ виднѣлись по прежнему дѣвушки, какъ будто онѣ десять лѣтъ и съ мѣста не сходили; въ числѣ этихъ дѣвушекъ была и Лиза, но уже не та малолѣтняя, рябинькая, безмолвная Лиза, а сидѣла у окна, сложа руки и опустя на высокую грудь кудрявую прекрасную голову, девятнадцатилѣтняя, вполнѣ развившаяся какъ роза, пышная красавица.

На свѣжемъ молодомъ ея лицѣ и слѣдовъ не осталось прежнихъ рябинъ; нужно было близко и внимательно присматриваться, чтобы ихъ замѣтить.

Въ то самое время, какъ проходила мимо оконъ Марья Өедоровна, Лиза подняла свои длинныя, бархатныя рѣсницы, взглянула въ окно и поблѣднѣла; она бѣдная узнала свою мачиху и ей разомъ представилось все ея грустное прошедшее. Она закрыла лицо руками, хотѣла встать со стула, но не могла, приподнялась еще разъ и безъ чувствъ повалилась на полъ.

Подруги подняли ее и унесли за ширмы.

Марья Өедоровна, проходя мимо окна, и не подозрѣвала, что она была причиною такой катастрофы. Она вошла спокойно на давно знакомый ей дворикъ, подошла къ извѣстной лачугѣ близь помойной ямы, и постучала въ маленькую, на скоро сколоченную, но уже весьма ветхую дверь, которая съ какимъ-то дребезжаньемъ отворилась и передъ ней явилась Юлія Карловна съ опрокинутою чайною чашкою въ рукахъ. (Юлія Карловна къ безчисленнымъ своимъ профессіямъ прибавила еще одну—гаданіе на кофе). Послѣ первыхъ оховъ на порогѣ, Марья Өедоровна была введена въ хижину и тутъ уже старыя пріятельницы торжественно поцѣловались.

Успокоившись отъ внезапнаго потрясенія и усадивъ свою дорогую гостью на полусломанномъ стулѣ, Юлія Карловна поспѣшила представить ей молодую, стройную и весьма бѣдно одѣтую дѣвушку, съ черными большими и заплаканными глазами.

— Рекомендую вамъ, сказала она обращаясь къ Марьѣ Өедоровнѣ,—моя хорошая, можно сказать, пріятельница, мамзель Шарнберъ, тоже моя землячка, только по отцѣ изъ хорошей фамиліи. Я

имъ сейчасъ гадала на кофе, и такъ прекрасно, такъ прекрасно выходитъ, что лучше требовать нельзя, а онѣ все не вѣрятъ и плачутъ.

— Я ужъ два года вѣрила, тихо проговорила дѣвушка.

— Такъ что же матушка, и по десяти лѣтъ ждутъ, да не плачутъ, съ неудовольствіемъ проговорила Юлія Карловна,—что-жъ дѣлать, такая ваша судьба, а коли наскучило дожидаться своего суженаго, то я давно предлагаю вамъ перебраться ко мнѣ въ домъ. Если не хотите жить вмѣстѣ съ барышнями, то займите мезонинъ, я съ васъ не Богъ знаетъ сколько возьму, — и мнѣ прибыль и вамъ не въ убытокъ.

Дѣвушка заплакала и едва проговоривъ „прощайте“ вышла изъ комнаты.

— Прощайте, заходите завтра, у меня будетъ свѣжая гуща, я вамъ еще поворожу, говорила Юлія Карловна, провожая свою паціентку глазами. И когда та затворила за собою дверь, прибавила:

— Больно горда! подожди еще годикъ, другой, своего возлюбленнаго; небось перемѣнишься, проситься будешь—не пущу, чортъ ли тогда въ тебѣ, ты и теперь смотришь старухой, а тогда на тебя никто и взглянуть не захочетъ. Вотъ, Марья Ѳедоровна, вотъ гдѣ истинное несчастіе, обратилась она къ своей гостьѣ, какъ бы умоляя о состраданіи.—Видѣли вы, вѣдь можно сказать красавица собою, благородныхъ родителей дочь, и пропадаетъ, ни за что пропадаетъ, и такъ-таки и пропадаетъ, а кто же, какъ не сами родители виноваты! Жили они, матушка вы моя, въ Кронштадтѣ при должности, и при хорошей должности, при какихъ-то магазеяхъ. Каждую недѣлю вечера давали и повадился къ нимъ въ домъ какой-то мичманъ; ну, извѣстное дѣло, молодой мужчина, молодая дѣвушка, увидѣлись разъ, другой, и влюбились другъ въ друга, а тамъ до грѣха не долго. Такъ и случилось. Бывало въ домѣ танцы да плясы, а они незамѣтно выйдутъ на дворъ, или на улицу, да укроются шинелью и воркуютъ что твои нѣжные голубки, а мать-то сама тоже съ молодыми офицерами амурничаетъ. Я отца и не виню, не мужское дѣло смотрѣть за дочерью, а мать, мать всему причина; она видѣла, старая дурища, что молодой человѣкъ около дочери увивается, чтобы спросить: а что тебѣ голубчикъ надо? Когда такъ только, куры-муры, такъ вотъ тебѣ и двери. А коли на сурьезъ пошло, женись! А она думаетъ, что ничего, пускай себѣ молодые люди побалуютъ, онъ человѣкъ благородный, лишняго себѣ ничего не позволитъ! А вотъ онъ и не позволилъ, благородный-то человѣкъ, дѣло-то сдѣлалъ да и перевелся въ Астрахань, или куда-то еще дальше; сами-то тогда только замѣтили, когда начали сосѣди пальцемъ на дочку показывать. Вечеръ-то сдѣлаютъ, залы освѣтятъ, а гостей-то никого; развѣ два, три пьяные ластовые забредутъ. Видятъ, что дѣло-то плохо, давай изъ Кронштадта убираться; теперь вотъ въ Петербургѣ и проживаются безъ мѣста, а она дура ворожитъ. Да! много я тебѣ выворожу; пріѣдетъ онъ къ тебѣ

сейчасъ, держи карманъ. Не видалъ онъ вишь краше тебя; говорю переходи ко мнѣ, пока еще хоть что нибудь осталось, а то такъ вѣдь состарѣешся! Охъ горе, горе! какъ подумаю, прибавила она со вздохомъ.

— Вотъ что Юлія Карловна, сказала Марья Ѳедоровна послѣ нѣкоторой паузы, я къ вамъ имѣю великую просьбу.

— Какую, Марья Ѳедоровна, все на свѣтѣ готова сдѣлать для васъ?

— Найдите для меня небольшую квартирку—такъ комнатки три, и если можно, чтобы близко былъ какой нибудь благородный пансіонъ, я, знаете, привезла сына.

— Есть, есть, благородный пансіонъ, мадамъ... мадамъ... какъ бишь ее... квартира... квартира... И она начала считать по пальцамъ дома всего квартала, припоминая тотъ, въ которомъ находился благородный пансіонъ мадамъ N. „Ну, да какъ нибудь найдемъ“, прибавила она, подобострастно глядя на Марью Ѳедоровну.

— Вы мнѣ сдѣлаете большое одолженіе; только не больше комнатки три, я совершенно раззорилась, совсѣмъ теперь безъ денегъ, скотскіе падежи, да неурожаи, да пожары, совсѣмъ меня доканали. И Марья Ѳедоровна чуть-чуть не заплакала.

— Ахъ, да! сказала она помолчавъ, чуть-чуть было не забыла, ну что моя Акулька у васъ подѣлываетъ? Я думаю уже большая выросла?

— Пребольшущая! и какая мастерица! и какая красавица, просто прелесть! Только она что-то все скучаетъ.

— Молода, ничего больше; а вотъ что, Юлія Карловна, не устроите ли вы ей партію? она мнѣ теперь не нужна, я буду жить въ Петербургѣ, а здѣсь своя швея только лишняя тяжесть, сами знаете.

— Партія-то ей давно находится, только я безъ васъ не смѣла, а написать вамъ не знала куда, адресъ вашъ затерялся, такъ вотъ и не знала что дѣлать, пока васъ самихъ Богъ не принесъ къ намъ. А партія прекрасная, продолжала она, — кухмистеръ на пятьдесятъ человѣкъ столъ содержитъ, по пяти цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, шутка какой капиталъ; такъ вѣдь нѣтъ, не хочетъ. Примазывается еще къ ней какой-то пьянчужка чиновникъ, правда молодой человѣкъ, только видно голь-голо. Не знаю, такъ ли онъ къ ней приходитъ, или въ правду сватать хочетъ, не знаю.

— Лучше было бы еслибъ за кухмистера, вѣрный кусокъ хлѣба, по крайней мѣрѣ; ну, а когда не хочетъ, такъ пожалуй и за чиновника. Я, пожалуй, и приданое маленькое могу дать. Устройте это дѣло, Юлія Карловна, я вамъ буду благодарна.

— Постараюсь для васъ, Марья Ѳедоровна, непремѣнно постараюсь. Куда же вы?

— Я пойду, мнѣ пора, —и Марья Ѳедоровна начала собираться.

— Да подождите минутку, сейчасъ кофе будетъ готовъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, въ другой разъ, прощайте! Не забудьте же насчетъ квартиры.

— Не забуду, не забуду, Марья Ѳедоровна!

И пріятельницы разстались.

Возвратясь къ себѣ, Марья Ѳедоровна застала своего Ипполитушку играющимъ въ бабки съ дворниковымъ бѣлокурымъ румянымъ мальчуганомъ; это былъ первый урокъ на поприщѣ образованія Ипполитушки. Онъ этого великаго искусства во всю жизнь бы не могъ постигнуть въ деревнѣ, а въ столицѣ не успѣлъ пріѣхать, какъ на другой же день постигъ, что такое значитъ свинчатка.

Дня черезъ два понавѣдалась Марья Ѳедоровна къ своей пріятельницѣ узнать на счетъ квартиры. Квартира была пріискана усердной Юліей Карловной именно такая, какая ей была нужна: и свѣтлинькая и уютненькая, а главное дешевенькая, и почти рядомъ съ благороднымъ пансіономъ т. е. съ приходскимъ училищемъ.

Выпивши чашку кофе, или лучше сказать цыкорію у своей пріятельницы, они пошли вмѣстѣ посмотрѣть квартиру. Проходя черезъ дворикъ, онѣ услышали въ модномъ магазинѣ дребезжащіе звуки фортепьяно, пронзительно визжащій женскій голосъ и вторившій ему хриплый мужской басъ твердо и внятно выговаривавшій слова пѣсни:

„Во лузяхъ, лузяхъ, лузяхъ
„Въ монастырскихъ лузяхъ.

Пріятельницы переглянулись, и, улыбнувшись, вышли на улицу. Дорогою Юлія Карловна жаловалась на непріятности и хлопоты, сопряженныя съ подобнымъ заведеніемъ, особенно въ такомъ захолустьѣ какъ Пески, куда порядочный человѣкъ боится и заглянуть.

— Ахъ, кстати, сказала Марья Ѳедоровна, нѣтъ ли у васъ, Юлія Карловна, знакомаго писаря, не дорогого; у меня есть дѣло, самое ничтожное, грошовое; такъ только изъ амбиціи веду его, не хочется уступить; нужно для переписки бумагъ писаря, я сама буду ему говорить что писать.

— Есть писарь, изъ самаго Главнаго Штаба, и ужъ какъ онъ за вашей Акулькой ухаживаетъ, такъ просто удивленье. А знаете что, прибавила Юлія Карловна подумавши,—чего долго хлопотать. Вы посулите ему что нибудь, вотъ вамъ Акулькѣ и карьера.

Въ это время онѣ подошли къ весьма не новому домику, на воротахъ котораго красовался билетикъ, гласившій, что здѣсь отдается квартира и уголъ. Онѣ постучали въ затворенную калитку. На стукъ, вмѣсто дворника, вышла дряхлая старушка въ чепцѣ и впустила ихъ во дворъ.

Квартира оказалась какъ разъ по вкусу Марьѣ Ѳедоровнѣ, и свѣтленькая и уютнинькая—точь въ точь какъ говорила Юлія Карловна. Только одно... немножко дороговато: 10 рублей серебромъ въ мѣсяцъ съ дровами! Этакъ пожалуй скоро и Покатиловку проживешь.

Марія Өедоровна попробовала было заговорить съ хозяйкой дома о томъ, что она почти нищая, вдова беззащитная; но хозяйка была не поколебима, и чтобы скорѣе покончить, сказала, что она сама сирота безпріютная и вдова беззащитная, и что ей укрывать и кормить другихъ не изъ чего,—и еслибъ, прибавила она, вы были не женскій полъ, а мужской, то и за двадцать бы цѣлковыхъ не пустила, потому что наше дѣло женское,—все случиться можетъ.

Марья Өедоровна молча вынула рубль и, отдавая его хозяйкѣ, сказала сухо „квартира за мною, я завтра переѣзжаю". И дѣйствительно на другой день она угощала уже Юлію Карловну хоть и жиденькимъ, но настоящимъ кофе у себя на новосельѣ.

Аксинья нянька успѣла уже поссориться съ хозяйкою, а Ипполитушка, упражняя свои руки въ метаніи бабки, выбралъ мишенью бѣлаго пѣтуха, тщательно перебиравшаго мусоръ на дворѣ; ударъ былъ просто геніальный, бѣдный пѣтухъ только крыльями судорожно потрясъ и тутъ же ноги протянулъ.

— Ай, да свинчатка, воскликнулъ Ипполитъ въ восторгѣ,—недаромъ маменька гривенникъ заплатила!

О трагической кончинѣ бѣлаго пѣтуха быстро дошли слухи до ушей хозяйки; въ домѣ поднялся содомъ и такой, что если бъ непосредничество Юліи Карловны, то Марьѣ Өедоровнѣ пришлось бы въ тотъ же день очистить уютниньку квартирку; дѣло однако жъ кончилось полтинникомъ.

Это непріятное происшествіе имѣло однако жъ ту хорошую сторону, что напомнило Марьѣ Өедоровнѣ о томъ, зачѣмъ она пріѣхала въ столицу. Она тутъ же обратилась къ Юліи Карловнѣ и просила ее, чтобы она завтра же, если можно, прислала къ ней въ домъ какого нибудь учителя изъ благороднаго пансіона, что она намѣрена сначала дома приватно Ипполитушку приготовить, а потомъ уже совсѣмъ въ пансіонъ отдать.

Сказано—сдѣлано; на другой же день явился педагогъ изъ приходскаго училища и уговорились они, чтобы Ипполитушка ходилъ къ учителю на квартиру до обѣда и послѣ обѣда, что для него будетъ такъ веселѣе, потому что у педагога училось на квартирѣ еще нѣсколько мальчиковъ. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, предстояло позаботиться о другомъ, еще болѣе серьезнымъ. Марьѣ Өедоровнѣ необходимо нужно увѣдомить письмомъ одну свою protégée, сосѣдку по деревнѣ, о смерти Лизы, случившейся какъ разъ въ день ея пріѣзда въ Петербургъ. Кто же ей напишетъ такое хитрое письмо! Самой написать, такъ пожалуй засмѣютъ, потому что она едва можетъ коекакъ свою фамилію нацарапать, просить рекомендованнаго писаря ей бы не хотѣлось, тѣмъ болѣе что онъ еще и знакомъ съ Лизою; чортъ его знаетъ, можетъ быть, ему и извѣстно, что она дѣйствительно Лиза, а не Акулька! Нѣтъ, ему нельзя довѣрить такую важную корреспонденцію.

— Ахъ я дура! воскликнула Марья Өедоровна послѣ долгаго размышленія. Да чего же я думаю, а учитель то на что?

Сейчасъ же послала Аксинью просить учителя къ себѣ. Когда тотъ явился, то она подъ видомъ испытанія просила его написать коротенькое письмо; а о чемъ писать разсказала ему на словахъ.

Педагогъ выслушалъ, и, подумавши не мало, сказалъ:

— Тема серьезная, нужно обдумать. Я сначала такъ только набросаю, а потомъ уже если опробуется, то и перебѣлю. Завтра будетъ готово!

— Хорошо, такъ вы принесете ко мнѣ когда будетъ готово,—и они разстались.

Черезъ день, или два, явился педагогъ къ Марьѣ Өедоровнѣ съ великолѣпною рукописью подъ мышкой. Хозяйка попросила его садиться; онъ смиренно сѣлъ на стулъ и развернулъ манускриптъ, образецъ каллиграфіи. Марья Өедоровна, полюбовавшись почеркомъ, просила педагога прочитать; онъ прочиталъ или лучше сказать продекламировалъ свое произведеніе и когда кончилъ, то не безъ самодовольствія взглянулъ на Марью Өедоровну и почтительно передалъ ей рукопись.

Марья Өедоровна осталась письмомъ весьма довольна, и позвавши Аксинью, приказала ей сварить кофе, а въ ожиданіи его просила педагога еще разъ прочитать письмо, только не такъ громко.

Ободренный столь лестнымъ вниманіемъ, онъ прочелъ еще разъ, правда безъ того сильнаго выраженія, но за то съ болѣе тихимъ и глубокимъ чувствомъ, такъ что когда онъ прочиталъ фразу — „и ея милый взоръ закрылся отъ меня на вѣки“ то Марья Өедоровна даже платокъ поднесла къ своимъ глазамъ. Это, разумѣется, не ускользнуло отъ взоровъ счастливаго автора и было для него паче всякихъ благодарностей.

Марья Өедоровна, угостивши сочинителя, попросила рукопись себѣ на память, а за труды предложила ему, (правда дорогонько, но вѣдь онъ не простой писарь) рубль серебра. Сочинитель великодушно отказался, сказавъ, что онъ награжденъ ея благосклоннымъ вниманіемъ выше всякой награды.

Отпустивъ еще нѣсколько любезностей на счетъ чувствительности сердца и образованности ума своей покровительницы, т. е. Марьи Өедоровны, педагогъ раскланялся и ушелъ.

На другой день Марья Өедоровна сама понесла письмо на почту, поймала тамъ какого то почталіона, попросила его взять штемпельный конвертъ, запечатать письмо и написать адресъ.

— И эта забота кончена, сказала она, выходя изъ почтамта.

Теперь осталась одна послѣдняя и самая большая забота: устроить карьеру Лизы. Тогда она совершенно спокойно можетъ заняться воспитаніемъ Ипполитушки.

V.

Время шло своимъ чередомъ; прошло уже нѣсколько мѣсяцевъ, а карьера Лизы все еще не сдѣлана. Юлія Карловна почти ежедневно заходитъ къ Марьѣ Ѳедоровнѣ на чашку кофе и сообщаетъ ей самыя не интересныя новости, а о свадьбѣ Лизы ни слова. Самой же Марьѣ Ѳедоровнѣ заводить рѣчь не хотѣлось, чтобъ не показать виду, что ее это очень интересуетъ. Правда, она намекала нѣсколько разъ, такъ мимоходомъ, но Юлія Карловна отдѣлывалась тоже мимоходомъ, и она не знала, наконецъ, что и подумать. А Юлія Карловна тѣмъ временемъ увивалась около нея, какъ около золотаго истукана, восхищалась познаніями и досужествомъ ея ненагляднаго, уже богатырски сложеннаго юноши, но все это дѣлалось совершенно по пустому: Марья Ѳедоровна хотя и частенько получала изъ деревни деньги, но ей показывала только пакеты съ пятью печатями и отдѣлывалась чашкою кофе и кускомъ пирога по воскресеньямъ.

Юлія Карловна терпѣла и ждала, а на досугѣ благовѣстила въ своемъ кварталѣ, что пріятельница ея Марья Ѳедоровна никто иная какъ генеральша и темная богачка. Вслѣдствіе такихъ слуховъ, у Марьи Ѳедоровны образовался порядочный кружокъ знакомыхъ и даже пріятельницъ; правда иныя изъ нихъ увидѣвши, что генеральша дрожала надъ кускомъ сахару и чашкой кофе, сочли за лучшее не поддерживать такого высокаго знакомства; другія же, въ томъ числѣ и Юлія Карловна, держались правила: терпѣніе все преодолѣваетъ. Правило это не совсѣмъ однако жъ оправдывалось; Марья Ѳедоровна была просто, что называется кремень. Пріятельницы, впрочемъ, неунывали; онѣ были женщины такого сорта, которыя, если узнаютъ что ты человѣкъ денежной, хоть ты имъ своихъ денегъ и не показывай, онѣ все на тебя будутъ смотрѣть какъ на Бога и станутъ тебѣ молиться и кланяться.

Въ концѣ концовъ, Юлія Карловна, однакожъ, оказалась не такъ терпѣлива какъ можно было ожидать отъ иностранки. Она, не совсѣмъ уповая на будущія блага, затѣяла исторію такого свойства.

Послѣ долгихъ ожиданій и глубокихъ соображеній, она сама себѣ сказала: „да что же я за дура такая, сижу сложа руки, да смотрю на нее; что я развѣ дѣвку то даромъ что ли выкормила? Да еще и пристрой, говоритъ, карьеру сдѣлай! И все это такъ, ни за грошъ; да и дѣвка то еще Богъ знаетъ кто такая, не то Лиза, не то Акулька, и сама не знаешь какъ и называть". Подождавши еще нѣсколько времени втунѣ, она рѣшилась поближе познакомиться съ Аксиньей, горничною и кухаркою Марьи Ѳедоровны, такъ, на всякій случай, да и професія у Юліи Карловны такого свойства, что ей всякое знакомство къ лицу. Однажды, она совершенно случайно встрѣтилась съ Аксиньей въ мелочной лавкѣ и упросила её удосужиться хоть на минуточку зайти къ ней на дняхъ; она хочетъ поговорить съ ней

на счетъ одного весьма интереснаго дѣла. Аксинья охотно согласилась, но она не знала квартиры Юліи Карловны. Марья Ѳедоровна, въ случаѣ нужды, или посылала на квартиру Юліи Карловны дворника, или ходила сама, Аксинью же не посылала, боясь, не безъ основанія, чтобы она не встрѣтилась съ Лизою. Юлія Карловна во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ описала Аксиньѣ и свой домикъ и всѣ улицы и переулки, которыми нужно идти къ нему.

Аксинья, дождавшись воскресенья, пораньше убралась, отпросилась къ обѣдни, а сама направилась къ Юліѣ Карловнѣ. Сначала все шло хорошо, всѣ улицы и переулки она помнила, а домъ то и забыла какъ онъ прозывается; однакожъ, по примѣтамъ кое-какъ добралась и до дому, а чтобы больше убѣдиться, что это именно тотъ домъ, который ей нуженъ, она заглянула въ окно и увидѣла дѣвушку, лицо которой было закрыто, потому что она сидѣла наклонившись за какой то работой. Аксинья постучала въ окно съ намѣреніемъ спросить Юлію Карловну; дѣвушка подняла голову, взглянула на Аксинью, и поблѣднѣла. Аксинья тоже перемѣнилась въ лицѣ. Послѣ минутнаго молчанія, дѣвушка едва внятно проговорила: Аксинья! Аксинья вздрогнула; ей показалось что-то знакомое и давно забытое въ этомъ голосѣ; но она стояла все еще не раскрывая рта.

— Аксинья! повторила Лиза, или это не ты, а только такъ, сонъ?

— Нѣтъ это я, Аксинья, ваша нянька, если помните!

— Помню, помню, проговорила Лиза и выбѣжала къ ней на улицу.

Долго онѣ стояли обнявшись на улицѣ, не говоря ни слова, пока одна изъ подругъ Лизы, находя что подобная сцена среди бѣлаго дня и среди улицы не прилична, вышла къ нимъ и уговорила ихъ войти въ комнату. Здѣсь встрѣтила ихъ сама Юлія Карловна, нечаянно тутъ случившаяся. Она сейчасъ же смекнула, что ихъ оставлять на единѣ нельзя, такъ какъ онѣ съ дуру могутъ всѣ ея предначертанія испортить,—а потому она, поздоровавшись довольно фамильярно съ Аксиньей, повела ихъ въ свою комнату, усадила по угламъ и принялась варить кофе.

Нѣсколько разъ Лиза и Аксинья, глядя другъ на друга, принимались плакать. Юлія Карловна глядя на нихъ и сама плакала; но когда онѣ начинали разговаривать, то старалась всячески помѣшать имъ. Она находила всякое между ними объясненіе не соотвѣтствующимъ ея глубокимъ планамъ.

Угостивши Аксинью кофеишкомъ, она проводила ее за ворота и крѣпко-на-крѣпко наказала, чтобы не проговорилась, что видѣла Лизу.— „Когда же только тебѣ будетъ свободно, заходи къ намъ Аксиньюшка“, прибавила она прощаясь.

Возвратившись въ свою комнату, Юлія Карловна призадумалась, позвала Лизу, посадила около себя и съ ласкою кошки начала ее распрашивать.

— Скажи мнѣ, милая Акулина—говорила она, что ты припомнишь о себѣ, когда ты была еще въ деревнѣ?

— Я помню только, что меня звали не Акулькой, а Лизой, что мы жили съ братомъ въ одной комнатѣ, что братъ мой Коля былъ несчастный, слѣпой мальчикъ и что у него сначала была нянькой вотъ эта Аксинья, а потомъ ее мачиха взяла къ себѣ, а ему бѣдному прислала какую то злую деревенскую бабу, которая ему ѣсть не давала; такъ я его бѣднаго съ нею и оставила. Живъ ли онъ теперь несчастный! произнесла Лиза и заплакала.

— Ну, и больше ничего не помнишь? спросила Юлія Карловна.

— Помню еще и никогда не забуду нашу мачиху. Я здѣсь ее какъ-то разъ увидѣла на улицѣ и чуть не умерла со страха.

— А не помнишь ли ты какой губерніи и какого уѣзда ваше село?

— Ничего не помню.

Юлія Карловна не нашла нужнымъ болѣе продолжать свои расспросы, надѣла салопъ и что то засаленое въ родѣ шляпы, выслала Лизу изъ комнаты, заперла двери и вышла на улицу.

Аксинья, возвращаясь изъ гостей домой, еще на улицѣ услышала въ своей квартирѣ шумъ. „Ужъ не воры ли, Боже сохрани, забрались“, едва проговорила она и бросилась опрометью въ комнату, вбѣжала на лѣстницу, отворила дверь и глазамъ ея представилась сцена едва ли когда нибудь прежде ею видѣнная, развѣ мимоходомъ и то около кабака.

Разъяренная какъ бѣшеная кошка, съ пѣною на губахъ, съ сжатыми кулаками, стояла Марья Ѳедоровна въ наступательномъ положеніи, а противъ нея въ оборонительномъ положеніи, въ позиціи античнаго бойца, стоялъ Ипполитушка. При входѣ Аксиньи, Марья Ѳедоровна какъ бы опомнилась, опустила кулаки и прошипѣла „ахъ ты извергъ!“—и, обратясь къ Аксиньѣ, сказала:

— Сходи, позови ко мнѣ этого глупаго учителя; хорошему научилъ онъ Ипполитушку!

Аксинья отправилась исполнять приказаніе.

Этой почти трагической сценѣ предшествовало вотъ какого рода происшествіе.

Отпустивши Аксинью къ обѣдни, Марья Ѳедоровна и сама пошла въ церковь. Она хотѣла было и Ипполитушку взять съ собой; но у него неожиданно голова заболѣла и онъ не пошелъ. Оставшись одинъ, Ипполитушка отперъ гвоздемъ маленькую шкатулку (онъ необыкновенно двинулся впередъ на пути просвѣщенія) и занялся отысканіемъ того секретнаго ящичка, въ который маменька деньги прячетъ. Онъ уже постигалъ, что такое значатъ деньги. Къ тому же онъ на прошедшей недѣлѣ удивительно былъ несчастливъ и въ бабки и въ три листика; пробовалъ было поставить на конъ Греча грамматику—не берутъ, попробовалъ было въ орлянку и тутъ но повезло, просто

хоть въ петлю лѣзь, а въ долгъ не вѣрятъ, хоть называются друзьями; пробовалъ просить у маменьки и выговорить не дала. Что же ему и въ самомъ дѣлѣ оставалось дѣлать? разумѣется красть, а чтобы не далеко ходить, онъ рѣшился первый этюдъ сдѣлать надъ маменькиной шкатулкой; но какъ еще не опытный и нетерпѣливый воръ, поторопился и забылъ о мѣрахъ предосторожности и не заперъ двери на крючекъ. Въ самую ту минуту когда секретный ящикъ сдѣлался для него уже не секретнымъ, вдругъ тихонько вошла Марья Ѳедоровна и остолбенѣла отъ ужаса. Началась страшная баталія, прерванная, какъ мы видѣли, возвращеніемъ Аксиньи.

Черезъ полчаса явился педагогъ въ новомъ вицъ-мундирѣ и съ самой праздничной физіономіей, но какъ же длинно вытянулось его улыбающееся лицо, когда раздраженная аки львица Марья Ѳедоровна привѣтствовала его такими словами:

— Наставники! Прекрасные наставники! Покорно васъ благодарю!—и она не могла продолжать отъ злости, а бѣдный педагогъ стоялъ разиня ротъ и вытарищивъ глаза.

— Покорно васъ благодарю! продолжала Марья Ѳедоровна, едва переводя духъ, да... наставили, научили, просвѣтили дитя! Смотрите, любуйтесь вашимъ просвѣщеніемъ; онъ, мое дитя, мое единственное дитя! по милости вашей сударь, воръ, грабитель, а того смотри и разбойникъ! и всему этому вы, вы одни причиною, вы научили его обокрасть меня и послѣ передать вамъ украденныя деньги!

— Сударыня, проговорилъ задыхаясь педагогъ, вы лжете! вы просто бѣшеная баба и больше ничего! я съ вами и говорить не хочу, прощайте!

И онъ обратился къ двери. Марья Ѳедоровна не ожидала отъ смиреннаго педагога подобной рыси и такъ была озадачена, что совершенно растерялась и пока собралась съ духомъ, педагогъ былъ уже за воротами.

— Бѣги, догони, проси на минуточку, пускай взойдетъ, говорила она, толкая Аксинью за двери.

Аксинья побѣжала по лѣстницѣ, и она вслѣдъ за нею.

Черезъ минуту педагогъ уже сидѣлъ на диванѣ и хладнокровно слушалъ длинную повѣсть о подвигахъ и досужествѣ геніальнаго ученика своего. Дослушавъ до конца сіе повѣствованіе, онъ спросилъ:

— А зачѣмъ вы его впродолженіи всей прошедшей недѣли не присылали ко мнѣ учиться?

— Какъ не присылала? онъ каждый день аккуратно ходилъ къ вамъ, даже и обѣдать не приходилъ домой.

— И въ глаза не видалъ я его съ самаго воскресенья.

— Гдѣ же это ты пропадалъ, а?.. обратилась было Марья Ѳедоровна къ Ипполитушкѣ, но его и слѣдъ простылъ.

По долгомъ разсужденіи какъ исправить зло, рѣшено было про-

3*

должать ученіе, потому что Ипполитушка по словамъ учителя не утвердился еще въ письмѣ и въ русской грамматикѣ и во избѣжаніе его несвоевременныхъ прогулокъ положено было, чтобы Аксинья отводила его по утру въ школу и приходила за нимъ вечеромъ.

Такъ и сдѣлано. Въ понедѣльникъ по утру многіе обитатели смиреннаго переулка замѣтили семнадцатилѣтняго юношу въ курточкѣ a l'enfant, идущаго въ школу, а за нимъ пожилую служанку, несущую кожаный мѣшокъ съ книгами и грифельную доску. Пока Ипполитушка ходилъ одинъ, никто его не замѣчалъ, а какъ начала ходить за нимъ Аксинья, всѣ пальцами стали показывать. Странно.

Правильное и однообразное хожденіе за Ипполитушкою вскорѣ наскучило Аксиньѣ и она однажды ему предложила прогуляться въ другую школу т. е. къ Юліѣ Карловнѣ.

Первый визитъ ему не совсѣмъ понравился, хотя его попотчивали леденцами; но за то второй визитъ пришелся какъ разъ по немъ. Юлія Карловна, чтобы свободнѣе поговорить съ Аксиньей, отослала его къ своимъ дѣвицамъ и строго наказала имъ, чтобы гость не соскучился. Аксинья на силу могла его вытащить оттуда, такъ ему понравились дѣвицы, и началъ онъ изъ школы бѣгать къ прекраснымъ сиренамъ.

Сирены вскорѣ начали просить у него денегъ за доставляемыя ему радости. „Денегъ? а гдѣ ихъ взять этихъ проклятыхъ денегъ? такъ думалъ онъ. Хоть бы маменька скорѣе умерла, авось либо легче мнѣ будетъ“.

Пока Ипполитушка забавлялся съ дѣвицами, Юлія Карловна, угощая цикоріемъ простодушную Аксинью, узнала отъ нее все, что ей нужно было знать насчетъ Лизы, узнала даже и о губерніи и объ уѣздѣ, и село какъ зовутъ, и узнавши все это сообщила своему знакомому писарю изъ Главнаго Штаба, который уже готовился держать экзаменъ на аудитора.

Будущій аудиторъ, узнавши такіе секреты про свою милую Лизу, чуть съ ума не сошелъ. „Это просто слѣпая богиня фортуны“ какъ онъ выразился въ восторгѣ.

На женидьбу однакожъ Юлія Карловна не иначе соглашалась, какъ только съ уступкою половины приданаго, которое онъ современемъ получитъ за Лизою.

Писарь разумѣется на все согласился безпрекословно.

Въ заключеніе, она научила его написать просьбу на имя оберъ-полицiймейстера, и они разстались.

Теперь оставалось увѣрить Лизу, что Аксинья баба дура и что она все наврала, что она дѣйствительно Акулька, а не Лиза и не барышня, а настоящая крѣпостная дѣвка и что ей теперь предстоитъ такая карьера, что она, если не глупа будетъ, современемъ можетъ быть и высоблагородной.

— Что-жъ согласна ты Ли... Акулька? спросила она ее.

— Согласна, хоть за трубочиста согласна, только не держите меня въ этомъ омутѣ.

— Вотъ ужъ и омутъ, домъ какъ домъ, не узнала еще что впереди будетъ.

— Хуже не будетъ.

— Вотъ тебѣ и благодарность. Ахъ ты негодная, вишь отъѣлась чужаго хлѣба.., потаскушка!.. деревенщина!

Наругавшись до сыта, Юлія Карловна наскоро одѣлась и вышла со двора, а счастливая невѣста, оставшись одна, горько зарыдала. Юлія Карловна отправилась съ доброй вѣсточкой прямо къ Марьѣ Ѳедоровнѣ и застала ее въ самомъ счастливомъ расположеніи духа; она получила изъ деревни порядочную пачку ассигнацій, съ извѣстіемъ, что слѣпой баринъ упалъ въ канаву или въ какую то яму и сломалъ себѣ ногу.

Послѣ первыхъ любезностей, пріятельницы усѣлись на диванѣ и Юлія Карловна, немного помолчавъ, сказала:

— Ну, матушка Марья Ѳедоровна, насилу то я ее уломала; за писаря говоритъ не хочу, подавай ей чиновника.

— Ахъ она мужичька! проворчала Марья Ѳедоровна, вишь чего захотѣла, чиновника! а какъ возьму въ деревню, да отдамъ за пастуха но скотный дворъ.

— Да то-ли еще она толкуетъ; говоритъ, что она не крестьянская дѣвка, а благородная.

Марья Ѳедоровна измѣнилась въ лицѣ.

— Ну, да я ей показала какая она благородная, просто на просто по щекамъ и заставила молчать, сказала Юлія Карловна.

— И прекрасно, проговорила Марья Ѳедоровна.

— Да вотъ еще что, женихъ-то артачится. Меньше говоритъ тысячи рублей не возьму.

— Ахъ онъ писаришка! тысячу рублей за крѣпостной дѣвкой! да гдѣ это видано?

— Да она и ему натолковала, что она не простая, а благородная.

Марья Ѳедоровна опять опѣшила и, подумавъ не много сказала:

— Не возьметъ ли онъ хоть половину?

— Я уже ему семьсотъ давала и слушать не хочетъ.

— Не знаю какъ и быть—проговорила какъ бы сама съ собой Марья Ѳедоровна.

— Да какъ быть? Давайте тысячу да и концы въ воду.

— Хорошо, я согласна, только послѣ свадьбы.

— А онъ проситъ теперь же; безъ денегъ и въ церковь нейдетъ,— а съ деньгами хоть сейчасъ подъ вѣнецъ.

— Ну чортъ его возьми, отдайте ему деньги, а я вамъ послѣ возвращу.

— Да у меня и рубля за душой нѣтъ.

— Какъ же намъ быть, развѣ послѣднія отдать? да съ чѣмъ я сама-то останусь? Ну, дьяволъ съ нимъ, скорѣе бы только раздѣлаться. Зайдите ко мнѣ завтра, Юлія Карловна,—прибавила она какъ бы опомнившись.

— Хорошо зайду; только завтра непремѣнно, потому что въ воскресенье можно будетъ и подъ вѣнецъ, а сегодня, знаете, четвергъ, нужно торопиться.

— Такъ знаете что, зайдите ко мнѣ черезъ часъ, или подождите, я посмотрю не найдется ли у меня дома,—и она ушла въ другую комнату.

— Какъ разъ столько сколько нужно—говорила она, отдавая ассигнаціи Юліи Карловнѣ.

Та бережно взяла деньги и внимательно пересчитавши, положила въ свой грязный мѣшокъ.

— Теперь милости просимъ на свадьбу, приходите хоть въ церковь.

— Въ церковь зайду.

— Приходите; у Знаменья будутъ вѣнчаться въ 4 часа послѣ обѣдни.

— Хорошо, непремѣнно зайду.

И онѣ разстались. Юлія Карловна, спускаясь съ лѣстницы, прошептала: „знаетъ кошка чье-мясо съѣла" а Марья Ѳедоровна оставшись одна свободно вздохнула и тоже прошептала: „ну, слава Богу, отдѣлалась".

Долго ходила она по комнатѣ, заложа руки за спину, потомъ вдругъ остановилась по срединѣ комнаты, со всего размаху хлопнула рукой себя по лбу и вскрикнула.

— Ахъ я дура! Аксинья, Аксинья!

Вбѣжала испуганная Аксинья.

— Что ты дура глаза то вытаращила. Бѣги, вороти скорѣе Юлію Карловну.

Аксинья выбѣжала.

— Тысячу рублей! ахъ я дура, дура (разговаривала сама съ собой Марья Ѳедоровна) тысячу рублей, безъ росписки, безо всего, и кому же, какой нибудь—фи! стыдно и выговорить; да что это со мною сталось, нѣтъ она меня непремѣнно околдовала; ну что если она отопрется, а отопрется, это я навѣрное знаю; ну да чортъ съ ними и съ деньгами, пускай ихъ куда хочетъ дѣваетъ, лишь бы эту потаскушку съ рукъ сбыть, а то она у меня какъ бѣльмо на глазу... Въ воскресенье въ четыре часа. Пойду, непремѣнно пойду.

И она снова заложила руки за спину и заходила взадъ и впередъ по комнатѣ, въ ожиданьи Аксиньи.

Аксинья между тѣмъ добѣжавши до дому Юліи Карловны, встрѣтилась у самой калитки съ Лизою.

— Здравствуй Аксинья, какъ хорошо что ты зашла, а мнѣ тебя очень нужно было видѣть.

— Здравствуй, барышня; мнѣ нужно Юлію Карловну.

— Да ее нѣтъ дома, съ утра еще куда то ушла; а вотъ что Аксинья, ты говоришь мнѣ, что я барышня, а я такая же крестьянка крѣпостная какъ и ты, только ты... честная, а я...

Лиза не могла говорить далѣе.

— Что вы, что вы, Лизавета Ивановна, да вы настоящая, честная, благородная барышня.

— Да кто тебѣ сказалъ, что я барышня?

— Ахъ Боже мой! кто сказалъ, да развѣ не сама я васъ на рукахъ выносила! кто сказалъ—вотъ прекрасно!

— Юлія Карловна говоритъ, что ты все врешь, что все это говорилось мнѣ нарочно, что ты меня только смущаешь.

— Смущаю, вру! я вру! да наплюйте вы ей въ самое лицо. Я вру? Да я присягу приму, къ губернатору пойду, къ самому государю... вишь держитъ благородную барышню какъ какую нибудь, прости Господи, дѣвку непотребную, да я же и вру... нѣтъ я докажу ей, что я еще не врала...

— Вотъ что, Аксинья, перебила ее Лиза, вѣдь она меня за мужъ отдаетъ.

— Что-жъ и съ Богомъ. Святое дѣло коли благородный человѣкъ, потому что вамъ не за благороднаго выходить невозможно.

— Онъ теперь еще такъ только писарь, а скоро будетъ и благородный.

— То-то вотъ, чтобъ непремѣнно былъ благородный.

— Да я рада хоть за палача, только бы мнѣ вырваться изъ этого содома! И Лиза заплакала.

— Что вы! что вы! барышня! такія слова говорить, за палача!

— Ахъ Аксинья! еслибъ ты знала, что я терплю здѣсь, ты бы не то сказала!

Въ это время дверь на улицу растворилась, изъ нея выглянула какая то небритая физіономія въ галунахъ и крикнула: Лиза! И дверь снова захлопнулась.

— Идите барышня васъ зовутъ, а я побѣгу, меня чай барыня то ждетъ, не дождется. Прощайте.

— Прощай, Аксинья, приходи на свадьбу.

— Приду, непремѣнно приду, говорила Аксинья, перебѣгая улицу.

— Гдѣ это ты таскаешься? такимъ вопросомъ встрѣтила ее Марья Ѳедоровна когда она вернулась.

— Да я ее не догнала, бѣгала на домъ и дома нѣтъ, говорятъ какъ ушла съ утра такъ и не приходила.

— Такъ ты успѣла уже и домъ ея провѣдать? ахъ ты негодная тварь! да знаешь ли ты что это за домъ такой! потаскушка ты эдакая.

— Домъ какъ домъ, вѣдь туда Ипполитъ Ивановичъ изволятъ ходить.

— Что?

— Тамъ и наша барышня Лизавета Ивановна живутъ!...

— Что?

— Я говорю что тамъ...

— Молчи, языкъ отрѣжу!... пошла вонъ.

Аксинья вышла.

Съ Марьей Өедоровной сдѣлалась истерика и къ вечеру она слегла въ постель. На другой день обступили одръ ея безкорыстныя пріятельницы и посовѣтовали ей на ночь напиться малины, что она и сдѣлала, хотя отъ этого ей ни чуть не легче стало.

VI.

Въ воскресенье, однако-жъ, какъ ни трудно было Марьѣ Өедоровнѣ, она вышла со двора ровно въ три часа. Хотѣла было и Ипполитушку взять съ собой, но онъ ушолъ къ учителю повторять урокъ. На улицѣ попался ей извощикъ (явленіе рѣдкое въ то время на Пескахъ). Она спросила его, что возьметъ до Знаменья; тотъ сказалъ ей гривенникъ; она выругала его и поплелась пѣшкомъ. Часовъ до шести сидѣла она у церковной ограды, а о свадьбѣ и слуху не было. Накопецъ, она встала и пошла домой, говоря про себя „вѣрно они въ другой церкви перевѣнчались, семъ-ка я пройду мимо дома Юліи Карловны“—и она направилась къ дому Юліи Карловны. Далеко еще не доходя до дому, она услышала музыку и пѣсни. „Такъ и есть, свадьба“—подумала она, весело подошла къ самымъ окнамъ, взглянула въ одно изъ нихъ и что же увидѣла? О позоръ и ужасъ! ея милый Ипполитушка, пьяный, въ разорванной рубашкѣ, безъ подтяжекъ и прочаго, плясалъ съ не совсѣмъ тоже трезвою разухабистою барышнею комаринскую подъ звукъ унылый фортепьяно. (Вотъ гдѣ онъ получилъ первые уроки и въ семъ великомъ искусствѣ, которому такъ чистосердечно удивлялись солдаты съ крѣпости О.).

Полюбовавшись на свое милое единственное чадо, на своего будущаго помѣщика, она кое-какъ перешла на другую сторону улицы и сѣла на панель отдохнуть. Въ это время калитка отворилась и на улицу вышла сама Юлія Карловна съ какимъ то военнымъ писаремъ. Онъ ловко, настояще по писарски, раскланялся и пошолъ въ одну сторону, а Юлія Карловна въ другую.

— Такъ у нихъ ничего не бывало, подумала Марья Өедоровна и собравшись съ силами поднялась и позвала Юлію Карловну.

Та подошла къ ней какъ ни въ чемъ не бывало, раскланялась, и спросила о здоровьѣ.

— Здоровье то мое еще не такъ плохо, какъ вы со мною плохо поступаете. Да что же въ самомъ дѣлѣ (при этихъ словахъ она воз-

высила тонъ),—что я вамъ дура какая что ли далась? Гдѣ же свадьба?

— Какая свадьба?

— А что говорили у Знаменья?

— Ахъ, да, я и забыла; ну еще успѣемъ перевѣнчать, было бы приданое готово.

— Какое приданое?

— Да такое, какое я вамъ говорила, тысячу рублей.

— Да вѣдь я вамъ отдала!

— Вы мнѣ должны были по контракту за Акульку и отдали, а теперь припасайте приданое для Лизаветы Ивановны Хлюпиной. Понятно вамъ теперь.

Марья Өедоровна едва дослушала и вѣрно грохнулась бы на мостовую, если бы Юлія Карловна ее не поддержала. Всю эту сцену Лиза видѣла изъ окна и когда дѣло дошло до обморока, то она выбѣжала на улицу, подбѣжала къ трогательной группѣ, и стала пособлять Юліѣ Карловнѣ приводить въ чувство Марью Өедоровну. Придя въ себя, Марья Өедоровна оглянулась кругомъ и, не сказавъ ни слова, плюнула въ лицо Юліѣ Карловнѣ и пошла быстро по улицѣ.

— Что это значитъ? спросила Лиза у Юліи Карловны.

— Сумасшедшая, больше ничего.

И онѣ проводили ее глазами до угла переулка и вернулись домой.

Марья Өедоровна совершенно растерялась. Такъ часто самый закоренѣлый, самый предпріимчивый злодѣй падаетъ духомъ отъ одного слова, изобличающаго его злодѣйства.

Отъ бѣшенства она рвала на себѣ волосы, грызла себѣ руки, била не милосердно Аксинью и проклинала своего милаго Ипполитушку, который воизбѣжаніе какого нибудь вещественнаго доказательства гнѣва матери, а, пожалуй, и проклятія, нѣсколько дней не являлся домой; гдѣ же онъ обрѣтался, никто не вѣдалъ.

Наконецъ Марья Өедоровна не много поуходилась и серьезно захворала. Пріятельницы снова хоромъ посовѣтовали ей напиться малины. Она напилась, но малина не помогла и ромашка тоже; пріятельницы охали и больше ужъ не знали что совѣтовать. Такъ провела она мѣсяца два; пріятельницы, одна за другою, ее оставили; Ипполитушка по нѣсколько дней глазъ не показывалъ; Аксинья одна какъ вѣрная собака ее не оставляла.

Между тѣмъ Юлія Карловна съ будущимъ аудиторомъ вотъ что придумали. Они написали письмо отъ имени Марьи Өедоровны въ село къ священнику, со вложеніемъ пятирублевой депозитки, чтобы онъ вытребовалъ изъ консисторіи свидѣтельство о рожденіи и крещеніи Лизы.

Не мало удивился отецъ Ефремъ получивши такое посланіе. Не-

давно онъ читалъ письмо, исполненное слезъ и воздыханій о смерти Елизаветы Ивановны и панихиду уже отслужилъ за упокой ея души, а теперь требуютъ свидѣтельство о ея рожденіи и крещеніи.—„Странно“ подумалъ онъ, и послалъ пономаря въ городъ за гербовой бумагой, а самъ пока разсказалъ попадьѣ своей объ этомъ странномъ приключеніи; попадья не замедлила сообщить о семъ управительницѣ, управительница сосѣдкѣ-однодворкѣ, сосѣдка однодворка покровительствовавшей ей помѣщицѣ, а помѣщица помѣщикамъ, такъ что пока отецъ Ефремъ получилъ изъ консисторіи Лизино свидѣтельство, то уже вся губернія знала объ этомъ странномъ происшествіи и всякій разумѣется толковалъ его по своему, но къ самой истинѣ никто и не приближался.

Отецъ Ефремъ, получивши свидѣтельство, отослалъ его по указанному въ письмѣ адресу, т. е. на имя Юліи Карловны, которая добывъ сей драгоцѣнный документъ, показала его будущему аудитору. Рѣшено было немедленно приступить къ дѣлу, то есть приступить къ Марьѣ Өедоровнѣ, чтобы выдала еще тысячу рублей на свадьбу. Сначала написали письмо, но на него отвѣта не послѣдовало, потому что Марья Өедоровна читала только печатное, а скорописному не училась, показать же кому нибудь письмо она боялась, догадываясь, что оно въ себѣ ничего хорошаго не заключало.

Въ одно прекрасное утро, Юлія Карловна лично явилась за отвѣтомъ и, послѣ пожеланія добраго утра, сказала:

— Я къ вамъ Марья Өедоровна.

— Вижу что ко мнѣ, а зачѣмъ бы это?

— Зачѣмъ... гм. зачѣмъ? за деньгами Марья Өедоровна.

— Что я вамъ, должна что ли?

— Должны, Марья Өедоровна.

— А много ли, нельзя ли узнать?

— Всего навсего тысячу рублей!

— Опять тысячу рублей?

— Точно такъ, Марья Өедоровна.

— Ахъ ты душегубка! ахъ ты кровопійца! ахъ ты... тутъ ужь она такія посыпала причитанья, что ни словами сказать, ни перомъ написать.

Юлія Карловна хоть бы бровью пошевельнула; какъ будто эти причитанья совершенно ея не касались.

— Такъ вы не даете тысячи рублей? спросила она, когда Марья Өедоровна немного поуходилась.

— Не даю и не даю! отвѣчала та.

— Какъ угодно! значитъ, я завтра же могу объявить оберъ-полиціймейстеру на счетъ Лизы...

Марья Өедоровна только взглянула на нее; но не сказала ни слова. Юлія Карловна тоже молчала. Такъ прошло нѣсколько ми-

нутъ; потомъ Марья Өедоровна молча встала, сняла со стѣны образъ и, подавая его Юліѣ Карловнѣ, сказала:

— Клянитесь мнѣ ликомъ святаго мученика Ипполита, что вы завтра же все покончите.

Юлія Карловна произнесла: „клянусь!“ и даже перекрестилась по-русски.

Марья Өедоровна вынула изъ шкатулки пачку депозитокъ и, отсчитавъ тысячу рублей, молча отдала деньги Юліѣ Карловнѣ, которая также молча приняла ихъ, пересчитала и, положивъ въ мѣшокъ, сказала: „до свиданья Марья Өедоровна“.

— Нѣтъ не до свиданія, а совсѣмъ прощайте; я завтра уѣзжаю въ деревню.

— Да вы хоть до воскресенья подождите, въ воскресенье непремѣнно повѣнчаемъ.

— И безъ меня повѣнчаете, прощайте!

— Ну какъ хотите, прощайте, когда не угодно;—и Юлія Карловна удалилась.

Въ слѣдующее воскресенье тихо и скромно совершился обрядъ вѣнчанія въ Знаменской церкви. Въ числѣ прочихъ любопытныхъ, присутствовала въ церкви и Марья Өедоровна; когда было все кончено она подошла къ Лизѣ и поздравила ее съ вступленіемъ въ законный бракъ.

Лиза вскрикнула и упала въ обморокъ, а Марья Өедоровна поспѣшно скрылась въ толпѣ.

Весело возвратилась она на квартиру и отдала приказаніе Аксиньѣ собираться въ дорогу.

— Довольно будетъ съ меня, прибавила она. Навеселилась я въ этомъ проклятомъ Петербургѣ; теперь осталось женить Ипполитушку и мое дѣло кончено.

Аксинья, видя доброе расположеніе барыни, попросилась со двора и получила позволеніе. Марьѣ Өедоровнѣ и въ голову не пришло, что Аксинья просилась на свадьбу къ Лизаветѣ Ивановнѣ.

Свадьба была шумная. Больше всѣхъ гостей отличался Ипполитушка и къ разсвѣту такъ нагрузился, что его тутъ же и спать уложили.

На другой день Ипполитушка чувствовалъ себя дурно и почувствовалъ себя еще хуже, когда ему сказали, что онъ заложилъ свой макинтошъ Юліѣ Карловнѣ за три цѣлковыхъ, чтобы сдѣлать подарокъ невѣстѣ. Ипполитушка, подумавши не много, отправился къ Юліѣ Карловнѣ, палъ передъ нею на колѣни и вымолилъ курточку и плащъ только до вечера. Юлія Карловна сжалилась и отдала.

Кое-какъ одѣлся онъ и вышелъ на улицу. Куда же теперь идти? Онъ призадумался и призадумался не на шутку. Къ матери боялся глаза показать, а три цѣлковыхъ нужно достать, иначе Юлія Карловна и напорогъ къ себѣ не пуститъ съ пустыми руками, а это для него хуже всего на свѣтѣ.

Думалъ онъ, думалъ, да и выдумалъ вотъ какой несложный, а между тѣмъ вѣрный проектъ:

— Маменька теперь—думалъ онъ—уже третій мѣсяцъ больна и со-двора не выходитъ, слѣдовательно могутъ всѣ повѣрить, что она умерла, и если я, не заходя домой, обойду всѣхъ ея знакомыхъ и попрошу, кто что можетъ дать на погребеніе матери, неужели не наберу трехъ цѣлковыхъ? Вотъ вздоръ, да одна маіорша Поталкуева дастъ три цѣлковыхъ. Ура! прекрасно! я же тебѣ докажу поганая чухонка, что я честный человѣкъ, — и одушевленный этой истинно геніальною мыслью, онъ почти побѣжалъ вдоль улицы.

На другой день, часу въ десятомъ, начали собираться пріятельницы на выносъ тѣла покойной Марьи Өедоровны. Представьте себѣ ихъ изумленіе, когда ихъ встрѣтила мнимая покойница и стала благодарить за память. Она думала, что пріятельницы провѣдали о ея скоромъ выѣздѣ и пришли проститься съ нею. Вскорѣ она сильно разочаровалась. Сперва одна, а за ней другая, и третья пріятельницы, не выдержали и разсказали о настоящей цѣли своего посѣщенія.

Марья Өедоровна какъ ни крѣпилась, однакожъ не могла дослушать краснорѣчивую повѣсть о похожденіяхъ своего Ипполитушки, выгнала вонъ своихъ пріятельницъ и послала Аксинью за учителемъ. Когда скромный педагогъ явился, она попросила его написать объявленіе въ полицію о пропажѣ сына и сейчасъ же отправила бумагу въ часть, а педагогу дала двугривенный и просила купить листъ гербовой бумаги въ 15 коп. сер.

Въ тотъ же день передъ вечеромъ дали знать изъ части объ овцѣ обрѣтшейся и спрашивали, что съ нею дѣлать? Квартальнаго, который пришелъ къ Марьѣ Өедоровнѣ сообщить о блудномъ сынѣ, она просила написать къ кому слѣдуетъ бумагу о принятіи Ипполитушки въ городскую тюрьму на сохраненіе.

На другой день Ипполитушка уже путешествовалъ, съ шнуркомъ на рукѣ, искусно прикрываясь коротенькимъ плащемъ и въ сопровожденіи полицейскаго хожалаго прямо въ Литовскій замокъ.

Въ тотъ же день послѣ обѣда сидѣлъ за столомъ у Марьи Өедоровны смиренный наставникъ и искусно изображалъ на гербовомъ листѣ прошеніе на высочайшее имя о написаніи въ рядовые сына вдовы помѣщицы Хлюпиной за неуваженіе къ матери.

На прошеніе не замедлило воспослѣдовать соизволеніе и въ одно прекрасное утро вышелъ Ипполитушка изъ Литовскаго замка съ партіею арестантовъ на московскую дорогу по тракту въ Оренбургъ.

Не успѣлъ еще Ипполитушка пересчитать этаповъ между Москвою и Петербургомъ, какъ къ Марьѣ Өедоровнѣ пришелъ тотъ же самый квартальный и объявилъ ей, что она арестована въ собственной квартирѣ, по предписанію управы благочинія. Это случилось именно въ тотъ день, когда она собиралась оставить навсегда противный

ей Петербургъ. Квартальный вѣжливо раскланялся и исчезъ, оставивъ за собою слѣдъ т. е. полицейскаго солдата у воротъ.

Недѣлю спустя послѣ Лизиной свадьбы, благовѣрный супругъ ея, по наущенію Юліи Карловны, бойко, чотко и дѣльно написалъ прошеніе и послалъ его въ канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ. Прошеніе было распечатано самимъ министромъ, разсмотрѣно и пущено въ ходъ. По справкамъ выяснилось, что прошеніе, какъ ни казалось оно съ перваго разу неправдоподобнымъ, было справедливо. Марью Ѳедоровну арестовали и назначили слѣдствіе, по которому она оказалась виновною въ угнетеніи дѣтей своего мужа отъ перваго брака, и въ намѣреніи лишить ихъ наслѣдства въ пользу своего сына Ипполита. За все это судомъ она была приговорена къ заточенію въ отдаленный дѣвичій монастырь на вѣчное покаяніе.

Такъ кончились злыя ухищренія Марьи Ѳедоровны и теперь она, лишенная всего, даже личной свободы, въ тѣсной мрачной кельѣ „издыхаетъ какъ отравленная крыса въ норѣ“ по выраженію автора „Путешествія Гуливера“.

Елизавета Ивановна, приведя дѣла свои къ благополучному окончанію, выѣхала изъ столицы вмѣстѣ съ супругомъ своимъ, уже не простымъ писаремъ, а коллежскимъ регистраторомъ. Юлія Карловна просилась было тоже съ ними въ деревню, въ видѣ маменьки или хоть ключницы; но ей рѣшительно отказали и она осталась по прежнему содержательницей извѣстнаго заведенія.

Во всемъ уѣздѣ, или лучше во всей губерніи, уже была извѣстна исторія Лизиныхъ грустныхъ похожденій, вслѣдствіе чего чувствительныя сосѣдки помѣщицы встрѣтили ее съ распростертыми объятіями, какъ героиню настоящаго романа.

Вскорѣ, заброшенное село начало обновляться. Мужъ Лизы оказался весьма порядочнымъ сельскимъ хозяиномъ, такъ что заброшенное хозяйство пришло въ движеніе; словомъ, все воскресло съ прибытіемъ Елизаветы Ивановны; но болѣе всѣхъ почувствовалъ ее присутствіе бѣдный слѣпой Коля. Она съ нимъ ни на минуту не расставалась, ухаживала за нимъ какъ самая попечительная нянька и самая нѣжная сестра.

Церковь посѣщалъ онъ по прежнему, и по прежнему съ любовію исполнялъ обязанности дьячка и пономаря. Это было его задушевное и единственное занятіе. Часто возвращаясь поздно отъ всенощной, онъ тихо и невыразимо грустно пѣлъ: „Все упованіе мое на тя возлагаю Матерь Божія, сохрани мя подъ кровомъ твоимъ“.

Т. Шевченко.

ЧЕРНИГОВКА.

Быль второй половины XVII вѣка [1]).

I.

Въ 1676 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, въ городъ Черниговъ воротился черниговскій полковникъ Василій Кашперовичъ Борковскій изъ Батурина, куда ѣздилъ по гетманскому зову для войсковыхъ дѣлъ. Полковникъ ѣхалъ въ колясѣ, запряженной четырьмя лошадьми, а по бокамъ его коляски ѣхало съ каждой стороны по верховому козаку изъ его собственной полковничьей компаніи. По мосту, построенному черезъ рѣку Стрижень, коляса въѣхала въ деревянныя ворота съ башнею на верху, сдѣланныя въ земляномъ валу, окаймлявшемъ внутреній городъ или за̀мокъ: бревенчатая стѣна, шедшая поверхъ всей окраины вала, носила, съ перваго взгляда на нее, слѣды недавней постройки. Ударъ колокола на башнѣ возвѣстилъ о возвращеніи господина полковника. Коляса въѣхала въ одинъ изъ дворовъ, неподалеку церкви св. Параскевіи, подъ крыльцо деревяннаго дома, обсаженнаго кругомъ молодыми деревцами, которыя были огорожены плетеными, круглыми загородками для защиты отъ скотины. Разомъ со въѣздомъ во дворъ полковника, спѣшили во дворъ полковые старшины — обозный, судья и писарь, какъ только услышали звонъ на башнѣ, возвѣщавшій о пріѣздѣ полковника. Полковникъ вышелъ изъ своей коляски, взошелъ на крыльцо и, подбоченясь по начальнически, ожидалъ старшинъ, скоро шедшихъ по направленію къ крыльцу и уже на дорогѣ снимавшихъ шапки. Полковникъ въ отвѣтъ на ихъ поклоны чуть приподнялъ свою шапку, ничего имъ не сказалъ, а только смотрѣлъ на нихъ и повернулся ко входу въ свой домъ. Старшины послѣдовали за нимъ, неся

---

[1]) Содержаніе взято изъ дѣлъ Малороссійскаго приказа, хранящихся въ Московскомъ архивѣ юстиціи, кн. 46. л. 221—228.

въ рукахъ шапки. Выбѣжавшіе изъ дома служители суетились около коляси и вынимали оттуда дорожныя вещи. Въ сѣняхъ встрѣчали полковника члены его семьи: жена, сынъ и двѣ дочери. Не сказавши ни слова семьѣ, полковникъ обратился къ писарю и сказалъ:

— Панъ писарь! бѣги скорѣе и пиши универсалы ко всѣмъ сотникамъ: пусть немедля съѣзжаются въ Черниговъ съ выборными козаками изъ своихъ сотенъ. Будетъ походъ. Прибавь: что если который изъ нихъ замѣшкаетъ и не явится къ сроку—тому не миновать значительнаго войскового наказанія. А васъ, господа судья и обозный, я позову: надобно съ вами поговорить. Господинъ гетманъ командируетъ нашъ полкъ за Днѣпръ на Дорошенка.

Старшины ушли. Полковникъ вошелъ изъ сѣней въ просторную комнату, уставленную по окраинѣ стѣны лавками, покрытыми черною кожею, нѣсколькими креслами съ высокими спинками и двумя столами, покрытыми цвѣтными коврами. Служитель снялъ съ него верхнее платье. Тогда полковникъ поцѣловался съ женою, потомъ съ дѣтьми, которые, подходя къ отцу, прежде кланялись ему до земли, а потомъ цѣловали ему руку. Полковникъ приказалъ служителю подать трубку и разсѣлся въ креслѣ близь стола.

Полковница, матерая женщина, лѣтъ за сорокъ, въ парчевомъ кораблике на головѣ и въ зеленой, вышитой серебромъ „сукнѣ [1])", спросила мужа не прикажетъ ли онъ подать что нибудь поѣсть и выпить. Полковникъ поморщился, сказалъ что онъ на дорогѣ поѣлъ, а до ужина не далеко, но потомъ, подумавши, попросилъ выпить „терновки". Ему подала на подносѣ вошедшая прислужница. Полковникъ выпилъ, поставилъ серебряную чарку на подносъ и спросилъ жену:

— Былъ кто у насъ безъ меня?

— Пріѣзжалъ новый воевода, сказала полковница.

— Каковъ онъ изъ себя? спросилъ полковникъ.

— Такъ себѣ человѣкъ, отвѣчала полковница: не очень старъ, не очень молодъ; лицо у него красное, не много рябое. А кто его знаетъ каковъ онъ! Я спросила его: доволенъ ли онъ здѣшнимъ житьемъ; онъ отвѣтилъ, что доволенъ, и сталъ себя расхваливать. Со мною, говоритъ, уживетесь; я человѣкъ простой и правдивый и душевно полюбилъ народъ вашъ малороссійскій. Дай Богъ чтобы вы меня такъ полюбили, какъ я васъ. Потомъ сталъ говорить на церковный ладъ, разспрашивалъ о церквахъ, хвалилъ тебя за усердіе къ церкви Божіей и за то, что храмы воздвигаешь.

— Они, сказалъ полковникъ, всѣ такіе любезные какъ только пріѣдутъ къ намъ, а обживутся не такими станутъ.

— А я уже и про этаго слышала не весьма хорошую вѣсть, сказала полковница, переминаясь.

---

[1]) Женское платье.

— Что же ты слышала такое? спросилъ напряженно полковникъ.

— Говорятъ, черезъ день послѣ того, какъ онъ сюда пріѣхалъ, сталъ разспрашивать какія у насъ въ Черниговѣ есть колдуньи и уже одну, говорятъ, приводили къ нему тѣ изъ московскихъ стрѣльцовъ, что здѣсь оставались послѣ прежняго воеводы.

Полковникъ не отвѣчалъ на это ничего, какъ будто не слыхалъ того, о чемъ разсказывала ему жена, и завелъ рѣчь о другомъ, сообщилъ, что ихъ полкъ посылаютъ вмѣстѣ съ другими на Дорошенка понуждать его чтобъ ѣхалъ, по данному прежде обѣщанію, на лѣвый берегъ Днѣпра слагать съ себя гетманскій санъ передъ княземъ Ромодановскимъ и гетманомъ Иваномъ Самойловичемъ. Полковникъ изъявилъ сожалѣніе, что ему не даютъ времени строить предпринятыя зданія въ Черниговѣ и безпрестанно отрываютъ къ другимъ дѣламъ. Борковскій былъ большой охотникъ строиться. Много церковныхъ зданій въ Черниговѣ обязаны ему поправками, прибавками, а иныя появленіемъ на свѣтъ. И теперь былъ онъ озабоченъ постройкою братской трапезы въ Елецкомъ монастырѣ, поручалъ въ свое предполагавшееся отсутствіе женѣ наблюдать за начатымъ дѣломъ, вести переговоры съ штукатурами и малярами и приказывалъ ей во всемъ поступать съ совѣта отца архимандрита Іоанникія Голятовскаго. Во время этой бесѣды съ женою, дѣти находились здѣсь же и стояли почтительно у стѣны: хотя сыну пошелъ уже двадцатый годъ, а одной изъ дочерей семнадцатый, но они безъ воли отцовской не смѣли сѣсть въ присутствіи родителя и завести рѣчь съ нимъ прежде чѣмъ онъ самъ за чѣмъ нибудь къ нимъ обратится. Съ самой женой Борковскій, хотя былъ любезенъ, но постоянно серьезенъ и жена, примѣняясь къ его нраву, говорила съ нимъ такъ, что готова была только исполнять то, что онъ придумаетъ и ей укажетъ.

Во время бесѣды полковника съ женою вошелъ служитель и доложилъ, что идетъ новоприбывшій въ Черниговъ воевода. Полковникъ тотчасъ всталъ и пошелъ къ дверямъ, въ которыя входилъ гость. Это былъ краснощекій, съ небольшою круглою русою бородкою, невысокорослый человѣкъ, одѣтый въ бархатный кафтанъ голубого цвѣта съ большимъ стоячимъ воротникомъ, вышитымъ золотомъ. Кафтанъ былъ застегнутъ на всѣ пуговицы, серебрянныя, грушевидныя съ прорѣзью. Воевода несъ въ рукѣ шапку, сдѣланную на подобіе колпака. Его звали Тимоѳей Васильевичъ Чоглоковъ. Осклабляясь, онъ поклонился полковнику, касаясь пальцами до земли, и сказалъ:

— Земно и низко кланяюсь высокочтимому господину полковнику! Я новый черниговскій воевода, недавно прибылъ въ вашъ городъ по указу царскому на урядъ. Челомъ бьемъ и усердно просимъ любить насъ и жаловать и быть къ намъ во всѣхъ дѣлахъ милостивцемъ.

И воевода еще разъ поклонился, коснувшись пальцами руки до помоста.

— И къ намъ недостойнымъ царскимъ слугамъ и подножкамъ царскаго престола просимъ быть милостивцемъ и теплымъ заступникомъ предъ царскимъ пресвѣтлымъ величествомъ, сказалъ полковникъ, также кланяясь.—Се моя господыня [1]),—прибавилъ Борковскій, подводя къ воеводѣ жену:—а се мои дѣти, ихъ же ми даде Богъ!

— Съ боярынею твоею видались мы, сказалъ осклабляясь воевода; какъ пріѣхалъ я въ Черниговъ—первымъ дѣломъ было идти и тебѣ поклониться, а твоей вельможности тутъ не было, такъ я господыню твою милостивую видѣлъ и челомъ ей побилъ!

Воевода, кланяясь въ поясъ полковницѣ и дѣтямъ, бросилъ мимоходомъ на старшую дочь Борковскаго такой взглядъ, въ которомъ опытному наблюдателю можно было отгадать впечатлѣніе, какое невольно производитъ на записного женолюбца видъ каждаго смазливаго женскаго личика.

Жена и дѣти вышли. Полковникъ усадилъ воеводу въ кресло и началъ съ нимъ разговоръ. Немного спустя, вышедшая за двери пани Борковская воротилась снова въ сопровожденіи служанки, которая несла на серебренномъ подносѣ графинъ съ водкою и варенье. Полковница просила воеводу отвѣдать ея хозяйственнаго приготовленія, такъ какъ она сама наливала водку на ягоды и сама варила варенье.

Воевода, выпивши, по обычаю поцѣловался съ хозяйкою, потомъ, обратясь къ хозяину, сказалъ:

— Во истину видимо благословеніе Божіе на домъ твоей вельможности! Жена твоя яко лоза плодовитая и дѣти твои яко гроздіе вокругъ трапезы твоея!

— А у твоей милости, господинъ воевода, съ собою здѣсь хозяйка? спросилъ полковникъ.

— Нѣту, отвѣчалъ воевода, молодымъ было родители меня женили, да жена, проживши со мною три года, померла.

— Чтожъ? господинъ воевода еще не старъ. Можетъ быть пошлетъ Богъ другую супружницу, сказалъ полковникъ.

— Я тебѣ доложу, господинъ вельможный полковникъ, вотъ какъ— говорилъ съ многозначительнымъ постнымъ выраженіемъ лица воевода, я точно еще не старъ, да позналъ тщету земнаго житія. О душевномъ спасеніи хочу мыслить, а не о тѣлесныхъ сластѣхъ.

Полковникъ бросилъ женѣ недовѣрчивый взглядъ и спросилъ воеводу:

— Твоя милость у насъ въ гетманщинѣ перво на воеводствѣ, или были прежде еще въ какомъ нашемъ городѣ?

— Въ малороссійскихъ городахъ пришлось быть въ первый разъ у васъ въ Черниговѣ на воеводствѣ, а въ Слободскихъ полкахъ былъ

---

[1]) Хозяйка.

воеводою въ Харьковскомъ полку въ городѣ Чугуевѣ; тамъ не много узналъ я вашихъ людей. И скажу твоей вельможности по душѣ: такъ полюбилъ вашъ народъ, что жалѣю за чѣмъ не родился вашимъ человѣкомъ! Такіе у васъ добрые, богоугодные люди, отъ нихъ же первый и наилучшій господинъ черниговскій: объ немъ далеко слава идетъ. И въ Москвѣ всѣ говорятъ про то, какъ онъ усердствуетъ о благолѣпіи церквей Божіихъ и какъ ко всему священному дѣлу навыченъ и охоченъ.

— Я послѣдній и наихудѣйшій отъ многихъ, сказалъ Борковскій,— трудимся въ потѣ лица своего, по Божіей волѣ, да въ день судный заступленіе имамы отъ Пресвятыя Богородицы.

— Былъ я, говорилъ воевода, у преосвященнаго Лазаря и у отца архимандрита Іоаникія и у отца игумена Зосимы. Какія это честныя особы! Какіе умные, свѣдущіе философы! Истинно у насъ въ Московской землѣ такихъ не сыщешь, хоть всю землю исходи. И они въ единъ гласъ про вельможность твою доброе слово говорятъ, да величаютъ честность твою.

— Держимся на свѣтѣ молитвами оныхъ богоугодныхъ мужей! сказалъ Борковскій.

Вошелъ полковой писарь съ бумагами.

— Уже написано? сказалъ полковникъ,—и хорошо: къ спѣху надобно! Всѣмъ сотникамъ?

— Всѣмъ, отвѣчалъ писарь.

Полковникъ закричалъ, чтобъ ему подали чернильницу и подписалъ одинъ за другимъ шестнадцать приказовъ сотникамъ черниговскаго полка. Писарь, забравши бумаги, ушелъ. Вслѣдъ затѣмъ служитель доложилъ, что у крыльца дожидается сотникъ черниговской сотни. Борковскій приказалъ позвать его.

Вошелъ молодой, лѣтъ тридцати, мужчина, статный, бѣлолицый, черноусый, съ высокимъ открытымъ лбомъ, съ большими глазами. Это былъ тогдашній сотникъ черниговской полковой сотни Булавка. Поклонившись полковнику, онъ обвелъ большими глазами вокругъ себя и на мгновеніе остановилъ ихъ на гостѣ, какъ будто желая спросить полковника: можно ли при немъ говорить о томъ зачѣмъ пришелъ; потомъ, успокоившись отъ раздумья, началъ полковнику говорить:

— У вашей вельможности пришелъ спросить: если будетъ походъ, какъ сейчасъ пришла бумага отъ твоей вельможности, то не могу ли оставить въ городѣ и не брать въ походъ моего шурина козака Молявку-Многопѣняжнаго: онъ обручился и ему нужно свадьбу съиграть.

— Этого никакъ нельзя! сказалъ строго полковникъ,—если твоего шурина оставить для свадьбы, то другіе козаки станутъ просить чтобы и ихъ оставили: кто—для свадьбы, кто—для похоронъ, а кто—выдумаетъ себѣ иное что-либо... Не позволю... не проси! Пусть твой шуринъ подождетъ; вернемся изъ похода, тогда и свадьбу съиграетъ. У кого твой шуринъ обручился?

— У козака Филиппа Куса, сказалъ сотникъ,—единственная дочь у отца. Если ужъ никакимъ образомъ нельзя оставить моего шурина, такъ нельзя-ли теперь, въ Петровъ постъ, повѣнчать его, а свадьбу сыграютъ уже какъ, Богъ дастъ, возвратятся изъ нохода.

Полковникъ на это отвѣчалъ:

— Это уже не наше козацкое дѣло, а церковное. Пускай проситъ владычнаго разрѣшенія у преосвященнаго Лазаря, а я, полковникъ, отъ себя противности не имѣю. Пускай себѣ повѣнчаются, если владыка дозволитъ. Только мы въ походъ выступаемъ въ воскресенье, а послѣ-завтра суббота. Твой шуринъ долженъ быть въ походѣ.

— Какъ? Развѣ это у васъ можно? замѣтилъ воевода.—Вы, кажись, православнаго закона! Какъ же это? въ Петровъ постъ свадьбу праздновать?

Полковникъ отвѣчалъ:

— Собственно запрещается въ постные дни свадебное пиршество, „весилье" по нашему, а чтобы совершить обрядъ церковный—для этого нужно только разрѣшеніе архіерея; а какъ архіерею извѣстно, что „весилья" въ постъ не будетъ, то и разрѣшитъ. У насъ, господинъ воевода, такой есть обычай отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, что мужъ съ женою сожительствуютъ и признаются передъ всѣмъ свѣтомъ въ брачномъ союзѣ только съ того времени, какъ отгуляютъ свадьбу у „молодой" и у „молодого" по нашему обычаю, какъ это заведено въ народѣ нашемъ, а до той поры „молодая" ходитъ какъ дѣвица съ непокрытою головою и никто ее не признаетъ за замужнюю женщину, пока не „покроютъ" на свадебномъ пиршествѣ. Оттого-то у насъ архіерей можетъ, въ самомъ крайнемъ случаѣ, разрѣшить вѣнчанье въ постъ, лишь бы только зналъ, что впредь до окончанія поста не будутъ отправлять „весилья".

Въ продолженіе этой объяснительной рѣчи сотникъ Булавка стоялъ потупивши голову, но изрѣдка съ любопытствомъ бросалъ взгляды на воеводу, а тотъ жадно слушалъ полковника.

— Странныя для насъ, русскихъ московскихъ людей, дѣла разсказываешь ты, господинъ полковникъ, сказалъ воевода,—такого ничего не дѣлается у насъ въ Московской землѣ. Однако, и то справедливо говорятъ добрые люди: что городъ—то норовъ, что край—то свой обычай. Грѣха тутъ, я думаю, нѣтъ. У васъ изстари такъ повелось, а у насъ не такъ, а вѣра у насъ все-таки одна остается, хоть видишь, вонъ что у васъ архіереи разрѣшаютъ, а у насъ никто къ архіерею объ этомъ и просить не посмѣетъ пойти. У васъ, прибавилъ онъ, обращаясь не къ хозяину, а къ сотнику,—и при вѣнчаньи можетъ быть такое творится, чего у насъ нѣтъ?

— Не знаю, отвѣчалъ Булавка, я въ Московской землѣ не бывалъ и не видалъ какъ тамъ у васъ что дѣлается.

— Непремѣнно пойду въ церковь какъ будетъ вѣнчаться козакъ, шуринъ этого сотника—говорилъ воевода, обращаясь къ Борковскому: прикажи, господинъ полковникъ, меня извѣстить, я пойду!

— Самъ съ твоею милостію пойду! сказалъ Борковскій.

Сотникъ хотѣлъ уходить, но полковникъ приказалъ ему остаться. Воевода понялъ, что полковникъ имѣетъ сказать сотнику нѣчто на единѣ, попрощался съ хозяиномъ и, провожаемый имъ въ сѣни, ушелъ въ свой дворъ, отстоявшій отъ полковничьяго саженяхъ во ста.

Воротившись опять въ комнату, Борковскій сказалъ:

— Панъ сотникъ! Разузнай для меня, какую это „чаровницу" зазывалъ къ себѣ этотъ воевода, какъ говорятъ.

— Мнѣ узнавать объ этомъ не приходится, вельможный панъ сказалъ Булавка: я уже знаю. Приходила къ нему Ѳедосія Бѣлобочиха, а приводилъ ее стрѣлецъ Лозовъ Якушка. А зачѣмъ ее звали, того не знаю.

— Кликни ее сейчасъ къ себѣ; а какъ придетъ—пришли со сторожевыми казаками ко мнѣ, сказалъ полковникъ.

Сотникъ быстро ушелъ. Борковскій велѣлъ позвать обознаго, судью и писаря, разговаривалъ съ ними о дѣлахъ полковыхъ и о походѣ. Наконецъ служитель доложилъ, что казаки привели бабу Бѣлобочиху. Обозный, судья и писарь при этомъ имени разомъ засмѣялись.

— Чему вы, господа, смѣетесь? сказалъ со строгимъ видомъ полковникъ.

Судья сказалъ:

— Извини, вельможный панъ, развѣ какое срамное дѣло ведется? Баба эта Бѣлобочиха всѣмъ извѣстная сводня въ Черниговѣ.

— Ну такъ! Хорошо, господа, что вы здѣсь случились, сказалъ Борковскій: войдите въ другую комнату и слушайте оттуда, что станетъ говорить мнѣ эта Бѣлобочиха.

Обозный, судья и писарь вошли по указанію хозяина въ другую комнату, слѣдовавшую за тою, гдѣ происходила бесѣда. Ввели казаки бабу Бѣлобочиху. То была низкорослая, съ короткою шеею женщина лѣтъ пятидесяти, съ маленькими простодушными и вмѣстѣ лукавыми глазками.

Полковникъ подошелъ прямо къ ней съ очень строгимъ и суровымъ видомъ и сказалъ:

— Баба! волшебствуешь, чародѣйствуешь! людямъ вредъ дѣлаешь! Вотъ я тебя пошлю къ владыкѣ, чтобъ на тебя епитемію наложилъ, да въ монастырь на работу заслалъ года на два, а то и на долѣе.

— Я никому вреда не дѣлала! говорила Бѣлобочиха, перекачивая голову изъ стороны въ сторону и отважно глядя на полковника. А если кто позоветъ въ какой болѣзни, то не отговариваюсь, и твоя милость, коли позовешь, то прійду и все подѣлаю, что можно и какъ Богъ поможетъ.

— Врешь! сказалъ полковникъ, зачѣмъ ты ходила къ воеводѣ?

— А присылалъ звать—затѣмъ и ходила, отвѣчала Бѣлобочиха.

— А для чего присылалъ за тобою? Чего отъ тебя хотѣлъ? Спрашивалъ полковникъ.

— Да говорилъ, запинаясь отвѣчала баба, про какую-то свою болѣзнь, а я и не очень-то разобрала, что онъ мнѣ тамъ говорилъ по московски; я ему отвѣтила—ничего не знаю, да и ушла отъ него.

— Врешь, баба! сказалъ полковникъ, не за тѣмъ тебя звали, не то воевода говорилъ тебѣ, не такой ты ему отвѣтъ дала! Эй, казаки!.. выведите эту бабу на дворъ да взмыльте ей спину нагайкою изъ желѣзнаго прута!

— Панъ вельможный!.. вскричала Бѣлобочиха, я не стану доводить себя до нагайки. Скажу и безъ нее. Воевода спрашивалъ меня нельзя ли достать ему красивую „дивчину“, потому говоритъ я одинокій человѣкъ, скучно спать, да такую, говоритъ, дѣвку, чтобы къ нему по ночамъ ходила.

— А ты ему что на это сказала? спросилъ полковникъ.

— Я сказала: не знаю... За такое дѣло никогда не бралась! отвѣчала Бѣлобочиха.

— Вранье! Не то ему ты отвѣтила! сказалъ Бѣлобочихѣ полковникъ, потомъ, обращаясь къ казакамъ, присовокупилъ: вспрысните-ко ей плечи нагайками!

— Панъ вельможный! закричала Бѣлобочиха, смилуйся! Всю правду скажу, только не выдайте меня передъ воеводою; онъ меня тогда со свѣта сгонитъ: онъ велѣлъ никому того не выявлять, что мнѣ говорилъ.

— Мое полковницкое слово, что не скажу, отвѣчалъ полковникъ, и бить не буду, лишь бы только правду сказала. Говори, да не утаивай! Что отвѣтила? На какую дѣвку указала?

— Вотъ же всю правду скажу, заговорила Бѣлобочиха, спрашивалъ меня воевода: какая здѣсь въ Черниговѣ самая пригожая дѣвушка? А я ему сказала, что какъ на мой глазъ, то нѣту краше Ганны Кусовны, что, какъ говорятъ, просватана за козака Молявку. А воевода говоритъ: гдѣ бы мнѣ ее увидѣть? А я ему говорю: а гдѣ жъ? въ церкви! А онъ говорилъ чтобъ я узнала въ какой церкви будетъ эта дѣвка, такъ онъ туда пойдетъ, чтобъ повидать ее. Вотъ и все! Больше и разговора у меня съ воеводою не было. Вотъ вамъ крестъ святой.

И Ѳеська [1]) перекрестилась.

Полковникъ, разговаривая съ кѣмъ бы то ни было, по выраженію глазъ и по звуку рѣчи отлично умѣлъ узнавать: правду ли ему говорятъ или ложь. На этотъ разъ онъ замѣтилъ, что Бѣлобочиха не лжетъ, и отъ ней онъ болѣе ничего не добивался, а потому и отпустилъ. Ѳеська убѣжала во всю старческую прыть, довольная тѣмъ, что избавилась отъ грозившей ея плечамъ „дротянки“.

— Слыхали, господа? спросилъ полковникъ вышедшихъ изъ другого покоя старшинъ.

— Слышали, все слышали! былъ отвѣтъ.

---

[1]) По малорусски уменьшительное имя Ѳеодосіи.

— Такъ молчите до поры до времени, а какъ время придетъ, тогда заговоримъ, и намъ, можетъ, пригодится то, что теперь слышали, сказалъ тогда полковникъ.

II.

Много цвѣтовъ въ садахъ зажиточныхъ козаковъ, а между цвѣтами нѣтъ ни однаго такого, какъ роза. Ни „крещатый барвинокъ", ни „пахучій василекъ"—ничто не сравнится, какъ говоритъ народная пѣсня, съ этой розою, превосходною, прекраснѣйшею розою. Вотъ такъ же: много красныхъ дѣвицъ въ городѣ Черниговѣ и ни одна изъ нихъ не сравнится съ Ганною [1]) Кусовною—дочерью казака Пилипа [2]) Куса. Много писателей восхваляло въ своихъ описаніяхъ красоту женскую, такъ много, что если бы собрать все, что написано было въ разныхъ краяхъ и на разныхъ языкахъ о женской красотѣ, то никакого царскаго дворца не достало бы для помѣщенія всего написаннаго по этой части. Но правду сказать, еслибъ стало возможности прочитать все написанное о женской красотѣ, то едва ли много оказалось бы тамъ такого, что было бы выше одиой истинной красавицы, существующей не въ книгахъ, а въ природѣ. По этой-то причинѣ мы не станемъ изображать красоты Ганны Кусовны, а скажемъ только, что въ теченіи трехъ лѣтъ онаго времени въ Черниговѣ, кого-бы ни спросили: кто изъ дѣвицъ черниговскихъ всѣхъ красивѣе—всѣ въ одно сказали бы, что нѣтъ красивѣе Ганны Кусовны; не сказалъ бы развѣ тотъ, кто уже полюбилъ другую дѣвицу, такъ какъ всегда для влюбленнаго никакая особа женскаго пола не кажется прекраснѣе предмета его любви. Само собою разумѣется, много было желавшихъ получить ее себѣ въ подруги жизни и какъ же долженъ былъ казаться счастливымъ тотъ, кому обѣщала красавица свое сердце. Эта завидная для многихъ доля выпала казаку Яцьку [3]) Ѳеськовичу [4]) Молявкѣ-Многопѣняжному.

Ходитъ красавица въ своемъ „рутяномъ садочку", молодецъ подстилается къ ней „пахучимъ василькомъ", „крещатымъ барвинкомъ": яснымъ соколомъ пробирается молодецъ сквозь „калиновыя" вѣтви, поймать хочетъ пташку-пѣвунью, унести ее въ свое теплое гнѣздышко [5]). Вотъ сквозь вѣтви зеленыхъ деревъ блеститъ полуночное небо съ безчисленными звѣздами, всходитъ ясный мѣсяцъ и полюбилась ему одна звѣздочка паче прочихъ и мѣсяцъ гоняется за нею, хочетъ схватить звѣздочку въ свои объятія. А молодецъ Яцько Мо-

---

[1]) По малорусски Ганна—Анна.

[2]) По малорусски Пилипъ—Филипъ.

[3]) Якову.

[4]) Ѳедосьевичу.

[5]) Рута зеленая, пахучій василекъ, крещатый барвинокъ и калина — любимыя и символическія растенія малорусскихъ дѣвицъ.

лявка-Многопѣняжный посреди многихъ дѣвицъ черниговскихъ полюбилъ паче всѣхъ прекрасную Ганну Кусовну и хочетъ ввести ее хозяйкою подъ свой домашній кровъ.

А вотъ въ хатѣ казака Пилипа Куса при свѣтѣ лампады сидитъ пожилая Кусиха со свахою и съ молодою дочерью Ганною. Онѣ дожидаются стараго хозяина казака Куса съ его молодымъ нареченнымъ зятемъ; вмѣстѣ отправились они къ владыкѣ Лазарю Барановичу и воротятся съ приговоромъ судьбѣ Ганны Кусовны. Съ нетерпѣніемъ мать и дочь прислушиваются къ каждому звуку за окнами, за стѣнами хаты, на дворѣ и на улицѣ, мало говорятъ между собою — все только слушаютъ. Вотъ, наконецъ, заскрипѣли ворота, кто-то въѣхалъ во дворъ. Ганна бросается къ окну, вглядывается во дворъ, озаренный луннымъ свѣтомъ и въ тревогѣ восклицаетъ: „матѣнко, это наши"!

Вошли въ хату казакъ Пилипъ Кусъ и козакъ Яцько Молявка-Многопѣняжный.

Познакомимся теперь съ обоими по одиночкѣ.

Пилипъ Кусъ былъ козакъ лѣтъ сорока слишкомъ, плечистый, бѣлокурый, съ лысиной на передней части лба; въ его волосахъ чуть пробивалась сѣдина. По отсутствію морщинъ на лицѣ и по веселымъ спокойнымъ глазамъ проницательный наблюдатель могъ понять, что жизнь этого человѣка проходила безъ большихъ потрясеній и безъ крупныхъ несчастій. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ немногихъ непріятностей, безъ которыхъ вообще не обойдется земное бытіе, этому человѣку выпала такая доля, какую въ тогдашней козацкой Украйнѣ могъ имѣть далеко не всякій козакъ. Родился Кусъ въ Черниговѣ, гдѣ и теперь проживалъ, родился въ семьѣ не очень богатой и не очень бѣдной: у Кусова отца, какъ и у Кусова дѣда, всегда было что поѣсть и выпить и во что одѣться, и нищему подать Христа ради. И у нашего Куса жизнь повелась точно также. Раза три приходилось ему ходить въ походъ съ прочими казаками своего полка, но раненъ онъ не былъ ни разу; только навела было на него скорбь смерть его тестя козака Мурмыла, убитаго въ схваткѣ съ поляками. Но вѣдь это что за несчастіе въ козацкомъ быту, когда каждый козакъ съ дѣтства привыкаетъ къ мысли потерять въ бою кого-нибудь изъ близкихъ или самому положить голову! Пилипъ женился лѣтъ двадцати отъ роду, взялъ въ приданное за женою кусокъ земли въ Сѣдневской сотнѣ, дней въ тридцать, и жилъ съ женою въ полномъ согласіи. У него, кромѣ жениной земли, былъ верстахъ въ осьми отъ Чернигова еще и отцовскій участокъ, съ рощею, гдѣ стояла его пасѣка, и было у Куса довольно земли, такъ что Кусъ землю свою отдавалъ другимъ съ половины. У Кусовъ было четверо дѣтей, но трое умерли въ младенчествѣ; уцѣлѣло четвертое дитя, дочка Ганна, которую теперь собирались родители отдавать за-мужъ.

Женихъ Ганны Кусовны происходилъ отъ предковъ не изъ козацкаго, а изъ мѣщанскаго рода и былъ захожимъ человѣкомъ въ

Черниговѣ. Дѣдъ его Ѳедоръ Молявка жилъ въ Браславѣ и отдавалъ деньги въ ростъ: за это какой-то дьячекъ приложилъ ему кличку Многопѣняжный и такая кличка привилась къ его роду. Сыновья Ѳедора наслѣдовали, вмѣстѣ съ этой кличкой, любовь къ отцовскому промыслу и возбуждали своею алчностію слухъ о несмѣтномъ своемъ богатствѣ. Козацкій гетманъ Павло Тетеря, нуждаясь въ деньгахъ, прицѣпился къ одному изъ нихъ Ѳеську Ѳедоренку [1]), требовалъ отъ него денегъ; Ѳесько, разставшись по неволѣ съ тѣмъ, чего нельзя было укрыть, клялся всѣми святыми, что у него болѣе ничего нѣтъ; но Тетеря подвергъ его пыткѣ, отъ которой Ѳесько и умеръ. Скоро, однако, Тетеря былъ разбитъ Дроздомъ и выгнанъ изъ Украины. Но Дрозду нужны были деньги также какъ и Тетерѣ, и Дроздъ принялся за вдову Ѳеська, взмылилъ ей спину нагайками, допрашивая, куда запрятаны у ней мужнины деньги, не добился признанія и посадилъ ее въ тюрьму. Черезъ мѣсяцъ послѣ того Дроздъ былъ разбитъ Дорошенкомъ, отведенъ въ Чигиринъ и тамъ разстрѣлянъ. Вдова Ѳеська освободилась изъ тюрьмы, но опасалась, чтобъ и Дорошенко не сталъ дѣлать съ нею того же, что дѣлали Дроздъ и Тетеря, она поспѣшила выкопать изъ подъ земли зарытые мужемъ червонцы, и вмѣстѣ съ сыномъ и дочерью ушла на лѣвую сторону Днѣпра. Два брата Ѳеська еще прежде перебрались туда съ женами и гдѣ-то поселились въ Слободскихъ полкахъ, куда, какъ въ обѣтованную землю, стремились тогда переселенцы съ праваго берега Днѣпра. Вдова Ѳеська Молявки-Многопѣняжнаго не пошла слишкомъ далеко искать новоселья, а по совѣту родныхъ своихъ пріютилась въ Черниговѣ, выпросила себѣ мѣсто для двора и тамъ построилась какъ слѣдовало. Дочь ея вышла за-мужъ за Булавку, который потомъ сдѣланъ былъ сотникомъ черниговской полковой сотни, а сынъ, который былъ моложе сестры своей нѣсколькими годами, отданъ былъ въ обученіе чтенію и письму, а потомъ записанъ въ козаки. Грамотность была далеко не повсемѣстна между козаками, однако уже уважалась, и Молявка-Многопѣняжный, черезъ то уже, что умѣлъ читать и писать, могъ надѣяться повышеній въ козацкой службѣ. Ему былъ двадцать второй годъ отъ роду, когда онъ увидалъ панну Кусовну и задумалъ на ней жениться.

Яцько былъ подъ руку Ганнѣ,—чернобровый, кудрявый, становитый, писанный красавецъ и не бѣденъ, какъ говорили; кромѣ двора у него никакой недвижимости въ Черниговѣ не значилось, но слухи носились, что у его матери были деньги, а сколько было денегъ примѣрно, того не говорилъ никто, и самъ сынъ не въ состояніи былъ сказать. Несчастія, перенесенныя его матерью изъ-за денегъ, сдѣлали ее скупою и скрытною. Кто-бы съ нею ни заводилъ разговоръ, она первымъ дѣломъ хныкала и жаловалась на сиротство, безпомощность и бѣдность и каждому разсказывала, какъ у ея мужа отнялъ деньги

[1]) Ѳедоровичу.

и самого замучилъ Тетеря. Когда сынъ объявилъ матери, что замыслилъ жениться, мать сперва не слишкомъ желательно приняла эту новость, но не стала сыну перечить, когда узнала, что Кусъ—козакъ не бѣдный и дочь у него единственная. Мать Молявки-Многопѣняжнаго отправилась въ гости къ Кусихѣ и скоро сошлась съ нею; всегда веселая, спокойная, добродушная Кусиха хоть кого могла привязать къ себѣ. Обѣ старухи были вмѣстѣ, когда Кусъ и Молявка-Многопѣняжный вошли въ хату.

— Ну что? Съ перцемъ или съ макомъ? спрашивала бойкая, словоохотливая и привередливая Кусиха.

— По нашему сталось. За чѣмъ ходили, то и получили, сказалъ торжествующимъ тономъ Кусъ. А будетъ ли то совсѣмъ по душѣ нашему любезному зятю—спросите у него самого.

— Не оставляютъ свадьбу съиграть? спрашивала сына Молявчиха Многопѣняжная.

— Ни за что!.. сказалъ Яцько,—полковникъ даже разсердился, грозно глянулъ на меня и проговорилъ: коли станете докучать, то не дозволю тебѣ и вовсе жениться.

— Ну какъ таки онъ не дозволитъ? Гдѣ такой законъ, чтобы полковникъ не дозволилъ козаку жениться? говорила мать Молявки.

— Съ панствомъ не совладаешь! сказалъ Молявка, что панство говоритъ, то намъ и слѣдуетъ дѣлать, а если не послушаешься, то что изъ этого будетъ? Тогда, пожалуй, надо заранѣе навострить лыжи, а коли останешься на мѣстѣ подъ панскимъ „региментомъ", то панъ пройметъ тебя не тѣмъ, такъ другимъ! Вотъ такъ и со мною: ты, говоритъ, записанъ въ выборѣ! А я говорю: если твоей милости благоугодно будетъ, то вельможный панъ можетъ... а самъ ужъ не договариваю, только кланяюсь низко... А онъ перебилъ меня и говоритъ: что можетъ вельможный панъ, про то тебѣ не разсуждать, молодъ еще; а вельможному пану то не нравится, чтобъ ты здѣсь оставался, хочетъ вотъ вельможный панъ чтобъ ты съ прочими выборными шелъ въ походъ!.. А что жъ? Онъ и правъ. Скачи, враже, якъ панъ каже!

— Правда это, правда, сыну!.. подхватилъ Кусъ. Подначальное дѣло наше. Мы должны быть въ послушаніи у власти. Вотъ, напримѣръ, хоть бы и я! Меня уже давно не вписываютъ въ наряды, а вздумалось бы вписать панству, сказали бъ: иди, Кусъ, и Кусъ хочетъ ли не хочетъ, а долженъ идти!

Молявка подсѣлъ къ невѣстѣ и началъ съ нею говорить почти шопотомъ, такъ что другимъ не слышно было рѣчей его. Невѣста, слушая его рѣчи, то улыбалась, то кивала одобрительно головою. Впрочемъ, еслибъ и можно было слышать ихъ разговоръ между собою, то передавать на бумагу разговоры между женихомъ и невѣстою, довольно трудно. Бываетъ въ такихъ разговорахъ безсвязница, а они все таки бываютъ кстати и доставляютъ пріятность тѣмъ, которые

ихъ ведутъ. Кусиха вышла изъ хаты, потомъ воротилась уже въ сопровожденіи „наймички“; обѣ несли скатерть, оловянныя тарелки, ножи, ложки, хлѣбъ и водку въ скляницѣ. Постлали скатерть, поставили на ней „пляшку“ съ водкой и положили хлѣбъ. Тогда наймичка вышла въ другую хату, находившуюся черезъ сѣни, въ которой обыкновенно топилась печь и готовилась ѣства, а хозяйка просила всѣхъ садиться за ужинъ; сама же изъ шкафа, стоявшаго на право отъ порога, вынула серебренныя чарки и поставила на столѣ.

Выпили по чаркѣ настойки, заѣли хлѣбомъ и „оселедцемъ“. Наймичка внесла большую оловянную мису съ рыбною ухою, потомъ ушла снова и воротилась съ оловяннымъ блюдомъ, на которомъ лежали жареные караси, а молодая Кусовна, пошедши въ чуланъ, находившійся въ сѣняхъ, принесла оттуда деревянный складень съ медомъ. Затѣмъ наймичка внесла на оловянной мисѣ цѣлую гору оладей и ушла. Наймичка сама не садилась за столъ: работники прежде „вечеряли“ сами, потому что хозяева въ этотъ день собрались ужинать позже обыкновеннаго.

— Когда же ихъ будутъ вѣнчать? спрашивала Молявчиха.

— Послѣ завтра, въ воскресенье, сказалъ Кусъ, какъ отслужится ранняя обѣдня у св. Спаса. Владыка проговорилъ намъ наставленіе, какъ нужно жить, да такъ ужъ очень грамотѣйно и складно, что мы не очень-то и разобрали; не знаю, какъ зятекъ, а я, грѣшный человѣкъ, ничего путемъ не понялъ изъ того, что онъ говорилъ. Слышалъ только про какой-то виноградъ, до про лозу, да про какого-то жениха и дѣвъ мудрыхъ и буихъ: кто ихъ знаетъ, къ чему оно тамъ у нихъ приходится! А вотъ, что мы ужъ хорошо поняли, такъ хорошо: чтобы, говорилъ, молодые, повѣнчавшись, сейчасъ, какъ выйдутъ изъ церкви разошлись бы и не сходились другъ съ другомъ, пока этотъ постъ не окончится. Пойдетъ говоритъ, молодецъ въ походъ на царскую службу: коли Богъ дастъ живымъ и здоровымъ вернется, тогда пусть вступаетъ въ сожитіе и съиграете свадебное пиршество по вашему обычаю. А теперь, говоритъ, нельзя—и чтобы не было у васъ ни музыки, ни танцевъ, ни пѣсень.

— Это все чернецы выдумали—замѣтила Кусиха, что въ „Петровки“ грѣхъ даже пѣть! Да вѣдь когда же дѣвчата больше поютъ какъ не въ Петровки! Преосвященный самъ слышитъ сидя въ своемъ монастырѣ, какъ онѣ поютъ на улицѣ. Почему же не уйметъ ихъ? Развѣ менѣе грѣшно пѣть на уличномъ сборищѣ, нежели свадьбу отправлять?

— На все свое время положено закономъ, сказалъ съ видомъ разсудительности Кусъ, они люди разумные и ученые, все знаютъ за что отъ Бога грѣхъ, а за что нѣтъ грѣха. Намъ только слушаться ихъ и дѣлать какъ они велятъ.

— Истинно, разумно и премудро говоритъ сватъ! сказала мать жениха. Что водится сводебная гулянка, это „весилье“ такъ это

только люди повыдумывали чтобъ гулять да тратиться! Надлежащаго толку въ томъ нѣтъ! Повѣнчались и всему конецъ. То̀ Божій законъ, а что свадебная гулянка, такъ это баловство.

— Какъ можно, свахушка!.. сказала Кусиха, отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, Богъ вѣсть съ какихъ временъ то заведено и того измѣнять нельзя. Да и какое было бы наше житье, если бы „весилья“ не было! Только единожды молодые сочетаются бракомъ; у нихъ тогда какъ бы весна: вотъ какъ въ весеннее время всякая тварь зашевелится и такъ станетъ хорошо, и весело, что и старики точно помолодѣютъ, вотъ такъ же какъ молодые люди другъ съ другомъ сойдутся и сочетаются, тогда и намъ, старымъ, станетъ какъ-то весело, что даже духъ радуется глядя на нихъ и старыя наши кости расправятся, и вспомянемъ свои лѣта молодыя.

— Вѣдь и владыка не говорилъ, что веселиться не нужно вовсе, а говорилъ только чтобы въ Петровки „весилья“ не отправлять, потому что постъ, замѣтилъ Кусъ и продолжалъ: а владыка тутъ же прибавилъ: когда пройдутъ Петровки, тогда, говоритъ, отправляйте себѣ „весилье“ свое по вашему обычаю. А ко мнѣ владыка еще примолвилъ такъ: повѣнчаются дѣти, ты, старикъ, бери дочь за руку, веди изъ церкви домой и держи подъ присмотромъ, пока зять твой не вернется съ похода, чтобъ не-равно какъ-нибудь не согрѣшила и дѣвства своего не утратила.

— Наша Ганна не такова, сказала Кусиха: и прежде никто про нее не смѣлъ не добраго слова промолвить, худой молвы про себя боялась, а теперь, коли женихъ есть, такъ она будетъ его дожидать и объ немъ только думать, а больше ни о чемъ.

— Вотъ ужъ, сказала Молявчиха, колибъ только Яцько вернулся съ того похода счастливо, а лучшей пары ему и не найти! Только всѣ мы подъ Богомъ! Бываетъ иногда и такъ: повѣнчались, сочетались, только бъ жить да поживать, да добра наживать, а тутъ...

— А тутъ, перебилъ ее охмѣлѣвшій Кусъ, вернется молодецъ, урѣжемъ „весилье“ всему свѣту на славу. Я, старикъ, покину свою старуху, благо прискучила, ухвачу за руку другую старуху, свою милую сваху, да съ нею пущусь въ плясъ! Вотъ такъ!

И съ этими словами онъ схватилъ за руку Молявчиху и потащилъ ее съ лавки на середину хаты.

— А твоя старуха дернетъ тебя за-полы и не пуститъ! сказала Кусиха, удерживая мужа за полы его кунтуша.

Молявчиха упиралась и говорила:

— Съ-молоду я не была охотница до этихъ плясокъ, а теперь, на старости, объ могилѣ помышлять, а не о танцахъ!

— Батька тесть все шутитъ, сказалъ Молявка, да и не все же только заботиться, да горевать—и пошутить можно не много. Такъ ли моя ты „ясочка“? [1]) прибавилъ онъ, обращаясь къ Ганнѣ.

[1]) Ясненькая.

Ганна, улыбаясь, отвѣчала наклоненіемъ головы.

— Поживемъ съ тобою вмѣстѣ сколько Богъ велитъ, продолжалъ Яцько, обращая рѣчь къ невѣстѣ, поживемъ и состарѣемся, и дѣтей наживемъ и станемъ ихъ женить, тогда вспомянемъ, какъ странно мы сочетались: пришлось намъ повѣнчаться, да сейчасъ и разойтись словно два облачка, только не на долго.

— Мнѣ кажется, сказалъ Кусъ, это уже послѣдній походъ будетъ на этого пройдоху Дорошенка; вотъ уже третій годъ манитъ нашихъ, обѣщаетъ пріѣхать и свое гетманство сдать, а потомъ снова собирается вести бусурмановъ на раззореніе христіанства. Теперь уже вѣрно прійдетъ ему конецъ.

— А можетъ и такъ случиться, какъ случилось въ прошломъ и позапрошломъ году, что ходили, походили, да назадъ вернулись ничего не подѣлавши,—сказала Молявчиха.

— А чтобъ ты, сваха, здорова была! Для чего ты предсказываешь несчастія? сказалъ порывисто Кусъ, Богъ милостивъ, на Него уповаютъ цари и владыки: Богъ утѣшеніе христіанству и смиритъ бусурманскую гордыню! На Него надѣемся!

— Простите мнѣ глупой, сваты! сказала Молявчиха, я ужъ очень свыклась съ горемъ въ свою жизнь. Это не шуточки! Мой добрый мужъ, царство ему небесное, не нажилась я съ нимъ: погубили его проклятые полу-ляхи! А меня самоё, развѣ мало мучили и пытали? На плечахъ до сей поры видны шрамы, какъ Дрозденко, собачій сынъ, отполосовалъ меня нагайкою-дротянкою! Подѣломъ ему проклятому и сталось: распозналъ, вѣрно, лютый палачъ, какъ это больно бываетъ людямъ, когда ему самому влѣпили въ грудь пули! Оттого-то я, глупая, какъ вспомню, что когда то было со мною, такъ и думаю: какъ бы вновь не стряслось какой бѣды! Простите меня, господа сваты!

Молявчиха встала съ мѣста и поклонилась Кусу и Кусихѣ.

— Знаемъ, сваха, хорошо знаемъ, что тебѣ не мало Господь посылалъ горя, но все то уже прошло и не воротится. Какъ только ты породнилась съ нами, такъ съ той поры все горе минуло. Поцѣлуемся, да выпьемъ хорошую чарку! сказалъ Кусъ, выпивая и подавая Молявчихѣ чарку съ горѣлкою.

— Дай Богъ нашимъ дорогимъ дѣткамъ любить взаимно другъ друга и долго жить въ счастьи и здоровьи! произнесла Молявчиха, выпивая чарку и передавая Кусихѣ.

— Дай Боже, сказала Кусиха, вмѣстѣ съ нами глядѣть и не наглядѣться на ихъ любовь и не налюбоваться ихъ счастіемъ!

— А нашимъ дорогимъ и почтеннымъ родителямъ—великое и нескончаемое до нашей смерти благодареніе за то, что насъ выходили и до ума довели, и насъ сочетали! сказалъ Молявка, выпивая горѣлку изъ чарки и передавая чарку невѣстѣ.

— Вамъ, та̀ту [1]) и мамо, пусть Богъ воздастъ за меня, что меня выростили, взлелѣяли и до ума довели, и за милаго Яцька замужъ отдаете! Дай Богъ вамъ обоимъ долгой жизни и здоровья! провозгласила Ганна, поклонилась родителямъ и выпила.

— Дай Богъ счастія и здоровья на многія лѣта всѣмъ! провозгласили хоромъ всѣ и разомъ наливали въ чарки горѣлки и выпивали.

— Пойдемъ, сынокъ, время уже и ко двору, сказала Молявчиха;— какъ вернешься изъ похода, соберемся тогда опять къ господамъ сватамъ, да заберемъ „молодую княгиню": будѐтъ она опорою моей старости.

— Будетъ она, сказала Ганна,—веселить матинку своего милаго Яцька ласковыми словами, будетъ послушна и почтительна.

— Какая ты добрая, какая пригожая! Моя ты ясочко! сказалъ съ чувствомъ Молявка.

Кусъ съ женою и дочерью проводили старуху и сына ея за ворота.

Мѣсяцъ обливалъ серебристо-зеленымъ свѣтомъ крыши черниговскихъ домовъ, вершины деревьевъ въ садахъ и рощахъ, лучи его играли по ярко-вызолоченнымъ крестамъ недавно обновленныхъ церквей.

III.

Въ субботу, на другой день послѣ того когда происходило описанное выше, съѣзжались въ Черниговъ изъ ближнихъ сотенъ сотники со своими выбранными въ походъ козаками: Бѣлоусовскій-Товстолѣсъ, Выбельскій-Лобко, Любецкій-Посуденко, Седневскій-Петличный, Киселевскій-Бутовичъ, Слобинскій-Тризна, Сосницкій-Литовчикъ; другіе, которыхъ сотни лежали далѣе, выѣзжали прямо, чтобы на дорогѣ присоединиться къ той части полка, которая выступитъ изъ Чернигова. У кого изъ козаковъ въ Черниговѣ были родные или пріятели, тотъ приставалъ въ ихъ дворы, другіе располагались за̀-городомъ въ полѣ при возахъ и лошадяхъ. Нѣкоторые козаки не везли съ собою воза, а вели навьюченную своими пожитками лошадь, привязавши къ той, на которой козакъ сидѣлъ самъ. Каждый сотникъ, пріѣзжая въ Черниговъ, являлся къ полковнику и не съ пустыми руками: одинъ несъ ему „наралѐцъ" [2]), звѣрину или птицу застрѣленную у себя, другой рыбу, пойманную въ рѣкѣ или озерѣ своей сотни, кто приводилъ вола, кто лошадь, кто овцу. Борковскій приказывалъ служителямъ принять принесенное, объявлялъ каждому сотнику, что надобно будетъ идти въ походъ въ воскресенье послѣ литургіи и приглашалъ всѣхъ сходиться къ нему на хлѣбъ-на соль передъ выступленіемъ.

---

[1]) Батюшка.

[2]) Подарокъ несомый начальствующему лицу.

Въ воскресенье зазвонили къ обѣднѣ. Прибывшіе козаки пошли по церквамъ, но не всѣ; иные оставались беречь возы и лошадей своихъ и товарищескихъ. Зазвонили и въ церкви Всемилостиваго Спаса. Это древнѣйшій изъ русскихъ храмовъ. Всегда могъ и до сихъ поръ можетъ гордиться Черниговъ передъ другими русскими городами этимъ почтеннымъ памятникомъ сѣдой старины. Построенный княземъ Мстиславомъ Володимировичемъ еще ранѣе кіевской Софіи, послѣ раззоренія Чернигова, случившагося во время Батыя, этотъ храмъ оставался въ развалинахъ до самаго полковника Василія Кашперовича Борковскаго, который недавно оправилъ его на собственный счетъ, а Лазарь Барановичъ только въ текущемъ году освятилъ новопоставленный въ немъ престолъ и назначилъ къ возобновленному храму протоіерея и причетъ церковный. Каѳедральнымъ соборнымъ храмомъ была тогда церковь Бориса и Глѣба; впрочемъ, архіепископъ Лазарь до того времени хотя и считался черниговскимъ архіепископомъ, но проживалъ постоянно въ Новгородѣ-Сѣверскомъ; онъ только недавно полюбилъ Черниговъ и сталъ въ немъ чаще жить, именно послѣ того, какъ оправили старую Спасскую церковь.

Спасская церковь уже въ концѣ XVIII вѣка нѣсколько передѣланная и вновь расписанная, въ описываемое нами время носила въ себѣ еще живучіе признаки прежней старины. Тогда еще существовали на трехъ внутреннихъ стѣнахъ хоры, куда вела лѣстница не извнутри храма, а съ улицы, черезъ башню, пристроенную къ лѣвой сторонѣ храма: теперь отъ этихъ хоровъ осталась только одна сторона. Входъ въ трапезу съ западной стороны былъ широкій и направо отъ него былъ пристроенъ къ церковнымъ стѣнамъ притворъ, нынѣ разобранный. Внутри трапезы по стѣнамъ и по столбамъ виднѣлась еще стѣнная иконопись до того старая, что съ трудомъ уже разобрать можно было, что за фигуры тамъ изображались; это казалось безобразнымъ и требовалась замѣна стараго новымъ, но средствъ на такую замѣну не доставало и, благодаря такому недостатку, стѣны церкви оставались въ болѣе древнемъ видѣ, чѣмъ остаются онѣ въ наше время.

Звонъ благовѣстнаго колокола раздавался съ вершины башни, пристроенной съ лѣвой стороны храма. Валила толпа благочестиваго народа въ этотъ древній храмъ чрезъ главный входъ. Вошла туда и брачившаяся чета: козакъ Яцько Ѳесенко Молявка-Многопѣняжный и невѣста его козачка Ганна Кусовна. Толпа козаковъ и мѣщанъ, входившая въ церковь, разступалась передъ ними и съ благоговѣніемъ пропустила ихъ. Голова невѣсты красовалась вѣнкомъ изъ цвѣтовъ и обиліемъ разноцвѣтныхъ лентъ, вплетенныхъ въ длинныя шелковистыя косы, спадавшія по спинѣ; на Ганнѣ надѣта была вышитая золотомъ „сукня“, изъ подъ которой внизу виднѣлись двѣ стороны плахты, вытканной въ четвероугольники черные поперемѣнно съ красными; на груди невѣсты сверкали позолоченные кресты и коралловыя „мо-

нисты“; ноги обуты были въ красные полусапожки съ гремящими подковками. Рядомъ съ нею съ правой стороны шелъ женихъ, статный козакъ съ подбритою головою и черными усами, одѣтый въ синій жупанъ, подпоясанный цвѣтнымъ поясомъ; къ поясу привѣшена была сабля въ кожаныхъ ножнахъ, разукрашенныхъ серебряными бляхами; обутъ онъ былъ въ высокіе черные сапоги на подборахъ съ подковками. Вошедши въ церковь, женихъ сталъ у праваго изъ столбовъ, поддерживающихъ сводъ трапезы, невѣста стала у лѣваго столба. Взоры всѣхъ жадно впивались въ невѣсту и жениха и слышались замѣчанія: ахъ, какая пара! ахъ, что за красавица! Вслѣдъ за ними скоро вошли въ церковь наши знакомые господа: полковникъ Борковскій и воевода Чоглоковъ. Воевода раза два бросилъ взглядъ на невѣсту и потомъ уже казалось, не хотѣлъ замѣчать ее, во все время литургіи не поворачивалъ даже и головы въ ту сторону, гдѣ стояла Ганна Кусовна, хотя полковникъ, не разъ, поглядывая на невѣсту, нагибался къ нему и шепталъ ему что-то. Передъ начатіемъ литургіи дьяконъ съ амвона провозгласилъ, что съ разрѣшенія преосвященнѣйшаго Лазаря архіепископа черниговскаго и новгородъ-сѣверскаго и блюстителя кіевскаго митрополичьяго престола, по случаю отправленія черниговскаго полка въ походъ, будетъ совершено вѣнчаніе черниговской сотни козака Якова Молявки-Многопѣняжнаго съ дѣвицею Анною, дочерью козака той же сотни Филиппа Куса, съ тѣмъ, однако, что супружеское сожитіе ихъ должно наступить не ранѣе праздника св. апостоловъ Петра и Павла, и самое вѣнчаніе, хотя и будетъ совершено ранѣе, но будетъ значиться яко бы совершеннымъ въ день св. апостоловъ Петра и Павла. По окончаніи литургіи, поставили посреди церкви аналой, протоіерей подозвалъ жениха и невѣсту, связалъ имъ руки „ручникомъ“ и началъ послѣдованіе бракосочетанія. Надъ головою жениха держалъ вѣнецъ его зять сотникъ Булавка, надъ головою невѣсты сестра жениха, жена Булавки. По окончаніи обряда протоіерей велѣлъ новобрачнымъ поцѣловаться. Тутъ скоро подошелъ къ невѣстѣ родитель ее Кусъ, взялъ дочь за руку и, не обращая вниманія на жениха, ни на кого-либо изъ окружавшихъ, потащилъ ее изъ церкви: онъ буквально исполнялъ приказаніе преосвященнаго. Женихъ остался одинъ. Подошелъ къ нему полковникъ и промолвилъ:

— Будь здоровъ, козакъ, съ молодою женою, дай Богъ тебѣ счастія и во всемъ успѣха, богатство наживать, дѣтей народить и выростить и до ума довести! Теперь иди ко мнѣ хлѣба-соли поѣсть, да отъ меня разомъ со всѣми въ походъ; а я Булавкѣ приказалъ твой возъ и все что тебѣ на дорогу нужно, выпроводить, пока ты у меня погостишь.

Нельзя было ничѣмъ отдѣлаться Молявкѣ. Онъ рядовой казакъ, а полковникъ приглашалъ его къ себѣ за столъ наравнѣ съ началь-

ными особами: слишкомъ великая честь! Не сказавши ни слова, Молявка пошелъ за полковникомъ.

— А что, господинъ воевода, какую кралю добылъ себѣ этотъ козачина! А!.. говорилъ полковникъ воеводѣ, выходя вмѣстѣ съ нимъ изъ церкви.

— Мнѣ не пристало на женскую красоту прельщаться, отвѣчалъ понуро воевода: не по лѣтамъ то мнѣ и не по званію. Притомъ она чужая жена, а Господь сказалъ: аще кто воззритъ на жену во еже вожделѣти ю, уже любодѣйствова съ нею въ сердцѣ своемъ!

Народъ расходился изъ церкви. Полковникъ съ воеводою сѣлъ въ коляску и оба поѣхали въ домъ полковника. На крыльцѣ дома стояли полковые старшины, обозный, судья и писарь. Они были въ другой церкви и ранѣе прибыли къ полковнику. Всѣ вошли въ домъ, за полковникомъ, явились сотники. Кушанье было уже готово, всѣ сѣли за столъ.

Не долго тянулась эта дорожняя трапеза; ѣли не много, но пить надобно было не мало и притомъ заздравныя чаши. Полковникъ провозгласилъ чашу здравія великаго государя, потомъ чашу за гетмана и все войско запорожское, а наконецъ за успѣхъ предпринимаемаго похода. Тогда полковникъ объявилъ, что время двинуться въ путь. Полковчица позвала дѣтей. Борковскій благословилъ ихъ, далъ обычное наставленіе во всемъ слушаться матери, потомъ, обратясь къ обозному, сказалъ, что вмѣсто себя ему поручаетъ управленіе оставшимися козаками, приказывалъ жить въ согласіи и дружбѣ съ воеводою и совѣтъ съ нимъ держать во всѣхъ дѣлахъ, касающихся города.

— Счастливо оставайтесь и насъ дожидайтесь! было послѣднее слово полковника, обращенное ко всѣмъ остававшимся.

У крыльца стоялъ осѣдланный конь полковника. Борковскій вскочилъ на него съ такою быстротою, какъ будто ему было двадцать лѣтъ отъ роду. Приподнявши шапку, онъ послѣдній разъ обратился къ стоявшей на крыльцѣ семьѣ и произнесъ: „прощавайте! зъ Богомъ“! И онъ хлеснулъ слегка своего коня. За нимъ сѣли на своихъ коней, заранѣе подведенныхъ въ полковничій дворъ, старшины и сотники и двинулись. Загремѣли литавры. Заколоколили по всѣмъ церквамъ. По этому знаку сотни двинулись съ своихъ становищъ и сотники спѣшили соединиться съ своими подначальными. Булавка поѣхалъ впереди своей сотни, а ближе всѣхъ къ нему слѣдовалъ его шуринъ, Молявка.

IV.

День, когда совершилось вѣнчаніе Молявки-Многопѣняжнаго, былъ ясный и жаркій. Въ хатѣ Куса собрались двѣ старухи—Кусиха и Молявчиха ожидать своихъ дѣтей изъ церкви. Съ Молявчихою пришла дочь ея, жена сотника Булавки, женщина лѣтъ двадцати пяти, не

дурная, но худощавая. Всѣ три были одѣты въ праздничныя „сукни", вышитыя шелками и золотомъ, въ парчевыхъ „очѣпкахъ" [1]) покрытыхъ „намѣтками" [2]) такими тонкими, что сквозь нихъ просвѣчивало золотое шитье. Скрыпнули двери и, вмѣсто ожидаемой новобрачной четы, вошелъ Кусъ съ одною только дочерью.

— Слава Богу!.. покончили! воскликнулъ Кусъ;—вотъ тебѣ, сваха, новая дочка, новая работница въ твоемъ домѣ. Люби и жалуй, за дѣло пожури, да слегка, по матерински.

— Моя голубка, моя ластовочка! произнесла Молявчиха, обнимая и разцѣловывая Ганну:—А моего Яцька неужь-то и не пустили попрощаться съ матерью и съ женою?

— Полковникъ позвалъ къ себѣ обѣдать, сказалъ Кусъ.—Нельзя ему отговориться: вѣдь это начальникъ! Должно быть нарочно позвалъ, чтобъ не дать ему понѣжиться возлѣ молодой подруги и чтобы такъ сталось какъ владыка велѣлъ не сходиться ему съ женою, пока постъ не отойдетъ! И ужъ, сваха, прійдется намъ попоститься и на нашихъ дѣтокъ не любоваться, пока не воротится войско изъ похода!

— Да коли бъ то воротился! произнесла со вздохомъ Молявчиха.

— Всѣ въ Божіей волѣ! сказала Булавчиха;—такое ужъ наше житье, что казаки наши мужья чаще безъ насъ чѣмъ съ нами. И мой, видишь, поѣхалъ; должна я одинокая ожидать его возвращенія! На Бога надежда; милостивъ будетъ, коли Его воля!

— Мудрое слово сказано!.. произнесъ Кусъ.—И моя Ганна, умная дѣвка, тоже скажетъ. Такъ ли Ганна?

— Такъ, тàту! сказала Ганна,—что Богъ дастъ, то пусть и будетъ! Въ это время у ней невольно показались слезы.

— А будетъ такое, сказалъ Кусъ,—что какъ воротится зять, тогда накличемъ гостей, да отправимъ такое громкое весилье, чтобъ года три о немъ говорили. А теперь, пока, въ своей семьѣ безъ гостей, будемте обѣдать. Дочка! Сними съ себя праздничный уборъ, да похлопочи съ наймичкою, чтобъ обѣдъ наладить. Пойди сама въ погребъ, да нацѣди терновки и вишневки, что въ большихъ боченкахъ стоятъ въ углу: уже десять лѣтъ какъ наливали, берегли для случайнаго времени. А теперь такое время пришло, что лучшаго и не было! Нацѣди два кувшина, да сама неси, а наймичкѣ не давай и наймита въ погребъ не впускай, потому—они нацѣдятъ, да не то что сами тайно выпьютъ; а еще постороннихъ людей будутъ подчивать! А оно у насъ такое... сокровище!

Ганна вошла въ комнату, расположенную рядомъ съ передней избой той же хаты и вышла оттуда въ другомъ одѣяніи, какое носила по всякъ день. На ней была черная съ цвѣтами исподница и зеленая суконная сукня. Она, гремя ключами, вышла изъ хаты въ сѣни.

[1]) Шапочка носимая замужними украинками.

[2]) Бѣлое прозрачное покрывало.

Кусова хата двумя окнами выходила на дворъ, а однимъ окномъ на улицу. Оставшись одни, старики замѣтили, что изъ улицы кто то заглянулъ къ нимъ въ окно.

— Кто се тамъ? съ безпокойствомъ сказалъ Кусъ и вышелъ изъ хаты.—Чего тамъ вамъ? слышался его голосъ: зачѣмъ вы лѣзете на завалинку, да заглядываете въ чужую хату! Ступайте, идите себѣ туда, откуда пришли!

Онъ воротился въ хату.

— Кто это тамъ? спрашивали его Кусиха и Молявчиха.

— Какіе то москали! отвѣчалъ Кусъ;—изъ воеводскихъ ратныхъ, должно быть: двое ихъ около оконъ стояли. Я протурилъ ихъ! Это, видишь, довѣдались, что съ этого двора сегодня вѣнчались въ церкви, такъ думали что тутъ весилье отправляется. Пришли бурколы выпяливать! На чужой коровай у нихъ глаза порываются! Хотѣлось бы имъ чтобъ ихъ позвали поѣсть да попить! Навязчивые люди эти москали. Чуръ наше мѣсто: отъ нихъ полы отрѣжь да уходи нашъ братъ!

Вошла Ганна, а за нею наймичка. Ганна держала два „джбана“ [1]) съ наливкою, наймичка посуду. Накрывши скатертью столъ, поставили посуду, положили ножи и ложки. Кусиха изъ шкафа достала серебрянныя чарки. Когда на столѣ все было уставлено, наймичка стала приносить ѣствы. Сначала борщъ съ рыбой, потомъ жареную рыбу, пирогъ съ рыбой, ягоды и медъ. Поставивши кушанья на столъ, сама наймичка взяла ложку и сѣла за столъ съ хозяевами. Затѣмъ вошелъ наймитъ, мужчина лѣтъ сорока, годовой работникъ, обѣдавшій всегда съ хозяевами. По приглашенію Куса, наймитъ и наймичка выпили водки и пожелали счастія, здоровья и благополучія новоповѣнчанной парѣ. Обѣдъ шелъ какъ то торжественно и какъ бы священнодѣйственно; всѣ были молчаливы, проникись важностію совершившагося событія. Вдругъ раздался колокольный звонъ.

— Казаки въ походъ идутъ! сказалъ Кусъ и всталъ.—И нашъ казакъ молодецъ выходитъ! Дай Богъ всѣмъ имъ счастливаго пути, а въ своемъ и въ царскомъ дѣлѣ хорошаго и благополучнаго успѣха!

Кусъ перекрестился.

— И дай Богъ имъ благополучно возвратиться домой! произнесла Булавчиха.

У Ганны снова на глазахъ навернулись слезы и она прикладывала къ глазамъ рукавъ своей вышитой сорочки, хотя и желала пересилить себя, казаться спокойною.

— Сколько въ этой чаркѣ капель, столько лѣтъ жить бы твоему сыну, а нашему зятю въ добромъ здоровьи, никакого горя не узнавши! говорила Кусиха, обращаясь съ чаркою къ Молявчихѣ.

— А намъ пошли Богъ служить весь вѣкъ такимъ добрымъ и милостивымъ хозяевамъ! произнесъ наймитъ.

---

[1]) Кувшины.

Послѣ обѣда всѣ стали развязнѣе и веселѣе. Кусиха такъ расходилась, что пощелкивала пальцами и подскакивала, да нѣсколько разъ повторяла, что ей ради такого радостнаго случая хочется танцовать. Кусъ тотчасъ началъ было ей вторить. Увлеклась даже понурая Варка Молявчиха и уже не стала, какъ дѣлала прежде, упираться, когда Кусъ схватилъ ее за руку и приглашалъ танцовать съ нимъ въ парѣ. Кусиха, хлопая въ ладоши и подпрыгивая, пѣла:

Кукурику пивнику на току,
Чекай мене, дивочко, до року!
Хибажъ бы я розуму не мала
Щобъ я тебе цилый рикъ чекала.
Хибажъ бы я съ розуму изійшла.
Щобъ я соби красчого не знайшла!

Остановившись она закричала:

— Да что это мы танцуемъ безъ музыки?

Потомъ, обратившись къ наймиту, проговорила:

— Евтюхъ! Сердце мое! Ступай позови Василія скрипача, да коли можно, то еще кого нибудь, хоть того что дудитъ, какъ бишь его...

— Юрка? сказалъ наймитъ и хотѣлъ уходить. Но Кусъ остановилъ его рукою дернувши за полу „свитки“ и говорилъ, обратившись къ женѣ:

— Ни-ни, жонка, Параска, этого нельзя.

— А почему нельзя? порывисто спрашивала Кусиха.

— А потому нельзя, сказалъ Кусъ: что владыка не велѣлъ. Намъ слѣдуетъ его слушаться. Нельзя, нельзя, не дозволю!

— Не дозволишь, такъ пусть по твоему и будетъ... ты для того хозяинъ, господинъ въ своемъ домѣ, сказала Кусиха.

Успокоившись отъ внезапнаго порыва къ веселости, вся семья усѣлась снова на лавкахъ, немного поболтали, потомъ Молявчиха съ дочерью встали, помолились къ образамъ, поблагодарили хозяевъ за хлѣбъ-соль и собрались домой. Молявчиха, кланяясь въ поясъ, просила Куса и Кусиху съ дочкою къ ней на обѣдъ на другой день. Кусы обѣщали. Послѣ ухода Молявчихи и Булавчихи, Кусъ, чувствуя, что голова его отъ винныхъ паровъ отяжелѣла, отправился въ садикъ, подостлалъ подъ голову свою свиту, залегъ спать въ куренѣ, сложенномъ изъ вѣтвей подъ двумя яблонями. Пчелы, вылетая изъ разставленныхъ по садику ульевъ, наводили на него сладкую дремоту своимъ жужжаніемъ. Кусиха забралась отдыхать въ чуланѣ, откуда окно выходило только въ сѣни: тамъ лѣтомъ было прохладно и безопасно отъ надоѣдливыхъ мухъ. Ганна съ наймичкою перемыли посуду послѣ обѣда, уставили ее не мѣсто, подмели хату. Окончивши работу, Ганна ушла въ садъ и чтобъ не мѣшать отцу, забилась въ противоположный уголъ садика, сѣла подъ развѣсистою липою и тамъ предалась раздумью. Недалеко отъ ней былъ тынъ, огораживавшій садикъ съ улицы и черезъ прогалину въ этомъ тынѣ смотрѣли въ

садъ четыре злые глаза, но Ганна ихъ не замѣчала. Долго сидѣла такимъ образомъ Ганна. Пробѣгало въ ея памяти все ея дѣтство съ той минуты, какъ она стала сознавать свое бытіе на свѣтѣ, ласки и приголубленія родителей и близкихъ, игры съ дѣвочками и мальчиками одного съ нею возраста; приходили на память пѣсни, которыя она слышала и мимо своей воли перенимала; вспомнились первыя, неясныя ощущенія потребности любви, выражавшіяся тѣмъ, что ей все вокругъ становилось какъ то грустнымъ; вспомнила первую встрѣчу съ Молявкою, первый разговоръ съ молодцемъ, о которомъ она и самымъ родителямъ не показала ни малѣйшаго намека, первое его объясненіе и ея взаимное признаніе, которое тогда бросило ее въ дрожь, его сватовство, согласіе родителей, безпредѣльную радость и блаженство, охватившія ей душу, приготовленія семьи къ свадьбѣ... все это вспоминать было такъ сладко и весело! За тѣмъ—ея вѣнчаніе и тотчасъ за нимъ разлука! Пришли ей на память ровестницы, уже вышедшія замужъ—на одной свадьбѣ она сама была въ дружкахъ, на другой въ свѣтилкахъ; ея подруги, повѣнчавшись, были покрыты и стали жить съ мужьями! А она? Обвѣнчалась—и Богъ знаетъ покуда будетъ ходить дѣвкою: не ея воля и не ея жениха! Съ нею не такъ какъ съ другими! Вдругъ ей становилось страшно за свою будущность. Что то темное, тѣсное, что то не то колючее, не то жгучее ей представлялось. Ухъ! И она, [illegible] себя, вскочила и перекрестилась.

Солнце на западѣ стало клониться къ горѣ и тѣни отъ строеній и деревьевъ удлинялись; въ разныхъ мѣстахъ Чернигова началъ показываться надъ крышами хатъ [illegible] что уже [illegible] Ганна вспомнила, что надобно [illegible] въ саду [illegible] вышла изъ хаты [illegible] что вышла [illegible] дверь въ [illegible] или комору, [illegible] и вышла со двора.

[illegible] прямо [illegible] устроены [illegible] въ го- [illegible] [illegible] было [illegible]

къ тайнику, встрѣтила она двухъ „москалей“ и остановилась; она замѣтила, что это были тѣ головы, что заглядывали въ окно, когда она возвратилась изъ церкви; ихъ тогда удалилъ отъ окна ея родитель. Ганну взяло раздумье. Зачѣмъ это они тутъ слоняются? думала она. Но москали, бросивши на нее взгляды, повидимому равнодушные, пошли въ противоположную сторону отъ тайника, мимо Кусова двора, ни мало не оглядываясь на нее. Нѣтъ, подумала Ганна—я испугалась напрасно. Это люди совѣстливые; они меня не зацѣпляютъ! Она смѣло пошла къ спуску въ тайникъ, сошла по лѣстницѣ и очутилась въ темнотѣ: только слабый свѣтъ проникалъ туда съ той стороны, куда ей нужно было идти за водою. Вдругъ послышались сзади торопливые шаги. Не успѣла Ганна рѣшить, бѣжать ли ей впередъ или назадъ, четыре сильныя руки схватили ее сзади, коромысло съ ведра упало, она крикнула, но ея крикъ потерялся въ тайникѣ. Ей завязали ротъ и глаза, она не въ силахъ была болѣе ни крикнуть, ни распознать, гдѣ она очутится. Ее потащили, или лучше сказать понесли: сама она съ испуга не могла уже двигаться. Похитители унесли добычу свою къ главному выходу изъ тайника, находившемуся, какъ сказано выше, въ срединѣ города.

V.

— Гдѣ Ганна? спрашивалъ Кусъ у своей жены уже въ сумеркахъ: гдѣ она?

Кусиха не видала дочери и не знала гдѣ она. Кусиха пошла въ черную хату и спрашивала наймичку. Та сказала, что Ганна пошла за водою.

— Давно?—спросила Кусиха.

— Давненько уже, сказала наймичка.

— Пора-бъ уже ей вернуться, уже темнѣетъ на дворѣ.

Кусиха стала недовольна дочерью. Никогда съ нею подобнаго прежде не было. Какъ можно такъ запаздывать! Вѣрно, думала, встрѣтилась съ подругами-дѣвчатами, и заболталась съ ними, а можетъ быть какая изъ подругъ къ себѣ зазвала. Такъ подумала Кусиха, такъ сообщила и мужу. Но время шло, Ганна не возвращалась. Наступила уже совершенная темнота, ночь была темная, мѣсяцъ былъ уже на ущербѣ, всходилъ поздно и тогда еще не показывался на небѣ. Родители тревожились не на шутку. Вышедши за ворота, отецъ и мать пошли въ разныя стороны и оба кричали: Ганно, Ганно! Но ихъ крикъ только повторялся какими-то насмѣшниками, собравшимися на игрище. Шалуны стали передразнивать кричавшихъ: Ганно, Ганно! поддѣлываясь подъ слышанные голоса, и себѣ кричали: Ганно, Ганно! хотя ихъ не занимало какую тамъ это Ганну ищутъ.

садъ четыре злые глаза, но Ганна ихъ не замѣчала. Долго сидѣла такимъ образомъ Ганна. Пробѣгало въ ея памяти все ея дѣтство съ той минуты, какъ она стала сознавать свое бытіе на свѣтѣ, ласки и приголубленія родителей и близкихъ, игры съ дѣвочками и мальчиками одного съ нею возраста; приходили на память пѣсни, которыя она слышала и мимо своей воли перенимала; вспомнились первыя, неясныя ощущенія потребности любви, выражавшіяся тѣмъ, что ей все вокругъ становилось какъ то грустнымъ; вспомнила первую встрѣчу съ Молявкою, первый разговоръ съ молодцемъ, о которомъ она и своимъ родителямъ не показала ни малѣйшаго намека, первое его объясненіе и ея взаимное признаніе, которое тогда бросило ее въ краску, его сватовство, согласіе родителей, безпредѣльную радость и довольство, охватившія ей душу, приготовленія семьи къ свадьбѣ... все это вспоминать было такъ сладко и весело! За тѣмъ—ея вѣнчаніе и тотчасъ за нимъ разлука! Пришли ей на память ровестницы, уже вышедшія замужъ,—на одной свадьбѣ она сама была въ дружкахъ, на другой въ свѣтилкахъ: ея подруги, повѣнчавшись, были покрыты и стали жить съ мужьями! А она? Обвѣнчалась—и Богъ знаетъ покуда будетъ ходить дѣвкою: не ея воля и не ея жениха! Съ нею не такъ какъ съ другими! Вдругъ ей становилось страшно за свою будущность. Что то темное, тѣсное, что то не то колючее, не то жгучее ей представлялось. Ухъ! И она, пересиливая себя, вскочила и перекрестилась.

Солнце на западѣ стало клониться къ горѣ и тѣни отъ строеній и деревьевъ удлиннялись; въ разныхъ мѣстахъ Чернигова началъ показываться надъ крышами хатъ дымокъ, дававшій знать, что уже люди начинаютъ топить печи для вечери. Ганна вспомнила, что надобно полить цвѣты въ саду, повянувшіе отъ дневного зноя, вышла изъ сада, вошла въ сѣни, гдѣ увидала мать; оно только что вышла изъ чулана и умывала себѣ заспанное лицо. Ганна отворила дверь въ противоположную сторону черезъ сѣни въ рабочую избу или поварню, взяла ведра, сказала что пойдетъ по воду къ Стрижню и вышла со двора.

Рядъ дворовъ, между которыми былъ дворъ Куса, выходилъ прямо къ высокому берегу рѣки Стрижня. Противъ Кусова двора сходъ къ рѣкѣ былъ крутъ, но влѣво, двора черезъ три, шелъ изъ города къ рѣкѣ подземный ходъ, прорытый въ горѣ. Этотъ тайникъ устроенъ былъ для того, чтобы на случай непріятельскаго нашествія въ городѣ не было недостатка въ водѣ. Главный входъ его находился далеко въ срединѣ города, но и близко отъ Кусова двора входила въ него боковая лѣстница ступеней на десять внизъ: ею можно было очутиться въ тайникѣ. Этимъ путемъ обыкновенно ходили за водою „дѣвчата“, жившія не подалеку въ концѣ города; можно было такимъ образомъ подойти прямо къ водѣ, не таскаясь съ ведрами на гору. Туда направилась Ганна съ своими ведрами. Но идя со двора

къ тайнику, встрѣтила она двухъ „москалей“ и остановилась; она замѣтила, что это были тѣ головы, что заглядывали въ окно, когда она возвратилась изъ церкви; ихъ тогда удалилъ отъ окна ея родитель. Ганну взяло раздумье. Зачѣмъ это они тутъ слоняются? думала она. Но москали, бросивши на нее взгляды, повидимому равнодушные, пошли въ противоположную сторону отъ тайника, мимо Кусова двора, ни мало не оглядываясь на нее. Нѣтъ, подумала Ганна—я испугалась напрасно. Это люди совѣстливые; они меня не зацѣпляютъ! Она смѣло пошла къ спуску въ тайникъ, сошла по лѣстницѣ и очутилась въ темнотѣ: только слабый свѣтъ проникалъ туда съ той стороны, куда ей нужно было идти за водою. Вдругъ послышались сзади торопливые шаги. Не успѣла Ганна рѣшить, бѣжать ли ей впередъ или назадъ, четыре сильныя руки схватили ее сзади, коромысло съ ведра упало, она крикнула, но ея крикъ потерялся въ тайникѣ. Ей завязали ротъ и глаза, она не въ силахъ была болѣе ни крикнуть, ни распознать, гдѣ она очутится. Ее потащили, или лучше сказать понесли: сама она съ испуга не могла уже двигаться. Похитители унесли добычу свою къ главному выходу изъ тайника, находившемуся, какъ сказано выше, въ срединѣ города.

V.

— ГдѣГанна? спрашивалъ Кусъ у своей жены уже въ сумеркахъ: гдѣ она?

Кусиха не видала дочери и не знала гдѣ она. Кусиха пошла въ черную хату и спрашивала наймичку. Та сказала, что Ганна пошла за водою.

— Давно?—спросила Кусиха.

— Давненько уже, сказала наймичка.

— Пора-бъ уже ей вернуться, уже темнѣетъ на дворѣ.

Кусиха стала недовольна дочерью. Никогда съ нею подобнаго прежде не было. Какъ можно такъ запаздывать! Вѣрно, думала, встрѣтилась съ подругами-дѣвчатами, и заболталась съ ними, а можетъ быть какая изъ подругъ къ себѣ зазвала. Такъ подумала Кусиха, такъ сообщила и мужу. Но время шло, Ганна не возвращалась. Наступила уже совершенная темнота, ночь была темная, мѣсяцъ былъ уже на ущербѣ, всходилъ поздно и тогда еще не показывался на небѣ. Родители тревожились не на шутку. Вышедши за ворота, отецъ и мать пошли въ разныя стороны и оба кричали: Ганно, Ганно! Но ихъ крикъ только повторялся какими-то насмѣшниками, собравшимися на игрище. Шалуны стали передразнивать кричавшихъ: Ганно, Ганно! поддѣлываясь подъ слышанные голоса, и себѣ кричали: Ганно, Ганно! хотя ихъ не занимало какую тамъ это Ганну ищутъ.

Воротились родители домой. Кусъ билъ себя руками о-полы и машинально твердилъ: „нема! нема"! Кусиха терзалась и вопила: „доченька моя, милая моя! куда ты дѣлась? гдѣ находишься! жива ли ты еще, или, можетъ, тебя уже и на свѣтѣ нѣтъ"!

Наймитъ и наймичка, изъ участія къ заботѣ своихъ хозяевъ, взяли фонари и пошли къ тайнику. Черезъ нѣсколько минутъ наймичка прибѣжала оттуда въ испугѣ и вбѣжавши въ хату завопила: „горе, горе! ведра лежатъ въ тайникѣ". Вслѣдъ за нею наймитъ принесъ ведра и коромысло. Увидавши эти вещи, Кусиха испустила пронзительный крикъ, металась изъ стороны въ сторону, не знала, бѣдная, куда бѣжать ей, что дѣлать, схватилась за-голову, сбила съ себя „очипокъ", начала рвать на себѣ волосы и кричала: „доченька, доченька! пропала ты, пропала"!

— Утонула!.. сказалъ Кусъ, но потомъ приложилъ палецъ ко лбу, что съ нимъ случалось всегда, когда онъ о чемъ нибудь трудномъ размышлялъ.—Нѣтъ, не утонула! продолжалъ онъ: какъ-бы утонула, то ведра и коромыселъ не лежали бы далеко отъ воды. Не утонула она. Лихіе люди ее захватили въ тайникѣ. Можетъ и убили! А за что? Кому она что недоброе сдѣлала? Сказать бы звѣрь ее растерзалъ. Такъ какъ же звѣрь туда заберется! Развѣ лиходѣи какіе схватили ее и изнасиловали, польстившись на то, что очень ужъ красива. Учинятъ надъ нею, что захотятъ, а потомъ бросятъ въ воду!

Отъ такихъ догадокъ приходила Кусиха все больше и больше въ ярость. Ей казалось, что именно такъ и есть, какъ говоритъ мужъ: злодѣи сгубили ея дочь. И принялась она сыпать ругательства и проклятія на злодѣевъ.

Наймичка, по приказанію хозяйки, извѣстила Молявчиху о внезапной пропажѣ нареченной невѣстки. Молявчиха тотчасъ явилась къ Кусихѣ. Обѣ старухи завели вопль, а Кусъ то корилъ бабъ за ихъ крики и вопли, то вторилъ имъ самъ и раздражалъ ихъ скорбь своими жалобами и дурными догадками. Такъ провела ночь злополучная семья. Иногда, на мгновеніе, надежда смѣняла отчаяніе; услышатъ за дворомъ шумъ, скрипнутъ гдѣ нибудь ворота, залаетъ собака... подступитъ къ сердцу радость, слушаютъ не она ли... дожидаются. Ее нѣтъ! Мимолетная надежда опять смѣняется отчаяніемъ, а оно, послѣ короткаго и напраснаго перерыва, дѣлается еще болѣе жгучимъ и гнетучимъ.

Стало наконецъ разсвѣтать.

— Будемъ кричать, да голосить — съ того ничего не выйдетъ! сказалъ Кусъ,—пойду къ городовому атаману, заявлю. Пусть ищутъ Ганну; ежели ее нѣтъ на свѣтѣ, то пускай хоть слѣдъ ее найдутъ!

И оставивши бабъ продолжать свои вопли, Кусъ пришелъ къ городовому атаману.

Атаманъ, по прозвищу Беззубый, съ удивленіемъ узналъ о внезапномъ исчезновеніи той новобрачной, которой красотою любовался

вчера въ церкви св. Спаса со всѣмъ бывшимъ тамъ народомъ. Первое, что предпринялъ атаманъ, былъ распросъ Кусу: не было ли у него съ кѣмъ вражды и ссоры. Кусъ увѣрялъ, что не было. Тогда атаманъ, немного подумавши, рѣшилъ послать десятскихъ обходить всѣ казацкіе дворы въ городѣ и въ пригородныхъ селахъ и вездѣ спрашивать: не видали-ль гдѣ Ганны Кусовны и не сообщитъ ли кто догадки о томъ, кто бы могъ ее схватить.

— Ужъ не схватили-ль ее москали? замѣтилъ Кусъ: вчера когда возвратились отъ вѣнчанія, примѣтилъ я, что возлѣ моего двора все ходили какіе-то москали и въ окна заглядывали.

— Сходи къ воеводѣ! сказалъ городовой атаманъ: попроси чтобъ велѣлъ учинить розыскъ между своими, да и войту написалъ бы, чтобъ и въ мѣщанскихъ дворахъ учинить то же, а то мы вѣдь только надъ казацкими дворами начальствуемъ.

Кусъ отправился къ воеводѣ:

— Что тебѣ, добрый человѣкъ? сказалъ ласково Тимоѳей Васильевичъ, когда вошелъ въ его домъ Кусъ и низко поклонился.

Кусъ разсказалъ ему, что дочь его пропала безъ вѣсти.

— Эхъ, добрый человѣкъ, добрый человѣкъ: сказалъ Тимоѳей Васильевичъ: видно, что отецъ нѣжный! Всего одинъ день, а онъ ужъ горячку запоролъ. Подожди, найдется! Да вотъ что, добрый ты человѣкъ: скажи по правдѣ: она, можетъ быть, у тебя гулящая и своевольная. Вѣстимо, коли одна дочь у отца у матери, такъ избалована.

— Нѣтъ, господинъ воевода, сказалъ Кусъ: она у насъ не то что не гулящая и не своевольная, а такая, что ее никогда не нужно ни сдерживать, ни наставлять, она и на улицу никогда не ходила, гдѣ было игрище. Такая послушная, скромная, вѣжливая... опросите всѣхъ сосѣдей, всѣ въ одинъ голосъ ничего не скажутъ про нее, кромѣ хорошаго.

— Такъ, можетъ быть, встрѣтилась съ какою нибудь подругою, а та ее зазвала къ себѣ въ гости, пошли у нихъ промежъ себя тары да бары, ночь захватила, она побоялась идти домой и осталась ночевать въ гостяхъ, говорилъ воевода.

— Я и самъ такъ думалъ сначала, сказалъ Кусъ: только уже пора бы ей вернуться давно. Никогда такого случая съ нею не бывало, господинъ воевода!

— Такъ что-же, что не бывало! Теперь въ первый разъ такой случай пришелъ! Я радъ тебѣ, добрый человѣкъ, во всемъ помочь, написать велю войту, чтобъ учинилъ розыскъ о ней по всѣмъ мѣщанскимъ дворамъ, а самъ я пошлю своихъ стрѣльцовъ по тѣмъ дворамъ, гдѣ есть становища нашихъ царскихъ ратныхъ людей. Только я увѣренъ, добрый человѣкъ, что не успѣютъ произвести розыскъ по мѣщанскимъ дворамъ, какъ твоя дочь къ тебѣ явится. А я твою дочь вчера въ церкви видалъ мелькомъ, какъ она вѣнчалась. Я съ паномъ

полковникомъ тамъ былъ. Славный молодецъ твой зять. И она красавица. Парочка нарядная. Полковникъ мнѣ сказалъ, что женихъ тотчасъ послѣ вѣнца пойдетъ съ казаками въ походъ. Мнѣ такъ стало жалко, что я просилъ полковника: нельзя ли ради новоженнаго дѣла оставить его. Не согласился. Что же, мое дѣло сторона! Намъ, воеводамъ, отъ великаго государя не велѣно вступаться въ козацкія дѣла. Будь покоенъ, добрый человѣкъ! Дочь твоя найдется, сама къ тебѣ воротится, а не придетъ сама, такъ мы ее найдемъ, и я самъ самолично приведу ее къ тебѣ. На томъ даю тебѣ мое крѣпкое слово.

Кусъ поблагодарилъ воеводу за доброе слово и ушелъ.

Прошелъ день, прошелъ другой, третій—Ганна не возвращалась. Мать до того заметалась, что стала какъ безумная, и въ рѣчахъ ее мало было склада; отъ тоски напало на нее такое истомленіе, что пройдетъ нѣсколько саженей и садится, либо совсѣмъ упадетъ на землю. Молявчиха первые дни очень сердечно принимала участіе въ бѣдѣ, постигшей мать ея невѣстки; но на четвертый между двумя бабами начались пререканія. Кусиха въ своихъ сѣтованіяхъ о дочери высказалась, между прочимъ, что „на лиху годину" повѣнчалась она съ Молявкою, а Молявчиха оскорбилась такою выходкою и съ своей стороны ядовито замѣтила, что Богъ знаетъ, гдѣ она дѣлась, можетъ быть у ней на умѣ заранѣе что нибудь затѣяно было, а можетъ быть ея родители знаютъ, гдѣ теперь ихъ дочь, знаютъ, да не скажутъ!

— Не такого зятя намъ нужно было пріискать, а другого когонибудь, такъ можетъ бы дочка наша цѣла была! сказала Кусиха.

— Не такую жонку нужно бы сыну моему а мнѣ невѣстку!—произнесла Молявчиха.

Мать Молявки-Многопѣняжнаго ставила Кусихѣ на видъ, что Молявка родомъ значнѣе какихъ нибудь Кусовъ, и Кусы должны бы себѣ за честь считать, что роднятся съ Молявками; Кусиха упрекала, что Молявки хотятъ загарбать Кусово достояніе и для этого входятъ съ ними въ свойство: Кусы и Молявки, хоть и одинаково козаки, но Кусы старинные отъ прадѣдовъ и прапрадѣдовъ черниговскіе козаки, а Молявки такъ себѣ какіе-то прибыши. Съ такихъ ѣдкихъ замѣчаній начались взаимныя ругательства, а наконецъ и проклятія.

— А колибъ, Богъ далъ, твоя дочка не отыскалась, а такъ сквозь землю провалилась! Негодница она! сказала Молявчиха.

— А колибъ твой сынъ съ войны не воротился! крикнула Кусиха.

Споръ дошелъ до того, что Молявчиха плюнула на Кусиху, а Кусиха плюнула на Молявчиху. Молявчиха сказала, что съ этихъ поръ нога ея не будетъ въ Кусихиной хатѣ, а Кусиха сказала, что было бы лучше всего когда бы и прежде ни Молявчиха, ни сынъ ея не переступали ихъ порога. Добродушный Кусъ хотѣлъ было умиротворить разъярившихся бабъ, но потомъ рукою махнулъ и произнесъ: „бабы какъ бабы, волосъ долгій, а разумъ короткій".

Съ той поры Молявчиха не посѣщала Кусихи, а Кусиха не при-

ходила къ Молявчихѣ. Но приходили къ Кусихѣ разныя сосѣдки; имъ разсказывала Кусиха о своей размолвкѣ съ Молявчихою, а сосѣдки, слушая это, съ своей стороны подстрекали ихъ къ ссорѣ: нашлись такія, что начали переносить Кусихѣ, что говоритъ о ней Молявчиха, а Молявчихѣ—что говоритъ о ней Кусиха.

Окончился Петровъ постъ. Ганна не возвращалась. Нѣсколько разъ еще ходилъ Кусъ и къ городовому атаману, и къ войту и къ воеводѣ. Никто не порадовалъ его открытіемъ слѣдовъ пропавшей дочери. Атаманъ даже замѣтилъ, что Кусъ въ своемъ нетерпѣніи начинаетъ надоѣдать своими жалобами на свою долю, что у него. атамана, безъ его дѣла, много другихъ дѣлъ. Войтъ сказалъ, что употребилъ уже всѣ мѣры, какія у него были въ распоряженіи и не его вина что ничего не открылъ; при этомъ войтъ замѣтилъ Кусу: „было бъ не пущать дочки, тобъ и не пропала“! Любезнѣе всѣхъ принималъ Куса воевода, всегда жалѣлъ о немъ, дѣлалъ вмѣстѣ съ нимъ разныя предположенія на счетъ пропажи его дочери и утѣшалъ всѣми возможными способами, даже говорилъ, что если бы случилось такъ, что его дочери уже не было на этомъ свѣтѣ, то все таки доброму человѣку оставляется то утѣшеніе, что онъ увидится съ нею на томъ свѣтѣ. При этомъ Тимоѳей Васильевичъ благочестиво вздохнулъ.

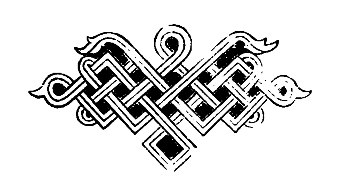
Между тѣмъ, по поводу исчезновенія Кусовны, стали расходиться выдумки, самыя нелѣпыя, безобразныя, отчасти легендарнаго свойства, но оскорбительныя для семейства Кусовъ. Все это вымышлялось бабами изъ тѣхъ дворовъ, которые были не богаты: тамъ былъ поводъ завидовать состоянію Кусовъ. Такимъ образомъ болтали, что Кусъ нажилъ свое состояніе (которое завистникамъ представлялась въ преувеличенномъ размѣрѣ) тѣмъ, что знался съ бѣсами: еще будучи паробкомъ, при помощи бѣсовъ, нашелъ онъ заклятый кладъ; никто не могъ добыть этаго клада, и за то, чтобъ его вырыть, обѣщалъ Кусъ бѣсу дитя свое, какъ у него будутъ дѣти. Послѣ того Кусъ женился, пошли у него дѣти, но всѣ умирали въ маломъ возрастѣ, одна только дочь доросла до совершенныхъ лѣтъ и въ тотъ самый день какъ она вышла за-мужъ и повѣнчалась—бѣсы потребовали исполненія обѣщанія даннаго отцомъ ея въ то время какъ они ему помогли вырыть кладъ. Ганну Кусовну схватили не люди, а бѣсы, и ужъ теперь найти ее никакъ нельзя, потому что она въ пеклѣ, и дорого, разсуждали, обошелся Кусу добытый кладъ; теперь-бы онъ радъ былъ въ десять разъ дать противъ того, сколько тогда получилъ, да ужъ нельзя! Другіе говорили, что Кусиха—вѣдьма, умѣетъ перевертываться то свиньею, то клубкомъ, то копною, то жабою, то летучею мышью и научила такой же вѣдемской наукѣ свою дочь; но этой дочери не слѣдовало принимать святого закона, а она какъ повѣнчалась и святой законъ приняла, вотъ за то разсердившись, бѣсы ее ухватили. Были еще и такіе толки: полюбила Кусовна Молявку и причаровала его къ себѣ съ бѣсовскою помощью. Молявка безъ ней жить на свѣтѣ не могъ,

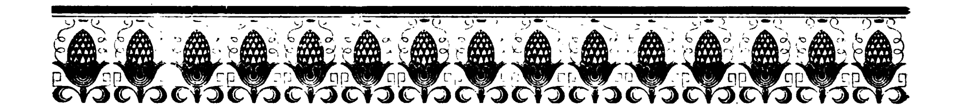
только ей не слѣдовало вступать съ нимъ въ законъ, а какъ она повѣнчалась бѣсы ее за то ухватили, значитъ: живи съ нимъ по нашему, а не по Божіему! Сочиняли еще и вотъ что: продалъ Кусъ свою дочку монаху, а для вида выдалъ ее за мужъ за Молявку, затѣмъ чтобъ какъ Молявка уйдетъ на войну, онъ дочку свою передастъ монаху въ пользованіе, а слухъ пуститъ въ народѣ, будто его дочку утащилъ кто-то невѣдомо куда! И еще было не мало подобныхъ вымысловъ одинъ другого безобразнѣе. Кумушки обо всѣхъ ходившихъ толкахъ сообщали Кусихѣ, увѣряли ее, что это все выдумала Молявчиха и тѣмъ раздражали Кусиху. Она такъ увлеклась злобою противъ Молявчихи, что даже печаль о погибшей безъ вѣсти дочери уступала въ ея сердцѣ мѣсто этой злобѣ. Молявчиха, съ своей стороны, поджигаемая такими же кумушками, выражала благодареніе небу, что сынъ ея нежданнымъ путемъ избавился отъ недостойной связи и молила Бога о благополучномъ его возвращеніи съ войны для того, чтобы онъ поскорѣе могъ сыскать себѣ другую подругу жизни.

Прошелъ іюль. Прошли Спасовки. Вотъ ужъ и люди сельскіе отработались въ полѣ. Уже осенніе утренніе холода стали предвѣщать наступленіе осенней слякоти, а за нею стужи и снѣговъ. Ганны все не было, и никто не могъ сказать гдѣ она: и слѣдъ ея простылъ.

(*Продолженіе въ слѣд. книжкѣ*).

Н. Костомаровъ.





МОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ПОВСТАНЦЕВЪ 1863 ГОДА.

Мы ХОТИМЪ разсказать читателямъ о малоизвѣстной (по крайней мѣрѣ у насъ въ Россіи) морской экспедиціи повстанцевъ 1863 г., страннѣе и невѣроятнѣе которой едва ли что-нибудь предпринималось повстанцами всего міра. Это была чисто-на-чисто „экспедиція для экспедиціи". Мы разскажемъ объ ней на основаніи, главнѣйшимъ образомъ, простодушныхъ записокъ самаго начальника экспедиціи, полковника Лапинскаго [1]), не выбрасывая изъ нихъ ничего: пусть читатели увидятъ, какъ это дѣло задумано, велось и кончилось; какъ поляки сходились по этому поводу съ агитаторами другихъ націй, болтали имъ всякій вздоръ и выслушивали отъ нихъ различныя бредни, совѣты и мечтанія... Этотъ таинственный міръ открывается публикѣ не часто. Въ немъ есть много своего, особеннаго, только ему одному принадлежащаго и потому любопытнаго. Замѣчательнѣе всего то, что Лапинскій нѣсколько разъ приходилъ къ убѣжденію, что дѣлаетъ глупость, которая не можетъ имѣть успѣха, тѣмъ не менѣе шелъ и шелъ впередъ до конца! Герценъ, знавшій этого человѣка лично, такъ очерчиваетъ его характеръ: „Лапинскій былъ въ полномъ значеніи слова кондотьеръ. Твердыхъ политическихъ убѣжденій у него не было никакихъ. Онъ могъ итти съ бѣлыми и красными, съ чистыми и грязными; принадлежа по рожденію къ галиційской шляхтѣ, по воспитанію—къ австрійской арміи, онъ сильно тянулъ къ Вѣнѣ. Россію и все русское онъ ненавидѣлъ дико, безумно, неисправимо. Ремесло свое онъ вѣроятно зналъ [2])".

Къ этому очерку характера Лапинскаго прибавлять намъ почти нечего: онъ сдѣланъ вѣрно. Развѣ только сказать, что во дни экспедиціи полковникъ былъ еще довольно молодъ—между тридцатью и

---

[1]) „Gazeta Norodowa" 1878, №№ 180—227.

[2]) Oeuvres Posthumas, Женева, 1870, стр. 216.

сорока годами,—крѣпокъ, красивъ, имѣлъ воинственную осанку, внушающую страхъ и уваженіе; любилъ опасности, отчаянныя предпріятія, вѣчную суету и тревоги, не очень много думая о томъ, куда и къ чему все это приведетъ. Изъ прошлаго его извѣстно, что онъ служилъ Венгріи, Турціи, черкесамъ—противъ русскихъ; исколесилъ всю Европу—пѣшкомъ, верхомъ, желѣзными и другими путями; заглядывалъ и въ другія части свѣта, ища военной дѣятельности, виднаго положенія и славы,—а въ концѣ 1862 года очутился вдругъ въ Лондонѣ, почти одновременно съ Абхазской депутаціей, (можетъ статься, имъ же и направленной въ Лондонъ, просить помощи у англійскаго правительства), предсталъ во главѣ этой депутаціи, передъ лордомъ Пальмерстономъ и вручая ему свою меморію: „The Progres of Russia", сказалъ нѣчто въ родѣ слѣдующаго: „Абхазцы представляютъ собою, въ настоящую минуту, единственное племя, которое продолжаетъ оказывать на Кавказѣ могущественное сопротивленіе Россіи. Но и оно изнемогло подъ тяжестію неравной борьбы и продержится въ такихъ условіяхъ много-много еще три года, а потомъ пойдетъ неизбѣжно по слѣдамъ другихъ племенъ кавказскихъ: двинется въ Турцію. Европѣ необходимо, въ видахъ ослабленія сѣвернаго колосса и занятія чѣмъ-нибудь его армій на югѣ, когда съ противуположной стороны заносится также серьезный ударъ,—поддержать доблестныхъ абхазцевъ, упредить ихъ бѣгство изъ роднаго гнѣзда и тѣмъ спасти, можетъ быть, всѣхъ тамошнихъ горцевъ. Кому, какъ не Англіи, первой морской державѣ міра, принадлежитъ въ этомъ случаѣ великодушная и стратегическая иниціатива?" [1]).

Пальмерстонъ, не отвѣчая Лапинскому прямо на его тираду, сказалъ только: „Вы очень вѣрно смотрите, полковникъ, на Кавказъ: дѣйствительно, тамъ племя за племенемъ уступало энергическому напору Россіи. Всѣ наши послы и консулы на востокѣ доносили мнѣ объ этомъ въ теченіи цѣлыхъ сорока лѣтъ сряду. Что́ за мудрость, если абхазцы дѣлаютъ теперь то же самое!"

Такимъ образомъ депутація отплыла отъ береговъ Англіи ни съ чѣмъ. Лапинскій собирался плыть вслѣдъ за нею и потомъ—командовать на Кавказѣ нѣсколькими сотнями поляковъ, отчасти черкескихъ военно-плѣнныхъ изъ нашей арміи, отчасти перебѣжчиковъ; все это, взятое вмѣстѣ, онъ намѣренъ былъ пополнить польской эмиграціей всего міра. Но для отъѣзда и командованія нужны были деньги, а онѣ ни откуда не приходили, напротивъ, съ каждымъ часомъ ихъ становилось въ карманѣ полковника меньше и меньше. Онъ написалъ по нѣмецки довольно большое сочиненіе о „Кавказ-

[1]) Изъ вышедшей въ прошломъ 1880 году въ Познани брошюры Сигизмунда Милковскаго: W Galicji i na wschodzie, видно, что Абхазскую поѣздку въ Лондонъ и все, что имѣло съ нею связь на Кавказѣ и въ другихъ пунктахъ Европы, затѣялъ Hôtel Lambert, т. е. партія князя Владислава Чарторыскаго. Можетъ быть Лапинскій прибылъ въ Лондонъ не просто.

скихъ горцахъ" (Bergvölker des Kaukasus) [1]) и сбылъ его одному гамбургскому книгопродавцу-издателю. Пріобрѣтенныя такимъ образомъ немудрыя средства къ жизни тоже стали истощаться. Что было дѣлать дальше?..

Въ это время вспыхнуло въ царствѣ польскомъ возстаніе. Для Лапинскаго не было это неожиданностью. Онъ не ожидалъ его только такъ рано, когда еще не окончены были всѣ необходимыя приготовленія—и потому строго порицалъ. Когда одинъ пріятель сталъ предлагать ему мѣсто начальника штаба галицiйской націи, Лапинскій отказался.

Вдругъ слышитъ онъ, что въ Лондонъ прибылъ генералъ Владиславъ Замойскій, а прибылъ онъ прямо съ цѣлями подталкивать и одушевлять своихъ (предполагая ихъ въ Лондонѣ довольно) къ поддержкѣ безумцевъ русскаго захвата. Послушать отъ него, что говорятъ о возстаніи въ Парижѣ, какъ настроенъ Наполеонъ и его министры, а также и узнать, что думаетъ о возстаніи самъ генералъ—было для Лапинскаго въ высшей степени любопытно. Онъ полетѣлъ къ нему летомъ — и нашелъ его въ самомъ воинственномъ настроеніи, которое основывалось на томъ, что „воротить дѣла назадъ невозможно; охлаждать ребятъ и толковать имъ о неравенствѣ силъ, о недостаткѣ того, другаго, третьяго—глупо и безтолково." Какъ только Лапинскій разинулъ ротъ и началъ доказывать безумство и отсутствіе самыхъ простѣйшихъ соображеній въ возставшихъ, Замойскій прервалъ его такими словами: „что глупо, то глупо, mój kochany, но... дѣло сдѣлано! Взялись за оружіе, мы удержать не могли. Теперь читать наставленія поздно. Это ни къ чему бы не привело, а только испортило бы все еще больше. Остается помогать изо всѣхъ силъ! Еслибъ я былъ помоложе, я бы самъ полетѣлъ сейчасъ на поле битвъ!.. Кто знаетъ... можетъ быть совершится какое-нибудь чудо... вѣдь и самый фактъ возстанія ничто иное, какъ чудо!.. Знаешь что сказалъ мнѣ недавно императоръ Наполеонъ: „Tachez de vous tenir seulement six semaines, les encouragements ne manqueront pas!"

Лапинскій ушелъ отъ Замойскаго совсѣмъ другимъ человѣкомъ, нежели пришелъ. Абхазскія фантазіи въ немъ уже не существовали покрайней мѣрѣ на половину. А черезъ нѣсколько дней онъ взялъ у генерала и князя Романа Чарторыскаго четыре тысячи франковъ на формированіе бандъ въ Познанскомъ княжествѣ, купилъ 40 револьверовъ системы Кольта и сталъ сбираться въ дорогу.

Наканунѣ его отъѣзда пришелъ къ нему нашъ Герценъ съ комисаромъ Жонда Народоваго по части заготовленія оружія, Цвѣрцякевичемъ [2]), и оба наговорили ему о возстаніи разныхъ невѣроят-

---

[1]) Герценъ называетъ эту книгу „замѣчательною". Oeuvres Posthumes, стр. 216.

[2]) „Русская Старина" 1879, Польское возстаніе, продолж. IX главы, приложенія стр. 503.

ныхъ чудесъ: силы его ростутъ невѣдомо какъ и откуда; одушевленіе тоже прибываетъ съ каждымъ часомъ; оно ужъ имѣетъ диктатора, который предводительствуетъ отрядомъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, сносно вооруженныхъ и обученныхъ достаточно-хорошо всякимъ воинскимъ артикуламъ. На Литвѣ тоже вспыхнуло возстаніе и польскіе отряды заняли многія выгодныя позиціи въ разныхъ пунктахъ, между прочимъ и на берегахъ Балтійскаго моря. „Такъ какъ съ этой стороны будетъ всего проще и удобнѣе снабжать возстаніе оружіемъ и аммуниціей (сказалъ Цвѣрцякевичъ), то Жондъ Народовый поручилъ мнѣ и другому своему комиссару, Демонтовичу (который скоро сюда будетъ) организовать морскую экспедицію, съ тѣмъ, чтобы она высадилась около Полонги [1]), съ отрядомъ охотниковъ, оружіемъ и аммуниціей и вошла въ составъ литовской арміи, которая подойдетъ туда къ тому времени изъ центра Литвы, подъ предводительствомъ Сѣраковскаго и Колыски. Экспедиція эта уже готова; около полутораста солдатъ и нѣсколько десятковъ офицеровъ ждутъ только приказанія сѣсть на пароходъ. Оружіе, аммуниція и все прочее, что нужно для такой экспедиціи, также закуплено въ размѣрахъ, какіе позволяютъ наши средства. Вся остановка за начальникомъ экспедиціи. Мы пришли, полковникъ, просить васъ отъ имени Жонда принять на себя эти трудныя обязанности: быть не только начальникомъ морскаго отряда, который отправится на Литву, но и главнымъ вождемъ всего возстанія на Литвѣ и Жмуди!“

— Все это хорошо, господа, отвѣчалъ Лапинскій, но это нужно было сдѣлать пораньше. Морская экспедиція дѣло такое мудреное и сложное, что для нея выбирается начальникъ прежде всего, и этому начальнику, а никому другому, поручается организація экспедиціи, что можетъ быть труднѣе, нежели потомъ командовать экспедиціей въ морѣ. Отчего же вы не обратились ко мнѣ за этимъ прежде?

Цвѣрцякевичъ объяснилъ полковнику, что оба они съ Демонтовичемъ хотѣли именно обратиться къ нему, какъ человѣку извѣстному и опытному по этой части, но Жондъ Народовый приказалъ имъ войти въ сношенія съ Мирославскимъ [2]). Переговоры съ нимъ заняли довольно времени. Мирославскій предъявилъ такія требованія, которыхъ исполнить нельзя. Между тѣмъ Жондъ налегаетъ на насъ, чтобы мы отнюдь не откладывали этого дѣла. Литва взываетъ о помощи. Мы бросились со всѣхъ ногъ вербовать охотниковъ, закупать оружіе... Вчера телеграфировалъ мнѣ Демонтовичъ, что Мирославскій окончательно устраненъ отъ всего—и я обратился къ Герцену съ просьбою, чтобы онъ свелъ меня съ вами, полковникъ. Нѣсколько

---

[1]) Палангенъ.

[2]) Это была правда. Съ Мирославскимъ не знали куда дѣться по оглашеніи Лангевича диктаторомъ. Ему дѣлались разныя предложенія. См. „Русская Старина“ 1878 года, Польское возстаніе, глава IV, стр. 56, примѣчаніе.

лѣтъ тому назадъ вы взялись за такое же дѣло среди племенъ вамъ совершенно чуждыхъ и дикихъ: теперь къ вамъ простираютъ руки ваши братья! Если вы побѣждали всякія трудности тамъ, побѣдите ихъ конечно и здѣсь!

Герценъ сталъ просить и съ своей стороны. На возраженія полковника сыпались изъ устъ его гостей сотни возраженій. Наконецъ онъ уступилъ. „Если хоть пятая часть всего того, что вы мнѣ наговорили, господа, справедлива (сказалъ Лапинскій) рискнуть можно. Коли ужъ всѣ съ ума сошли, какое-жъ я имѣю право быть исключеніемъ [1])?“

Положили собраться вечеромъ того-же дня (въ половинѣ марта по нов. ст. 1863) у Герцена и потолковать о подробностяхъ дѣла. Между тѣмъ Лапинскій пошелъ исповѣдаться во всемъ къ генералу Замойскому. Генералъ (можетъ быть уже предувѣдомленный кѣмъ слѣдуетъ) [2]), нисколько не задумываясь совѣтовалъ принять начальство надъ экспедиціей: „Ступай благословясь! Богъ спасалъ тебя и не въ такихъ опасностяхъ—спасетъ и тутъ. Вѣдь если ты откажешься, возьмутъ какую-нибудь дрянь и эта дрянь напутаетъ и нагадитъ, такъ, что послѣ никто не распутаетъ!“

У Герцена собралось нѣсколько революціонныхъ тузовъ, бывшихъ тогда въ Лондонѣ: Маццини, Ледрю-Ролленъ, Марксъ—повидимому съ тѣмъ, чтобы подѣйствовать на Лапинскаго, когда бы онъ поколебался. (Такъ покрайней мѣрѣ понялъ самъ полковникъ). Изъ поляковъ, сверхъ Лапинскаго, былъ только Цвѣрцякевичъ; изъ русскихъ Огаревъ. Сначала говорили болѣе всего о польскомъ возстаніи. Герценъ утверждалъ, что польской революціи необходимо искать союза со всѣми недовольными

---

[1]) Собственныя слова Лапинскаго: „kiedy wszyscy warjują zkąd że ja mam mieć prawo wyjątek robić?“ „Gazeta Narod.“ 1878, № 181, стр. 2, столбецъ 5.

[2]) Въ это время въ Лондонѣ находилась централизація демократическаго общества, которая старалась заправлять тамъ всѣмъ, что касалось возстанія и сносилась съ Жондомъ. Сверхъ того было литературное общество друзей Польши (The hiterary Assotiation of the Friends of Poland), основанное въ февралѣ 1832 года, подъ вліяніемъ князя Адама Чарторыскаго. Первымъ предсѣдателемъ этого общества былъ англійскій поэтъ, Ѳома Кемпбелль (Campbell). Секретаремъ майоръ Шульчевскій. Члены неизвѣстны. По ходатайству общества (состоявшаго подъ покровительствомъ лорда Суссекса (Sussex), дяди королевы Викторіи), англійское правительство давало небольшую субсидію польскимъ эмигрантамъ, въ особенности ветеранамъ 1831. По отчетамъ общества видно, что съ 1832 до 1878 года выдано субсидіи на сумму 231,816 фунтовъ стерлинговъ, 3 шиллинга и 10 пенсовъ. Подписка въ пользу эмигрантовъ, собранная при посредствѣ общества, дала 46,856 фунтовъ, 17 шиллинговъ и 7½ пенсовъ. Всего 278,673 фунта 1 шиллингъ и 5½ пенсовъ. По австрійской валютѣ 3.300,000 гульденовъ. Въ 1878 году поддержка Англіи сильно уменьшилась. Шульчевскій, съ которымъ Лапинскій былъ хорошо знакомъ, говорилъ послѣднему, что „едва ли и десятая часть сбирается“.

Изъ записокъ Лапинскаго не видно, чтобы онъ или Замойскій сносились съ централизаціей, но сь литературнымъ обществомъ у нихъ были близкія связи.

(„Gazeta Narod.“ 1878, № 192, стр. 2, столб. 1, прим.).

въ Россіи, а такихъ очень много. Есть возможность ожидать тамъ даже революціонной вспышки: тогда революція естественно подастъ руку революціи—и пошла писать!

— Э! сказалъ болѣе практичный и прозорливый Марксъ, занимавшійся очень серьезно жареной телятиной, въ Россіи можетъ быть только такой или другой бунтъ, причемъ достанется нѣмецкимъ платьямъ, а революціи никакой и никогда не будетъ.

Это вызвало горячія возраженія со стороны Герцена и Огарева. Ледрю-Роллень и Цвѣрцякевичь имъ вторили. Маццини и Лапинскій больше молчали.

Споръ сталъ болѣе и болѣе уклоняться отъ главнаго предмета и уходить въ дебри неопредѣленной болтовни. Собесѣдники касались всего, зацѣпляли многихъ европейскихъ владыкъ и рѣшали такъ или иначе ихъ участь, въ видахъ отысканія наиболѣе вѣрнаго и надежнаго пути къ свободѣ и благоденствію народовъ.

Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ, всѣ почувствовали утомленіе и скуку и начали браться за шапки. Къ тому-же былъ третій часъ пополуночи. Герценъ предлагалъ гостямъ у него переночевать, но кромѣ Цвѣрцякевича, который чувствовалъ чрезвычайное изнеможеніе отъ множества разъѣздовъ и хлопотъ за всѣ эти дни, да Огарева, жившаго съ Герценомъ въ одномъ домѣ, всѣ остальные съ нимъ распрощались. Маццини усѣлся въ экипажъ Ледрю-Роллена, сказавши Лапинскому, что какъ-нибудь къ нему зайдетъ, но послѣдній возразилъ, что лучше устроить свиданіе у Маццини, вечеромъ, — завтра, послѣ завтра: агитаторъ согласился. Лапинскій поѣхалъ съ Марксомъ.

Дорогой, Марксъ сказалъ, между прочимъ, что самый натуральный союзникъ поляковъ въ войнѣ съ Россіей это — нѣмцы, и тутъ-же спросилъ, какъ-бы, по его мнѣнію, былъ принятъ поляками нѣмецкій легіонъ, въ 1000 человѣкъ, съ нѣмецкими знаменами и цвѣтами, явившійся внезапно посрединѣ польскихъ отрядовъ, бьющихся съ русскими войсками? Лапинскій отвѣчалъ, что конечно его приняли-бы съ восторгомъ, хотя и были-бы поражены этимъ фактомъ, какъ онъ пораженъ теперь вопросомъ объ этомъ и самою мыслію.

Стали потомъ толковать о средствахъ къ осуществленію такой мысли, припоминали разныхъ капиталистовъ, которыхъ было-бы можно тронуть въ этомъ случаѣ. Названы были между прочимъ герцогъ Брауншвейгскій и князь Ксаверій Браницкій. Первый, по словамъ Маркса, обладалъ, сверхъ большихъ денегъ, арсеналомъ оружія, оставшагося у него послѣ того, какъ онъ сбирался вторгнуться въ предѣлы края, отнятаго у него пруссаками и отданнаго его брату...

Разговоръ на этомъ и кончился. Нужно было когда-нибудь разстаться и спать. Лапинскій, добравшись однако же до кровати, никакъ не могъ сомкнуть глазъ. Ему мерещились видѣнныя имъ на Кавказѣ и въ Венгріи битвы иррегулярныхъ полчищъ съ правильно-организованными войсками, гдѣ 10,000 бѣжитъ отъ 500... отсюда мысль

его перебросилась естественно на берега, куда ему слѣдовало плыть съ крохотнымъ отрядомъ, наскоро, кое-какъ, набранныхъ комиссарами охотниковъ, разумѣется, изъ всевозможныхъ элементовъ, точнѣе сказать: изъ бродягъ всего міра, которыхъ часть шла воевать не ради патріотическихъ принциповъ, а просто-за-просто изъ-за куска хлѣба, не умѣвъ его достать другимъ путемъ по безпутству, по любви къ праздности, по безпорядочности... вотъ кѣмъ приходилось ему командовать, кого долженъ былъ онъ прежде всего привести къ повиновенію, научить субординаціи!.. Положимъ, какимъ-нибудь чудомъ его охотники и разобьютъ русскій отрядъ, который найдутъ на берегу при высадкѣ: но вѣдь потомъ встрѣтятъ, конечно, еще отряды: что дѣлать съ ними?.. Кто выручитъ заброшеннаго судьбами въ Курляндію авантюриста?.. Гдѣ эти пресловутыя польскія дружины, о которыхъ то-и-дѣло говоритъ Цвѣрцякевичь? Существуютъ-ли они на самомъ дѣлѣ? Кто это можетъ сказать?

Такъ метались изъ стороны въ сторону мысли Лапинскаго, одна другой мрачнѣе, одна другой безсвязнѣе, между тѣмъ какъ онъ самъ метался на кровати. Уже совсѣмъ разсвѣло, а онъ все еще не спалъ. „А что, подумалъ онъ наконецъ: этотъ оригинальный нѣмецкій легіонъ Маркса!.. чѣмъ чортъ не шутитъ!.. Марксъ вѣроятно изъ бродягъ набирать охотниковъ не станетъ!.. Еслибъ взять съ собой на литовскіе берега этотъ легіонъ въ тысячу человѣкъ!.. Но для того, чтобы онъ выросъ изъ-подъ земли, нужны деньги, вездѣ проклятыя деньги!.. Дай напишу письмо къ доктору Галензовскому [1]), чтобы онъ потормошилъ Браницкаго!“

Какъ ни мало было надежды достать этимъ путемъ денегъ и какъ ни плохо вѣрилъ Лапинскій въ сбыточность странной фантазіи Маркса, въ это—что-то дикое, неестественное, въ этихъ нѣмецкихъ витязей, марширующихъ по польской землѣ подъ своимъ нѣмецкимъ знаменемъ, тѣмъ не менѣе онъ вскочилъ съ постели, сѣлъ къ столу и написалъ письмо. Эти мечты, эти дѣйствія и безсонница, недурно характеризовали минуту, Лапинскаго и хаосъ всего предпріятія.

Когда онъ, въ раздумьи, сбирался-было снова улечься и хоть сколько-нибудь заснуть,—къ нему вошли комиссары Жонда: Цвѣрцякевичь и Демонтовичь, только-что пріѣхавшій въ Лондонъ. Они сообщили ему прежде всего печальную вѣсть: бѣгство диктатора и арестованіе его австрійскими властями, а также и происшедшія отсюда неурядицу и замѣшательство въ жондѣ и въ отрядахъ.

— Теперь больше чѣмъ когда-либо потребно прибытіе помощи со стороны моря (сказалъ Демонтовичь): Литва ожидаетъ отъ насъ спасенія; успѣхъ въ этой провинціи несомнѣнно оживитъ царство!

---

[1]) Директоръ польской эмиграціонной школы въ Батиньолѣ, подъ Парижемъ, принимавшій участіе во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ поляковъ послѣдняго времени. Недавно умеръ.

— Но кто отважился внушать литвинамъ такія странныя надежды, что мы ихъ спасемъ? спросилъ Лапинскій: неужели появленіе на жмудскихъ берегахъ сотни-другой кое-какъ вооруженныхъ повстанцевъ оживитъ тамошніе отряды, ожидающіе безъ сомнѣнія чего-либо посерьезнѣе? Ну, а какъ мы произведемъ смѣхъ и еще бóльшее разочарованіе?... Конечно, иной разъ позволительно скрыть на короткое время истину, когда знаешь, что это подѣйствуетъ морально на готовящихся къ битвѣ солдатъ, но выдумывать цѣлую огромную диверсію, когда можешь произвести только самую малую, или вовсе ничего—это такой военный фортель, котораго я не понимаю, господа, и который, по моему мнѣнію, никуда не годится! Мнѣ приходитъ теперь въ голову, что господинъ Цвѣрцякевичь сообщилъ мнѣ вовсе не тѣ цыфры о силахъ возстанія, какія существуютъ на дѣлѣ и что вы меня морочите Литвою, точно также, какъ Литву — моею помощью!..

Комиссары начали защищаться и Демонтовичь пересчиталъ Лапинскому по пальцамъ всѣ отряды, дѣйствующіе въ Польшѣ и Литвѣ, всѣхъ офицеровъ и высшихъ начальниковъ: вышло всего навсе двадцать тысячъ человѣкъ—разумѣется фантастическихъ. Послѣ этого комиссары просили полковника сказать имъ откровенно, хочетъ онъ или не хочетъ командовать экспедиціей и принять потомъ, по прибытіи на мѣсто, главное начальство надъ всѣми военными силами Литвы?

Лапинскій отвѣчалъ имъ, что онъ не прочь на это согласиться единственно на слѣдующихъ условіяхъ, которыя у него были уже изложены на бумагѣ:

„Командованіе экспедиціей полковникъ Лапинскій принимаетъ не иначе, какъ получивъ отъ комиссаровъ самыя точныя свѣдѣнія о количествѣ оружія, аммуниціи и всѣхъ прочихъ вещей на бумагѣ и провѣривъ потомъ на дѣлѣ, что все это несомнѣнно существуетъ. Равно долженъ имѣть именной списокъ охотниковъ, видѣть ихъ и принять на дѣлѣ подъ начальство. Капитанъ парохода долженъ быть представленъ ему какъ подчиненный, обязанный его, съ минуты выхода въ море, во всемъ безпрекословно слушать. Военный комиссаръ Жонда, по исполненіи всего сказаннаго, становится также въ зависимость отъ начальника экспедиціи и ничего безъ его вѣдома не предпринимаетъ. Изъ денегъ, которыя останутся въ распоряженіи военнаго комиссара, онъ не имѣетъ права ничего брать и никому ничего выплачивать, не получивъ разрѣшенія отъ начальника экспедиціи“.

Комиссары приняли эти условія безъ всякихъ возраженій.

Что касается главнаго начальства надъ всѣми повстанскими силами въ Литвѣ, полковникъ Лапинскій принималъ его на слѣдующихъ условіяхъ: „Всѣ сношенія военныхъ и гражданскихъ властей съ Жондомъ Народовымъ, съ минуты прибытія главнаго начальника въ Литву, должны прекратиться и Жондъ начинаетъ сноситься только съ

главнымъ начальникомъ. Главный начальникъ имѣетъ право ревизовать и требовать къ суду и отвѣтственности всѣхъ гражданскихъ и военныхъ чиновниковъ. Высшихъ представляетъ на утвержденіе Жонда, низшихъ назначаетъ самъ. Вся гражданская и военная организація находится въ рукахъ главнаго начальника. Главный начальникъ имѣетъ на Литвѣ jus gladii и можетъ передать его каждому, заступающему его мѣсто".

„Въ случаѣ, еслибы Жондъ Народовый не принялъ этихъ условій, полковникъ Лапинскій соглашается служить на всякомъ мѣстѣ, которое ему будетъ указано, только совѣтуетъ снабдить другаго главнаго вождя тѣми же самыми аттрибутами власти, коихъ онъ желалъ для себя, ибо, по крайнему его убѣжденію, другимъ способомъ ни послушанія подчиненныхъ, ни надлежащаго сконцентрированія организаціи, ни контроля, ничего ровно добиться невозможно".

И эти условія были приняты коммисарами, впрочемъ послѣ нѣкотораго колебанія. Они разсуждали такъ: „Ты только поѣзжай въ безумную экспедицію. Если цѣлъ доѣдешь, тамъ будетъ видно Жонду Народовому, что изъ тебя сдѣлать!"

Почтительность комиссаровъ къ Лапинскому была только условная, моментальная—до пароходной палубы. Демонтовичь показывалъ Герцену револьверъ, изъ котораго хотѣлъ выстрѣлить начальнику экспедиціи въ лобъ, если онъ имъ измѣнитъ въ морѣ, и говорилъ, что „не вѣритъ ему ни на грошъ [1]". Что до главнаго начальствованія на литовскихъ берегахъ, если не оба комиссара, то Демонтовичъ зналъ очень хорошо, что это мѣсто обѣщано гораздо прежде Сѣраковскому, получившему благословеніе отъ Гарибальди, на Капрерѣ, и считавшему себя не инымъ кѣмъ какъ... литовскимъ Гарибальди. Если ужъ и дѣйствительныя, установившіяся какъ слѣдуетъ правительства прибѣгаютъ въ иныхъ случаяхъ къ несовсѣмъ-прямымъ дѣйствіямъ, что мудренаго, когда только-что родившееся народное правительство Польши, едва живое, прятавшееся гдѣ-то подъ поломъ, имѣло двуличный, а иногда, можетъ, и трехличный характеръ?..

Послѣ подписанія условій, Демонтовичь счелъ приличнымъ сказать Лапинскому нѣсколько поучительныхъ словъ о чрезвычайной важности его миссіи и о томъ, какъ слѣдуетъ къ такой миссіи относиться. Лапинскій—уже начальникъ Демонтовича—естественно обидѣлся подобною рѣчью—какъ-бы отъ старшаго къ младшему, рѣзко прервалъ говорившаго, сказавъ ему: „это совсѣмъ ненужно!" Тогда Демонтовичь, желая поскорѣе сгладить возникшія вдругъ шероховатости, досталъ изъ кармана „назначеніе полковника генераломъ, закрѣпленное печатью Жонда Народоваго"—и подалъ Лапинскому, какъ-бы дессертъ послѣ длиннаго и скучнаго обѣда. „Это что такое?" спросилъ удивленный Лапинскій, вертя пренебрежительно переданной ему бумагой: „это

[1]) Oeuvres posthumes, стр. 217.

также ненужно! Спрячьте это... до лучшихъ временъ, а теперь не будемъ заниматься такими пустяками! Для меня было бы несравненно пріятнѣе получить отъ васъ чекъ на двѣ, на три пушки!"

Шероховатости были сглажены доброй закуской, предложенной Демонтовичемъ въ одной изъ ближайшихъ ресторацій, откуда отправились на квартиру Цвѣрцякевича, смотрѣть закупленное комиссарами оружіе для экспедиціи. Лапинскій нашелъ тамъ 1,000 штукъ карабиновъ со штыками, но—безъ погоновъ! Штыки—безъ ноженъ! (Лапинскій просилъ комиссаровъ записать это и немедля пополнить). 750 французскихъ кавалерійскихъ палашей, но безъ портупей! (и это просилъ записать и пополнить!) 200 пикъ — безъ темляковъ! (записать и пополнить!) 100,000 патроновъ для карабиновъ; 50 центнеровъ пороху и 2 милліона пистоновъ. Все это было доставлено фабрикой оружія и пороху фирмою „Витвортъ и сынъ" (Withworth and sons), въ Лондонѣ, по цѣнамъ весьма умѣреннымъ и смотрѣло хорошо.

Остальное же, что увидѣлъ Липинскій: плащи, ранцы, пояса, сапоги, шапки, узды, сѣдла, знамена, значки и т. д. требовало значительныхъ перемѣнъ и дополненій, что было поручено сдѣлать одному жидку-комиссіонеру, въ теченіи четырехъ дней.

По окончаніи осмотра всѣхъ вещей, Лапинскій почувствовалъ себя сильно взволнованнымъ. Онъ увидѣлъ нетолько невѣжество и неопытность комиссаровъ въ дѣлѣ, за которое они взялись, но и крайнюю небрежность и недобросовѣстность. Лишь-бы исполнить порученіе Жонда, а какъ оно будетъ исполнено, объ этомъ никто изъ нихъ серьезно не думалъ. Полковникъ еще болѣе усомнился въ цыфрахъ войскъ, показанныхъ этими господами, и во всемъ томъ, что они натолковали ему о Литвѣ и о царствѣ польскомъ. Онъ рѣшился высказать имъ, тономъ начальника, нѣсколько рѣзкихъ замѣчаній и въ заключеніе произнесъ:

— Еслибъ я могъ хоть сколько нибудь предвидѣть все случившееся, всѣ слабыя стороны приготовленій къ такой рискованной и опасной экспедиціи, я ни зачто бы не принялъ надъ нею начальства; даже и теперь былъ бы очень радъ, еслибъ мнѣ воротили данное мною слово и уничтожили мою подпись подъ договоромъ!

Комиссары не возражали, равно были далеки мыслями отъ того, чтобы искать новаго предводителя. Обѣдъ, который предложилъ затѣмъ Демонтовичь, въ особой комнатѣ одного солиднаго ресторана, нѣсколько успокоилъ нервы вождя. Лапинскій, поѣвши, спросилъ списокъ охотниковъ и прочелъ тамъ слѣдующее: „офицеровъ-поляковъ 9, докторъ I, аптекарей 2, типографщикъ 1, офицеровъ-иностранцевъ 5; рядовыхъ поляковъ 86, иностранцевъ 55. Секретарь при начальникѣ экспедиціи 1, товарищъ военнаго комиссара (zastępca) 1, помощникъ 1, итого 164 человѣка. Между поляками были ветераны 1831 года, эмигранты всѣхъ возстаній и выходцы послѣдняго; были дѣти эмигрантовъ, изъ которыхъ только меньшая часть говорила по

польски. Иностранный отдѣлъ представлялъ неимовѣрную смѣсь племенъ: французовъ было 22, итальянцевъ 16, англичанъ 3, нѣмцевъ 3, швейцарцевъ 2, русскихъ 2, бельгійцевъ 2, венгерцевъ 2, голландецъ 1, кроатъ 1."

Лапинскому говорили его лондонскіе знакомые, что нѣмцевъ являлось много, но ихъ не принимали. Кромѣ нѣсколькихъ французовъ прибывшихъ изъ Парижа, все остальное въ иностранномъ отдѣлѣ было набрано въ улицахъ Лондона.

Замѣтивъ кислую мину, какую сдѣлалъ полковникъ, просматривая списокъ, Демонтовичъ сказалъ: „въ бою все годится, все уйдетъ!"

— Тото-же и есть, что не все, отвѣтилъ Лапинскій: можно брать всякую сволочь въ большую готовую армію: бывали примѣры и нерѣдко, что изъ сволочи вырабатывались, при такихъ условіяхъ, весьма хорошіе служаки; но весь отрядъ и притомъ маленькій, набирать такъ, какъ вы его набрали, не годится. Впрочемъ, теперь толковать объ этомъ уже поздно!

Повѣрка кассы сдѣлана въ одну минуту: оказалось, что Демонтовичъ имѣлъ у себя 86.000 франковъ, а Цвѣрцякевичъ одни долги. Между тѣмъ нужно было купить множество недостающихъ для похода вещей, нанять пароходъ и располагать непремѣнно хотя какими либо деньгами на первые расходы по высадкѣ экспедиціи на литовскіе берега. Лапинскій присовѣтовалъ Демонтовичу написать въ парижскій Народный Комитетъ [1]) и потребовать оттуда высылки по крайней мѣрѣ 50.000 франковъ, а потомъ отправиться въ мѣстопребываніе отряда (гдѣ-то въ укромномъ уголку, на берегу Темзы) и удалить изъ него всѣхъ охотниковъ (исключая офицеровъ) старше 50 и моложе 18 лѣтъ.

Цѣлый день для всѣхъ этихъ лицъ прошелъ въ хлопотахъ и въ бѣганьѣ по разнымъ вліятельнымъ знакомымъ всякихъ націй. Лапинскій успѣлъ тѣмъ временемъ посѣтить генерала Замойскаго, котораго нашелъ чрезвычайно разстроеннымъ извѣстіемъ о паденіи диктатуры и вообще слухами о печальномъ положеніи возстанія.

Лапинскій, потолковавъ немного съ генераломъ о неимовѣрныхъ трудностяхъ экспедиціи, воротился домой. Вскорѣ прибыли къ нему Демонтовичъ и Герценъ. Первый донесъ полковнику, что по его желанію удалилъ изъ отряда черезъ-чуръ молодыхъ и старыхъ,

---

[1]) Образовался въ концѣ февраля 1862 года изъ Комиссіи Единства (Komissya Tymczasowa jednoczącej się Emigracyi), гдѣ членами были: Леонъ Чеховскій, какъ предсѣдатель; Руфинъ Петровскій (кассиръ); Леонъ Мазуркевичъ (секретарь); Юлій Михайловскій, Александръ Валигурскій, Игнатій Богдановичъ и Валентинъ Левандовскій. (Всѣ кромѣ Петровскаго, служили потомъ возстанію съ оружіемъ въ рукахъ). Въ мартѣ 1862 принятъ въ члены и князь Владиславъ Чарторыскій (внесшій въ народный комитетъ 15,000 франковъ) и начаты сношенія съ централизаціей демокр. общества въ Лондонѣ. Комитетъ посылалъ повсюду эмиссаровъ. Можетъ быть оттуда же посланъ и генералъ Владиславъ Замойскій.

которыхъ оказалось одиннадцать человѣкъ. Они уходили неохотно. Зато изъ иностранцевъ подали сами въ отставку: три француза и два итальянца, которые находили, что жалованье недостаточно и дурны содержаніе и обмундировка. Такимъ образомъ отрядъ уменьшился на 16 человѣкъ, т. е. въ немъ осталось 148 рядовыхъ, унтеръ-офицеровъ и офицеровъ.

— Отчего-жъ вы не берете нѣмцевъ, когда они къ вамъ являются массами? спросилъ Лапинскій.

— Нельзя брать нѣмцевъ, полковникъ, отвѣчалъ Демонтовичь: ихъ поляки не любятъ, ими и безъ того захлебнулся нашъ край, а мы будемъ еще привозить это добро отсюда! Они объѣдятъ всю нашу Литву, вотъ чѣмъ кончится!

— Вы плохо знаете нѣмцевъ, смотря на нихъ, можетъ быть, сквозь призму мемуаровъ Паска [1]), а нето веселыхъ разглагольствованій Мирославскаго, когда онъ находится въ хорошемъ расположеніи духа. А право нѣмцы бы намъ пригодились не хуже кого другаго. Я имѣлъ возможность убѣдиться въ ихъ превосходныхъ военныхъ качествахъ въ разныя минуты моей жизни.

Лапинскій хотѣлъ было распространиться объ этомъ предметѣ и дойти до предложенія Маркса, но видя, что Герценъ становится на сторону Демонтовича, умолкъ. Предложеніе Маркса осталось такимъ образомъ для комиссаровъ неизвѣстнымъ.

Вечеромъ того же дня полковникъ очутился у Маццини, въ тѣхъ двухъ небольшихъ покояхъ, гдѣ итальянскій агитаторъ прожилъ около тридцати лѣтъ и гдѣ перебывали у него предводители всевозможныхъ замѣчательныхъ кружковъ и всякіе политическіе дѣятели Стараго и Новаго свѣта, которыхъ имена извѣстны каждому мальчику. Много бы могли поразсказать любопытнаго эти стѣны!..

Маццини представилъ гостю какого-то пожилаго итальянца, назвавъ его Біанки и сказавъ, что при немъ можно говорить все. Потомъ спросилъ: „Принимаете вы итальянцевъ въ экспедицію?“

— У меня ихъ уже нѣсколько, отвѣчалъ Лапинскій.

— Смотрите, будте осторожны: между ними очень много страшныхъ негодяевъ. Порядочный итальянецъ въ настоящее время рѣдко бросаетъ отечество. У меня есть однако пятокъ-другой хорошихъ молодыхъ людей, желающихъ служить польскому возстанію. За этихъ я ручаюсь. Могу прислать ихъ вамъ, полковникъ?

— Во всякую минуту!

Выразивъ затѣмъ сожалѣніе, что не можетъ оказать полякамъ

---

[1]) Янъ-Хризостомъ-Пасекъ (Pasek), шляхтичъ изъ Гославицъ, жилъ въ XVII вѣкѣ и оставилъ послѣ себя замѣчательныя записки, которыя изданы три раза въ Познани (1836—1837—1878). Послѣднее съ картинами. Лучшимъ считается изданіе Г. Венцлевскаго, во Львовѣ, 1877. Оно носитъ слѣдующее заглавіе „Pamiętniki Jana Chryzostoma Paska z Goslawic, z czasów panowania Jana Kazimierza, Michała Korybuta i Jana III.“ (1656—1688).

помощи въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ бы желалъ, Маццини просилъ Лапинскаго принять 400 фунтовъ отъ имени итальянцевъ, живущихъ въ Лондонѣ.

Поговоривъ еще о разныхъ разностяхъ, они разстались. Лапинскій, возвратясь домой, спалъ до половины другаго дня какъ убитый. Вскорѣ затѣмъ явился къ нему комиссаръ Демонтовичь съ четырьмя офицерами и докторомъ. Трое изъ нихъ были ветераны 1831 года: капитаны Магнусскій и Кавка и поручикъ Мёдушевскій. Послѣдняго уносило непремѣнно туда, гдѣ пахло порохомъ: въ Турцію, къ Гарибальди, въ южную Америку. Четвертый офицеръ былъ графъ Тышкевичь, служившій въ русскихъ гусарахъ. Поговоривъ съ ними съ четверть часа и узнавъ болѣе или менѣе, кто къ чему способенъ, начальникъ экспедиціи далъ имъ разныя порученія, послѣ чего они ушли. Комиссаръ сообщилъ полковнику телеграмму изъ парижскаго Народнаго Комитета, которою послѣдній давалъ знать, что 50.000 франковъ послать не можетъ, а посылаетъ только 30.000.

— Знаете что: купимъ пару пушекъ! воскликнулъ Лапинскій,— онѣ бы весьма для меня пригодились при высадкѣ!

— Да вѣдь пушки чертовски дòроги, замѣтилъ комиссаръ.

— Дòроги, не дòроги, а все тысячъ десять франковъ нужно пожертвовать!

— Это еще не Богъ вѣсть что! прикажете вамъ выдать, полковникъ?

— Не надо, у меня ужъ есть!—И Лапинскій разсказалъ Демонтовичу, какъ и откуда пришли къ нему деньги.

Они рѣшили заняться ту-же минуту покупкою артиллеріи, которую помѣстить на пароходѣ по-возможности секретнымъ образомъ, дабы не было никакихъ подозрѣній со стороны русскаго посольства; но русское посольство все уже знало черезъ комиссіонера экспедиціи Тура, который поставлялъ ей разныя вещи. Этотъ самый Туръ способствовалъ открытію французской полиціей кое-какихъ секретовъ Жонда, при отправленіи изъ Варшавы, въ самомъ концѣ 1862 года, Франциска Годлевскаго, съ важными бумагами и суммой для найма первыхъ офицеровъ [1]). Русское посольство хотѣло узнать еще болѣе: оно отправило къ Лапинскому молодого человѣка, небольшого роста, тщательно-выбритаго, приглаженнаго и припомаженнаго, который поминутно кланялся и улыбался и для людей, болѣе проницательныхъ и осторожныхъ, чѣмъ Лапинскій, передвигавшій въ умѣ съ утра до ночи совсѣмъ другія шашки,—былъ подозрителенъ сразу. Иначе сказать: онъ не былъ артистомъ своей профессіи. Онъ рекомендовался, на чистомъ польскомъ языкѣ, уроженцемъ города Варшавы, Тугендбольдомъ, и просилъ убѣдительно полковника взять его съ собою, въ какомъ угодно званіи, хоть простымъ солдатомъ, причемъ добавилъ, что

---

[1]) Герценъ, Oeuvres posthumes, стр. 208.

его родители, люди очень спокойные, не хотятъ, чтобы онъ служилъ возстанію, тѣмъ-болѣе, что отецъ его, русскій чиновникъ, могъ-бы имѣть черезъ него еще какія-либо непріятности; вслѣдствіе чего онъ рѣшился измѣнить свою фамилію и называется теперь не Тугендбольдъ, а Поллесъ—Стефанъ Поллесъ; что онъ учился въ петербургской консерваторіи и хорошо играетъ на віолончели: въ свободныя минуты экипажъ будетъ имѣть небольшое развлеченіе!

— Въ солдаты и даже въ офицеры вы не годитесь, сказалъ ему Лапинскій: вы для этого очень жидки и слабы. Будьте у меня секретаремъ! Говорите вы еще на какихъ-нибудь языкахъ, кромѣ польскаго?

— Говорю по-французски, по-нѣмецки, по-итальянски, по-англійски и по-русски.

— Прекрасно! Собирайтесь въ дорогу, мы скоро выйдемъ!

Поллесъ поклонился—и съ этихъ поръ почти не отставалъ отъ начальника экспедиціи. Тотъ бралъ его съ собою всюду, обо многомъ съ нимъ совѣтовался; однажды пришелъ съ нимъ къ Герцену и рекомендовалъ ему Поллеса своимъ адъютантомъ.

— Я уже имѣлъ удовольствіе съ нимъ встрѣчаться, сказалъ сухо Герценъ.

Бывшій при этой сценѣ Огаревъ отвелъ немного погодя въ сторону Лапинскаго и спросилъ: „вы хорошо знаете человѣка, съ которымъ пришли?"

— Я видалъ его въ Boarding Hous, гдѣ я живу. Онъ кажется, малый добрый и расторопный, говоритъ на шести языкахъ.

— Да вы увѣрены въ немъ?

— Конечно. Къ тому-же онъ отлично играетъ на віолончели [1]).

Странно было Огареву и Герцену навязываться съ дальнѣйшими объясненіями дѣла. Поллесъ овладѣлъ Лапинскимъ, видѣлъ, какъ онъ съ Демонтовичемъ нанималъ пароходъ, покупалъ разныя вещи, необходимыя для экспедиціи. Полковнику и комиссарамъ, въ страшной суетѣ послѣднихъ приготовленій, было не до того, чтобы сдѣдить, кто куда за ними ходитъ; да и вообще они были не большіе мастера угадывать людей не тольку по первому, но и по десятому впечатлѣнію...

Тѣмъ временемъ съ материка пришли такія вѣсти: Галензовскій писалъ, что съ Браницкимъ не рѣшался объясняться на счетъ денегъ, потому-что и безъ того Браницкій сыплетъ направо и налѣво очень много. Имъ-же питается, главнѣйшимъ образомъ, и Польскій Народный Комитетъ въ Парижѣ.

Марксу писали, что герцогъ Брауншвейгскій денегъ не даетъ, а вооруженіе и аммуницію готовъ отпустить на тысячу нѣмецкихъ повстанцевъ, съ нѣмецкимъ знаменемъ и съ гербомъ Брауншвейгскаго

---

[1]) Oeuvres posthumes, стр. 217.

дома. Послѣ того, какъ этотъ первый нѣмецкій отрядъ покажется на полѣ битвы и отличится, герцогъ дастъ на вооруженіе и второй тысячи. Можетъ быть дастъ тогда и денегъ.

Когда Лапинскій замѣтилъ Марксу, нельзя-ли ограничиться вначалѣ нѣмецкимъ отрядомъ въ 200 человѣкъ—Марксъ отвѣчалъ: „нечего объ этомъ и думать, это неприлично!“

Обѣщанные Маццини итальянцы прибыли и зачислены Лапинскимъ въ отрядъ. Ледрю-Роллень прислалъ нѣсколько французовъ. Этими новыми охотниками начальникъ экспедиціи замѣстилъ только кое-кого изъ старыхъ, удаленныхъ по его распоряженію за негодностію или удалившихся по своей охотѣ, такъ-что общее число ратниковъ почти не измѣнилось нисколько. Наконецъ все было готово. Отрядъ перевели ночью съ берега на пароходъ Вардъ-Джаксонъ, въ 300 силъ, капитанъ Ватерлей (Weatherley). Лапинскій и Демонтовичь осмотрѣли тамъ все подробно, были довольны и настроились весело.

Вдругъ, откуда-ни возьмись, показался, съ одной стороны порта, русскій военный 12-пушечный корветъ — и сталъ на якорь въ ста саженяхъ отъ Вардъ-Джаксона! Лапинскій и Демонтовичь видимо смутились. Первый не нашелъ даже что сказать; а второй проговорилъ: „такое-то наше польское счастье!“

— Этого надобно было болѣе или менѣе ожидать! проговорилъ потомъ Лапинскій, приходя въ себя: начинаются, какъ видите, затрудненія похода! нужно обдумать средства къ ихъ устраненію!

— Это ужъ ваше дѣло, полковникъ, мы тутъ никуда не годимся! сказалъ, стараясь быть веселымъ и развязнымъ, Демонтовичь.

Капитанъ парохода Ватерлей, торговавшій когда-то невольниками и видавшій виды въ разныхъ моряхъ, силился тоже показать, что онъ ничего не боится и глядѣлъ на русскій корветъ какъ-бы совершенно равнодушно, хотя въ сущности струсилъ. Когда Лапинскій спросилъ у него, сколько такое судно можетъ дѣлать узловъ [1],— „узловъ четырнадцать (отвѣчалъ капитанъ): это немного болѣе, нежели дѣлаетъ нашъ; но я, торгуя невольниками, не разъ уходилъ на большихъ парусныхъ лодкахъ отъ погони добрыхъ пароходовъ ея Британскаго величества. Русскіе не ахти какіе мудрецы въ морѣ!“

Лапинскаго это однакожъ ничуть не успокоило. Поручивъ Демонтовичу свезть на пароходъ сколь-возможно поспѣшнѣе все, что еще не было свезено, начальникъ экспедиціи отправился потолковать о своемъ горѣ съ Маццини. Старый агитаторъ былъ у себя. Лапинскій прямо приступилъ къ дѣлу: „вы намъ помогли своими средствами— сдѣлайте еще шагъ: примите участіе самымъ дѣломъ!“

— Какъ-же я могу помочь вамъ самымъ дѣломъ, я, такой ста-

---

[1]) Т. е. морскихъ миль въ часъ. Морская миля—верста и три четверти.

рый и разбитый недугами человѣкъ? Это что-то мудрено. Я уже сказалъ вамъ, что не умѣю плавать!

— Плавать тутъ не нужно, а только... ходить, продолжалъ Лапинскій. Дѣло въ томъ, что подлѣ нашего парохода очутился русскій военный корветъ. Онъ конечно пойдетъ за нами и въ открытомъ морѣ, вѣроятно, не посмотритъ на то, что у насъ великобританскій флагъ, нападетъ на насъ и потопитъ въ нѣсколько минутъ. Нужно его во что бы то ни стало задержать, хотя на 24 часа: испортить у него машину. На русскихъ военныхъ судахъ машинисты бо̀льшею частію иностранцы: стало быть, это... простой денежный вопросъ!

— Славная мысль! воскликнулъ Маццини, къ тому-же единственная, за которую можно ухватиться! Я двину все, что только можно двинуть, но... долженъ вамъ сказать, что денегъ у меня на это нѣтъ ни гроша!

— Вчера я получилъ отъ васъ 400 фунтовъ: возьмите ихъ обратно, только дѣйствуйте!

— 400 фунтовъ! на такой вздоръ 400 фунтовъ! И ста довольно. Придется на этотъ разъ взяться за англичанъ. Есть у меня одинъ теплый парень, служилъ въ охотникахъ у Гарибальди, знаетъ все и всѣхъ. Когда вы снимаетесь съ якоря?

— Завтра въ ночь, никакъ не позже!

— Стало, медлить нечего!—Старикъ взялъ шляпу и палку:—къ утру будете имѣть отъ меня какое нибудь извѣстіе! Сдѣлаю все, что могу!

Они вышли вмѣстѣ и пустились въ разныя стороны.

Пообѣдавъ у Цвѣрцякевича, Лапинскій послалъ нѣсколько офицеровъ, бывшихъ также на обѣдѣ, съ порученіемъ на пароходъ, чтобы никто изъ команды на берегъ не отлучался и чтобы все было готово къ отплытію по первому знаку. Потомъ и самъ отправился на пароходъ и оставался тамъ до поздней ночи, наблюдая за перевозкою вещей, которая все еще продолжалась. Видно было, что съ русскаго корвета зорко слѣдятъ за всѣмъ, что дѣлается на Вардъ-Джаксонѣ. Нѣсколько подзорныхъ трубъ были постоянно въ работѣ. На ночь, однако, начальникъ экспедиціи перенесся въ послѣдній разъ на свою квартиру, Frith Street, Soho Square, спалъ плохо и какъ только сталъ на разсвѣтѣ одѣваться, ему подали карточку, гдѣ было написано карандашемъ: Bianchi. Онъ велѣлъ просить и когда гость вошелъ къ нему, полковникъ долго въ него всматривался и никакъ не могъ понять такой метаморфозы: у Маццини Біанки былъ пожилымъ итальянцемъ съ просѣдью, а теперь стоялъ передъ нимъ рыжій англичанинъ среднихъ лѣтъ и, улыбаясь, говорилъ самымъ чистымъ англійскимъ языкомъ слѣдующее:

— Извините, не успѣлъ преобразиться, какъ слѣдуетъ. Я прямо изъ „кнайпы“, гдѣ собираются моряки съ цѣлаго свѣта; не былъ

еще и у Джузеппе [1]), чтобы только васъ скорѣе успокоить: то, чего вы желаете, будетъ непремѣнно. Русскій корветъ тронется за вами не иначе, какъ черезъ два дня послѣ вашего выхода. Вся исторія стоитъ 62 фунта.

Біанки признался потомъ, что онъ ночью много пилъ водки и чувствуетъ потребность въ чашкѣ чаю. Разумѣется, она была ему дана. Потомъ пріятели простились. Куда пустился Біанки, неизвѣстно, а Лапинскій, раскланявшись со своими покоями, гдѣ такъ недавно велись бесѣды о снаряженіи экспедиціи на Кавказъ, передѣлавшіяся вскорѣ на другую экспедицію, гдѣ также перебывало не мало всякаго безпокойнаго народу—вышелъ грустно на улицу и побрелъ къ Цвѣрцякевичу на условленную закуску. Тамъ собралось нѣсколько друзей Польши, гремѣли тосты, говорились спичи... но засиживаться долго было нельзя. Лапинскій пошелъ проститься съ Замойскимъ и отъ него—прямо на пароходъ. На берегу увидѣлъ кое-кого изъ близкихъ людей, между прочимъ Герцена съ Цвѣрцякевичемъ. Обнявшись съ ними по-дружески и выслушавъ отъ нихъ разныя добрыя пожеланія, полковникъ перебрался на палубу и отдалъ приказаніе поднять лодки. Коммуникація съ землею прекратилась. Былъ третій часъ ночи. Изъ Темзы, по существующимъ у англичанъ правиламъ, выходить объ эту пору нельзя. Пришлось дожидаться до разсвѣта. Отдавъ послѣднія приказанія, чтобы никто изъ охотниковъ не показывался на палубѣ и чтобы офицеры были на своихъ мѣстахъ, начальникъ экспедиціи, наконецъ, съ наступленіемъ зари, разрѣшилъ машинисту „разводить пары". Всѣ сердца бились сильно. Ватерлей смотрѣлъ совсѣмъ не такъ, какъ наканунѣ. Онъ безпокойно поглядывалъ на русскій корветъ, откуда все наводились и наводились трубы... Но вдругъ наблюденіе было брошено, все тамъ забѣгало, засуетилось. Одинъ Лапинскій понималъ настоящее значеніе этой суеты. Капитанъ понималъ ее иначе.

— Посмотрите, этотъ дьяволъ выйдетъ изъ порта вмѣстѣ съ нами, сказалъ онъ, и ныньче же насъ утопитъ!

— Не выйдетъ и не утопитъ! произнесъ торжественно Лапинскій и разсказалъ въ краткихъ словахъ секретъ, который отъ всѣхъ скрывалъ до той минуты; не назвалъ только при этомъ Маццини, такъ какъ тотъ не желалъ. Комиссаръ Демонтовичъ былъ такъ радъ, что началъ душить полковника въ своихъ объятіяхъ, а капитанъ прокричалъ нѣсколько разъ ура.

Черезъ часъ послѣ этого машина стала постукивать и пароходъ двинулся по Темзѣ. Въ половинѣ девятаго (25 марта н. ст. 1863), утромъ экспедиція была уже въ открытомъ морѣ. Корветъ не гнался: ясно было, что Біанки сдержалъ свое слово. Начальникъ экспедиціи, слѣдуя принятымъ въ подобныхъ случаяхъ правиламъ, собралъ не-

[1]) Джузеппе (Іосифъ) Маццини.

медленно военный совѣтъ изъ комиссара Демонтовича, капитана парохода и его помощника; капитановъ: Бобачинскаго, Тышкевича и Качковскаго [1]). Говорили и объ ожидающихъ экспедицію опасностяхъ, и о возможности ихъ преодолѣть и благополучно высадиться на берегъ...

Въ 10 часовъ начальникъ вызвалъ всѣхъ охотниковъ на палубу и сдѣлалъ имъ перекличку: оказалось поляковъ 108, иностранцевъ 37; не досчитались по списку, составленному на берегахъ Темзы, одного поляка и четырехъ иностранцевъ, которые при амбаркаціи куда-то скрылись. Затѣмъ начальникъ произнесъ соотечественникамъ такую рѣчь:

„Въ виду кровавыхъ схватокъ нашихъ земляковъ съ непріятелемъ, мы не имѣемъ права думать, что приносимъ жертву, отдавая жизнь свою отечеству: мы исполняемъ этимъ только простой долгъ. Вы должны прежде всего проникнуться чувствомъ этого долга и знать, что не одна лишь отвага въ бою, но и преодолѣніе всякаго рода трудовъ и препятствій входятъ также въ область этого долга. Мы отправляемся въ Польшу, какъ кадръ регулярнаго войска, которое создать около себя будетъ первою нашею задачей, такъ какъ безъ войска нечего и думать о пораженіи могущественнаго врага. Поэтому, съ настоящей минуты вы должны считать себя регулярными солдатами и подчиняться правиламъ, существующимъ для всѣхъ регулярныхъ войскъ на свѣтѣ. Надѣюсь, что вы подчинитесь имъ охотно, а еслибъ оказался между вами кто либо такой, кто вздумалъ-бы отъ нихъ уклониться, — объявляю, что я шутить не люблю и не остановлюсь ни передъ какимъ суровымъ наказаніемъ. Лучше ослушнику не родиться на свѣтъ Божій, нежели идти подъ моей командой въ польскихъ рядахъ!“

Иностранцамъ начальникъ сказалъ по-французски слѣдующее:

„Земля, для защиты которой вы рѣшились идти съ нами рука объ руку, богаче отважными людьми, чѣмъ всякій другой край на свѣтѣ. Каждый изъ васъ читалъ объ этомъ или слышалъ. Не ради недостатка въ родныхъ защитникахъ принимаемъ мы отъ чистаго сердца ваше посвященіе нашимъ интересамъ, а потому, что и мы во всѣхъ краяхъ, гдѣ только народы добивались своихъ правъ, шли за нихъ въ первый огонь и наше участіе было принимаемо и высоко цѣнимо отцами и дѣдами вашими. Но такъ какъ и мы старались оставить по себѣ у нихъ добрую память, вашею задачею будемъ сохранять на нашей землѣ, во всей чистотѣ, доблести отцовъ вашихъ. Съ той поры, какъ ваша нога ступила на эти доски, всякій произволъ болѣе немыслимъ: вы ничто иное, какъ польскіе солдаты и подчиняетесь всей суровости нашихъ военныхъ законовъ. Надѣюсь, что

[1]) Родной братъ Сигизмунда, который былъ членомъ Жонда Народоваго и подъ конецъ возстанія занималъ должность военнаго министра.

вы не будете подобными тѣмъ, которые, рѣшившись вмѣстѣ съ вами служить Польшѣ, стали для насъ бременемъ, а для васъ стыдомъ!"

Послѣ этого начальникъ экспедиціи велѣлъ комиссару прочитать передъ фронтомъ охотниковъ, по-польски и по-французски (а кто не понимаетъ послѣдняго, перевесть на его языкъ) исчисленіе преступленій, которыя неминуемо наказываются смертію:

„1) Тайныя сношенія съ непріятелемъ. 2) Побѣгъ. 3) Произвольное оставленіе рядовъ. 4) Мародерство. 5) Бунтъ. 6) Побужденіе къ бунту товарища. 7) Поднятіе руки на старшаго. 8) Угроза ему оружіемъ, жестомъ или словомъ. 9) Оставленіе караула. 10) Открытіе ввѣренной тайны. 11) Распространеніе вредныхъ или фальшивыхъ извѣстій. 12) Сложеніе оружія передъ непріятелемъ".

Въ заключеніе всего, начальникъ произнесъ: „Пусть каждый, кому воображается, что онъ, прибывъ въ Польшу, будетъ дѣлать, что ему угодно, — обдумаетъ какъ можно лучше шагъ, на который рѣшился и скажетъ откровенно: хочетъ или не хочетъ служить у насъ въ тѣхъ условіяхъ, какія требуются. Если не хочетъ, его отправятъ назадъ при первомъ удобномъ случаѣ. Въ часъ пополудни, послѣ раздачи мундировъ и произнесенія присяги, никакія объясненія принимаемы не будутъ".

Всѣ молчали. Выступилъ только одинъ французъ, рослый и видный малый изъ сангардовъ Наполеона III, прогнанный изъ службы за дурное поведеніе, и началъ жаловаться, что на пароходѣ нѣтъ никакихъ удобствъ и порядка, изъ чего онъ заключаетъ, что въ Польшѣ будетъ еще хуже, что это край дикій и потому не имѣетъ ни малѣйшей охоты высаживаться на литовскіе берега.

— Хорошо! сказалъ полковникъ: останешься на пароходѣ и будешь отправленъ въ Англію. А чтобы ты не бунтовалъ другихъ, я прикажу тебя помѣстить особо. Есть у васъ, капитанъ, мѣсто на пароходѣ для провинившихся въ чемъ-нибудь матросовъ?

— Сколько угодно!

— Такъ заприте туда этого хвата, чтобы онъ не могъ имѣть сообщенія ни съ кѣмъ! Ужъ моимъ дѣломъ будетъ приставить къ нему караулъ!

Въ тотъ же день у начальника экспедиціи было нѣсколько схватокъ съ иностранцами. Всѣ они думали о себѣ Богъ знаетъ что и считали себя выше поляковъ. Нѣсколько изъ нихъ сами произвели себя въ офицеры и заняли офицерскія каюты: пришлось ихъ разжаловать и перевести на палубу.

Въ полдень роздано обмундированіе. Каждый солдатъ получилъ: плащъ, шерстянную блузу голубаго цвѣта, жилетъ, панталоны, галстукъ, красную шапку и сапоги. Кромѣ того: двѣ рубашки, двое подштанниковъ, двѣ пары скарпетокъ, суконный поясъ, ранецъ, мѣшокъ и все необходимое для чистки оружія и вещей. Смотрѣли солдаты въ этомъ убранствѣ недурно. Портили дѣло только дрянные, ды-

-рявые плащи, передѣланные изъ какой-то ветоши, купленной съ торговъ въ казенномъ англійскомъ цейхаузѣ. Офицеры были одѣты въ чамарки, красные панталоны и шапки. Оружія никакого не раздавалось, кромѣ, палашей и револьверовъ однимъ офицерамъ.

По обмундированіи, наступило чтеніе присяги, сочиненной самимъ начальникомъ экспедиціи:—„Присягаемъ, что всѣмъ приказаніямъ польскаго народнаго правительства, а равно и всѣхъ имъ установленныхъ властей, будемъ повиноваться безпрекословно. Присягаемъ не щадить живота и здоровья нашего въ борьбѣ, начатой народомъ польскимъ, и до тѣхъ поръ будемъ считать себя польскими солдатами, пока борьба не прекратится и народное правительство не уволитъ насъ отъ присяги. Помоги намъ въ этомъ, Господи! Аминь!“

Мундиры видимо измѣнили настроеніе отряда. Пестрая, безпокойная куча грязныхъ оборвышей, гдѣ всякій, смотрѣвшій мало-мальски почище, хорохорился передъ голышемъ и считалъ его ниже себя,—сравнялась, глядѣла весело и повторяла за начальникомъ присягу самымъ серьезнымъ образомъ, поляки по-польски, прочіе—каждый на своемъ языкѣ.

На пароходѣ установился съ этой минуты военный порядокъ: устроена въ одной каютѣ гауптвахта; въ разныхъ пунктахъ палубы ставились часовые; кто-нибудь изъ старшихъ офицеровъ производилъ въ извѣстные часы смотръ всему воинству. Трубачи трубили зорю, полдникъ, обѣдъ. Ѣли охотники Лапинскаго хорошо: въ 7 часовъ утра всякій солдатъ получалъ рюмку водки и сухарь. На завтракъ, въ 10 часовъ, давали солонину съ картофелемъ и крышку портеру. Печенаго хлѣба достало ненадолго; потомъ выдавались англійскія галеты; тѣмъ, кто не могъ пить водки или портеру, давали чай. Офицеры имѣли общій столъ съ капитаномъ парохода; тутъ же ѣлъ и начальникъ экспедиціи, его адъютантъ и комиссаръ съ помощниками. За содержаніе офицера платилось кухнѣ три шиллинга въ день, за солдата—полтора.

Капитанъ парохода нѣкоторое время по выходѣ изъ порта поглядывалъ боязливо назадъ: не гонятся ли за нимъ русскіе, но потомъ, когда земля совсѣмъ пропала изъ виду, онъ сказалъ: „теперь лови пожалуй!“ и сталъ частенько прикладываться къ фляжкѣ съ грогомъ.

Измученный послѣ всѣхъ тревогъ, Лапинскій легъ спать. Комиссаръ, никогда не ѣздившій моремъ, сходилъ съ ума отъ морской болѣзни.

Пароходъ Вардъ-Джаксонъ держалъ на Гельзингборгъ, гдѣ долженъ былъ ожидать повстанцевъ Бакунинъ съ извѣстіями о количествѣ и расположеніи непріятельскихъ силъ на Жмудскомъ берегу. Эти свѣдѣнія онъ разсчитывалъ собрать въ Стокгольмѣ посредствомъ почтовыхъ и телеграфныхъ сношеній съ Любекомъ и Палангеномъ, гдѣ у него были особые агенты. Разумѣется, переписка и телеграммы были особенныя, условныя. Непосвященный въ тайну не могъ бы ничего

понять изъ такого письма и телеграммы, еслибъ и вскрылъ ихъ: „отправлено столько-то четвертей муки, крупы, такихъ или другихъ товаровъ; куплена тамъ-то пенька, по цѣнамъ такимъ-то..."

На разсвѣтѣ другаго дня начальникъ экспедиціи (которому хотѣлось устроить какое-либо практическое упражненіе для отряда), выйдя на палубу и замѣтивъ, что море стало гораздо спокойнѣе, сказалъ рулевому: „кажется, дѣло идетъ къ хорошей погодѣ?"

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ: въ полдень и ужъ никакъ не позже вечера будетъ шквалъ!

Предсказанія его сбылись: еще ранѣе полудня вѣтеръ перемѣнился, море разыгралось, волны начали хлестать черезъ палубу и прогнали учившихся стрѣльбѣ охотниковъ, которую устроилъ-было начальникъ, полагая, что рулевой ошибается. Въ два часа по-полудни показалась земля, потомъ увидѣли Гельзингборгъ и пристань. Какъ только вошли въ нее и высшіе чины парохода высадились на берегъ, разразилась буря. Капитанъ Ватерлей отправился куда-то по своимъ дѣламъ, а Лапинскій съ комиссаромъ бросились отыскивать Бакунина, но его еще не было въ городѣ. Онъ пріѣхалъ только на другой день, будучи задержанъ, какъ говорилъ, дурной погодой. Утѣшительныхъ вѣстей отъ него не было никакихъ. Воротившійся изъ своихъ прогулокъ по городу капитанъ парохода объявилъ начальнику экспедиціи и Бакунину (когда они оба явились на палубѣ), что онъ къ литовскимъ берегамъ не пойдетъ; что въ Гельзингборгѣ сказали ему о выходѣ изъ Ревеля и Гельсингфорса двухъ русскихъ фрегатовъ на встрѣчу экспедиціи: „это все равно, что идти прямо въ адову пасть: они проглотятъ насъ какъ муху!"

— Да вѣдь для того, чтобы фрегаты вышли изъ Ревеля и Гельсингфорса, нужно, чтобы тамъ порты совершенно очистились ото льда, сказалъ Бакунинъ, а этого въ мартѣ у насъ не бываетъ!

— Очистились! замѣтилъ капитанъ.

— Ты врешь или подкупленъ! закричалъ неистовымъ голосомъ Лапинскій, или просто-за-просто трусишь! Ты знаешь, что у меня на пароходѣ есть свой собственный машинистъ и пять матросовъ: я велю тебя связать, команду твою арестую и мы одни поплывемъ на Жмудь, врѣжемся въ берегъ всею силою паровъ и высадимся! Что сдѣлаютъ съ тобою потомъ мои ребята, ужъ я не знаю, но во всякомъ случаѣ ничего хорошаго не будетъ. Понялъ? Идешь или нѣтъ?

Англичанинъ отвѣчалъ довольно спокойно, что никакія угрозы не заставятъ его идти на Жмудь, такъ какъ это совершенное безумство. „По моему, если идти, такъ идти на Копенгагенъ и тамъ собрать точныя свѣдѣнія о русскихъ фрегатахъ и о прочемъ—и согласно этого дѣйствовать далѣе!"

— Ну, чортъ тебя дралъ, иди на Копенгагенъ! сказалъ Лапинскій, начинавшій понимать, что опасенія капитана имѣютъ свою основательную сторону, что идти на встрѣчу двухъ фрегатовъ дѣйстви-

тельно безумное дѣло, тѣмъ болѣе, что и Бакунинъ допускалъ возможность выхода фрегатовъ объ эту пору изъ Ревеля и Гельсингфорса.

— Только смотри, чтобъ объ этой сценѣ (которая происходила въ капитанской каютѣ) никто ничего не зналъ на палубѣ и внизу! крикнулъ Лапинскій, а то я своими руками швырну тебя въ море!

Снялись съ якоря и пошли въ Копенгагенъ. Въ первомъ часу дня, 28 марта н. ст., вошли въ пристань и черезъ нѣсколько минутъ были въ агентурѣ пароходства господина Ганзена, находившагося въ тайныхъ сношеніяхъ съ Жондомъ Народовымъ и его комиссарами. Онъ подтвердилъ свѣдѣнія, полученныя капитаномъ Ватерлеемъ въ Гельзингборгѣ. Справились въ датскомъ и англійскомъ адмиралтействахъ: тамъ сказали тоже самое. Лапинскій собралъ военный совѣтъ въ одной изъ комнатъ агентуры Ганзена, гдѣ рѣшено: „отправиться въ Шведское селеніе Асъ (As), на островѣ Эландѣ (Oeland) и тамъ купить 12 понтонныхъ лодокъ, посадить въ нихъ отрядъ, нагрузить столько оружія, сколько удастся и переплыть пространство во 145 морскихъ миль, отдѣляющее Эландъ отъ береговъ Литвы. Руководителями экспедиціи въ этомъ случаѣ могутъ быть мѣстные жители, которые всѣ до одного моряки и знаютъ Балтійское море, какъ свои пять пальцевъ."

Такъ легко сочинялись въ этихъ отчаянныхъ головахъ всякіе планы! Такъ мало эти головы задумывались надъ всякими неисполнимыми задачами! Вопросъ теперь былъ только въ томъ, какъ добраться до Эланда: согласится-ли капитанъ Ватерлей вести туда пароходъ? Позвали его и сообщили ему рѣшеніе совѣта. Капитанъ сдѣлалъ кислую гримасу, но не спорилъ, желая этимъ показать, что на все соглашается. Послѣ этого воротились на пароходъ и стали поспѣшно наливаться водою. Тѣмъ временемъ начальникъ экспедиціи собралъ въ свою каюту всѣхъ офицеровъ и объявилъ имъ, какія необходимыя перемѣны пришлось сдѣлать относительно направленія парохода, вслѣдствіе полученныхъ съ берега извѣстій. Офицеры отвѣчали начальнику, что готовы всячески и вездѣ служить отечеству и что имъ рѣшительно все равно, куда-бы ихъ ни занесла поэтому судьба.

Вдругъ вошелъ въ каюту Ватерлей и объявилъ начальнику экспедиціи, что, по его мнѣнію, вмѣсто того, чтобы пускаться въ далекое и рискованное плаваніе къ Эланду, гораздо лучше и вѣрнѣе отплыть въ Мальмё, до котораго только 25 миль.

— А черезъ четверть часа ты придешь и скажешь, что вѣрнѣе всего плыть къ Петербургу! закричалъ Лапинскій: на совѣтѣ рѣшено плыть къ Эланду и плыви къ Эланду, или я тебя повѣшу на мачтѣ!

Голосъ, которымъ это было произнесено, не допускалъ возраженій, тѣмъ болѣе, что въ ту самую минуту, когда Лапинскій говорилъ, рука его хваталась за револьверъ: это было въ его привычкахъ.

Капитанъ, повѣсивъ голову, вышелъ. Немного погодя вбѣжалъ запыхавшись въ каюту дежурный офицеръ и объявилъ начальнику экспедиціи, что Ватерлей съ командой матросовъ сѣли въ лодку и отчалили къ берегу. Лапинскій и офицеры, бывшіе въ каютѣ, выскочили на палубу и увидѣли несущуюся вдали лодку. Лапинскій выхватилъ-было изъ-за пояса револьверъ, но послѣ сообразилъ, что стрѣлять будетъ глупо: лодка была далеко! онъ или далъ-бы промахъ, или убилъ-бы вмѣсто труса-капитана кого-нибудь другаго. Кликнули первую датскую лодку, которыя постоянно кружились около парохода— и Лапинскій съ помощникомъ комиссара отправились на берегъ посовѣтоваться съ Ганзеномъ, что дѣлать? Ганзенъ присовѣтовалъ взять другаго капитана и матросовъ и ѣхать въ Мальмё, гдѣ легче будетъ, нежели въ Даніи (на продолжительное гостепріимство которой, какъ страны чрезвычайно-слабой, разсчитывать трудно) разрѣшить всякіе практическіе вопросы касательно дальнѣйшихъ судебъ экспедиціи. Къ тому-же мѣсто стоянки Вардъ-Джаксона въ Копенгагенскомъ портѣ было таково, что не обезпечивало его полную безопасность со стороны русскихъ судовъ. Лапинскій послушался этого совѣта, нанялъ капитана и матросовъ—и черезъ часъ уже летѣлъ къ берегамъ Швеціи.

Физіономіи охотниковъ сильно измѣнились: всѣ ходили съ опущенными головами. Иностранцы смотрѣли какъ черная туча..

Въ Мальмё ждали курьезныхъ гостей, вслѣдствіе полученной изъ Копенгагена телеграммы. Когда пароходъ Вардъ-Джаксонъ, вечеромъ того-же дня, вошелъ въ пристань и бросилъ якорь—берегъ былъ покрытъ любопытными. На пароходъ явился туже минуту сенаторъ Юнгбекъ, съ нѣсколькими почетными жителями, и привѣтствовалъ прибывшихъ отъ имени города Мальмё. Начальникъ экспедиціи спросилъ, найдется-ли на берегу удобное мѣсто для его людей, которыхъ онъ намѣренъ высадить завтра на сушу, гдѣ по нѣкоторымъ соображеніямъ разсчитывалъ пробыть довольно-долго? Ему отвѣчали, что не только завтра, но и сейчасъ есть помѣщеніе и городъ не позволитъ усталымъ путникамъ оставаться на ночь въ невыгодныхъ условіяхъ, а проситъ всѣхъ войти въ его стѣны немедля.

Лапинскій отдалъ приказъ офицерамъ собрать людей и переѣхать съ ними на берегъ, гдѣ наблюдать самымъ строжайшимъ образомъ, чтобы никто изъ нихъ не нарушалъ ничѣмъ дисциплины и порядка. А если будетъ что-либо такое замѣчено, то переводить виновныхъ туже минуту на гауптвахту парохода. А Бакунина просилъ, въ случаѣ надобности, при какихъ-либо народныхъ оваціяхъ, отвѣчать на всѣ привѣтствія и рѣчи, такъ-какъ лучше его и громогласнѣе никто сдѣлать этого не можетъ. Самъ-же начальникъ экспедиціи чувствовалъ потребность уединенія и отдыха: всѣ его нервы, вообще довольно-крѣпкіе, были напряжены донельзя. Онъ видѣлъ ясно, яснѣе чѣмъ кто-либо изъ его подчиненныхъ, проигрышъ дѣла и страдалъ больше другихъ, однако-же не находитъ въ себѣ достаточно мужества бросить

нелѣпое предпріятіе и воротиться назадъ. Это было-бы... не по-польски, пахло-бы чѣмъ-то въ родѣ трусости, а Лапинскій могъ быть чѣмъ угодно, только не трусомъ. По польски: отважная нелѣпость должна быть доведена до конца—и онъ рѣшился во что бы то ни стало довесть свою нелѣпость до конца! Тѣмъ не менѣе сердце его болѣзненно сжималось при мысли, сколько крѣпкихъ молодыхъ жизней пропадетъ даромъ, глупо, чортъ-знаетъ какъ глупо!..

Палуба совершенно опустѣла. Городъ ревѣлъ ура входившимъ въ его стѣны польскимъ патріотамъ. Гремѣла музыка. А на темномъ пароходѣ, который освѣщался чуть-чуть всего навсе однимъ тусклымъ фонаремъ, подвязаннымъ къ главной мачтѣ,—было тихо, очень тихо. Караульный, опершись на бортъ и глядя пристально на берегъ, мурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то унылую пѣсенку. Остальная кучка удержавшихся на пароходѣ нижнихъ чиновъ, получивъ въ свое распоряженіе лишнюю порцію водки и портера, забилась въ кухню и ихъ было нисколько не слышно на палубѣ, гдѣ раздавались время отъ времени чьи-то широкіе шаги: это маршировалъ, то туда, то сюда, по всему пароходу, точно какое провидѣніе, самъ начальникъ экспедиціи Лапинскій! Ему снились на яву разные сны: Кавказъ... Жмудь... москали... Наполеонъ... возстаніе... все это продвигалось передъ нимъ какъ тѣни въ діорамѣ!.. „И для чего это я взялъ на себя такую глупую обузу"? повторилъ онъ нѣсколько разъ: „вѣдь ясно видѣлъ, что все это неисполнимая химера, а согласился!!." [1]).

Кавказъ подконецъ одолѣлъ все прочее. Живо нарисовались передъ полковникомъ ожидающіе его абхазцы, въ числѣ, не много, не мало, 100,000 пѣшихъ и 20,000 конныхъ, да своихъ поляковъ по крайней мѣрѣ 2,000 человѣкъ! [2]). Странствіе черезъ весь Атлантическій океанъ, Гибралтарскій и Дарданельскій проливы, Босфоръ и Черное море казалось ему несравненно легчайшимъ и вѣрнѣйшимъ, нежели проѣздъ по одному нѣмецкому морю... на Кавказѣ Лапинскій свивалъ польское гнѣздо, куда могли слетѣться потомъ всѣ польскіе орлы послѣ неудавшагося возстанія, а что оно не удастся—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія... потребныя деньги для отплытія, 60,000 франковъ, можно достать безъ особеннаго труда, подпиской, въ Англіи и Германіи... стало, все идетъ на-ладъ, все есть! Лапинскій присѣлъ и написалъ Жонду Народовому меморію, въ первой части которой указывалъ на всѣ несообразности высадки на Жмудь, а въ другой—выставлялъ цѣлый рядъ выгодъ экспедиціи Кавказской. Обдумываніе и писаніе меморіи поглотило всю ночь [3]). Въ 5 часовъ утра получена была телеграмма изъ Копенгагена, что русское военное судно бросило тамъ

---

[1]) Собственныя слова Лапинскаго. Gazeta Norodowa 1878, № 206, стр. 2, столбецъ 4, внизу подъ чертой.

[2]) Ibidem.

[3]) Gazeta Narod. 1878, № 206, стр. 2, столб. 5 и № 207, стр. 2, столбецъ 5.

якорь передъ портомъ, часъ тому назадъ. Немного позже пришелъ съ берега Качковскій и разсказалъ начальнику о ночныхъ кутежахъ отряда, съ участіемъ чуть не всего города; объ удачныхъ рѣчахъ Бакунина; о необыкновенно-восторженномъ настроеніи жителей. Начальникъ сталъ повеселѣе и рѣшился самъ перебраться въ городъ, гдѣ нанялъ въ одной хорошей гостинницѣ три комнаты: для себя, адъютанта и служителя. Сейчасъ-же сошлись къ нему: Демонтовичь, Бакунинъ, Мазуркевичь, Зенковичь (членъ лондонской Централизаціи, пробиравшійся въ Варшаву). Стали толковать о томъ, о семъ. Каждый сообщалъ какія-нибудь любопытныя подробности о ночныхъ оваціяхъ... Лапинскій не удержался и прочелъ двоимъ изъ своихъ гостей, Бакунину и Демонтовичу, только-что написанную имъ меморію. Бакунинъ одобрилъ ее безъ всякихъ возраженій, но Демонтовичь находилъ, что лучше бросить такую постороннюю мысль до окончанія всего затѣяннаго въ царствѣ польскомъ и на Литвѣ. Въ особенности онъ считалъ опаснымъ для послѣдней распространеніе слуховъ, что „помощь съ моря не придетъ“.

Высказавъ это, Демонтовичь объявилъ начальнику экспедиціи, что ему сильно не здоровится и просилъ отпустить его въ Стокгольмъ, гдѣ онъ намѣренъ предпринять серьезную курацію. Демонтовичь былъ всего менѣе нуженъ Лапинскому и потому онъ весьма легко разрѣшилъ ему отпускъ и назначилъ на его мѣсто капитана Мазуркевича, который къ тому же считался его помощникомъ. Остатокъ кассы, переданный послѣднему Демонтовичемъ, состоялъ всего изъ 6,000 франковъ: на эту сумму нужно было содержать около полутораста человѣкъ въ городѣ и на пароходѣ, ремонтироваться, плыть далѣе... но все это были такія головы, которыя ни надъ чѣмъ долго не задумывались. Такъ какъ экспедиція должна же имѣть какой либо конецъ, должна во что бы то ни стало совершиться, то явятся откуда нибудь на нее и деньги! Это очень просто!..

Проводивъ на желѣзную дорогу Демонтовича, а равно и Бакунина, (котораго тоже вызывали какія то обстоятельства въ Стокгольмъ, скорѣе всего ему было скучно сидѣть безъ всякой цѣли въ маленькомъ уѣздномъ городишкѣ Мальмё) Лапинскій воротился на свою квартиру нѣсколько другимъ человѣкомъ. Любезный ли пріемъ и симпатіи шведовъ, убѣжденія ли Демонтовича и Зенковича выбросить изъ головы кавказскія мечты и приводить энергически къ окончанію то, что начато, или просто такъ, налетѣлъ другой вѣтеръ, — только начальникъ экспедиціи сталъ опять тѣмъ же, чѣмъ былъ, и при помощи новаго комиссара принялся размѣщать своихъ солдатъ въ нанятой для нихъ какой то старой театральной залѣ. Офицерамъ же предоставлено было лично распорядиться пріисканіемъ для себя квартиръ. Затѣмъ установлена такая плата жалованья: капитанъ получалъ ежедневно 5 франковъ, поручикъ 4, подпоручикъ $3^1/_2$, адъютантъ-унтеръ-офицеръ 2, безъ квартиры и стола. Съ квартирой и сто-

ломъ: старшій сержантъ (фельдфебель или вахмистръ) 75 сантимовъ; унтеръ-офицеръ 50 сантимовъ; рядовой 20 сантимовъ.

Пароходъ стоялъ въ портѣ внѣ шведской таможенной линіи, подъ наблюденіемъ четырехъ англійскихъ матросовъ, которые не захотѣли бѣжать съ капитаномъ Ватерлеемъ. Порядокъ службы соблюдался во всей строгости по-прежнему: утромъ рано начальникъ экспедиціи принималъ отъ разныхъ лицъ письменные рапорты. Въ 10 часовъ утра выслушивались устные рапорты. По вечерамъ происходилъ осмотръ частей ихъ начальниками и выслушивались рапорты сержантовъ. Послѣ этого уже никто не смѣлъ выйти изъ квартиры въ городъ. Одиночное ученье производилось на палубѣ парохода. Сборное—на площади, гдѣ учились шведскія войска, которыя нетолько не препятствовали этому, напротивъ оказывали всякую помощь и упредительность. Одинъ гусарскій полкъ предоставилъ „кавалеристамъ" Лапинскаго даже свой манежъ и лошадей для ученья верховой ѣздѣ.

Обмундированіе было приведено нѣсколько въ лучшій видъ. Начальникъ обратилъ особенное вниманіе на исправленіе дырявыхъ плащей своей команды, которая стыдилась ходить въ нихъ по городу. Изъ иной пары плащей сдѣланъ былъ одинъ плащъ. Къ другимъ прикуплено такой же матеріи. Наконецъ были сдѣланы и совершенно новые плащи. Деньги все выходили и выходили...

Едва только все это устроилось, какъ надо; едва машина пошла въ ходъ по старому и Лапинскій очутился въ своей любимой стихіи: принималъ рапорты, кричалъ, распекалъ, сажалъ на гауптвахту, произносилъ внушенія, одобренія, поощренія—какъ вдругъ пришли и сказали ему, что „русскій корабль приближается къ Мальмё!" Онъ бросился на пароходъ и увидѣлъ саженяхъ въ полутораста величественный 24-пушечный фрегатъ! Всѣ офицеры его стояли на палубѣ и разсматривали не безъ любопытства своего мизернаго врага, укрывшагося подъ англійскимъ флагомъ. Фрегатъ прошелъ раза три-четыре взадъ и впередъ мимо пристани—и потомъ пошелъ на востокъ, кивнувъ повстанцамъ своимъ вымпеломъ. Лапинскій объяснилъ стоявшимъ подлѣ него офицерамъ, что это значитъ: „до пріятнаго свиданія!"

— А вѣдь разбирая дѣло строго, можетъ быть придется сказать капитану Ватерлею спасибо за то, что онъ струсилъ, сказалъ потомъ полковникъ: мы должны дать обѣтъ, что привеземъ ему когда нибудь почетный пеньковый галстукъ! [1]).

Прошло послѣ этого недѣли двѣ, а дѣло повстанцевъ нисколько не подвинулось впередъ. Изъ Стокгольма и ни откуда не было извѣстій. Лапинскій два раза писалъ Демонтовичу, что „деньги выходятъ, что скоро не останется ни гроша, нужно что нибудь предпринять для пополненія ихъ кассы". Демонтовичь не отвѣчалъ. Лапин-

---

[1]) „Powinniśmy zawotować mu kądziet honorową"

скій послалъ третье письмо: только на него отвѣтилъ комиссаръ, что лежитъ чуть живой въ госпиталѣ, что сдѣлать въ пользу отряда ничего не можетъ, совѣтуетъ прибѣгнуть къ подпискѣ, такъ какъ другаго способа нѣтъ.

Бакунинъ писалъ, что „по его мнѣнію, лучше всего отряду интернироваться на шведской землѣ, но никакъ не расходиться, потому что носятся слухи объ европейской интервенціи".

Нѣчто подобное получено было въ тоже время изъ Лондона, отъ Цвѣрцякевича, который умолялъ всѣми святыми пуститься на Литву хоть вплавь, въ тѣхъ разсчетахъ, что скоро появится въ Балтійскомъ морѣ французская эскадра и Россіи будетъ объявлена Франціей война.

Забилось сердце у начальника экспедиціи: онъ сейчасъ же полетѣлъ бы на Жмудь, но — не было денегъ!.. Думалъ, думалъ, гдѣ ихъ взять и вдругъ кликнулъ капитана Мазуркевича и отправилъ его въ Парижскій Народный Комитетъ: повидать заграничныхъ братьевъ и попросить у нихъ возможной помощи въ чрезвычайную минуту; но не дозволялъ ему оставаться тамъ болѣе трехъ дней. А самъ отправился въ Стокгольмъ поговорить лично объ интервенціи съ Бакунинымъ, Демонтовичемъ и княземъ Константиномъ Чарторыскимъ, о пребываніи котораго въ столицѣ шведской съ политическими цѣлями зналъ давно. Прибылъ туда 29 апрѣля н. ст. и остановился въ той самой гостинницѣ, недалеко отъ пристани, гдѣ жилъ Чарторыскій съ секретаремъ своимъ Валерьяномъ Калинкой [1]). Разумѣется, сейчасъ же навѣдался къ нимъ, но ихъ обоихъ не было дома. Лапинскій побѣжалъ къ Бакунину—и того не засталъ. Демонтовича, въ госпиталѣ, нельзя было не застать. „Читайте, сказалъ онъ Лапинскому послѣ первыхъ привѣтствій: вотъ приказъ Жонда! Жондъ требуетъ, чтобы вы явились на Литвѣ хоть съ десятью охотниками, понимаете: хотя съ десятью! Это непремѣнно оживитъ возстаніе въ тѣхъ мѣстахъ. Минута великая, чрезвычайная! Все подымается за насъ! И намъ нужно подыматься всѣмъ до единаго, а не сидѣть сложа руки!.. Объ отплытіи къ кавказскимъ берегамъ не можетъ быть и рѣчи, Жондъ и слышать объ этомъ не хочетъ! Онъ не позволяетъ даже вамъ однимъ оставлять пароходъ, хотя бы и нашелся другой командующій. Вы должны вести экспедицію, вы!"

---

[1]) Этотъ Калинка былъ съ давнихъ поръ вѣрнымъ слугою дома князей Чарторыскихъ. Сперва состоялъ чѣмъ то въ родѣ секретаря при старомъ князѣ Адамѣ, потомъ при сынѣ его Владиславѣ, и отправленъ имъ въ Стокгольмъ, тоже въ званіи секретаря, при родственникѣ его князѣ Константинѣ Чарторыскимъ. Позже Валерьянъ Калинка вступилъ въ монашескій орденъ „Воскресниковъ" (Zmartwychwstańców) и написалъ нѣсколько замѣчательныхъ историческихъ сочиненій, между которыми пользуются большою извѣстностью: Послѣдніе годы царствованія короля Станислава-Августа и Четырехлѣтній сеймъ. Въ настоящее время ксендзъ Валерьянъ Калинка живетъ въ г. Ярославѣ, въ Галиціи. Очень недавно (въ ноябрѣ 1880) сдѣланъ настоятелемъ всѣхъ ксензовъ Воскресниковъ въ Галиціи.

Когда Лапинскій сталъ добираться до подробностей о положеніи дѣлъ возстанія, объ отношеніяхъ Жонда къ дѣйствующимъ войскамъ, о количествѣ ихъ—Демонтовичь началъ заикаться, путаться въ словахъ, вертѣться, такъ что Лапинскій не могъ ничего разобрать. Онъ понялъ хорошо только заключеніе: „надо ѣхать, полковникъ, надо ѣхать! во что бы то ни стало ѣхать!“

— А деньги?

— Деньги? Достать! Пишите, куда можете, сбирайте! Вотъ я собралъ немножко; возьмите 2.000 франковъ!

— Да вѣдь это нуль для экспедиціи.... впрочемъ давайте!

Вошелъ Бакунинъ, потомъ Калинка, и всѣ вмѣстѣ стали толковать о томъ, какъ бы двинуть дѣло экспедиціи далѣе. Калинка совѣтовалъ бросить пароходъ Вардъ-Джаксонъ, такъ какъ онъ въ морѣ всѣмъ очень извѣстенъ и купить новый, въ Швеціи, нанять для него шведскаго капитана и матросовъ и плыть къ жмудскимъ берегамъ. „Если полковникъ находитъ этотъ проэктъ недурнымъ, то могутъ быть приняты мѣры къ его осуществленію“.

— Мало-ли что́ бы я находилъ недурнымъ, сказалъ Лапинскій, но прежде всего нужны недурныя деньги!

— Обо всемъ объ этомъ можно позаботиться, замѣтилъ Калинка: вы какъ нибудь понавѣдайтесь къ намъ и объясните свои желанія князю или мнѣ.

Поговорили затѣмъ еще немного о разныхъ пустякахъ, некасающихся главнаго предмета, о жизни въ Стокгольмѣ, о красивыхъ шведкахъ и Калинка съ Бакунинымъ вышли.

— Охота вамъ связываться, полковникъ, съ этой гнилой партіей, которая способна только все путать и портить! сказалъ Демонтовичь: вѣдь ужъ они нанесли ударъ возстанію диктатурой Лангевича! Чего еще отъ нихъ ждать путнаго? Теперешній Жондъ Народовый, принявъ бразды правленія въ свои руки, не можетъ конечно имѣть довѣрія къ тѣмъ, кто знается съ этой мертвячиной!

Лапинскій отвѣтилъ на это нѣсколько взволнованнымъ голосомъ:

— Я думаю, что возстаніе, величающее себя народнымъ, въ самомъ дѣлѣ народное, а не красное, не бѣлое, не зеленое... впрочемъ, Богъ съ вами; если вы называете себя Жондомъ, хоть я, признаться, ничего этого хорошо не знаю и никого не распрашивалъ... это не мое совсѣмъ дѣло, мое дѣло биться... если вы называете себя Жондомъ и хотите, чтобы я не толковалъ болѣе съ Калинкой о пароходѣ, я не стану толковать, это такъ немудрено, только какъ бы не было хуже!

Потомъ оба замолчали...

Прошло дня три. Одинъ изъ шведскихъ генераловъ, лицо близкое къ королю, встрѣтивъ гдѣ-то Лапинскаго, совѣтовалъ ему представиться министру иностранныхъ дѣлъ, графу Мандерштерну и переговорить съ нимъ о трудностяхъ пребыванія польскихъ повстанцевъ

въ Мальмё. Лапинскій отправился и былъ принятъ очень любезно. Переговорили обо всемъ подробно. Въ заключеніе Мандерштернъ спросилъ у своего гостя, когда онъ думаетъ ѣхать обратно въ Мальмё?

— У меня тутъ уже нѣтъ никакихъ дѣлъ, отвѣчалъ Лапинскій. Я пріѣзжалъ навѣстить больнаго нашего комиссара, видѣлся съ нимъ и уѣзжаю завтра, или послѣ завтра.

Министръ обѣщалъ представить дѣло польскихъ повстанцевъ, проживающихъ въ Мальмё, на благоусмотрѣніе короля въ тотъ-же самый день и надѣялся дать отвѣтъ объ этомъ полковнику завтра около полудня, для чего просилъ на всякій случай навѣдаться къ нему въ одиннадцать часовъ и когда Лапинскій вошелъ, министръ объявилъ ему, что правительство его величества, короля Швеціи и Норвегіи, ассигновало на выѣздъ поляковъ изъ Швеціи 20.000 талеровъ. Половина этихъ денегъ можетъ быть выплачена немедля, а другая половина будетъ вручена начальнику экспедиціи въ минуту отплытія парохода Вардъ-Джаксонъ изъ Мальме. Лапинскій просилъ переслать первую половину въ Мальме, на имя военнаго комиссара отряда, и затѣмъ откланялся министру и съ торжеттвомъ побѣжалъ къ Демонтовичу: „вотъ вы, брезгливые люди, сказалъ онъ ему, изображающіе Жондъ Народовый, сидите здѣсь цѣлый мѣсяцъ и съ трудомъ собрали только 2.000 франковъ, а я въ пять дней досталъ 20.000 талеровъ! И никогда бы этого намъ не видать, еслибъ я былъ также брезгливъ, какъ вы, и не сдѣлалъ тотчасъ по пріѣздѣ визита Чарторыскому!"

Около 10 мая н. ст. Лапинскій воротился въ Мальме, черезъ Готенбургъ, Копенгагенъ, Лагольмъ, Эстофъ, и Лундъ, гдѣ на почтовыхъ, гдѣ моремъ. Вездѣ жители устраивали ему оваціи. Въ Лундѣ студенты университета произнесли полковнику рѣчь на бангофѣ желѣзной дороги. На пристани въ Мальме начальникъ былъ встрѣченъ исправляющимъ его должность, старшимъ капитаномъ Магнускимъ и всѣми офицерами. Магнускій подалъ, какъ водится, рапортъ о благополучномъ состояніи отряда. Потомъ всѣ принялись расспрашивать прибывшаго „что съ ними будетъ? Долго ли имъ еще сидѣть въ Мальме? Куда они пойдутъ, если пойдутъ?"

Лапинскій сказалъ, что „теперь не мѣсто и не время болтать объ этомъ. Придетъ часъ и онъ все скажетъ, кому слѣдуетъ, а пока нужно сидѣть спокойно, быть терпѣливымъ и не терять надежды на приличный выходъ изъ труднаго положенія."

Прибывшій за нѣсколько дней передъ тѣмъ изъ Парижа Мазуркевичъ не привезъ съ собою ничего утѣшительнаго: оказалось, что почти всѣ его пріятели, составлявшіе Польскій Народный Комитетъ въ Парижѣ, разбрелись и дѣйствуютъ въ царствѣ, во главѣ разныхъ отрядовъ [1]); а новые члены не хотятъ и слушать.

[1]) Русская Старина 1879, глава I, стр. 200, глава IV, стр. 70.

Въ теченіе всей первой недѣли пребыванія начальника экспедиціи въ Мальме, по возвращеніи изъ Стокгольма, студенты Лундскаго университета очень часто пріѣзжали къ офицерамъ польскаго отряда кутили съ ними и нѣкоторыхъ (конечно съ разрѣшенія начальника) увозили съ собою въ Лундъ и тамъ опять кутили. Въ заключеніе прибыла въ Мальме депутація профессоровъ и студентовъ и просила убѣдительно начальника экспедиціи „пожаловать къ нимъ съ цѣлымъ отрядомъ на празднество, которое устраивается въ честь дорогихъ гостей Швеціи всѣмъ городомъ."

Лапинскій согласился и выбравъ изъ отряда, сверхъ офицеровъ, сорокъ человѣкъ охотниковъ поляковъ и иностранцевъ, отправился въ Лундъ 18 мая н. ст., въ 4 часа по полудни. Когда поѣздъ сталъ приближаться къ городу, грянули пушечные выстрѣлы, музыка заиграла: „jeszcze Polska nie zginęła", огромная толпа собравшихся на бангофѣ шведовъ кричала неистово ура! Профессора и студенты, послѣ обычныхъ привѣтствій, двинулись вмѣстѣ со своими гостями, въ видѣ торжественной процессіи, со знаменами въ рукахъ и при звукахъ музыки, по улицамъ, украшеннымъ флагами, въ соборъ, гдѣ встрѣтилъ ихъ епископъ съ духовенствомъ и ввелъ во храмъ. По окончаніи молебствія, шведская молодежь, по знаку, данному епископомъ, запѣла по шведски: „Boże coś Polskę"; у всѣхъ поляковъ потекли слезы; это сообщилось до нѣкоторой степени и шведамъ. Дамы просто рыдали. Какъ только шведы окончили свое шведское Boże coś Polskę, поляки пропѣли тоже самое по польски. Послѣ этого всѣ пошли тѣмъ же порядкомъ, со знаменами и музыкой, въ университетъ. По прибытіи процессіи въ актовую залу, епископъ взошелъ на каѳедру и сказалъ краткую рѣчь „о несправедливомъ раздѣлѣ польскихъ земель между тремя державами, о вѣчныхъ и не зыблемыхъ правахъ поляковъ на возстановленіе своего отечества въ прежнемъ его видѣ и предѣлахъ; о. выгодахъ, проистекающихъ отсюда для странъ Скандинавскихъ и наконецъ о святой обязанности каждаго человѣка, къ какой бы онъ націи ни принадлежалъ, служить интересамъ Польши чѣмъ и какъ можетъ."

Лапинскій благодарилъ, на нѣмецкомъ языкѣ, отъ имени всего народа польскаго. Случилось, что въ эту самую минуту подали ему телеграмму изъ Стокгольма „объ удачной схваткѣ повстанцевъ съ однимъ русскимъ отрядомъ подъ Ковномъ." [1]) Онъ прочиталъ эту телеграмму вслухъ, епископъ перелъ ее по шведски и зала огласилась громовыми криками: „да здравствуетъ Польша!"

Послѣ этого говорило съ той-же каѳедры нѣсколько профессоровъ.

---

[1]) Вѣроятно здѣсь разумѣется столкновеніе отряда подполковника Карпова, въ Полигвайцовскихъ лѣсахъ, съ большою бандой главнаго начальника польскихъ силъ Августовской губерніи, Андрушкевича. Русская Старина, 1879, глава III, стр. 613—614.

Имъ отвѣчали: старый капитанъ Магнускій и двое молодыхъ офицеровъ.

Кутежъ былъ вслѣдъ за этимъ очень сильный, съ безконечными тостами на разныхъ языкахъ. Все кончилось около полуночи. Будущіе ратники Жмуди возвратились на станцію желѣзной дороги по иллюминованнымъ улицамъ, при оглушительныхъ крикахъ: „да здраствуетъ Польша! [1])“.

По прибытіи въ Мальме, начальникъ экспедиціи нашелъ тамъ комиссара Демонтовича, который требовалъ именемъ Жонда немедленнаго слѣдованія отряда къ берегамъ Жмуди. Привели въ извѣстность собранныя разными путями деньги: ихъ оказалось: изъ Гамбурга 3,700 прусскихъ талеровъ: изъ Швеціи 4,000 шведскихъ талеровъ; изъ Даніи 6,000 датскихъ талеровъ и отъ неизвѣстнаго лица 3,000 франковъ. Прибавя сюда назначенное вспомоществованіе отъ шведскаго правительства, 20,000 талеровъ и переведя все это на франки, получили сумму въ 62,000 франковъ. Это были всѣ денежныя средства экспедиціи. На наемъ новаго парохода денегъ не хватило (просили 200,000 франковъ), по этому купили большое парусное судно, по имени Эмилія (Emilie), капитанъ Вилькенсъ, на которое предполагали (по плану, сочиненному Лапинскимъ) посадить секретно, въ открытомъ морѣ, весь отрядъ, а клади должно было принять другое парусное судно, поменьше Эмиліи. Потомъ, совершивъ на нихъ разныя хитрыя эволюціи въ направленіи къ Большому Бельту, хотѣли выбраться въ открытое море узкими проливами между острововъ: Зеланда, Фальстера и Мена, взять на Мемель и оттуда, вечеромъ, нырнуть въ узкій проливъ, соединяющій Балтійское море съ Куришъ-Гафомъ. Тутъ, ночью, высадка; новыя эволюціи—и наконецъ отплытіе къ жмудскимъ берегамъ, въ такомъ направленіи, въ какомъ меньше всего могъ ожидать прибытія повстанцевъ зорко-наблюдающій за нимъ непріятель [2]). Тѣмъ временъ Вардъ-Джаксонъ, подъ управленіемъ новаго капитана, уходитъ медленно въ Англію. Газеты, разумѣется пишутъ объ этомъ...

---

[1]) Болѣе робкая и притомъ имѣвшая менѣе причинъ дѣлать противъ Россіи демонстраціи, Данія всетаки выказывала значительное сочувствіе полякамъ. Лапинскій разсказываетъ между прочимъ въ своихъ запискахъ о тайномъ свиданіи, 20 мая н. ст., въ Копенгнганѣ, съ графинею Даннеръ, которая находилась въ морганатическомъ бракѣ съ королемъ Фридрихомъ VII: послѣ довольно-продолжительной бесѣды съ полковникомъ, она вручила ему свертокъ „отъ неизвѣстной особы для раненыхъ поляковъ“, гдѣ было полтораста луидоровъ въ золотѣ. (Gazeta Narodowa 1878, № 216, стр. 2, столбецъ 4 снизу). Упомянутый выше датчанинъ Ганзенъ работалъ въ пользу поляковъ совершенно-безкорыстно и былъ ихъ искреннимъ другомъ. Такихъ было нѣсколько.

[2]) Желающій знать всѣ подробности придуманныхъ Лапинскимъ эволюцій, для замаскированія всего предпріятія: выхода изъ Мальме въ море, переѣзда къ жмудскимъ берегамъ и высадки на нихъ, долженъ прочесть 215 и 219 номера Gazety Narodowe 1878. Самый отъѣздъ въ 219 и 220 номерахъ.

Планъ этотъ, какъ черезъ-чуръ хитрый и запутанный, не удался. Шведскія власти въ Мальме, видя какую-то необъяснимую суету своихъ гостей, которые становились имъ часъ-отъ-часу болѣе и болѣе въ тягость, и получивъ кромѣ того кое-какіе запросы отъ русскаго правительства, перемѣнили роль ухаживателей въ наблюдателей, даже въ наблюдателей строгихъ, и въ одно прекрасное утро, когда Вардъ-Джаксонъ, по ошибкѣ офицеровъ, имъ завѣдывавшихъ, перешелъ таможенную линію, осмотрѣли его подробно, нашли запасы оружія и пушки, о коихъ на берегу ни кому объявлено не было, и все это забрали, давъ Лапинскому росписку. Осталось невзятымъ только то оружіе, которое отрядъ имѣлъ въ рукахъ, при себѣ. Когда Лапинскій сказалъ послѣ этого, что имъ ничего не остается дѣлать, какъ уйти обратно въ Англію, хозяева были очень довольны.

Дѣйствительно начальникъ экспедиціи рѣшился отослать въ Англію пароходъ Вардъ-Джаксонъ, какъ очень извѣстный въ тѣхъ мѣстахъ, а людей своихъ пересадилъ, 3 іюня н. ст., на малое парусное судно и пошелъ тоже какъ-бы въ Англію, черезъ Копенгагенъ. Изъ Копенгагена вышли вечеромъ и когда совсѣмъ стемнѣло, повернули назадъ. Судно Эмилія должно было встрѣтить ихъ въ открытомъ морѣ, около полуночи. Какъ только минула всякая опасность, что они могутъ быть кѣмъ-либо открыты, начальникъ собралъ весь отрядъ на палубу и сказалъ восторженнымъ, одушевленнымъ голосомъ слѣдующее:

„Товарищи! Когда мы принуждены были искать убѣжища на гостепріимной шведской землѣ, я просилъ васъ сохранить, во всей чистотѣ и строгости, военную честь и дисциплину, вмѣтѣ съ довѣріемъ и привязанностью къ вашему вождю. Вы исполнили мои желанія даже съ избыткомъ, — до самоотверженія. Я употребилъ все, отъ меня зависящее, чтобы удовлетворить вашимъ горячимъ стремленіямъ сразиться со врагомъ. Дабы обмануть его бдительность, я долженъ былъ пустить въ ходъ слухъ, будто-бы мы отправились въ Англію. Я не потому скрывалъ отъ васъ дѣйствительныя мои намѣренія, чтобы боялся измѣны со стороны хотя одного, служащаго въ моемъ отрядѣ, нѣтъ! Но тайна сама собой не держится, когда ввѣрена массѣ, между тѣмъ отъ сохраненія тайны зависѣлъ успѣхъ всего нашего дѣла, наша жизнь и смерть. Теперь, когда уже нѣтъ сообщенія съ землею и не будетъ до самаго прибытія нашего на материкъ, объявляю вамъ, что мы, въ эту же ночь, пересядемъ на другое судно, которое я пріобрѣлъ на польскія народныя деньги, и на немъ мы отправимся не въ Англію, а въ Польшу!“

Отрядъ пришелъ въ восторгъ неописанный. Бо̀льшей радости трудно себѣ представить, какая была на палубѣ, вокругъ Лапинскаго, переставшаго говорить: кричали, бросали къ верху шапки, обнимались... можетъ быть кто-нибудь изъ иностранцевъ (которымъ тоже самое было передано по французски) и не очень радовался

отплытію въ Польшу, но ни одинъ этого не далъ замѣтить. Только два молодые жидка, которые упросили полковника въ Мальме перевезть ихъ въ Англію даромъ, говоря, что они тоже поляки и чѣмъ-нибудь за это заслужатъ братьямъ, узнавъ теперь, какая это Англія, выходили изъ себя и прямо кричали: „мошенники! надувательство!"

Близь полуночи, минуя небольшой островокъ Гвенъ (Hwen), повстанцы увидѣли мигающій въ воздухѣ красный огонекъ: это былъ знакъ, поданный съ Эмиліи! Отвѣтили такимъ же знакомъ—и огни послѣ этого начали сближаться. Оба судна стали рядомъ и въ теченіи какихъ-нибудь четверти часа отрядъ перебрался съ малаго судна на большое, при посредствѣ двухъ лодокъ, купленныхъ въ Копенгагенѣ. Капитанъ малаго судна простился съ начальникомъ экспедиціи и поплылъ въ Копенгагенъ, получивъ приказаніе: всякій разъ, какъ только будетъ видѣнъ кто-нибудь наблюдающій, высылать на палубу всѣхъ матросовъ, одѣтыхъ на подобіе кракусовъ, въ красныхъ конфедераткахъ: они должны были изображать изъ себя отрядъ Лапинскаго, отплывающій въ Англію! Такъ хитрили эти дѣти и не замѣтили самой простой вещи, что ихъ давно перехитрилъ немудрый варшавскій жидокъ Тугендбольдъ или Поллесъ, преобразившійся очень ловко и отважно въ адъютанта начальника экспедиціи, этого страшнаго, рыкающаго льва, который поѣдомъ ѣлъ всѣхъ ослушниковъ и измѣнниковъ, котораго всѣ боялись какъ огня, но не боялся одинъ лишь этотъ жидокъ и пробылъ въ самой пасти льва сколько ему было нужно для собранія всѣхъ свѣдѣній объ отрядѣ повстанцевъ, плывущихъ на Жмудь, объ отношеніяхъ Скандинавскихъ государствъ; онъ убаюкивалъ всѣхъ этихъ звѣрей своею віолончелью; кутилъ вмѣстѣ съ ними въ Мальме и въ Лундѣ, выкрикивалъ въ послѣднемъ всякіе виваты, пѣлъ Boże coś Polskę, можетъ даже плакалъ, когда всѣ плакали въ соборѣ... и послѣ всего этого юркнулъ куда то, въ одну изъ поѣздокъ съ начальникомъ въ Капенгагенѣ. Кутить съ подчиненными рыкающаго льва онъ еще могъ, но ломать вмѣстѣ съ ними голову на Жмуди—это совсѣмъ не жидовское дѣло [1]).

А кажется Герценъ и Огаревъ остерегали начальника экспедиціи и комиссара относительно этого человѣка! Вотъ ужъ истинно говорятъ, что на всякаго мудреца довольно простоты. Когда Лапинскій и его повстанцы думали, что они провели весь бѣлый свѣтъ, совершивъ ночную таинственную пересадку людей около острова Гвена и приказавъ шведскимъ матросамъ малаго судна разыгрывать нѣкоторое время поляковъ, плывущихъ въ Англію (для чего снабдили ихъ

[1]) Лапинскій говоритъ въ своихъ запискахъ, что Поллесъ, оставляя его, стащилъ какую то цѣнную вещь. Стало, это былъ не только шпіонъ, но и воряшка. Офицеры его не любили за высокомѣріе и чванство, а можетъ быть и чуяли что-нибудь. Gazeta Narod. 1878, № 188.

даже старыми красными конфедератками)—русскіе отряды, расположенные на берегахъ Литвы и Жмуди, очень хорошо знали, кто къ нимъ плыветъ на утлой лодкѣ и сколько тамъ оглашенныхъ охотниковъ, и какъ они вооружены и одѣты!

Конечно, удобствъ на Эмиліи такихъ какъ на пароходѣ не было. Отрядъ размѣстился тѣсно. Небольшая кухня была предоставлена исключительно въ распоряженіе доктора, дабы онъ всегда могъ имѣть для больныхъ и слабыхъ теплую пищу и чай. Для остальныхъ, крѣпкихъ и здоровыхъ молодцовъ, горячей пищи не готовилось вовсе. Денная пища, для всѣхъ одна и таже, состояла поутру: изъ фунта хлѣба, восьмушки сыра и чарки водки. Въ обѣдъ: изъ полуфунта солонины и полулитра пива. Въ ужинъ: изъ восьмушки солонины и чарки водки.

Надо знать, что отрядъ въ Мальмё подвергся нѣкоторымъ измѣненіямъ. Всѣ, замѣченные въ какихъ-либо предосудительныхъ поступкахъ, а также и черезъ-чуръ слабые и болѣзненные были отправлены въ Англію [1]). Вмѣсто нихъ приняты новые. На палубѣ Эмиліи отрядъ представлялъ такой видъ:

Первая рота [2])—иностранцы. Капитанъ Пеллегрини, 1 офицеръ, 18 унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ, 1 трубачъ.

Вторая рота—капитанъ Магнускій, 2 офицера, 23 унтеръ-офицера и рядовыхъ, 1 трубачъ.

Третья рота—капитанъ Тышкевичь, 2 офицера, 23 унтеръ-офицера и рядовыхъ, 1 трубачъ.

Четвертая рота—капитанъ Качковскій, 2 офицера, 22 унтеръофицера и рядовыхъ, 1 трубачъ.

Резервъ [3]): начальникъ, докторъ, 2 аптекаря; Арентъ и Дудзинскій; капитаны: Ходзько, Кавка и Мёдушевскій, подпоручикъ Малиновскій, адьютантъ-унтеръ-офицеры: Тӧдвенъ и Нарбутъ, старшій трубачъ, всего одиннадцать человѣкъ.

Общая цифра: офицеровъ 16, санитаровъ 3, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 93.

Установленный порядокъ службы на Эмиліи тоже разнился отъ порядка на Вардъ-Джаксонѣ: никому не позволено было въ теченіи цѣлаго дня показываться на палубѣ, безъ разрѣшенія начальства. Разрѣшеніе это давалось только ночью и то на короткое время. Проходившія мимо скромной Эмиліи суда конечно не воображали, что на днѣ ея скрывается цѣлый польскій отрядъ—по Лапинскому: кадры четырехъ ротъ и резервъ; и что все это ѣдетъ производить

---

[1]) Особенно-дурны оказались итальянцы. Они продавали жителямъ Мальмё револьверы и другія вещи съ парохода. Лапинскій прогналъ всѣхъ, кромѣ двухъ, присланныхъ Маццини.

[2]) Термины Лапинскаго. Онъ разумѣлъ подъ этимъ кадры ротъ, которыя будутъ устроены на берегу.

[3]) Употребляется вмѣсто слова штабъ.

какія-то чудеса на Жмудскихъ берегахъ! Самъ-же Лапинскій, маршируя по пустой палубѣ, очень часто спрашивалъ себя: „куда и зачѣмъ я плыву?“ И не умѣлъ никакъ дать себѣ въ этомъ опредѣленнаго отчета [1]). Положеніе возстанія на Литвѣ и Жмуди онъ уже зналъ довольно-хорошо изъ разныхъ обмолвокъ комиссара и кое-какихъ другихъ источниковъ; даже просто видѣлъ изъ газетъ, что тамъ уже свирѣпствовалъ страшный Муравьевъ и все изъ конца въ конецъ трещало. Интервенцію Европы считалъ онъ бреднями, изобрѣтенными эмиграціей и подхваченными Жондомъ, а потому обманывать себя разными дѣтскими иллюзіями и пустыми надеждами не могъ. А между тѣмъ все шелъ да шелъ впередъ, будучи глубоко убѣжденъ, что дѣлаетъ безумство! Таковы поляки, таковы ихъ морскія и сухопутныя экспедиціи, съ цѣлію перестроить весь бѣлый свѣтъ; такова большая часть ихъ возстаній и заговоровъ!

Отъ Копенгагена до Мемеля около 600 морскихъ миль. При хорошей погодѣ (какая тогда и стояла), парусное судно, подобное Эмиліи, могло дѣлать отъ 80 до 100 узловъ въ сутки. Поэтому Лапинскій разсчитывалъ быть дома около 10 іюня н. ст. Потолковавъ съ капитаномъ, онъ построилъ такой планъ: не входить Мемельскимъ проливомъ въ Куришъ-Гафъ (гдѣ высадка повстанцевъ могла быть ясно замѣчена изъ Мемеля и тогда-бы прусаки заперли обратный выходъ Эмиліи въ море), а высадиться на узкой полосѣ земли, отдѣляющей Куришъ-Гафъ отъ моря, насупротивъ заведенія морскихъ купаленъ. Это заведеніе, отстоящее отъ моря на четверть польской мили [2]), занять сейчасъ-же отрядомъ, а какъ тамъ въ пристани всегда много лодокъ, въ нихъ переплыть черезъ заливъ (Курифъ-Гафъ, въ узкомъ мѣстѣ) до противуположной деревушки. Оттуда до Жмудской границы рукой подать: много-много мили двѣ съ половиной. Стало быть вся операція высадки и перехода на свою землю могла совершиться безпрепятственно въ одну ночь. Прусскихъ войскъ въ тѣхъ мѣстахъ обыкновенно не бываетъ.

Все время, съ 3 по 7 іюня н. ст., погода не измѣняла повстанцамъ. Только 7-го пошелъ мелкій дождь и шелъ часа два. Вѣтеръ дулъ тихій NW. Эмилія двигалась и двигалась. Кое-когда встрѣчались суда разной величины и націй. Разъ только показался на горизонтѣ дымъ парохода.

10-го числа вечеромъ обозначилась въ отдаленіи полоса земли. Осталось миль 60 до того пункта, гдѣ экспедиція намѣрена была высадиться. Контуры песчаныхъ холмовъ обрисовывались съ каждой минутой яснѣе и яснѣе. Въ три часа утра 11-го іюня н. ст. судно

---

[1]) „Gdyby mię kto był zapytał, poco ja jadę i poco prowadzę tę garstkę ludzi, odpowiedzieć bym musiał: A czy ja wiem?“ (Gaz. Narod. 1878, № 221, стр. 1, столбецъ 1).

[2]) Польская миля—7 верстъ.

было всего навсе миляхъ въ четырехъ отъ материка—и подвигалось медленно вдоль берега, при легкомъ западномъ вѣтрѣ. На берегу—ни живой души! Нѣсколько рыбацкихъ лодокъ валялось здѣсь и тамъ, на пескѣ. Около втораго часу по-полудни Эмилія поровнялась съ заведеніемъ морскихъ купалень. Мемель былъ оттуда миляхъ въ десяти. Начальникъ экспедиціи приказалъ спустить паруса. Судно стало. Сѣвши въ лодку съ двумя гребцами, двумя матросами и подпоручикомъ Малиновскимъ, въ обыкновенныхъ морскихъ одеждахъ, начальникъ велѣлъ грести на берегъ и выйдя потомъ на него, поднялся на песчаный холмъ, чтобы высмотрѣть съ него дорогу, ведущую въ купальни. Всѣ строенія видны были какъ на ладони. Въ пристани помѣщалось нѣсколько лодокъ, изъ которыхъ иныя были очень красивы, и небольшой пароходъ. Переправа черезъ заливъ (узкое мѣсто Куришъ-Гафа) не представляла, повидимому, особенныхъ затрудненій. Когда окончился осмотръ всего, что было нужно, и Лапинскій пошелъ со своей командой садиться въ лодку, они замѣтили, что впереди что-то двигается, одѣтое очень странно, такъ-что издали нельзя было разобрать, мущина это или женщина. Подойдя ближе, увидѣли высокую, худощавую старуху, въ лохмотьяхъ, до того безобразную, что всѣ вздрогнули, а Малиновскій даже перекрестился. Всѣмъ пришелъ въ голову извѣстный предразсудокъ. Въ довершеніе всего нужно было, чтобы это чудовище проговорило имъ какимъ-то гробовымъ голосомъ первое привѣтствіе на землѣ польской! Лапинскій былъ чрезвычайно суевѣренъ. Онъ долго стоялъ задумавшись, пока баба (вѣроятно рыбачка) отошла отъ нихъ довольно-далеко. Матросы ругались и предлагали даже искупать ее въ морѣ.

Въ пятомъ часу пополудни воротились на судно. Высадка могла быть произведена только въ одиннадцатомъ часу ночи, когда стемнѣетъ. Боясь, чтобы такая продолжительная стоянка Эмиліи передъ купальнями не вызвала какихъ-либо невыгодныхъ для экспедиціи толковъ среди тамошнихъ жителей, Лапинскій послалъ на берегъ Малиновскаго, съ двумя польскими матросами, чтобы онъ, оставивъ одного у лодки, съ другимъ отправился въ заведеніе и купилъ боченокъ пива, причемъ, если будутъ спрашивать, что это за судно, отвѣчалъ, что „это англійское судно, идетъ въ Мемель за хлѣбомъ. Сломался руль, такъ его будутъ тутъ чинить.“ При этомъ онъ долженъ былъ высмотрѣть подробно, сколько имѣется лодокъ и при нихъ гребцовъ въ заведеніи; сколько живетъ народу при купальняхъ; какъ много времени займетъ переправа отряда черезъ заливъ; что за деревня виднѣется напротивъ по ту сторону залива, и наконецъ, не стоитъ-ли вблизи прусскаго войска?

Малиновскій отправился и въ семь часовъ вечера привезъ, вмѣстѣ съ пивомъ, такія свѣдѣнія: въ купальняхъ на кураціи еще никого въ томъ году не было. Живущихъ при заведеніи людей разнаго званія, вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми, около тридцати человѣкъ. Воен-

ныхъ всего одинъ жандармъ. Пароходъ, стоящій въ пристани, вовсе не приспособленъ къ плаванію и выйти въ море немедля никакъ не можетъ. Лодокъ имѣется шестнадцать. Есть и телеграфъ. Хозяинъ гостинницы и жандармъ, съ которыми Малиновскій вступалъ въ разговоры на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ, прикидываясь англичаниномъ, въ самомъ дѣлѣ выражали нѣкоторое удивленіе, зачѣмъ судно такъ долго стоитъ у берега, однако, повидимому, повѣрили объясненію. Что̀ до деревни, по ту сторону залива, это—прусскій помѣщичій фольварокъ, съ крестьянскимъ поселеніемъ подлѣ. Войскъ близь фольварка не было, кромѣ нѣсколькихъ жандармовъ и такъ-называемой „финансовой пограничной стражи". Въ Мемелѣ, и дальше, къ русской границѣ, было много войскъ.

Въ 8 часовъ вечера Лапинскій спустился внизъ къ отряду и сказалъ, что высадка начнется, какъ-только станетъ совершенно-темно, въ слѣдующемъ порядкѣ; въ одну, меньшую, но болѣе надежную лодку, сядутъ, съ начальникомъ, капитаны: Тышкевичь и Пеллегрини, четыре офицера, два адъютанта-унтеръ-офицера, старшій трубачъ, два польскіе и два датскіе матроса. Въ другую лодку, что по-больше, но менѣе надежна (а потому она будетъ привязана къ первой канатомъ) сядетъ первая рота и часть третьей, всего 36 человѣкъ. Вторымъ транспортомъ въ первой лодкѣ поплывутъ: капитанъ Магнускій, три офицера со знаменами, два офицера и санитары. Во второй лодкѣ: вторая рота и остатокъ третьей. Третьимъ транспортомъ: капитанъ Качковскій, два офицера и четвертая рота. Какъ-только лодки, по окончаніи высадки отряда, воротятся на судно, оно должно немедля поднять якорь и итти въ Копенгагенъ, гдѣ вручить Ганзену рапортъ начальника экспедиціи для передачи комиссару, потомъ бросить якорь въ указанномъ отъ него мѣстѣ и быть ежеминутно готовыми къ отплытію.

По высадкѣ перваго транспорта, первая рота двинется немедля впередъ, займетъ всѣ ближайшія высоты, разошлетъ по сторонамъ патрули и еслибы встрѣтила на пути какихъ-либо людей, отсылаетъ ихъ, подъ стражей, къ начальнику. Когда высадится весь отрядъ, онъ идетъ форсированнымъ маршемъ къ заведенію купалень и окружаетъ его одновременно со всѣхъ сторонъ, дабы никто ни бѣжать, ни сдѣлать тревоги не могъ. Первая рота арестуетъ жандарма и всѣхъ, кого найдетъ въ заведеніи, и портитъ телеграфъ. Вторая и третья захватываютъ лодки и арестуютъ прусскихъ матросовъ. Начальникъ выбираетъ лучшія лодки въ пристани для переѣзда черезъ заливъ, размѣщаетъ въ нихъ отрядъ, сажаетъ туда-же арестованныхъ и переносится въ фольварокъ, стараясь дорогой разъузнать отъ хозяина гостинницы, сколько телегъ и лошадей можно достать на фольваркѣ. Когда высадятся на берегъ, капитанъ Пеллегрини, съ первой ротой, забираетъ на фольваркѣ всѣ телеги, какія тамъ найдутся и соотвѣтственное къ нимъ количество лошадей. Двухъ изъ нихъ осѣдлаетъ

подъ начальника и старшаго трубача. Капитанъ Тышкевичь разыскиваетъ телеги и лошадей по дворамъ крестьянъ при фольваркѣ. Проводниками вездѣ служатъ люди, захваченные въ заведеніи морскихъ купаленъ. Остальная часть отряда располагается, подъ корчмой, чтобъ быть готовой подать, въ случаѣ надобности, помощь, по сигналу трубача.

Когда подводы будутъ собраны, отрядъ садится и трогается рысью къ русской границѣ, до которой достигаетъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, въ два часа. Арестованные до самой этой минуты должны находиться подъ стражей. Когда отрядъ, трогаясь въ путь къ русской границѣ, освобождаетъ арестованныхъ, одновременно съ этимъ проводники щедро вознаграждаются. За подводы уплачивается жителямъ все, что нужно, съ лихвой. Во все время реквизиціи отрядъ обходится, какъ съ арестованными, такъ и съ жителями фольварка, самымъ учтивымъ образомъ.

Въ четверти мили отъ границы отрядъ долженъ оставить телеги и отпустить ихъ назадъ, кромѣ двухъ подводъ, на которыхъ поѣдетъ лишняя аммуниція и запасное оружіе, до тѣхъ поръ, пока не будутъ встрѣчены польскія военныя подводы. Границу отрядъ переходитъ въ боевомъ порядкѣ, уклоняясь отъ всякаго столкновенія съ охраняющими ее прусскими солдатами. Въ крайнемъ случаѣ опрокидываетъ рогатки. Офицеры и солдаты обязаны говорить прусакамъ, что „это одинъ изъ небольшихъ польскихъ отрядовъ, высадившихся въ эту ночь на берегъ въ разныхъ пунктахъ одновременно". Еслибъ попался на встрѣчу русскій отрядъ, какой-бы то ни было величины,— биться и лечь всѣмъ до одного, ибо отступать некуда. Кто положитъ оружіе или бѣжитъ, въ минуту схватки, тому, въ случаѣ побѣды, не будетъ никакой пощады.

Все это было повторено начальникомъ ясно и вразумительно нѣсколько разъ на двухъ языкахъ, польскомъ и французскомъ, цѣлому отряду. Всѣ радовались, что наконецъ приближается время дѣйствій.

Когда начальникъ воротился на палубу, было около 9 часовъ. Капитанъ судна съ нѣкоторымъ страхомъ всматривался въ небо.

— Будетъ буря, сказалъ онъ немного погодя: хорошо, еслибъ вамъ удалось до этого временя перебраться на ту сторону залива!

— Какая тамъ буря! Что вы говорите! возразилъ Лапинскій: небо кругомъ чисто и море тихо!

— Это такъ, но—душно! продолжалъ капитанъ: будетъ буря, говорю я вамъ. Мы эти дѣла знаемъ, какъ вы знаете свои сухопутныя. Приготовтесь—будетъ буря!

Въ половинѣ одиннадцатаго Лапинскій далъ знакъ начинать высадку. Часть, назначенная на первый транспортъ, быстро спустилась въ лодки. Лапинскій простился съ капитаномъ, не очень разсчитывая съ нимъ еще увидѣться. Когда роты садились, замѣчено было въ морѣ небольшое волненіе и довольно сильный вѣтеръ подулъ съ материка. Онъ значительно увеличился, какъ только отъѣхали отъ судна са-

жень на двѣсти. Волны стали бить въ лодки и даже заливали ихъ. Начальникъ, сидѣвшій у руля, увидѣлъ скоро, что единственное спасеніе — вернуться назадъ, но судно было Богъ знаетъ какъ далеко, будучи отброшено шкваломъ. Лапинскій выстрѣлилъ нѣсколько разъ изъ револьвера: судно не подвигалось. Между тѣмъ съ задней лодки кричали, что у нихъ воды на четверть, скоро будетъ по колѣно. Начальникъ приказалъ выливать ее манерками, но это помогало плохо: волны налетали и налетали снова! Вѣтеръ усиливался. Еще загремѣло нѣсколько выстрѣловъ изъ первой лодки, взывая о помощи: судно двинулось къ лодкамъ и было уже близко отъ нихъ, какъ вдругъ наскочившая сбоку волна опрокинула заднюю лодку и 36 человѣкъ очутились въ морѣ! Веревка, которою была привязана задняя лодка къ передней, стала тянуть корму послѣдней въ воду. Лапинскій схватилъ топоръ и перерубилъ канатъ. Первая лодка, освободясь отъ тяжести, могла тогда выгрести къ судну и всѣ находившіеся въ ней люди поднялись на палубу. Лодка-же, оставшаяся на волнахъ съ матросами, стала спасать утопающихъ; однако вытащили только 12 человѣкъ, остальные утонули, крича въ послѣднее мгновеніе: „niech żyje Polska"! (Да здравствуетъ Польша)! У одного тонувшаго француза сидѣли на ранцѣ двѣ кошки (какъ это бываетъ у многихъ въ зуавскихъ полкахъ). Не надѣясь спастись, французъ сорвалъ съ себя ранецъ съ кошками и пустивъ его на волны, сказалъ печальнымъ голосомъ: „adieu, mes enfants, sauvez-vous, comme vous pouvez! Avec moi c'est fini"! [1]) Это слышалъ другой французъ, очутившійся въ эту минуту подлѣ своего соотечественника и послѣ какъ-то спасшійся. Изъ двухъ жидковъ, взятыхъ Лапинскимъ въ Мальмё, утонулъ только одинъ. Оставшійся въ живыхъ сказалъ окружающимъ, когда услышалъ о погибели своего товарища: „szkoda! jakie piękne miał buty" [2])!

Судну ничего болѣе не оставалось, какъ идти сколь-возможно поспѣшнѣе къ шведскимъ берегамъ. 12 іюня н. ст. подулъ южный вѣтеръ и море начало успокоиваться. 13-го вечеромъ показался островъ Готландъ, къ которому начальникъ и велѣлъ править. 14-го утромъ остатки морской польской экспедиціи высадились въ деревнѣ Вамлингбо (Wamlingbo), гдѣ также были устроены морскія купальни, наполняющіяся посѣтителями въ іюлѣ и августѣ; но тогда тамъ никого не было. Лапинскій расположилъ въ этомъ заведеніи отрядъ и велѣлъ капитану судна, съ оружіемъ и аммуниціей, идти скорѣе въ Копенгагенъ. Повстанцы оставили при себѣ на всякій случай только укрытые подъ платьемъ револьверы. Офицеры имѣли при себѣ кромѣ того еще палаши.

Тихая деревушка была сильно смущена прибытіемъ какихъ-то необъяснимыхъ для нея странниковъ, вслѣдствіе чего Лапинскій счелъ

---

[1]) „Прощайте, мои дѣти! спасайтесь, какъ умѣете, а мнѣ пришелъ конецъ"!
[2]) „Жаль, хорошіе имѣлъ сапоги"!

необходимымъ отправиться въ главный городъ острова, Висби, гдѣ представился губернатору. Губернаторъ, окруженный массою чиновниковъ, принялъ его холодно и замѣтилъ ему, что его крайне удивляетъ появленіе поляковъ на Готландѣ, когда извѣстно изъ газетъ и другихъ источниковъ, что они отплыли изъ Мальмё въ Англію.

Лапинскій, не объясняя губернатору ничего, просилъ только позволенія остаться съ отрядомъ въ деревнѣ Вамлингбо до тѣхъ поръ, пока онъ спишется со своимъ комиссаромъ, находящимся въ Стокгольмѣ, и получитъ отъ него средства къ выѣзду. Губернаторъ отвѣчалъ, что снесется со своимъ правительствомъ и объ его рѣшеніи увѣдомитъ полковника. Скоро получено дозволеніе „интернироваться полякамъ въ занятомъ ими пунктѣ до прибытія военнаго шведскаго парохода, который отвезетъ ихъ въ Англію".

Лапинскій тѣмъ временемъ далъ знать комиссару о своемъ положеніи и тутъ-же приложилъ рапортъ Жонду Народовому обо всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, начиная съ бѣгства капитана Ватерлея до прибытія отряда на островъ Готландъ. Къ рапорту присоединялась меморія, въ которой начальникъ морской экспедиціи открывалъ высшей повстанской власти глаза на грозный конецъ возстанія, совѣтовалъ бросить всякія мечтанія на интервенцію европейскихъ державъ, какъ на несбыточную химеру, прекратить борьбу съ Россіей въ царствѣ и Литвѣ и начать, въ замѣнъ этого, борьбу на Кавказѣ, имѣющую несравненно болѣе шансовъ на успѣхъ. „Денежныхъ пожертвованій на это, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, не нужно: отрядъ, который долженъ былъ дѣйствовать на жмудскихъ берегахъ, готовъ точно также сражаться и на Кавказѣ. Средства къ отплытію у него есть свои: шведское правительство, безъ сомнѣнія, заплатитъ что слѣдуетъ за удержанное въ Мальмё оружіе повстанцевъ; потомъ будетъ продано парусное судно „Эмилія"; комиссаръ имѣетъ въ своемъ распоряженіи 10.000 франковъ; сверхъ того можно кое-что собрать подпиской. Отрядъ, достигнувъ кавказскихъ береговъ, мгновенно пополнится военными поляками, которыхъ всегда между черкесами много. Въ непродолжительномъ времени тамъ образуется большое польское войско; Жондъ Народовый переберется на Кавказъ и будетъ уже не тѣмъ таинственнымъ, подпольнымъ правительствомъ, какимъ былъ въ Варшавѣ, а явнымъ и открытымъ, нисколько не стѣсняющимся въ своихъ дѣйствіяхъ. Онъ будетъ править поляками всего міра изъ недоступнаго никому орлинаго гнѣзда! Начнется война съ Россіей серьезная, съ открытымъ забраломъ, которая привлечетъ на Кавказъ и сконцентрируетъ всѣ, разбросанныя по разнымъ краямъ польскія силы".

Къ комиссару Лапинскій писалъ, между прочимъ, что „если Жондъ Народовый не согласится на его предложеніе и пожелаетъ, чтобы на Жмудь отправилась новая экспедиція, то онъ не отказывается командовать и ею, попробовать вторично счастія. Подробный планъ, какъ тогда дѣйствовать, выработаетъ и пришлетъ".

Демонтовичь не счелъ своевременнымъ посылать все это Жонду, а написалъ о несчастіи, постигшемъ Лапинскаго по своему—и тѣмъ все кончилось.

Вскорѣ прибылъ въ деревню Вамлингбо отрядъ шведской милиціи, которая заняла всѣ главные пункты, а потомъ пріѣхалъ клинтенгамскій губернаторъ и приказалъ поставить часовыхъ даже у квартиры Лапинскаго, на что послѣдній жаловался печатно въ разныхъ газетахъ, между прочимъ въ „Часѣ" 1863 г., № 148.

18 іюня н. ст. явился въ пристани шведскій военный корветъ, капитанъ котораго объявилъ Лапинскому, что имѣетъ приказаніе высшихъ властей забрать всѣхъ поляковъ и отвезть въ Лондонъ, причемъ всякое, находящееся при нихъ оружіе, должно быть сложено въ цейхгаузѣ корвета. 19 іюня н. ст. отрядъ перебрался на корветъ. Губернаторъ, со своимъ секретаремъ и французскимъ консуломъ изъ Висби, пріѣхали проститься съ отплывающими повстанцами и пожелать имъ счастливаго пути. Прогремѣли пушечные сигналы. Экипажъ корвета прокричалъ: „да здравствуетъ король!" Губернаторъ съѣхалъ на берегъ—и корветъ пошелъ.

Лапинскій, когда наступилъ вечеръ, забрался въ какой-то темный уголъ и, по своему обычаю, предался мечтаніямъ: „нѣсколько минутъ испортили все дѣло! (думалъ онъ). Если бы я не былъ такъ глупъ, не послушался совѣтовъ комиссара въ Стокгольмѣ, не прервалъ бы сношеній съ Калинкой, повстанцы имѣли бы свой новый пароходъ, вмѣсто парусной лодки... Если бы Домонтовичъ не мѣшался въ Копенгагенѣ въ дѣло покупки лодокъ—онѣ были бы несравненно лучше и можетъ быть ни одна бы изъ нихъ не опрокинулась въ минуту налетѣвшаго шквала!... Если бы не старый, семидесятилѣтній Магнусскій командовалъ оставшимися на палубѣ „Эмиліи" повстанцами, когда пошелъ къ берегу первый транспортъ, никто бы не вышелъ тамъ изъ повиновенія и не мѣшалъ капитану править судномъ какъ слѣдуетъ и явиться во-время на помощь утопающимъ.... можно бы было повторить потомъ дебаркацію... но возникли бы, разумѣется, другія если бы, безъ которыхъ въ жизни, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и обществъ, и народовъ, и... отрядовъ, никакое дѣло не совершается"! [1]).

И дѣйствительно явились бы, прибавимъ мы—и повстанцамъ Лапинскаго было бы хуже. При несчастіи, которое ихъ постигло, отъ налетѣвшей бури погибло только 24 человѣка, а если бы отрядъ высадился и достигъ Литвы—онъ погибъ бы рѣшительно весь. Русскія войска, собранныя тамъ, разбили безъ труда двѣ огромныя дружины Сѣраковскаго и Колыски, спѣшившія на соединеніе съ Лапинскимъ: что же произошло бы при встрѣчѣ съ этими войсками полуторы сотни повстанцевъ Лапинскаго?...

---

[1]) „Gazeta Narodowa" 1878, № 223, стр. 1, столбецъ 4, внизу.

По прибытіи въ Лондонъ, Лапинскій увидѣлся прежде всего съ генераломъ Замойскимъ и разсказалъ ему подробно исторію своихъ похожденій, заключивъ ее своими любимыми бреднями о Кавказѣ.

— Да! еслибъ тебя отправили на Кавказъ, было бы лучше, проговорилъ старый генералъ: но Жондъ будетъ барахтаться въ царствѣ и на Литвѣ до послѣдняго издыханія, потому что... вѣритъ въ обѣщанія Франціи; да признаюсь тебѣ, и я имъ иногда вѣрю: такъ это все туманно, сбивчиво, смутно!... Ну, а деньги-то у тебя на содержаніе людей какія-нибудь есть?

— Теперь нѣтъ, но я найду! отвѣчалъ Лапинскій.

— Если принужденъ будешь распустить отрядъ, то я похлопочу у англійскаго правительства, чтобъ имъ дали что-нибудь на дорогу.

Увидѣвшись съ Цвѣрцякевичемъ, Лапинскій узналъ, что онъ, яко-бы по проискамъ Демонтовича, получилъ отставку, однако далъ на содержаніе отряда 60 фунтовъ. Ихъ хватило, разумѣется, не на долго. Не получая никакихъ извѣстій ни отъ Жонда, ни отъ Демонтовича, а равно и денегъ ни съ какой стороны, Лапинскій распустилъ отрядъ. Это было 5 іюля н. ст. 1863 г. Замойскій выхлопоталъ каждому охотнику, безъ различія ранговъ, по три фунта на дорогу. Лапинскій говоритъ, въ концѣ своихъ Записокъ, что его товарищи по странствіямъ въ Балтійскомъ морѣ разбрелись по разнымъ частямъ свѣта, кто куда, и бо̀льшей части ихъ, въ настоящее время, нѣтъ уже въ живыхъ.

Н. Бергъ.

АВГУСТЪ ЛЮДВИГЪ ШЛЕЦЕРЪ [1].

СЕМЬДЕСЯТЪ лѣтъ уже минуло тому, какъ геттингенскій университетъ похоронилъ Шлецера, одного изъ своихъ знаменитѣйшихъ профессоровъ, одного изъ основателей современной исторической науки. Сколько событій совершилось послѣ этого времени, сколько воззрѣній высказано вновь, принятыхъ, или отвергнутыхъ наукой, сколько за быто именъ прогремѣвшихъ на время, сколько системъ похоронено ранѣе ихъ творцовъ, а имя Шлецера до сихъ поръ живо, воззрѣнія его до сихъ поръ возбуждаютъ почти тѣже чувства, которыя возбуждали онѣ при первомъ своемъ появленіи, до сихъ поръ историки русскіе считаютъ себя или учениками или врагами Шлецера. Стоитъ вспомнить, что Погодинъ постоянно писалъ подъ портретомъ Шлецера, рекомендовалъ всѣмъ начинающимъ заниматься изучать Нестора, что Соловьевъ, вступивъ въ полемику съ славянофилами, началъ ее во имя метода, принесеннаго въ русскую науку Шлецеромъ; что съ другой стороны въ славянофильскомъ сборникѣ помѣщена была въ 1847 г. статья направленная противъ общихъ взглядовъ Шлецера, что И. Е. Забѣлинъ преимущественно имѣетъ въ виду Шлецера въ своихъ нападеніяхъ на нѣмцевъ-историковъ. И такъ этотъ суровый учитель оставилъ по себѣ глубоко врѣзавшійся слѣдъ. Попытаемся же безпристрастно опредѣлить характеръ и значеніе его дѣятельности

---

[1]) О Шлецерѣ см. „Общественная и частная жизнь А. Л. Шлецера имъ самимъ описанная" (переводъ г. Кеневича въ „Сборн. отд. русск. языка и слов. Имп. Ак. Н.", XIII; Хр. Шлецера. „A. L. von Schlötzer" öffentliches und Privatleben", Leipzig, 1828, 2 Bd. Bock. „Schlötzer" Hannover, 1844; Wesedenck, „Die Begründung der neuen deutsche Geschichtsschreibung durch Gatterer und Schlötzer" Leipzig, 1876; по русски „От. Зап.", 1844 (статья Г. Ф. Головачева) и „Русскій Вѣстн.", 1856—57, (статьи С. М. Соловьева). Гоголь „Арабески", Спб. 1835, I, 9—23; А. Н. Поповъ („Моск. Лит. и Ученый сборникъ на 1847, 397—485).

и указать, что въ ней полезно и осталось, что̀ должно быть отвергнуто. Понимаю, что̀ въ настоящее время, въ виду событій крупныхъ и мелкихъ, (хотя бы забалотированія Д. И. Менделеева, чтобъ неговорить о чемъ нибудь другомъ) русскому человѣку трудно быть вполнѣ объективнымъ, но попытаться нужно. Прибавлю, что стѣсненный объемомъ статьи и невозможностію входить въ большія спеціальности, ограничиваюсь краткимъ очеркомъ жизни и дѣятельности замѣчательнѣйшаго изъ нѣмецкихъ ученыхъ, приписавшихся къ русской исторіи[1]), останавливаясь только на самомъ, по моему мнѣнію, характеристическомъ.

Августъ Людвигъ Шлецеръ родился въ миніатюрномъ, нынѣ несуществующемъ, княжествѣ Гогенлоэ-Кирхенбергѣ (во Франконіи), въ деревнѣ, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ (1735). Рано лишившись отца, онъ былъ воспитанъ отцемъ своей матери (фамилію котораго, Гейгольдъ, принялъ впослѣдствіи Шлецеръ, издавая „Neuveränderte Russland"). У него, а потомъ въ городской школѣ сосѣдняго Лангенбурга, Шлецеръ получилъ начальное образованіе. Успѣхи его были такъ быстры, что на десятомъ году онъ писалъ латинскіе письма, возбуждая удивленіе дѣда, предсказывавшаго ему будущую знаменитость. Мальчика думали сначала готовить въ аптекаря, по замѣтя большія способности рѣшили продолжать образованіе и Шлецеръ перешелъ въ домъ зятя своего Шульца, бывшаго начальникомъ школы въ Вертгеймѣ. Ужъ съ этихъ лѣтъ Шлецеръ отличался замѣчательнымъ прилежаніемъ и обстоятельностію; онъ хранилъ всѣ получаемыя письма, велъ свой дневникъ и такъ прилежно изучалъ классиковъ въ эльзивирскихъ изданіяхъ, что развилъ въ себѣ близорукость. Подъ руководствомъ зятя онъ изучалъ Библію, занимался языками латинскимъ, греческимъ, еврейскимъ и французскимъ, и при этомъ находилъ время учиться музыкѣ и давать уроки, чѣмъ пріобрѣлъ возможность покупать книги. Когда ему минуло 16 лѣтъ, Шульцъ объявилъ, что въ Вертгеймѣ ему болѣе учиться нечему и онъ поѣхалъ въ Виттенбергъ, университетъ котораго славился своимъ богословскимъ факультетомъ. Шлецеръ готовился теперь въ духовное званіе. Проведя здѣсь около трехъ лѣтъ и защитивъ диссертацію „О жизни Бога" (De vita Dei), Шлецеръ перешелъ въ начинающій славиться тогда геттингенскій университетъ. Мы, русскіе, торопимся кончить курсъ и получить скорѣе степень кандидата и вообще слѣдуемъ правилу: „подписано и съ рукъ долой"; въ Германіи до сихъ поръ держатся иного воззрѣнія: тамъ студенты, пробывъ нѣсколько лѣтъ въ одномъ универси-

[1]) Говоря это, я не забылъ Эверса. Я знаю, что ему принадлежитъ часть указанія необходимости изученія начала, которымъ жило первоначальное общество и отъ котораго отправилось дальнѣйшее развитіе; но знаю также, что вліяніе Эверса далеко не столь обще и широко, ибо Шлецеръ далъ методъ, а Эверсъ указалъ начало. Методъ примѣняется всѣми, а начало, принятое за основу пониманія нѣкоторыми, только видоизмѣненное вошло въ общее сознаніе.

тетѣ, ѣдутъ, а иногда и идутъ, въ другой послушать того или другого профессора; изъ другого иногда еще въ третій. Впрочемъ, при нашемъ бюрократическомъ взглядѣ на университетъ иначе и не можетъ быть: нужны поскорѣе люди съ извѣстнымъ дипломомъ, а людямъ нужно поскорѣе получить дипломъ. Круговая порука! Потому у насъ существуетъ правило о томъ, чтобы не оставались болѣе извѣстнаго числа лѣтъ въ университетѣ: чтобы напрасно мѣста не занимали. Впрочемъ, объ этомъ слѣдовало бы поговорить отдѣльно, теперь же сказано къ слову. Въ Геттингенѣ, благодаря связи Ганновера съ Англіею и покровительству просвѣщеннаго министра Мюнгаузена, процвѣтала свобода преподованія въ широкомъ смыслѣ слова. Это обстоятельство привлекало сюда въ то время лучшихъ профессоровъ, между которыми особенно ярко выдовался Михаэлисъ, имѣвшій на Шлецера положительное вліяніе; подъ этимъ вліяніемъ развилась у Шлецера и широкая ученая требовательность и умѣніе сосредоточивать около одной цѣли многостороннія знанія. О Михаэлисѣ Шлецеръ писалъ впослѣдствіи своему сыну: „Съ тѣхъ поръ, какъ Гейне (знаменитый филологъ-классикъ) и Михаэлисъ начали вносить политику въ древности, все получило иной видъ". Знаменитый оріенталистъ Сильвестръ де-Саси такъ оцѣниваетъ дѣятельность Михаэлиса: „Онъ первый началъ объяснять еврейскія древности медицинскими, естественными и другими науками". На любознательный, пытливый духъ Шлецера такой учитель долженъ былъ дѣйствовать возбудительно: „Радуюсь сильно—писалъ онъ ему—и поздравляю самъ себя съ такимъ счастіемъ, что по какому-то случаю ни кѣмъ не побуждаемый прибылъ въ Геттингенъ и встрѣтилъ такого учителя". Передъ нимъ открывался широкій горизонтъ и онъ уже и тогда учился за разъ и филологическимъ и естественнымъ наукамъ. Но кабинетная ученость не могла удовлетворить юношу: изученіе библейскаго міра онъ хотѣлъ освѣтить обозрѣніемъ самой сцены, на которой совершились событія: мысль о путешествіи на востокъ овладѣла имъ, и занимавшись уже и прежде еврейскимъ языкомъ, онъ началъ теперь заниматься арабскимъ. Чтобы добыть себѣ средства для путешествія, Шлецеръ принялъ въ 1755 г., предложенное ему мѣсто учителя въ одномъ шведскомъ семействѣ въ Стокгольмѣ. Въ Швеціи любезнательность молодого ученаго нашла себѣ пищу: онъ учился по готски, по исландски, по лапландски, по польски, и издалъ свой первый трудъ: „Исторію учености въ Швеціи". Не теряя изъ виду своей цѣли, путешествія на востокъ, онъ старался пріобрѣсти себѣ свѣдѣнія въ промышленности и торговлѣ; тогда то написалъ онъ (по шведски) „Опытъ всеобщей исторіи мореплаванія и торговли съ древнѣйшихъ временъ", ограничившійся только исторіею финикіанъ, но нри томъ не оставлялъ и другихъ занятій: велъ съ великимъ Линнеемъ переписку по вопросамъ естествознанія; занятія эти входили въ программу подготовки къ путешествію. Изъ Швеціи переѣхалъ онъ въ Любекъ, желая практически

ознакомиться съ торговлею, пріобрѣсти свѣдѣнія въ искуствѣ мореплаванія и найдти себѣ между богатыми купцами такого, который доставилъ бы средства для путешествія; послѣдняя надежда обманула Шлецера; но вознагражденія полученнаго имъ за его ученые труды было достаточно для того, чтобы онъ могъ (апр. 1759 г.) возвратиться въ Геттингенъ и снова предаться здѣсь занятіямъ по совершенно различнымъ отраслямъ знанія: онъ изучалъ тамъ медицину и естественныя науки, метафизику и этику, естественное право (по нашему философія права), математику, политику и статистику, Моисеево законодательство, феодальное и вассальное право. Все это разнообразіе знаній какъ-то улеглось въ его головѣ и, взаимно дополняясь, возбуждало въ немъ все новыя и новыя мысли: вырабатывалось критическое воззрѣніе, готовился тотъ мощный аппаратъ, которымъ создана новая историческая наука и новое государствовѣдѣніе. Одаренный умомъ строгимъ и положительнымъ, саркастическій, нетерпимый и самодовольный, Шлецеръ лишенъ былъ и чувства изящнаго и той высшей творческой способности, которая отмѣчаетъ великихъ художниковъ слова и мысли: поэтовъ и философовъ. Не къ этой творческой дѣятельности былъ призванъ Шлецеръ; передъ нимъ лежала иная задача: ему предстояло создать критическій методъ отношенія къ источникамъ, предстояло разрушить вѣками накопившіеся предразсудки въ наукѣ и жизни. Раціоналистическій вѣкъ требовалъ такой раціоналистической науки, а къ ней-то всего болѣе былъ способенъ Шлецеръ по своему уму и характеру и по своей многосторонней подготовкѣ, дававшей ему возможность подмѣтить ложь и фальшъ тамъ, гдѣ люди съ чисто ученымъ и при томъ одностороннимъ (напр. филологическимъ) образованіемъ ничего подмѣтить не могли. Люди, невыходившіе изъ своего кабинета далѣе аудиторіи или сосѣдняго кнейпа, люди не выѣзжавшіе всю жизнь за предѣлы маленькаго города, не входившіе въ подробности практической жизни, и не могли быть пригодны къ такой дѣятельности; правда, что уединенный кенигсбергскій мыслитель, творецъ новой философіи, нашелъ Архимедову точку въ своемъ громадномъ умѣ, но то была точка логическая, да и умъ былъ размѣровъ рѣдко достигаемыхъ людьми. Для критической работы въ положительной области науки, для приданія этой области точнаго положительнаго характера, нужны были другія способности, нужна была другая подготовка. И способности эти и подготовка нашлись именно у Шлецера. Въ началѣ 1761 г. открылось передъ Шлецеромъ новое, неожиданное имъ поприще: онъ получилъ приглашеніе поступить домашнимъ учителемъ къ русскому исторіографу Миллеру, и склоняясь на убѣжденіе Михаэлиса, что этимъ открываются ему средства къ осуществленію его любимой мечты—путешествію на востокъ, Шлецеръ принялъ приглашеніе. Въ его жизни начинается новый періодъ, и русская историческая наука тоже вступаетъ въ новый періодъ.

Послѣ опаснаго осенняго морского плаванія, продолжавшагося восемь недѣль, Шлецеръ вышелъ на финляндскій берегъ и сухимъ путемъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Самъ Шлецеръ (въ автобіографіи) весьма характеристично указываетъ на то вліяніе, которое имѣло это плаваніе на развитіе его характера: онъ лучше сталъ понимать поэтовъ, описывающихъ бурю; на примѣрѣ матросовъ научился цѣнить и уважать человѣческую силу и „началъ изучать очень полезное искусство освоиваться со смертью". Такъ этотъ сильный умъ стремится все анализировать, все уяснить, изъ всего вывести очевидныя слѣдствія. Поселясь у Миллера, у котораго былъ свой домъ и который держалъ свои экипажи и многочисленную прислугу—такъ еще можно было тогда жить въ Петербургѣ на 1,700 р., не входя въ долги—Шлецеръ нашелъ радушный пріемъ и на первыхъ порахъ Миллеръ ему очень понравился. Впрочемъ, почти съ самаго начала оказалось недоразумѣніе, источникъ послѣдующихъ столкновеній: „Миллеръ—говоритъ С. М. Соловьевъ,—вызывалъ студента, домашняго учителя, который долженъ былъ также помогать ему въ ученыхъ занятіяхъ, дѣлать то, что ему укажутъ и который будетъ въ восторгѣ, если со временемъ Миллеру удастся пристроить его какъ-нибудь въ академіи; но Шлецеръ не считалъ себя студентомъ; онъ гордился обширнымъ ученымъ приготовленіемъ, какого въ его глазахъ не имѣлъ Миллеръ и его ровестники; Шлецеръ считалъ себя уже извѣстнымъ писателемъ, котораго знали и уважали ученыя знаменитости Германіи; онъ смотрѣлъ на мѣсто у Миллера, какъ на средство для достиженія своей завѣтной цѣли; видѣлъ что условія для него унизительны, а между тѣмъ принялъ ихъ". По пріѣздѣ въ Петербургъ Шлецеру по случаю боли въ ногѣ пришлось шесть недѣль высидѣть дома; но онъ не терялъ время: готовясь къ отъѣзду, онъ собралъ всѣ тѣ свѣдѣнія о Россіи, которыя можно было получить тогда за ея предѣлами. „Итакъ,—говоритъ онъ—я зналъ то, чего я не зналъ и умѣлъ спрашивать (особенное искусство), чѣмъ давалъ поводъ Миллеру во всѣхъ нашихъ разговорахъ изливать свое неизчерпаемое богатство свѣдѣній о Россіи". Но не все сообщалъ ему Миллеръ, что зналъ,—долголѣтнее пребываніе въ Россіи научило его искусству молчать: въ то время скончалась импертрица Елисавета. „Миллеръ—продолжаетъ Шлецеръ—ни однимъ словомъ не высказался передо мною ни объ окончившемся, ни о начинающемся правленіи; но никто лучше его не зналъ ни того, ни другого. Только объ Екатеринѣ II онъ началъ говорить, выражалъ свой энтузіазмъ: онъ нѣсколько разъ говорилъ съ нею, когда она была великою княгинею, и удивлялся ея ученымъ свѣдѣніямъ о Россіи". За изученіе русскаго языка Шлецеръ принялся съ жаромъ: съ помощью двухъ плохихъ лексиконовъ и краткой грамматики онъ принялся за переводъ Крашенинникова. „Описаніе Камчатки"; слова, которыхъ онъ не зналъ сообщалъ ему Миллеръ. Любопытно, что когда дѣло дошло до рыбъ, то онъ сталъ обращаться съ вопросами къ г-жѣ Миллеръ и та угощала

его за обѣдомъ тѣми изъ нихъ, которыя можно было найти на рынкѣ. Когда Миллеръ доставилъ ему рукописный лексиконъ Кондратовича въ корнесловномъ порядкѣ, Шлецеръ пришелъ въ восторгъ и принялся его переписывать. Большая филологическая подготовка и знаніе многихъ языковъ помогали Шлецеру очень быстро усвоивать и русскій языкъ. Миллеръ дивился его успѣхамъ и съ восторгомъ показывалъ Тауберту переводъ указа, сдѣланный имъ черезъ два мѣсяца послѣ пріѣзда: но никакъ не могъ помириться съ сравнительнымъ методомъ, вынесеннымъ Шлецеромъ изъ Геттингена, и бранилъ его Рудбеномъ (шведскій ученый, отличавшійся смѣлыми и странными словопроизводствами). Къ помощи въ своихъ работахъ Миллеръ, тогда издававшій Sammlung russischer Geschichte, неохотно пускалъ Шлецера; причина такого недовѣрія выясняется изъ восклицанія, вырвавшагося у него, когда онъ увидѣлъ, что Шлецеръ выписываетъ изъ сообщенной ему рукописи о торговлѣ: „Боже мой! вѣдь вы все переписываете?“ (тогда такія свѣдѣнія считались государственною тайною). Лѣтописей, познакомиться съ которыми онъ сильно желалъ Шлецеръ долго не могъ добиться. Наконецъ Миллеръ прислалъ ему нѣсколько отпечатанныхъ листовъ кенигсбергскаго списка, съ котораго задумали начать изданіе „Библіотека Россійская“. Шлецеръ, нашедшій даже тогда славянскую грамматику, съ жадностію принялся за изученіе лѣтописи. Въ самомъ началѣ онъ встрѣтилъ Вактры вмѣсто Бактрія, Фивулій, вмѣсто Ѳивы, Ливія и сообщилъ Миллеру; тотъ торжествовалъ; изданіе велъ врагъ его Таубертъ и противъ его совѣтовъ; тотчасъ досталъ онъ Шлецеру одинъ изъ списковъ первоначальной лѣтописи; начались сличенія, переводы лѣтописи на латинскій языкъ, основа „Нестору“ [1]). Вскорѣ послѣ пріѣзда Шлецера (въ январѣ 1762 г.) начались переговоры съ нимъ Миллера объ опредѣленіи его въ академію; но переговоры шли туго: Шлецеру не нравились условія: быть адъюнктомъ (отчего не профессоромъ); получать 300 р.; опредѣлиться адъюнктомъ на 5 лѣтъ; посвятить себя совершенно русскому государству; а главное отказаться отъ путешествія на востокъ. Шлецеръ приписывалъ эти условія зависти Миллера и искалъ даже частнаго мѣста, только съ тѣмъ, чтобы не связывать своей свободы на продолжительный срокъ. На выручку его явился Таубертъ, управлявшій академическою канцеляріею и врагъ Миллера: и нѣмцы, получивъ власть, начинаютъ ссориться между собою: примѣръ несогласій Бирона и Миниха памятенъ всѣмъ. Случайно Шлецеръ разговорился съ нимъ; узнавъ, что Миллеръ затягиваетъ дѣло, Таубертъ сдѣлался благосклоннымъ и сказалъ: „вы должны остаться у насъ, вы будете довольны“. Таубертъ устроилъ, что онъ остался адъюнктомъ на неопредѣленное время. Восшествіе на престолъ Ека-

[1]) „Библіотека Россійская“ появилась только въ 1767 г. съ предисловіемъ написаннымъ Шлецеромъ.

терины помѣшало утвержденію Шлецера и только въ іюлѣ онъ былъ утвержденъ. Миллеръ, которому пришлось дѣлать о немъ представленіе, кажется, желалъ намекнуть Шлецеру о томъ, что онъ зависитъ отъ него Миллера и предложилъ ему составить указатель къ Sammlung; на что обиженный Шлецеръ отвѣчалъ: „составленіе указателя, даже какъ испытаніе, было бы слишкомъ ничтожно для адъюнкта академіи наукъ". Сожительствомъ его Миллеръ тяготился, хотя Шлецеръ долженъ былъ переѣхать къ дѣтямъ К. Г. Разумовскаго, учить которыхъ онъ получилъ приглашеніе черезъ Тауберта; но Миллеръ заставилъ его, не смотря на то, что квартира еще не была готова, выѣхать изъ его дома. Шлецеръ нашелъ пріютъ у совѣтника лифляндской юстицъ-коллегіи Шишаева, съ которымъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, но который поразилъ его своими взглядами на крѣпостныхъ. „Однажды, говоритъ Шлецеръ, онъ мнѣ разсказывалъ, что въ числѣ его крестьянъ есть одинъ, превосходный человѣкъ, который мало по малу поправитъ все его имѣніе: продержавъ его пять лѣтъ на пустошѣ, которую тотъ съ искусствомъ и несказаннымъ трудомъ приводитъ въ цвѣтущее состояніе, онъ переводитъ его потомъ на другое такое же безплодное мѣсто, а честный малый опять начинаетъ съизнова; такъ проведетъ онъ его по всему имѣнію. Я удивлялся долготерпѣнію честнаго невольника, но въ тоже время сомнѣвался, не обнаруживаетъ ли эта процедура неблагородства и безчеловѣчія въ самомъ господинѣ. Въ другой разъ, онъ жаловался, что внутри Россіи часто на 10 и болѣе верстъ въ окружности нѣтъ не только врача, но даже хирурга, и удивлялся, что ни одному помѣщику не придетъ въ голову послать на свой счетъ одного изъ своихъ крѣпостныхъ за границу учиться медицинѣ и хирургіи, точно также, какъ ихъ обучаютъ другимъ ремесламъ для пользы имѣнія". Позднѣе бывали у насъ крѣпостные фельдшера, а у Аракчеева былъ крѣпостной архитекторъ, объ отношеніяхъ къ которому знаменитаго временщика можно прочесть въ статьѣ г. Отто въ „Древней и Новой Россіи". Въ качествѣ адъюнкта Шлецеръ переводилъ указы на нѣмецкій (и разъ для гернгутеровъ на латинскій) языкъ и продолжалъ свои занятія древней русской исторіей: онъ началъ тогда вникать въ генеалогію князей, изучалъ Татищева и Селіевъ переводъ одной изъ пространныхъ лѣтописей [1]), принялся за византійцевъ, сознавъ ихъ необходимость для русской исторіи и для лучшаго пониманія языка лѣтописей, началъ изученіе другихъ славянскихъ языковъ. Наконецъ помѣщеніе у Разумовскихъ было готово и Шлецеръ переѣхалъ въ него. Дѣти гетмана вмѣстѣ съ сыномъ Теплова, рекетмейстера (и статсъ-секретаря у пріема прошеній) Козлова и Олсуфьева помѣщались отдѣльно отъ родителей,

---

[1]) Хранился въ акад. библіотекѣ. Цѣлъ ли онъ и отчего до сихъ поръ съ нимъ не познакомили публику и даже не оказалось возможнымъ въ академическомъ изданіи перевода автобіографіи Шлецера объяснить, что эта за рукопись?

по мысли Тауберта, чтобы устранить вліяніе матери. Дѣти жили подъ надзоромъ гувернера, француза Бурбье, хотя и бывшаго лакея, но правильно писавшаго по французски; съ ними жили полуученый іезуитскій ученикъ изъ Вѣны, математикъ Румовскій и Шлецеръ. Шлецеръ, собираясь переѣзжать, былъ недоволенъ и приготовленнымъ ему помѣщеніемъ и неопредѣленностью своего положенія; но все устроили и онъ переѣхалъ и принялся учить дѣтей по нѣмецки, потомъ по латыни. „Однажды, говоритъ Шлецеръ, я осмѣлился сказать Тауберту, что въ учебномъ планѣ нашихъ молодыхъ людей забыта географія, или даже еще болѣе важная наука, вполнѣ соотвѣтствующая назначенію нашихъ воспитанниковъ, а именно: отчизновѣдѣніе. Подъ послѣднимъ я разумѣлъ статистику, но не осмѣлился выговорить этого совершенно незнакомаго слова, котораго не произносилъ еще языкъ ни одного русскаго“. Таубертъ согласился. „Мои первые уроки, продолжаетъ Шлецеръ, были: „какъ велика Россія въ сравненіи съ Германіею и Голландіею?“ (За нѣсколько дней передъ тѣмъ математикъ сообщилъ понятіе о квадратныхъ миляхъ; такъ согласно мы работали!) „Что такое юстицъ-коллегія? что покупаетъ и продаетъ русскій? откуда получаетъ онъ золото и серебро?“ Таубертъ съ удивленіемъ слушалъ эти уроки и дополнялъ ихъ за обѣдомъ своими разсказами. Скоро онъ, пользуясь своими связями и знакомствами, началъ доставлять Шлецеру офиціальныя матеріалы для статистики. Когда гувернеръ оказался неспособнымъ преподавать исторію, преподаваніе ея перешло также къ Шлецеру. „Здравый смыслъ привелъ меня къ первой попыткѣ превратить универсальную исторію (Universal-historie) во всемірную исторію (Welt-gischichte). Сообразно съ своимъ идеаломъ, который впослѣдствіи я старался осуществить въ Геттингенѣ, съ 1770 до 1792 г., я выбросилъ множество фактовъ, относительно ненужныхъ, которыми всеобщая исторія была переполнена, а вмѣсто ихъ помѣстилъ много другихъ. Даже о цѣлыхъ народахъ, которые прежде едва упоминались, должно было сказать, въ особенности русскому ученику; не важнѣе ли для него, напр. всемірные завоеватели, калмыки или монголы, чѣмъ ассирійцы и лонгобарды? Древняя исторія въ своихъ главныхъ событіяхъ давно была мнѣ извѣстна; я выросъ на филологіи, но въ выборѣ и сочетаніи фактовъ,—что зависитъ отъ историческаго вкуса,—моими путеводителями и образцами были не римская и англійская всемірная исторія, но Goguet [1]) и Вольтеръ, а впослѣдствіи Робертсонъ“. Дѣятельностью учителя не ограничивался Шлецеръ въ своемъ институтѣ; сближеніе съ Таубертомъ дало ему возможность высказывать свои ученые планы и искать имъ примѣненія: такъ онъ передавалъ Тауберту свои взгляды на необходимость государственной статистики.

---

[1]) Goguet, французскій ученый (р. 1716 † 1752) авторъ книги: De l'origine des lois, des arts, et des sciences.

Результатомъ этихъ разговоровъ, конечно, переданныхъ Таубертомъ высшимъ лицамъ, былъ указъ о доставленіи приходскихъ списковъ о населеніи по формѣ, составленной Шлецеромъ; изученіе этихъ таблицъ было возложено на академію; но мысль объ образованіи особой статистической конторы, по шведскому образцу, была не исполнена. Узнавъ о томъ, что составленная имъ примѣрная форма уже введена, Шлецеръ былъ непріятно пораженъ: онъ думалъ удовлетворить личному любопытству Тауберта и набросалъ свои мысли на-скоро, не предполагая о возможности практическаго примѣненія. Свои выводы, на основаніи этихъ матеріаловъ, Шлецеръ напечаталъ въ Геттингенѣ въ 1768 г. въ книжкѣ о народонаселеніи Россіи. Послѣ списки эти обработывалось разными академиками. Результаты трудовъ ихъ помѣщались въ академическихъ изданіяхъ. Изъ разговоровъ съ Таубертомъ выросло другое предпріятіе Шлецера: знаменитая, надѣлавшая столько хлопотъ ему русская грамматика, въ которой онъ пробовалъ, не всегда удачно, прилагать свои общія филологическія свѣдѣнія къ русскому языку. Ломоносовъ, какъ извѣстно, заподозрилъ его въ намѣренномъ искаженіи, когда много-много, что можно было его обвинить въ ученомъ самомнѣніи. Грамматика Шлецера имѣетъ много замѣчательныхъ сторонъ: вноситъ исторію языка, сравнительный методъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ тогда существовалъ, представляетъ попытку сравненія не только корней, но и флексій. Грамматика осталась недопечатанной и только недавно въ русскомъ переводѣ [1]) стала общедоступною. Оцѣнка ея принадлежитъ филологамъ, которые, вѣроятно, найдутъ въ ней несомнѣнныя достоинства. Шлецеръ въ этотъ періодъ жизни работалъ неутомимо; работа и климатъ Петербурга вредно дѣйствовали на его здоровье. „Теперь я самъ понимаю, что такое напряженіе—говоритъ онъ—было неблагоразумно. Но да простятъ голодному, если онъ объѣстся за хорошимъ столомъ. Какой міръ новыхъ знаній открывался передо мной и преимущественно такихъ знаній, которыя я могъ только тамъ пріобрѣсти! Чтобы съ пользою употребить драгоцѣнное время, я долженъ былъ спѣшить“. Тогда то сложился у него планъ: пристроиться къ академіи окончательно, но уѣхать года на три въ Германію и тамъ издать собранные имъ матеріалы по русской исторіи и статистикѣ. Въ доношеніи своемъ академіи, прося объ трехгодичномъ отпускѣ, Шлецеръ указывалъ на то, чѣмъ онъ можетъ быть полезнымъ академіи. Планъ его распадался на двѣ части: въ первой высказаны были мысли о способѣ обработки древней русской исторіи. Здѣсь онъ указывалъ на необходимость критическаго изученія отечественныхъ и иностранныхъ свидѣтельствъ. Словомъ, тотъ планъ, который легъ въ основу его „Исторіи“. Для общаго обозрѣнія

[1]) При русскомъ переводѣ автобіографіи Шлецера („Сборникъ отд. русск. языка“, XIII).

намѣренъ былъ онъ составить по нѣмецки руководство къ русской исторіи по Татищеву и Ломоносову. „Самое лучшее, говоритъ онъ, что я здѣсь предложилъ, составляло бы только черновую работу; но какъ благодѣтельно было бы для будущаго истиннаго историка, если бы эта работа продолжалась многіе годы". Другая часть плана состояла въ предложеніи мѣръ для распространенія знаній въ Россіи. При этомъ онъ предполагалъ: „1) Слѣдуетъ предлагать эти знанія въ малыхъ дозахъ; римскую исторію напр., не въ 26 томахъ in 4° (намекъ на Роллена, переведеннаго Тредьяковскимъ), но для начала въ одинъ и самое большое въ два алфавита (тогда печатные листы обозначались не цифрами, а буквами; отсюда выраженіе одинъ, два алфавита и т. д. т. е. 24, 48 листовъ и т. д.) 2) Высоко-ученыхъ, классическихъ волюминозныхъ иностранныхъ сочиненій еще нельзя было предложить тогдашнему поколѣнію: еще никто ихъ не понималъ. Венгерцы слишкомъ рано перевели на свой языкъ Esprit des loix. 3) Даже тѣхъ небольшихъ хорошихъ иностранныхъ книгъ, которыя были полегче, нельзя было предложить русской публикѣ въ томъ видѣ, какъ онѣ были, особенно если онѣ были очень богато надѣлены литературою, совершенно чуждою русскимъ" (т. е. указаніемъ источниковъ). Шлецеръ въ академіи встрѣтилъ двухъ противниковъ своимъ желаніямъ: Ломоносова и Миллера. Ломоносовъ возсталъ со стороны національной; постоянно и чутко охраняя русскіе интересы, онъ замѣтилъ въ этомъ самоувѣренномъ нѣмцѣ опасность; свое окончательное сужденіе о Шлецерѣ Ломоносовъ выразилъ, приведя нѣсколько примѣровъ его неправильныхъ словопроизводствъ, словами: „какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ такая допущенная къ русскимъ древностямъ система". Миллеръ съ своей стороны, опираясь на то, что Шлецеръ непроченъ Россіи, считалъ безполезнымъ доставленіе ему возможности узнать многое, чѣмъ онъ воспользуется въ Германіи и для Германіи. Только просьба поданная государынѣ черезъ фештмейстера Козлова, сынъ котораго учился вмѣстѣ съ Разумовскимъ, послужила къ рѣшенію вопроса согласно съ желаніемъ Шлецера: онъ оставленъ былъ при академіи въ званіи ординарнаго академика съ правомъ представлять свои работы самой государынѣ или тому, кому она поручитъ разсмотрѣніе этихъ работъ. Въ 1765 г. онъ отпросился побывать въ Германію; Ломоносовъ уже тогда умеръ и другъ Шлецера Таубертъ безгранично правилъ академіей; стало быть онъ надѣялся по возвращеніи найдти свои дѣла въ хорошемъ положеніи. Сверхъ порученія покупки книгъ, ему дано было еще отъ правительства порученіе осмотрѣть сумасшедшіе дома, которые тогда намѣревались заводить въ Россіи. Повидавшись съ родными, Шлецеръ провелъ большую часть своего отпуска въ Геттингенѣ. Здѣсь онъ написалъ свое знаменитое изслѣдованіе о Лехѣ, увѣнчанное преміею института Яблоновскихъ (въ Данцигѣ) и навсегда изгнавшее это миѳическое лицо изъ исторіи; здѣсь въ Обществѣ Наукъ онъ прочелъ

изслѣдованіе о происхожденіи славянъ; написалъ нѣсколько рецензій, изъ котораго одна имѣла послѣдствіемъ то, что издатели перевода англійской всемірной исторіи рѣшили нѣкоторыя части не переводить, а поручить переработать нѣмецкимъ ученымъ. Впослѣдствіи самъ Шлецеръ написалъ для этого изданія свою „Сѣверную Исторію“. Здѣсь онъ сблизился съ Гаттереромъ, съ которымъ раздѣляетъ часть созданія новой исторической науки, и Кастнеромъ, профессоромъ математики, впослѣдствіи его ярымъ врагомъ. Здѣсь онъ устроилъ порученныхъ академіею его заботамъ студентовъ: распредѣлялъ ихъ занятія, знакомилъ ихъ съ профессорами, устраивалъ ихъ матеріальный бытъ. Въ числѣ ихъ былъ извѣстный впослѣдствіи академикъ Иноходцевъ [1]). Задержанный болѣзнью, онъ прожилъ въ Германіи до октября; а въ Петербургѣ ждало его извѣстіе о полученной имъ наградѣ за сочиненіе о Лехѣ. Въ академіи Шлецеръ, оставшійся одинъ представителемъ исторіи,—ибо Миллеръ былъ переведенъ въ Москву сначала въ Воспитательный Домъ, а потомъ въ Архивъ Иностранной Коллегіи, который онъ началъ приводить въ порядокъ, въ которомъ до сихъ поръ сохраняются его портфели, неизчерпаемый источникъ матеріаловъ—принялся усердно за работу. Онъ нашелъ себѣ ревностнаго помощника въ академическомъ переводчикѣ Башиловѣ. Съ помощью его Шлецеръ издалъ „Русскую Правду“ (по отъѣздѣ Шлецера Башиловъ издалъ еще „Судебникъ царя Іоанна Васильевича“) и началъ печатаніе „Никоновской лѣтописи“, въ первомъ томѣ которой помѣщено его любопытное предисловіе (онъ же написалъ предисловіе къ Тауберто-Барковскому изданію Кенигсбергскаго или Радзивиловскаго списка). Никоновскій списокъ былъ избранъ Шлецеромъ потому, что онъ довольно исправенъ, языкъ его не такъ древенъ и потому понятнѣе, онъ идетъ далѣе другихъ (тогда извѣстныхъ) и полнѣе другихъ по содержанію. Недостатки, замѣченные въ немъ Шлецеромъ, были указаны въ предисловіи: въ немъ замѣною старыхъ словъ новыми придается часто ложное толкованіе тексту; въ немъ есть вставки, подлинность которыхъ сомнительна. При изданіи принято слѣдовать какъ можно ближе подлиннику, внося только для ясности пониманія знаки препинанія. Такимъ образомъ, это было первое образцовое изданіе лѣтописи, знакомившее съ подлинникомъ и чуждое поправокъ, подновленій и урѣзокъ, которыя позволяютъ себѣ позднѣйшіе издатели (хотя бы Львовъ). Съ помощью Башилова Шлецеръ началъ тогда же свою, какъ онъ выражается, гигантскую работу: ему удалось собрать 12 томовъ первоначальной (такъ называемой Несторовой) лѣтописи; началось сличеніе этихъ списковъ между собою, отмѣтка ихъ варьянтовъ—матерьялъ для будущаго „Нестора“. Въ управленіи академіею произошла перемѣна: назначенъ былъ пре-

[1]) См. М. И. Сухомлиновъ: „Ист. Росс. Академіи“, III. Къ біографіи Иноходцева.

зидентомъ графъ В. Орловъ, подчиненный не сенату, а лично государынѣ; Таубертъ палъ; но Шлецеръ сохранилъ свое вліяніе: такъ онъ успѣлъ поддержать Стриттера, которому внушилъ планъ знаменитаго до сихъ поръ систематическаго сборника извлеченій изъ Византійцевъ о Россіи и народахъ, исторія которыхъ связана съ ея исторіею [1]). При всѣхъ своихъ недостаткахъ, сборникъ этотъ, какъ единственный, служитъ еще и въ наше время настольною книгою людей, занимающихся древнею русскою исторіею. Гр. Орловъ былъ такъ внимателенъ къ мнѣніямъ Шлецера, что по указаніямъ его выбралъ пять геттингенскихъ ученыхъ въ корреспонденты къ открывавшейся „Коммисіи для составленія проекта новаго уложенія". Разстроивъ свое здоровье неустанною работою, Шлецеръ снова сталъ проситься въ отпускъ и былъ уволенъ въ сентябрѣ 1767 г. Собираясь къ отъѣзду, онъ очевидно думалъ, что можетъ и не вернется: онъ забралъ съ собою все, кромѣ тяжелой мебели. Свои выписки изъ лѣтописей, составившія два фоліанта, онъ постоянно носилъ съ собою и на ночь клалъ подъ подушку; „въ случаѣ кораблекрушенія, писалъ онъ,—это я могъ спасти, а остальное утраченное можно было бы возстановить". Окончивъ передъ отъѣздомъ тѣ работы, которыя считалъ себя обязаннымъ кончить, Шлецеръ уѣхалъ. Прибывъ въ Геттингенъ, куда его привлекала возможность общенія съ людьми умственныхъ интересовъ, собравшихся тогда въ этомъ университетѣ,—подобнаго общества онъ не могъ найти въ Петербургѣ,—Шлецеръ снова принялся за работу. Здѣсь издалъ онъ „Probe russischer Annalen"; вышла только первая часть, заключающая въ себѣ введеніе и общее понятіе о русскомъ лѣтописаніи; образцы самыхъ лѣтописей тогда не были изданы (впрочемъ, Шлецеръ издалъ тогда въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ одинъ листъ, долженствующій служить образцомъ его критической работы надъ лѣтописями); тогда же началъ онъ изданіе „Neuveränders Russland", заключающее въ себѣ переводъ указовъ, уставовъ, всего того, изъ чего видны были стремленія и намѣренія Екатерины. Въ особо издаваемыхъ прибавленіяхъ къ этой книгѣ (Beilage) помѣщались статистическія свѣдѣнія о Россіи. Изданіе это, выходившее подъ псевдонимомъ Гейгольда, остановилось на 2-мъ томѣ потому, какъ характеристически выражается сынъ Шлецера, что отецъ его „не получилъ отъ государыни никакой награды, которой можно было бы ожидать". Пребываніе въ Геттингенѣ становилось все привлекательнѣе для Шлецера; отъѣздъ оттуда казался все болѣе и болѣе печальнымъ. Тогда онъ рѣшился просить отставки отъ академіи, которую и получилъ въ 1769 г. и тогда же приглашенъ былъ профессоромъ исторіи въ геттингенскій университетъ съ обязанностію читать статистику, политику и политическую исторію европейскихъ государствъ. Съ тѣхъ поръ

---

[1]) Memoriae Populorum, olium ad Danubium, Pontum Euxinum... incolentiam 4 t. Spb. 1771—79.

Шлецеръ кромѣ двухъ поѣздокъ: во Францію (1773—74 г.) и Италію (1781—82 г.), не оставлялъ Геттингенъ до своей смерти. Въ 34 года Шлецеръ наконецъ усѣлся на мѣстѣ, завелся семействомъ—годы его странствованій кончились, но не остались для него безплодными: одинъ изъ его біографовъ мѣтко примѣняетъ къ нему гомеровскій стихъ: „Странствуя долго... многихъ людей, города посѣтилъ и обычаи видѣлъ". Жизненный опытъ расширилъ его горизонтъ; ему стало понятнымъ многое, непонятное для кабинетныхъ ученыхъ; отсутствіе въ его произведеніяхъ художественности, или раціоналистическая сухость—признаки его природы, а не результаты опыта; даже поклоненіе внѣшнему могуществу не столько слѣдуетъ приписывать его пребыванію въ Россіи, какъ дѣловому практическому складу его ума. Въ Геттингенѣ началась усиленная преподавательская дѣятельность Шлецера. Онъ читалъ лекціи о всеобщей исторіи, о русской исторіи, о политикѣ, государственномъ правѣ, статистикѣ и т. д. Чрезвычайно оригинальны для нашего вѣка могутъ показаться тѣ лекціи, на которыхъ онъ объяснялъ своимъ слушателямъ газетныя извѣстія и на которыхъ излагалъ выгоды путешествія и способы путешествовать съ пользою (Reise-und Zeitungscollegium). Газетъ тогда было немного, выходили они не ежедневно, привычка читать ихъ не была распространена и потому въ Германіи еще съ конца XVII в. держался обычай толковать съ каѳедры газетныя извѣстія. „На такихъ лекціяхъ, говоритъ Веседенкъ,—слушатели пріучались узнавать силы, слабость и разныя особенности главныхъ государствъ; вообще узнавали какъ съ пользою читать газеты, научались не вѣрить безусловно всему печатному, ибо тогда уже были подкупныя и продажныя газеты, какъ и въ наше основательное время". Лекціи политики, въ особенности статистики, которыя читалъ Шлецеръ, пользовались большимъ успѣхомъ. „Ни одинъ баричъ, говоритъ Шлецеръ,—не уѣзжаетъ отсюда, чтобы не послушать ихъ хотя изъ приличія... такіе предметы преподаванія въ другихъ университетахъ едва извѣстны по имени". Въ числѣ слушателей Шлецера были Іоганнъ Мюллеръ, прославленный историкъ Швейцаріи, и знаменитый государственный дѣятель начала XIX в. баронъ Штейнъ, памятный и для исторической науки тѣмъ, что основалъ Monumenta Germaniae, сборникъ лѣтописей и актовъ. Придавая исторіи главнымъ образомъ значеніе науки политической и общественной, Шлецеръ весьма высоко ставилъ науки общественныя и требовалъ, чтобы въ университетѣ, если нельзя открыть пятаго политическаго факультета, былъ по крайней мѣрѣ введенъ полный курсъ этихъ наукъ. Развитію этихъ наукъ онъ придавалъ тѣмъ большее значеніе, что былъ врагомъ господства посредствомъ невѣжества и видѣлъ въ знаніи средство провѣрить дѣятельность исключительно практическихъ людей, безъ научнаго образованія. Онъ издалъ подъ названіемъ „Ученіе о государствѣ" энциклопедическое обозрѣніе всѣхъ наукъ этой отрасли знанія (государственное право, статистика, метаполитика

или ученіе объ обществѣ, родъ философіи исторіи). Мы видѣли, что еще въ институтѣ Разумовскихъ (академія X-й линіи) Шлецеръ обратилъ вниманіе на отсутствіе знаній объ обществѣ и старался внести ихъ въ преподаваніе; въ Геттингенѣ онъ былъ призванъ преподавать исторію и политику. Въ своемъ преподаваніи Шлецеръ старался держаться исключительно фактической почвы; но факты онъ любилъ не для фактовъ, а для тѣхъ практическихъ выводовъ, которые можно изъ нихъ извлечь. Статистика, которую онъ приводилъ постоянно въ живую связь съ исторіею („исторія остановившаяся статистика", „статистика движущаяся исторія"), по его опредѣленію была „наукою, которая должна доставлять намъ свѣдѣнія о дѣйствительныхъ достопримѣчательностяхъ государства". Она должна останавливаться только на тѣхъ предметахъ, которые составляютъ преимущество или недостатки страны, силу или слабость государства, тѣ, которые дѣлаютъ правителей сильными или слабыми внутри и внѣ; словомъ, что служитъ къ возвышенію одного государства и къ упадку другого. Въ своихъ воззрѣніяхъ на государства Шлецеръ былъ ближе всего къ Монтескье: смѣшанный образъ правленія казался ему наилучшимъ; республики ему никогда не нравились: онъ былъ даже врагомъ американскаго движенія и тѣмъ заслужилъ сочувствіе короля Георга III. Но всегда далекій отъ догматизма, Шлецеръ требовалъ прежде всего изученія существующаго, не желалъ крутыхъ переворотовъ и надѣялся достигнуть признанія человѣческихъ правъ путемъ сознанія. Съ правами онъ постоянно соединялъ обязанности, какъ для управляемыхъ, такъ и для управляющихъ. Въ своей метаполитикѣ, ученіи объ образованіи обществъ и государствъ, Шлецеръ исходитъ изъ общепринятаго тогда начала—естественнаго состоянія; но это естественное состояніе не то блаженное состояніе, которое такими яркими красками рисуетъ Руссо. Въ естественномъ состояніи Шлецеръ видитъ жалкихъ дикарей, лишенныхъ даже языка. Общества и государства образуются и по Шлецеру посредствомъ договора. Любопытно, что образованіе аристократіи онъ объясняетъ землевладѣніемъ, а не военною службою. Проводя свои идеи съ каѳедры, Шлецеръ искалъ и болѣе широкой аудиторіи, сознавая необходимость развить общественное мнѣніе и гражданское чувство. Съ этою цѣлью онъ издалъ въ 1775 г. „Опыты переписки", содержанія преимущественно статистическаго; съ 1777 по 1782 гг. онъ издавалъ „Новую переписку"; а съ 1783 по 1792 г. „Государственныя извѣстія". Ярко характеризуетъ великій историкъ нашего времени журнальную дѣятельность Шлецера: „Онъ создалъ, говоритъ Шлоссеръ,—судилище, предъ которымъ блѣднѣли всѣ ненавистники просвѣщенія, всѣ безчисленные маленькіе злодѣи Германіи. Для изданія журнала, въ которомъ говорилось бы о государственномъ управленіи и современной исторіи, въ то время никто не былъ способнѣе Шлецера, по его безчисленнымъ знакомствамъ во всѣхъ земляхъ, по его многостороннимъ знаніямъ, по его качествамъ и даже недостаткамъ.

Если принять въ соображеніе, что онъ имѣлъ въ виду только германскія государства и что въ то время, когда Виландъ съ какою-то робостію взвѣшивалъ каждое слово въ своемъ беллетристическомъ журналѣ, ясно будетъ, что мужество и желѣзная воля геттингенскаго профессора какъ будто созданы были для политическаго современнаго изданія". Журналъ читали съ особеннымъ интересомъ Марія-Терезія и Іосифъ II; но во время французской войны ганноверское правительство нашло возможность помѣшать его продолженію, придравшись къ ссорѣ между Шлецеромъ и мѣстнымъ почтмейстеромъ.

Еще важнѣе заслуги Шлецера какъ историка и критика. Въ этомъ отношеніи заслуги его раздѣляетъ товарищъ его по преподованію Гаттереръ, вышедшій на поприще исторіи нѣсколько раньше. Всеобщей исторіи можно сказать не существовало дотолѣ въ преподованіи: отсутствіе критики, отсутствіе общихъ взглядовъ было чрезвычайно чувствительно въ Германіи, когда въ другихъ странахъ уже начиналось иное понятіе объ исторіи (припомнимъ для критики Фрере во Франціи, для общихъ построеній Босюэта, Вольтера, Монтескье); Германія же жила средневѣковыми компендіумами. Въ такое время выступилъ Гаттереръ: онъ старался въ своихъ учебникахъ разъяснять и связывать въ одно цѣлое религіозныя, политическія и семейныя отношенія народовъ, указывать ихъ степень образованія, вносить географію и этнографію — такъ какъ закладывалъ зданіе будущей исторіи цивилизаціи. Другой заслугою Гаттерера было разъясненіе такъ называемыхъ вспомогательныхъ наукъ исторіи (хронологіи, генеалогіи, дипломатики). Отъ Шлецера Гаттереръ отличался тѣмъ, что былъ исключительнымъ ученымъ, не заботившимся о томъ, что дѣлается кругомъ него: только французская революція, возбудивъ въ немъ ужесъ, обратила на себя его вниманіе. Инымъ былъ Шлецеръ: страстный публицистъ, человѣкъ одаренный большимъ здравымъ смысломъ, практикъ прежде всего, онъ и въ исторіи оставался такимъ же, какимъ былъ въ политикѣ. Исторія для него прежде всего и главнѣе всего была воспроизведеніемъ развитія общественныхъ отношеній, школою гражданскихъ чувствъ. Но для того, чтобы исторія была достойна своего назначенія, она должна опираться на точно изслѣдованныя и провѣренныя здравымъ смысломъ данныя — исторія должна начинаться съ критики и изученія источниковъ. Отсюда два стремленія въ Шлецерѣ. Съ одной стороны онъ пробуетъ въ своемъ „Идеалѣ Всеобщей исторіи" указать общій планъ исторіи, который онъ отчасти и исполнилъ (относительно древности). Его всеобщая исторія, по мнѣнію Шлоссера: — „относится къ появившимся почти одновременно съ нею идеямъ Гердера, какъ проза къ поэзіи. Шлецеру была доступна только внѣшняя матеріальная сторона жизни; онъ признаетъ только явленіе само по себѣ, только осязаемую величину и физическую силу; а фантазію, чувство, величіе души едва считаетъ существенными свойствами человѣка. Въ своей оцѣнкѣ онъ обращаетъ

вниманіе только на достоинства управленія, порядокъ, безопасность и справедливость. У него было неподдѣльное отвращеніе отъ безпокойнаго, невѣдавшаго полиціи греческаго народа; онъ считаетъ заслуживающими внимательнаго изученія китайцевъ, монголовъ и турокъ. Впрочемъ Шлецеръ, не смотря на односторонность своихъ возрѣній имѣетъ большія заслуги. Онъ принадлежитъ къ числу людей, тѣмъ проложившихъ путь исторической наукѣ нашего времени, что соединилъ взгляды Болинброка и Вольтера съ ученымъ способомъ изложенія нѣмцевъ, и такимъ образомъ, съ критикой имъ свойственной, соединилъ то, чего имъ недоставало: основательное знаніе и ученую изслѣдовательность". Многосторонняя ученость Шлецера дала прочную основу его критикѣ источниковъ, которую онъ раздѣлялъ на низшую и высшую. Первая касается внѣшней достовѣрности текста; а вторая его внутренняго значенія. И ту и другую онъ впервые приложилъ къ русской исторіи. Обратимся теперь къ двумъ наиболѣе важнымъ для насъ его сочиненіямъ: къ „Всеобщей исторіи сѣвера" и „Нестору". „Всеобщая исторія сѣвера" составляетъ одинъ изъ томовъ дополненія къ нѣмецкому переводу „Всеобщей исторіи", составленной обществомъ англійскихъ ученыхъ. Книга эта состоитъ изъ нѣсколькихъ статей, писанныхъ частію самимъ Шлецеромъ, частію заимствованныхъ у другихъ ученыхъ (Шеннига, Ире). Начинается она статьею Шеннига: „О невѣжествѣ древнихъ въ землеописаніи сѣвера". Статью сопровождаютъ примѣчанія Шлецера. Въ примѣръ отношенія Шлецера къ источникамъ можно привести его примѣчаніе, объясняющее почему нельзя вѣрить разсказамъ путешественникамъ; „и въ наше время говоритъ онъ—случается кому-нибудь путешествовать въ земляхъ, гдѣ уже существуютъ и географія и статистика: однако и тамъ бываетъ трудно собрать вѣрныя географическія и статистическія свѣдѣнія и отличить факты дѣйствительные отъ пустыхъ разсказовъ, передаваемыхъ ему за вѣрные; но поставьте себя на мѣсто путешественника древняго, когда не знали или знали очень шатко географію. Большею частью онъ слушалъ и вѣрилъ тому, что слышалъ. Геродотъ самъ былъ въ Скиѳіи и ѣздилъ по многимъ рѣкамъ; но ѣхать по рѣкѣ или описывать ее—двѣ вещи совершенно различныя: онъ видитъ ту часть рѣки, по которой ѣдетъ, но дальше ея источниковъ онъ не видитъ; такъ что ему приходится вѣрить тому, что ему говорятъ о мѣстѣ истока. Онъ ѣдетъ въ городъ, положимъ для того, чтобы узнать насколько вѣрно сообщенное ему свѣдѣніе объ истокахъ рѣки и съ удивленіемъ узнаетъ, что толпа ничего незнаетъ объ этомъ. Еще во время Клювера спорили объ источникахъ Дуная; Христофоръ Колумбъ былъ самъ въ Америкѣ и тѣмъ не менѣе вѣрилъ, что онъ былъ въ Остъ-Индіи". Также важны замѣчанія о томъ, насколько вредна произвольная этимологія, а также о фантастической этнографіи древнихъ, для которыхъ всѣ народы, кромѣ грековъ, римлянъ, персовъ и др. болѣе имъ извѣстныхъ народовъ,

принадлежали къ четыремъ племенамъ: скиѳы на сѣверѣ, эѳіопы на югѣ, инды на востокѣ и кельты на западѣ. За этой статьей идетъ статья Шлецера: „Исторія сѣвера во всемъ объемѣ“ (преимущественно о финнахъ и скандинавахъ), исторія Литвы, исторія славянъ, очеркъ христіанскаго сѣвера, очеркъ русскаго сѣвера, о путешествіи скандинавовъ въ Константинополь (статья Ире), о скандинавскихъ письменахъ—рунахъ. Во всемъ этомъ можно многому научиться; но замѣтимъ, что критика Шлецера—критика здраваго смысла, во многомъ уже неудовлетворительна: преданію, миѳу онъ не даетъ никакого значенія—все это басни и для него народное преданіе стоитъ на одной доскѣ съ вымысломъ книжника; развитію идей онъ недаетъ никакой цѣны. Такъ кажется намъ, но иначе было въ то время, когда приходилось указывать на элементарные пріемы, когда нужно было отдѣлить достовѣрное отъ недостовѣрнаго, установить послѣдовательность фактовъ.

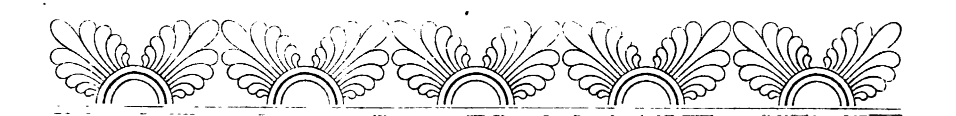
Тѣ же пріемы прилагаетъ онъ въ своемъ „Несторѣ“, результатѣ 40-лѣтнихъ трудовъ. Эта знаменитая книга состоитъ изъ введенія, гдѣ предлагаются свѣдѣнія о лѣтописяхъ русскихъ, затѣмъ подробно и живо, хотя не безъ значительной доли пристрастія, передается исторія науки исторической въ Россіи. Самое сочиненіе состоитъ изъ текста лѣтописи, раздѣленнаго на мелкіе отрывки (сегменты) и комментарій къ нимъ. Въ изданіи текста Шлецеръ поставилъ себѣ задачей возстановить первоначальный текстъ: такъ какъ до насъ не дошло ни подлинника, ни списка, близкаго по времени къ подлиннику, то цѣль эта могла быть достигнута только сличеніемъ имѣющихся подъ руками списковъ. Съ такого сличенія и началъ Шлецеръ, принимая мелкія отступленія за варіанты, необходимо встрѣчающіяся въ рукописяхъ и отдѣляя всякія встрѣчающіяся въ одномъ или нѣсколькихъ спискахъ извѣстія, считая ихъ въ большинствѣ случаевъ за выдумки книжниковъ. Вопросъ о различныхъ редакціяхъ, имѣвшихъ сверхъ общаго источника весьма вѣроятно и свои отдѣльные, былъ еще не поднятъ. За сличеннымъ текстомъ Шлецеръ помѣщаетъ свой очищенный. Мысль Шлецера легла въ основу плана изданія „Полнаго собранія русскихъ лѣтописей;“ но уже Бередникову пришлось отказаться отъ мысли; вмѣсто одного текста, онъ призналъ три: древній, средній и новый. Теперь (въ изданіи Лаврентьевскаго и Ипатьевскаго списка) Археографическая Комиссія два раза издала древній текстъ по двумъ редакціямъ и поступила очень хорошо. То, что Шлецеръ считалъ прибавками и даже глупыми баснями, теперь подвергается всестороннимъ изслѣдованіемъ и оказывается важнымъ источникомъ если не для былевой, то для бытовой исторіи. Въ коментаріяхъ своихъ Шлецеръ показалъ большую ученость: онъ принялъ во вниманіе извѣстные ему памятники сосѣднихъ съ Россіею народовъ и тѣмъ много способствовалъ расширенію знаній. Съ этой стороны „Несторъ“ дѣйствительно служитъ хорошею школой; но рядомъ съ

этимъ онъ внесъ большую смуту въ умы: по его представленію, славяне до прихода варяговъ (по Шлецеру скандинавовъ, т. е. нѣмцевъ) были похожи на американскихъ дикарей; варяги принесли къ нимъ вѣру, законы, гражданственность. Странно, что это повторялъ Погодинъ. Изъ этой мысли вышелъ и Каченовскій, утверждавшій недостовѣрность источниковъ первоначальныхъ временъ на томъ основаніи, что показанія ихъ какъ будто не подходятъ къ такому взгляду. Въ немъ, въ этомъ взглядѣ, главная причина того, почему такъ подозрительно многіе смотрятъ на Шлецера; но пора же понять, что взглядъ этотъ отжилъ и противорѣчитъ не только показаніямъ правильно понятыхъ источниковъ, но и непрерѣкаемымъ свидѣтельствамъ археологіи, а заслуга Шлецера, какъ критика, все таки несомнѣнна и велика.

Въ 1809 г. Шлецеръ умеръ. Послѣдніе годы его жизни были тяжелы: борьба съ товарищами, преимущественно съ Кастнеромъ, преслѣдовавшимъ его своими эпиграммами, борьба за журналъ, отстраненіе подозрѣній въ атеизмѣ, въ политической неблагонадежности (его винили въ оправданіи казни Карла I), наконецъ униженіе Германіи, созданіе Вестфальскаго королевства—все это сильно огорчало Шлецера и только вниманіе русскаго правительства, которое нерѣдко обращалось къ нему съ учеными вопросами: ему принадлежитъ мысль Общества Исторіи; къ нему за совѣтомъ указано было обращаться Карамзину, сынъ его былъ сдѣланъ профессоромъ въ Москвѣ и т. д.

Честный, гордый и непреклонный, Шлецеръ былъ часто тяжелъ въ личныхъ сношеніяхъ и деспотъ въ семьѣ, что признаетъ и сынъ его, ближе сошедшійся съ нимъ только въ послѣдніе годы и проникнутый понятнымъ благоговѣніемъ, написавшій его біографію. Характеристично для Шлецера, что желая доказать способность женщины къ высшему образованію, онъ добился, что дочь его Доротея выдержала экзаменъ на доктора математики.

К. Бестужевъ-Рюминъ.



ВСТРѢЧА СЪ Н. В. ГОГОЛЕМЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

Лѣтомъ, вскорѣ послѣ открытія нашей первой желѣзной дороги, возвращался я изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Въ вокзалѣ, передъ самымъ отходомъ поѣзда, я встрѣтилъ одного молодого человѣка Ф., котораго видалъ въ университетѣ. Онъ являлся на лекціяхъ въ качествѣ вольнаго слушателя, но не особенно аккуратно, и, кажется, ходилъ больше для того, чтобы въ перемѣну поболтать со студентами и похвастаться какимъ нибудь бархатнымъ жилетомъ или часовой цѣпочкой съ брелоками. Любимой темой его разсказовъ было сообщеніе, съ какими знакомъ онъ актерами, литераторами, художниками; но всѣ мы легко догадывались, что если въ этихъ разсказахъ и была кое-какая правда, то въ весьма небольшой дозѣ. Надъ нимъ нерѣдко подсмѣивались довольно нецеремонно, но онъ этимъ нисколько не смущался. Впослѣдствіи, я встрѣтилъ его какъ-то на улицѣ въ формѣ гусарскаго юнкера, и онъ не замедлилъ отрекомендовать мнѣ, что у него лучшая во всемъ полку лошадь.

На этотъ разъ мы вошли вмѣстѣ въ вагонъ второго класса, и мнѣ поневолѣ пришлось сидѣть рядомъ съ Ф. На противоположной сторонѣ, наискось отъ насъ помѣстились два господина среднихъ лѣтъ— одинъ не высокаго роста, плотный, съ открытымъ лицемъ и небольшой эспаньелкой, въ довольно поношенномъ пальто; другой худощавый, съ длинными волосами и большимъ тонкимъ носомъ, въ какомъ-то не совсѣмъ модномъ плащѣ съ капишономъ. Лица ихъ показались мнѣ какъ будто знакомыми, хотя я и не могъ придумать, гдѣ и когда видѣлъ ихъ. Господинъ въ пальто курилъ сигару, а товарищъ его молча оглядывалъ сидѣвшихъ въ вагонѣ. Изрѣдка они обмѣнивались короткими фразами, которыхъ я не могъ разслушать не

столько отъ шума поѣзда, сколько отъ болтовни моего надоѣдливаго сосѣда. Когда онъ сталъ показывать мнѣ перстень съ подозрительнымъ алмазомъ и въ довольно прозрачныхъ выраженіяхъ намекнулъ, что получилъ его отъ извѣстной въ то время танцовщицы, давая понять о близости своего знакомства съ нею, наши молчаливые сосѣди переглянулись между собой съ легкой улыбкой. Мнѣ было крайне совѣстно за моего хлыща.

На полдорогѣ къ Петербургу въ нашъ вагонъ вошелъ низенькій смуглый человѣкъ, въ сильно потертомъ черномъ сюртукѣ и совсѣмъ порыжѣлой черной шляпѣ. Онъ быстро оглянулъ пассажировъ, и такъ какъ мы сидѣли ближе другихъ, подошелъ прямо къ намъ, вынулъ изъ бокового кармана бумажникъ, и съ какимъ-то заискивающимъ поклономъ заявилъ, что онъ художникъ, вырѣзываетъ въ три минуты необычайнаго сходства силуэты, по рублю за экземпляръ, и удостоился вниманія многихъ знаменитыхъ людей, поощрившихъ его талантъ. Вычитывая эту рекламу на плохомъ французскомъ языкѣ съ рѣзкимъ итальянскимъ выговоромъ, онъ вынулъ изъ своего бумажника и развернулъ сложенную въ видѣ карточной колоды длинную бѣлую бандероль, на которой наклеены были вырѣзанные изъ черной бумаги профильные силуэты. Сосѣдъ мой принялся ихъ разсматривать, очевидно не столько изъ прямого любопытства, сколько съ желаніемъ показать свое знакомство съ извѣстностями литературнаго и артистическаго круга.

— Это Александръ Сергѣичъ? спросилъ онъ итальянца, показывая на довольно удачно сдѣланный профиль Пушкина.

— Точно такъ, мосьё.

— Съ натуры снято?

— Съ живого, не задолго передъ смертью.

Кажется, на этотъ разъ, какъ говорится, нашла коса на камень, и бродячій артистъ былъ такъ-же беззастѣнчивъ, какъ и мой сосѣдъ.

— А это Василій Андреичъ! продолжалъ Ф. Выраженіе, мнѣ кажется, напоминаетъ Каратыгина въ Гамлетѣ?

— Въ театрѣ, въ уборной снималъ.

— А! И Карлъ Павлычъ Брюлловъ? Очень, очень похожи.

Силуэтистъ на всѣ эти замѣчанія кивалъ утвердительно головой и въ то же время нетерпѣливо пощелкивалъ маленькими ножницами, поглядывая на всѣхъ насъ съ видимымъ желаніемъ и надеждою получить отъ кого-нибудь заказъ. При послѣднемъ замѣчаніи моего сосѣда, господинъ въ плащѣ, который во все это время посматривалъ съ улыбкой то на него, то на итальянца, быстро переглянулся съ своимъ товарищемъ, и обратясь къ Ф., спросилъ:

— А вы знаете Брюллова?

— Да, часто видалъ, отвѣчалъ тотъ безъ малѣйшаго смущенія.

— Вѣроятно, на его картинѣ „Послѣдній день Помпеи“? И силуэтъ должно быть по ней-же вырѣзанъ! Ну, видите, Брюлловъ пококетни-

чалъ тамъ, помолодилъ себя и поприкрасилъ, иначе и вы, молодой человѣкъ, и господинъ художникъ давно бы узнали его, когда онъ сидитъ передъ вами собственной особой.

При этихъ словахъ своего кампаньона господинъ съ эспаньелкой приподнялъ шляпу и наклонилъ съ улыбкой голову. Я понялъ, отчего лицо его съ самаго появленія въ вагонѣ показалось мнѣ знакомо: это былъ дѣйствительно К. П. Брюлловъ, котораго впослѣдствіи мнѣ пришлось еще встрѣтить передъ отъѣздомъ его заграницу. Теперь мнѣ любопытно было, кто его товарищъ, такъ забавно обличившій фатовство моего хлыща, и я перебиралъ мысленно извѣстныхъ тогда художниковъ, думая что это должно быть какой-нибудь изъ собратій Брюллова по искусству. Разумѣется, не зная никого лично, я не могъ ни на комъ остановиться.

Въ первый разъ я видѣлъ, что Ф. нѣсколько сконфузился. Между тѣмъ итальянецъ съ заискивающими поклонами просилъ позволенія снять силуэтъ великаго артиста съ натуры, и когда ему это было разрѣшено, онъ менѣе чѣмъ въ пять минутъ вырѣзалъ изъ черной глянцовитой бумаги очень похожій профиль художника. Брюлловъ похвалилъ его.

— Снимите же и съ моего пріятеля, сказалъ онъ артисту, показывая на своего сосѣда въ плащѣ. А вы, молодой человѣкъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Ф., такъ интересуетесь знакомствомъ съ извѣстными сколько-нибудь людьми, что безъ сомнѣнія видались съ Николаемъ Васильичемъ Гоголемъ?

При этомъ я догадался, что товарищъ Брюллова былъ именно авторъ „Ревизора“, который возбуждалъ тогда самые оживленные толки въ обществѣ и въ большинствѣ университетской молодежи. Мнѣ показалось только, что лицо его было гораздо красивѣе, чѣмъ на литографированномъ его портретѣ, и въ дѣйствительности на немъ не такъ рѣзко замѣчалось саркастическое выраженіе, какимъ надѣляли его художники.

Хлестаковъ мой понялъ, что Брюлловъ ставитъ ему ловушку, и отвѣчалъ художнику, что къ сожалѣнію не имѣлъ случая встрѣчаться съ Гоголемъ.

— Такъ позвольте рекомендовать его, сказалъ Брюлловъ, показывая на своего сосѣда. Онъ тоже не будетъ конечно жалѣть, что случай доставилъ ему возможность встрѣтить молодого человѣка, который такъ интересуется нашимъ бѣднымъ артистическимъ міромъ и составилъ уже въ немъ столько знакомствъ.

Не знаю, понялъ ли эту насмѣшку Ф. Что касается Гоголя, то онъ повидимому былъ недоволенъ, что художникъ назвалъ его. Можетъ быть, ему хотѣлось остаться неизвѣстнымъ и повнимательнѣе всмотрѣться въ типъ новаго Хлестакова. Но выдавъ раньше своего товарища, онъ конечно самъ подалъ поводъ и къ своему разоблаченію. Какъ бы то ни было, но онъ нахмурился, и когда итальянецъ

обратился къ нему съ предложеніемъ снять съ него силуэтъ, онъ рѣшительно отказалъ. Силуэтистъ нѣсколько времени не спускалъ съ него глазъ, потомъ поклонился и быстро перешелъ въ другой вагонъ. Минутъ черезъ десять послѣ этого поѣздъ остановился у петербургскаго дебаркадера. Наши знаменитые спутники ушли. Но Ф. не отставалъ отъ меня и принялся увѣрять, что съ перваго взгляда угадалъ, кто они. Когда мы съ платформы вошли въ залу, нашъ артистъ итальянецъ остановилъ насъ, и показывая ненаклеенные еще на бумагу и очевидно только-что вырѣзанные съ замѣчательнымъ сходствомъ силуэты Брюллова и Гоголя, обратился къ Ф. съ предложеніемъ, неугодно-ли ему заказать копіи съ нихъ.

— Когда же вы успѣли сдѣлать портреты? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Сейчасъ, въ другомъ вагонѣ.

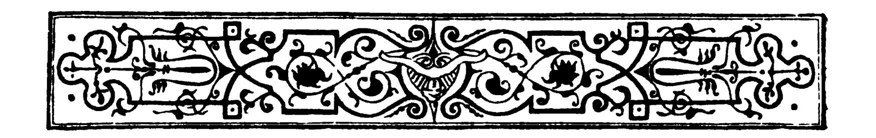
— Заочно?

— О, это мой талантъ... я могу черезъ годъ снять, кого хорошо видѣлъ.

Конечно итальянецъ прибавлялъ и рисовался, но я жалѣю, что не познакомился тогда съ этимъ во всякомъ случаѣ замѣчательнымъ человѣкомъ. Разумѣется, Ф. поспѣшилъ пріобрѣсть тутъ же вырѣзанные силуэты, которые давали ему прекрасный случай говорить о знакомствѣ съ Николаемъ Васильевичемъ Гоголемъ и Карломъ Павловичемъ Брюлловымъ, о чемъ онъ и не преминулъ распространиться, какъ только явился въ университетъ.

Такимъ образомъ, благодаря фатовству Ф., мнѣ удалось хотя одинъ разъ видѣть и хорошо всмотрѣться въ Гоголя.

А. Милюковъ.



ИМПЕРАТОРЪ ФРАНЦЪ-ІОСИФЪ БЕЗЪ ЭТИКЕТА.

ЗЪ чужеземныхъ правительственныхъ знаменитостей я видѣлъ покойнаго Наполеона III на открытіи бульвара въ Парижѣ, князя Бисмарка на водахъ, Макъ-Магона на разводѣ и нынѣшняго австрійскаго императора Франца-Іосифа за кружкою пива.

Самое памятное впечатлѣніе произвелъ на меня Францъ-Іосифъ, хотя онъ при этомъ капитально поссорилъ между собою двухъ моихъ соотечественницъ.

Это стоитъ того, чтобы разсказать.

Я былъ за границею три раза, изъ которыхъ два раза проѣзжалъ „столбовою" русскою дорогою, прямо изъ Петербурга въ Парижъ, а въ третій, по обстоятельствамъ, сдѣлалъ крюкъ и заѣхалъ въ Вѣну. Кстати я хотѣлъ навѣстить здѣсь одну достойную почтенія русскую даму.

Это было въ концѣ мая, или въ началѣ іюня. Поѣздъ, съ которымъ я ѣхалъ, привезъ меня въ Вѣну около четырехъ часовъ пополудни. Квартиры мнѣ для себя не пришлось отыскивать, въ Кіевѣ снабдили меня рекомендаціею, избавлявшею отъ всякихъ хлопотъ. Я какъ пріѣхалъ, такъ сейчасъ же и устроился, а черезъ часъ уже привелъ себя въ порядокъ и пошелъ къ моей соотечественницѣ.

Въ этотъ часъ Вѣна тоже сдѣлала свой тоалетъ: надъ нею прошелъ сильный, лѣтній дождикъ и потомъ вдругъ на совершенно голубомъ небѣ засверкало лучистое солнце. Красивый городъ, умывшись, смотрѣлъ еще красивѣе.

Улицы, которыми велъ меня проводникъ, всѣ казались очень изящными, но по мѣрѣ того, какъ мы подвигались къ Леопольдштату

изящество ихъ становилось еще замѣтнѣе. Зданія были больше, сильнѣе и величественнѣе. У одного изъ такихъ проводникъ остановился и сказалъ, что это тотъ отель, который мнѣ нужно.

Мы вошли чрезъ величественную арку въ обширный залъ, расписанный въ помпейскомъ вкусѣ. На право и на лѣво у этого зала были тяжелыя двери изъ темнаго дуба; противоположная стѣна роскошно драпирована красноватымъ сукномъ. Посерединѣ залы стояла коляска, запряженная парою живыхъ лошадей и на козлахъ сидѣлъ кучеръ.

Этотъ великолѣпный залъ по просту есть ни что иное, какъ „ворота“. Мы были подъ такими воротами, какихъ я еще не видалъ ни въ Петербургѣ, ни въ Парижѣ.

Вправо находилось помѣщеніе швейцара. Оно тоже замѣчательно, замѣчателенъ и самъ великолѣпный швейцаръ съ камергерской фигурой: онъ сидѣлъ тутъ какъ золотистый жукъ въ витринѣ изъ громадной величины зеркальныхъ стеколъ. Ему все вокругъ было видно; а возлѣ него для важности, или для какого другаго удобства стояли три ассистента и всѣ съ аксельбантами. Если бы представилась надобность кого нибудь не пропустить или вывести, такой швейцаръ самъ, конечно, рукъ бы объ это непачкалъ.

На мой вопросъ: „здѣсь ли моя знакомая“ одинъ изъ ассистентовъ отвѣчалъ: „здѣсь“, а когда я спросилъ: „могу ли я ее видѣть?“ ассистентъ доложилъ швейцару, а тотъ повелъ дипломатически бровью и самъ объяснилъ мнѣ:

— Собственно говоря я не думаю, чтобы княгинѣ теперь было удобно принять васъ,—ей поданы лошади и ея сіятельство сейчасъ уѣзжаетъ кататься. Но если вамъ очень нужно...

— Да, перебилъ я: мнѣ очень нужно.

— Въ такомъ случаѣ я прошу у васъ минуту терпѣнія.

Было ясно, что я имѣю дѣло съ настоящимъ дипломатомъ и о минутѣ терпѣнія споръ былъ неумѣстенъ.

Мы взаимно другъ другу поклонились.

Швейцаръ пожалъ электрическую пуговку въ столѣ, передъ которымъ помѣщалось его папское кресло съ высокою готическою спинкою и, приложивъ ухо къ трубкѣ, черезъ секунду объяснилъ мнѣ:

— Княгиня уже сходитъ съ лѣстницы.

Я остался ее ждать.

Черезъ минуту моя знакомая показалась на бѣлыхъ мраморныхъ сходахъ, въ сопровожденіи давно мнѣ извѣстной ея пожилой русской горничной Анны Фетисовны, у которой есть роль въ этомъ маленькомъ разсказѣ.

Княгиня встрѣтила меня съ отличающею ее всегдашнею милою привѣтливостью и сказавъ, что она сейчасъ ѣдетъ сдѣлать свою послѣобѣденную прогулку, пригласила меня прокатиться вмѣстѣ.

Она хотѣла показать мнѣ Пратеръ. Я ничего не имѣлъ противъ этого и мы поѣхали: я рядомъ съ княгинею на заднемъ сидѣньи, а напротивъ насъ Анна Фетисовна.

Въ противорѣчіе тѣмъ, кто утверждаетъ, что заграницею всѣ ѣздятъ гораздо тише, чѣмъ въ Россіи, мы понеслись по вѣнскимъ улицамъ очень шибко. Кони были рѣзвые и горячіе, кучеръ—мастеръ своего дѣла. Вѣнцы въ парной, дышловой упряжи правятъ такъ же красиво и ловко, какъ поляки. Наши кучера такъ ѣздить не умѣютъ. Они очень грузны, нѣтъ въ нихъ той „элаваціи", которая потребна къ дышлу, и которой такъ много въ кракусѣ и въ вѣнцѣ.

Не успѣлъ я оглянуться, какъ мы были уже въ Пратерѣ.

Я не буду дѣлать ни малѣйшей попытки къ тому, чтобы описывать этотъ паркъ, но скажу только то, что необходимо для надлежащаго освѣщенія предстоящей сцены.

Напоминаю, что это было около пяти часовъ вечера, и тотчасъ послѣ сильнаго дождя. Свѣжая влажность еще лежала повсюду: тяжелый гравій на дорожкахъ казался коричневымъ; на листьяхъ деревьевъ сверкали чистыя капли.

Было порядочно сыро и я не знаю: эта ли сырость или нѣсколько ранній часъ были причиною, что всѣ лучшія аллеи парка, по которымъ мы прокатили, были совершенно пусты. Едва-едва мы встрѣтили какого-то садовника въ курткѣ съ граблями и лопаткой за плечами, и болѣе ни кого; но моя добрая хозяйка вспомнила, что кромѣ этой, такъ сказать, бѣловой части парка есть еще черновая, называемая Kalbs-Prater или „телячій паркъ", мѣсто гулянья вѣнской черни.

— Это, говорятъ, будто бы интересно, сказала княгиня и тотчасъ же велѣла кучеру ѣхать въ Kalbs-Prater.

Тотъ взялъ влѣво, крикнулъ свое гортанное „йо", щелкнулъ бичемъ и подъ нами точно стала осѣдать почва, мы куда-то какъ будто спускались, мы падали, какъ будто роняли себя въ нисшую сферу.

Ситуація прекрасно гармонировала съ общественностью.

Картина быстро мѣнялась: аллеи становились уже и были менѣе чисто содержапы; на пескѣ и по окраинамъ куртинъ кое-гдѣ мелькали обрывки бумажекъ. За то начали встрѣчаться люди, все пѣшеходы, сначала продавцы извѣстныхъ вѣнскихъ колбасиковъ, потомъ публика. Нѣкоторые плелись съ дѣтьми. Здѣшняя публика очевидно сырости не боялась, а боялась только потерять минуту дорогого времени.

Бѣдный когда женится, ему ночь коротка, еще кратче часъ отдыха у такихъ трудолюбивыхъ и бережливыхъ людей, какъ южные нѣмцы, у которыхъ однако потребность въ удовольствіи велика почти такъ же, какъ у французовъ.

На встрѣчу намъ не было никакого движенія, — мы всѣхъ обгоняли. Очевидно, цѣль стремленія у всѣхъ была впереди, она была тамъ, куда и мы поспѣшали и откуда теперь минута отъ минуты слышнѣе стали долетать какіе-то звуки. Странные звуки, точно жужжаніе пчелы между стекломъ и занавѣской. Но вотъ сквозь вершины деревьевъ мелькнулъ высокій фронтонъ большого деревяннаго зданія; коляска взяла опять влѣво и вдругъ остановилась. Мы были на перекресткѣ двухъ дорожекъ. Передъ нами открылась довольно большая лужайка, на которой по ту сторону стоялъ большой деревянный домъ въ швейцарскомъ вкусѣ, а передъ нимъ на травѣ тянулись длинные столы и за ними сидѣло множество всякаго народа. Передъ каждымъ гостемъ стояла его кружка пива, а на открытой галлереѣ играли четыре музыканта и вѣялись въ пляскѣ венгерецъ съ венгеркой. Вотъ откуда неслись тѣ музыкальные звуки, которые издали напоминали жужжаніе пчелы между стекломъ и занавѣскою. Жужжаніе это слышно и теперь, когда въ звукахъ уже можно слышать что-то хватающее за какой-то нервъ и разливающееся вокругъ со стономъ съ звономъ, съ подзадоромъ.

— Это танцуютъ чардашъ: я вамъ совѣтую обратить на нихъ вниманіе, проговорила княгиня. Вы это не часто встрѣтите: чардашъ никто не съумѣетъ такъ исполнить, какъ венгерцы. Кучеръ, подъѣзжайте ближе.

Кучеръ тронулъ впередъ, но едва лошади переступили два шага, онъ остановилъ ихъ снова.

Мы конечно подвинулись, но все таки стояли еще слишкомъ далеко, чтобы имѣть возможность разсмотрѣть танцоровъ, а потому княгиня еще разъ сказала кучеру, подъѣхать ближе. Онъ, однако, казалось, не слыхалъ этого повторенія, но за то, когда княгиня сказала ему тоже самое втретьи, кучеръ не только тронулъ возжи, но звонко хлопнулъ бичемъ и сразу выдвинулъ экипажъ на самую середину лужайки.

Теперь мы все могли видѣть въ подробностяхъ и сами были на виду у всѣхъ. Нѣсколько человѣкъ изъ сидѣвшихъ за столами при щелкѣ бича оглянулись, но сейчасъ же опять обратились къ танцорамъ и только со ступеней нижней террасы на насъ смотрѣлъ одинъ толстый кельнеръ; онъ какъ будто ожидалъ какого-то надлежащаго момента, когда между имъ и нами долженъ произойти обмѣнъ соотвѣтствующихъ взаимныхъ сношеній.

Я старался самымъ добросовѣстнымъ образомъ исполнить совѣтъ моей дамы и хотѣлъ глядѣть на чардашъ, не сводя глазъ, но случайное обстоятельство привлекло мое вниманіе къ другому.

Едва мы остановились, какъ кучеръ слегка полуоборотился къ экипажу и сказалъ:

— Kaiser!

— Wo ist der Kaiser?

Кучеръ вмѣсто отвѣта повелъ оттопыреннымъ мизинцемъ въ лѣвую сторону, къ противоположному концу поляны, гдѣ при такомъ же перекресткѣ, какъ тотъ, съ котораго мы выѣхали, теперь виднѣлись двѣ конскія головы свѣтло-буланой, золотистой масти.

Видны были только двѣ эти прекрасныя головы въ наборныхъ уздечкахъ съ бирюзовыми пукальками, а самый экипажъ оставался за густою зеленью куртины. Императоръ остановился на такомъ разстояніи, на какомъ сначала хотѣлъ удержать насъ нашъ кучеръ.

— Это, подумалъ я себѣ, въ самомъ дѣлѣ очень деликатно, но за то онъ оттуда ничего хорошо не увидитъ, да и на себя не даетъ намъ полюбоваться. А это досадно.

Только не нужно было досадовать: въ эту самую минуту, глядя по направленію, гдѣ стояли лошади, я безъ всякаго затрудненія увидалъ высокаго, немножко сутуловатаго, но браваго мужчину, въ синей австрійской курткѣ и въ простомъ военномъ кепи.

Это и былъ его апостолическое величество, старшій членъ дома Габсбурговъ, нынѣшній императоръ Францъ-Іосифъ. Онъ былъ совершенно одинъ и шелъ прямо къ расположеннымъ на лужайкѣ столамъ, за которыми сидѣли вѣнскіе сапожники. Императоръ подошелъ и у перваго стола сѣлъ на скамейку съ краю, рядомъ съ высокимъ работникомъ въ свѣтло-сѣрой блузѣ, а толстый кельнеръ въ ту же самую секунду положилъ передъ нимъ на столъ черный войлочный кружочекъ и поставилъ на него мастерски вспѣненную кружку пива.

Францъ-Іосифъ взялъ кружку въ руки, но не пилъ; пока длился танецъ, онъ все держалъ ее въ рукѣ, а когда чардашъ былъ оконченъ, императоръ молча протянулъ свою кружку къ сосѣду. Тотъ сразу понялъ, что ему надо сдѣлать: онъ чокнулся съ государемъ и сейчасъ же, оборотясь къ другому сосѣду, передачею чокнулся съ нимъ. Съ этимъ вразъ сколько здѣсь было людей всѣ встали, всѣ чокнулись другъ съ другомъ и на всю поляну дохнуло общее, дружное „Hoch!“ Это „hoch“, здѣсь кричатъ не особенно громко и раскатисто, а такъ, какъ будто хорошо дохнутъ отъ сердца.

Императоръ осушилъ свою кружку за единый вздохъ, поклонился и ушелъ.

Буланые кони умчали его назадъ тою же дорогою, по которой вслѣдъ за нимъ уѣхали и мы. Но съ нами теперь ѣхала значительная сила произведеннаго этимъ случаемъ впечатлѣнія и вся она мѣстилась главнымъ образомъ въ Аннѣ Фетисовнѣ. Дѣвушка къ немалому нашему удивленію плакала!.. Она сидѣла передъ нами, закрывъ глаза бѣлымъ носовымъ платочкомъ и прижимала его руками.

— Анна Фетисовна! что съ вами? отнеслась къ ней съ доброй и ласковой шуткой княгиня. О чемъ вы плачете?

Анна Фетисовна открыла глаза и проговорила:

— Это ничего.

— Нѣтъ въ самомъ дѣлѣ? Дѣвушка глубоко вздохнула и отвѣчала: ихняя простота очень трогательна.

Княгиня подмигнула мнѣ и, шутя, сказала:

—Toujours servile! C'est ainsi que l'on arrive aux cieux.

Но шутка какъ-то не бралась за сердце. Волненіе Анны Фетисовны давало иной смыслъ этому пустому случаю.

Мы возвратились въ отель и застали здѣсь еще одного гостя. Это былъ австрійскій баронъ, который собирался въ Россію и учился по русски. Мы пили чай, а Анна Фетисовна намъ прислуживала. Говорили о многомъ: о Россіи, о петербургскихъ знакомыхъ, о курсѣ нашихъ денегъ и наконецъ о нашей сегодншней встрѣчѣ съ Францомъ-Іосифомъ.

Весь разговоръ шелъ по-русски, такъ что Анна Фетисовна должна была все отъ слова до слова слышать.

Княгиня разсказывала мнѣ не совсѣмъ „легальныя" вещи изъ придворныхъ буколикъ и политическихъ рапсодій. Баронъ улыбался.

Всего этого я не имѣю нужды вспоминать, но одно считаю умѣстнымъ замѣтить, что многіе черты характера императора, собесѣдница моя старалась мнѣ истолковать въ смыслѣ исканія популярности.

Этотъ трактатъ о популярности или вѣрнѣе сказать о популярничаньи, былъ развитъ съ особою подробностію и съ примѣрами, въ числѣ коихъ опять выпрыгнула сегодншняя кружка пива. И, моя вина если я ошибаюсь, мнѣ казалось, что все это дѣлалось гораздо менѣе для насъ, чѣмъ для Анны Фетисовны, которая во все это время то входила, то выходила, подавая что нибудь нужное своей госпожѣ.

Это былъ какой-то женскій капризъ, который увлекъ мою соотечественницу до того, что она перешла отъ императора къ народу или къ народамъ, къ австрійцамъ и къ намъ. Ей даже нравилось какъ „вѣнскіе сапожники" держали себя „съ достоинствомъ", и затѣмъ она быстро переносилась на родину, къ нашимъ русскимъ людямъ, къ ихъ пирамъ и забавамъ, къ зелену-вину, и опять къ слезамъ и разстройству впечатлительной Анны Фетисовны.

Это уже говорилось по французски, но баронъ все-таки только продолжалъ улыбаться.

— Мы еще спросимъ у моей почтенной Жанны ея мнѣнія, сказала княгиня и когда дѣвушка пришла за чашкою, хозяйка сказала:

— Анна Фетисовна, вамъ вѣдь сегодня очень понравился здѣшній король?

— Да-съ, очень понравился, скоро отвѣчала Анна Фетисовна.

Княгиня шепнула мнѣ: „она злится" и продолжала вслухъ:

— А какъ вы думаете, если бы онъ пріѣхалъ къ намъ въ Москву подъ качели?

Дѣвушка молчала.

— Вы не хотите съ нами говорить?

— Для чего-же ему къ намъ въ Москву пріѣзжать?

— Ну, а если-бы пріѣхалъ? Какъ вы думаете: присѣлъ-ли бы онъ къ нашимъ мужичкамъ?

— Зачѣмъ же ему къ нашимъ присѣдать, когда у него свои есть, отвѣчала Анна Фетисовна и поспѣшно ушла съ пустою чашкою въ свою комнату.

— Она положительно злится, сказала по французски княгиня и добавила, что Анна Фетисовна ужасная патріотка и страдаетъ страстію къ обобщеніямъ.

Баронъ все улыбался и скоро ушелъ. Я ушелъ часомъ позже.

Когда я простился, Анна Фетисовна со свѣчею въ рукѣ пошла проводить меня по незнакомымъ переходамъ отеля до лѣстницы и неожиданно сказала:

— И вы, сударь, согласны съ тѣмъ, что наша природа всѣ безъ достоинства?

— Нѣтъ, говорю, не согласенъ.

— А зачѣмъ же вы ничего не сказали.

— На, что напрасно спорить.

— Ахъ нѣтъ, сударь, это бы не напрасно... И еще при чужомъ баронѣ... Для чего о своихъ такъ обидно! Будто намъ что дурное, а не хорошее нравится.

Мнѣ стало ее жалко, да передъ нею и совѣстно.

Заграничное мое странствованіе продолжалось не долго. Осенью я уже былъ въ Петербургѣ и однажды въ одномъ изъ переходовъ гостинаго двора неожиданно встрѣчаю Анну Фетисовну съ корзинкою гаруснаго вязанья.

Поздоровались и я ее спрашиваю о княгинѣ, а Анна Фетисовна отвѣчаетъ:

— Я о княгинѣ, сударь, ничего не знаю, мы съ нею разстались.

— Неужели тамъ, за границею?

— Да, я одна вернулась.

Зная ихъ долголѣтнюю свычку, почти можно сказать дружбу, я выразилъ непритворное удивленіе и спросилъ: изъ за чего же вы разстались?

— Вы эту причину знаете: при васъ было...

— Неужли изъ-за австрійскаго императора?

Анна Фетисовна минуту промолчала, а потомъ вдругъ отрѣзала:

— Что мнѣ до ихъ короля? Онъ вѣжливый, въ томъ ему и почесть, а мнѣ за княгиню больно стало.

— Да что же тутъ касалось княгини?

— А то, что онъ король, да умѣлъ какъ сдѣлать, всталъ да сѣлъ со всѣми заровно, а мы какъ статуи въ коляскѣ на показъ сидѣли. Всѣ насъ и осмѣяли.

— Я, говорю, не видалъ чтобы тамъ надъ нами смѣялись.

— Нѣтъ-съ, не тамъ, а въ гостинницѣ—и швейцаръ и всѣ люди.

— Что же они вамъ говорили?

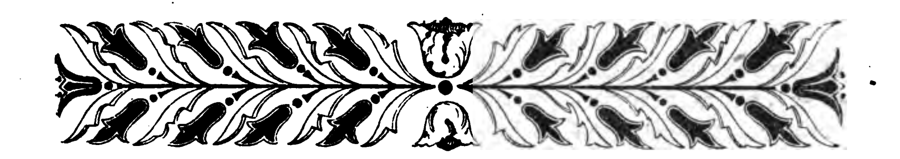
— Ничего не говорили, потому что я по ихнему не понимаю, а я въ глазахъ ихъ видѣла какъ не уважаютъ нашу необразованность.

— Ну-съ,—только и всего?

— Да... что же... когда точно Господь смѣсилъ намъ языки, и не стали мы ни въ чомъ понимать другъ друга... Во всѣхъ нашихъ мѣсляхъ стало несогласно, я и отпросилась сюда, къ своей сѣрости.

Въ этой „природѣ", чувствовалось какое-то достоинство, съ которымъ ей впрочемъ и сподручно торговать вязанными чулками въ проходахъ.

Николай Лѣсковъ.



ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. П. ЕРМОЛОВѢ.

Я ВСТУПАЛЪ въ жизнь при условіяхъ весьма благопріятныхъ: наслѣдственное достояніе, съ избыткомъ обезпечивающее мою будущность, счастливая внѣшность и приличное воспитаніе, дѣлали для меня доступными лучшія сферы общества. Будущее рисовалось мнѣ въ то время еще лучше настоящаго. Въ 1852 году, восемнадцатилѣтнимъ юношею, я, по совѣту моего отца, переѣхавшаго тогда на жительство изъ деревни въ Москву, отправился къ А. П. Ермолову, жившему въ собственномъ домѣ на Пречистенкѣ, близъ пожарнаго депо. Сердце мое сильно билось пока швейцаръ отворялъ дверь; смущенный вступилъ я въ швейцарскую и робко спросилъ: принимаетъ ли генералъ?—„Генералъ сегодня не принимаетъ, отвѣчалъ швейцаръ,—не угодно ли вамъ записать вашу фамилію и пожаловать въ другой разъ". Я росписался и, спустя два дня, съ неменьшимъ волненіемъ входилъ въ подъѣздъ ермоловскаго дома. Знаменитая личность Алексѣя Петровича, котораго я до того никогда не видалъ, представлялась мнѣ грозной и недоступной. Однако настоятельный совѣтъ моего отца придавалъ мнѣ бодрость для предстоящаго свиданія. Швейцаръ встрѣтилъ меня вопросомъ: „Не родственникъ ли вы сослуживцу генерала, полковнику Фигнеру?" [1]). На мой отвѣтъ, что я его родной племянникъ, швейцаръ сказалъ: „Генералъ приказалъ васъ просить—пожалуйте".

Швейцаръ провелъ меня по лѣстницѣ во второй этажъ и отворивъ вторую дверь въ коррндорѣ, громко произнесъ мою фамилію. Я очутился въ кабинетѣ Ермолова.

Кабинетъ представлялъ продолговатую комнату, оклеенную зелеными обоями, съ однимъ итальянскимъ окномъ, къ которому примы-

---

[1]) Полковникъ гвардейской артиллеріи флигель-адъютантъ Александръ Самойловичъ Фигнеръ, партизанъ 1812 года.

калъ письменный столъ. У лѣвой стороны стола въ большомъ кругломъ креслѣ, сидѣла какая-то огромная масса, съ шапкою бѣлыхъ волосъ на головѣ. Таково было первое впечатлѣніе произведенное на меня Ермоловымъ. Остановившись въ дверяхъ я почтительно поклонился.

— Здравствуй любезный Фигнеръ, подойди, братъ, ко мнѣ ближе.

Я подошелъ.

— Дай же братъ свою руку,—и онъ протянулъ свою огромную руку, крѣпко сжалъ мою и нѣсколько времени не выпускалъ ее, вглядываясь въ меня.

— Какъ же твое имя?

Я сказалъ.

— Твой дядя, Александръ Самойловичъ, былъ мнѣ сыномъ; я очень радъ съ тобою познакомиться. Садись любезный Аполлонъ.

Смущеніе мое исчезло. Я сѣлъ на кресло, стоявшее у противоположной стороны стола и передо мною вырисовался весь гигантскій бюстъ Алексѣя Петровича. Бакенбарды его сливались съ головными волосами и какъ бы служили продолженіемъ ихъ, а на лбу выдѣлялся чубъ. Среди этой массы совершенно бѣлыхъ волосъ, рѣзко очерчивались подъ носомъ, короткіе темно-каштановые усы. Нижняя губа полуотвисла, а ротъ почти постоянно былъ немного открытъ. Изъ-подъ нависшихъ бровей мелькали небольшіе, сѣрые, проницательные глаза. На Ермоловѣ было темно-сѣрое суконное пальто, пикейный жилетъ, поверхъ котораго виднѣлась черная ленточка, на которой висѣлъ ключъ отъ его шкатулки, какъ я впослѣдствіи узналъ.

— Да, да, произнесъ добродушно Алексѣй Петровичъ, дядя твой былъ мнѣ близкимъ человѣкомъ—отъ него у меня не было секретовъ. Онъ часто спалъ со мной въ одной палаткѣ на бивакахъ. Бывало наведетъ въ мою ставку какую-то разноцвѣтную шайку и мнѣ часто приходилось слышать, что штабъ мой иногда бываетъ похожъ на вертепъ разбойниковъ.

Затѣмъ онъ сталъ меня разспрашивать объ отцѣ моемъ, о томъ, что я намѣренъ съ собою дѣлать?

Я отвѣтилъ, что отецъ мой, по болѣзни, не въ состояніи былъ самъ къ нему явиться и послалъ меня просить покровительства и совѣта для поступленія на службу.

— Любезный другъ, сказалъ А. П. ты очень заблуждаешься, если думаешь, что моя протекція много значитъ. Я теперь никому не нужный человѣкъ, и если-бы мнѣ что нибудь понадобилось, я долженъ бы самъ просить и кланяться. Люди тогда только охотно исполняютъ просьбы, когда сами расчитываютъ на какую либо выгоду. Въ моемъ положеніи я уже не могу никому быть полезнымъ. Есть у меня еще кое-какіе пріятели, съ которыми я безъ церемоніи — напр. Михайло Семеновичъ Воронцовъ, котораго я иначе не называю, какъ братъ Михайло. Если бы ты пожелалъ служить по военному вѣдомству, онъ бы могъ быть весьма полезенъ, а по гражданскому я право не

знаю. Развѣ Закревскій; я полагаю, что онъ самъ знавалъ твоего дядю. Я пожалуй напишу записочку.

Я поблагодарилъ А. П. и всталъ чтобы откланяться. Онъ снова взялъ меня за руку, и сказалъ чтобы я посѣщалъ его во всякое время.

Такимъ образомъ установилось мое знакомство съ А. П. продолжавшееся до самой его кончины въ 1861 году.

Въ слѣдующій мой приходъ къ А. П., онъ мнѣ передалъ записку, для врученія сыну его Северу Алексѣевичу, служившему при графѣ Закревскомъ адъютантомъ. Съ этою запиской я отправился въ пріемную графа. Здѣсь я нашелъ сборище самыхъ разнообразныхъ мундировъ и спросилъ Ермолова. Ко мнѣ подошелъ молодой адъютантъ, привѣтливо взялъ отъ меня записку его отца и тотчасъ направился въ кабинетъ графа. Черезъ нѣсколько времени графъ вышелъ и, обратившись ко мнѣ, спросилъ о здоровьѣ отца моего и велѣлъ подать прошеніе. Таковъ былъ несложный процессъ опредѣленія моего на службу. Съ тѣхъ поръ я сталъ бывать часто у Ермолова.

Въ началѣ знакомства моего съ А. П. ему было 76 лѣтъ. Тѣ, которые его знали лично ранѣе, въ иную эпоху его жизни, быть можетъ составили иное понятіе о его личности. Въ послѣдній старческій періодъ жизни А. П., за время моего частаго посѣщенія его, онъ представлялся, въ моемъ юномъ воображеніи, окруженнымъ какимъ-то особымъ величіемъ. Добродушная простота, величавая скромность и всегдашняя безукоризненная вѣжливость, доставили ему ту не обыкновенную популярность и можно сказать поклоненіе въ русской арміи, которыми такъ рѣдко пользуются извѣстные военачальники.

— Любезный Аполлонъ, говаривалъ мнѣ А. П., вѣжливость есть самая дешевая монета, но всегда въ хорошемъ курсѣ. Я поставилъ себѣ за правило, никогда не отдавать поклонъ сидя. Я всегда, передъ каждымъ прапорщикомъ вставалъ.

Личность Ермолова, какъ военачальника и какъ государственнаго администратора, управлявшаго долгое время огромнымъ своеобразнымъ краемъ, принадлежитъ исторіи и достаточно обрисована; но каждая историческая личность, кромѣ своего офиціальнаго образа, представляетъ еще другую оборотную сторону:—образъ человѣка, въ его домашнемъ, интимномъ быту. Имѣвъ счастіе пользоваться особою благосклонностью и гостепріимствомъ А. П. въ его домѣ, я рѣшаюсь попробовать обрисовать короткими штрихами его почтенную личность. Снисходительность А. П. къ моей юности, недостатку опытности, и его отеческое обращеніе со мною, производили на меня, быть можетъ, обаятельное впечатлѣніе—и я могъ относиться къ нему пристрастно, но память о немъ для меня драгоцѣнна. Это глубокое уваженіе къ памяти А. П. и руководило мною при составленіи настоящихъ „Воспоминаній". Приводя черты его характера и нѣкоторыя бѣсѣды со мною, я сообщаю только то, что вѣрно сохранилось въ моей памяти. Это могутъ засвидѣтельствовать сыновья А. П. находящіеся еще на службѣ.

Я часто обѣдалъ вдвоемъ съ А. П. и намъ во время стола, служили его люди, имена которыхъ я и теперь припоминаю: Иванъ Прокофьевъ, Иванъ Филиповъ, Никита Филипповъ и Максимъ Максимовичъ, постоянный деньщикъ, мэтръ-д'отель и управляющій, А. П., 40 лѣтъ служившій при немъ и нянчившій его дѣтей. Я привожу имена ихъ потому, что всякій разъ, по окончаніи обѣда, вставъ и перекрестившись, А. П. отдавалъ каждому изъ присутствовавшихъ людей по поклону, называя по имени и благодаря за услугу. Обѣдъ его былъ самый простой: передъ обѣдомъ подавалась рюмка водки и не измѣнныя кильки; затѣмъ какой нибудь бульонъ съ гренками, или супъ съ кореньями; второе блюдо — подгорѣлая котлета или пережареная тетерка; затѣмъ для меня собственно что нибудь сладкое. Бутылка кахетинскаго, постоянно находилась на столѣ, потому что А. П. получалъ это вино бочками, въ подарокъ отъ своихъ кавказкихъ друзей. Самъ А. П. довольствовался всегда двумя блюдами и какъ бы плохо ни были приготовлены они, никогда не заявлялъ не удовольствія. Поваръ его былъ почти постоянно пьянъ и очень хорошо зналъ, что получитъ одинаковую благодарность какъ за хорошій, такъ и за дурной обѣдъ. А. П. говорилъ мнѣ, что если бы ему подали жареную ворону или кошку, для него это было бы безразлично. Чувства брезгливости онъ не зналъ и разсказывалъ, что ему долго было не знакомо чувство обонянія; только на 50-мъ году своей жизни онъ почувствовалъ запахъ цвѣтовъ.

Обыкновенно А. П. сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ кругломъ старинномъ креслѣ, обитомъ сафьяномъ. На столѣ, подъ рукой у него, находился носовой платокъ и табакерка. Памятна для меня бронзовая фигурка Наполеона I, и таковой же колокольчикъ, съ изображеніемъ грушевидной головы Луи-Филиппа. Въ двухъ углахъ кабинета стояли мраморные бюсты: императора Александра Павловича и императрицы Елисаветы Алексѣевны; по стѣнамъ нѣсколько картинъ и гравюръ, изображавшихъ наполеоновскія битвы; особенно памятна мнѣ картина „Переходъ наполеоновскихъ войскъ черезъ Нѣманъ". Въ одномъ углу кабинета была собачья постель, на которой покоилась толстая, старая собака, ублюдокъ породы бульдоговъ, по прозванію Бирка, пользовавшаяся, особеннымъ расположеніемъ и заботливостью Алексѣя Петровича.

Въ послѣдніе годы жизни А. П., его управляющимъ и компаньономъ досуговъ былъ Максимъ Максимовичъ, котораго А. П. называлъ „Мемекою". Я однажды полюбопытствовалъ узнать этимологію слова „Мемеки", не фамилія ли это? Тогда самъ А. П. объяснилъ, что Максимовичъ нянчилъ его сыновей и маленькіе дѣти, не умѣя выговаривать Максимычъ, называли его Мемекою; съ тѣхъ поръ за нимъ и осталась эта кличка. Приходя иногда къ А. П. въ послѣобѣденное время я часто заставалъ Мемеку сидящимъ въ креслѣ по другую сторону стола, противъ А. П. Оба они, склонивши головы, по-

гружены были въ дремоту. Такова была патріархальная простота обращенія съ приближенными бывшаго главнокомандующаго кавказскими войсками, отличавшагося постоянно въ пылу сраженій необыкновеннымъ героизмомъ и самообладаніемъ. Часто бесѣдовалъ я и съ Максимычемъ, и разумѣется предметомъ нашихъ разговоровъ былъ А. П. и его служба на Кавказѣ. Между прочимъ, помню разсказъ Максимыча, какъ А. П. находясь въ крѣпости Грозной, въ красной рубахѣ, засучивъ рукава, игралъ съ солдатами въ свайку и такія засаживалъ „рѣдьки", что играющимъ не подъ силу было ихъ вытаскивать.

Изъ сыновей А. П. Северъ Алексѣевичъ, женатый на Чертковой, жилъ постоянно въ Москвѣ. Другіе два — Викторъ и Клавдій Алексѣевичи, большею частью отсутствовали. Младшій, Николай, учился въ то время въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ.

Въ числѣ немногочисленныхъ частыхъ посѣтителей Ермолова, въ описываемый періодъ времени, мнѣ памятнѣе болѣе другихъ его бывшіе адъютанты: И. М. Муромцовъ, котораго А. П. называлъ адъютантъ стрѣла, по необыкновенной быстротѣ и живости, за время его службы и Н. Н. Воейковъ. Кромѣ того, Я. М. Шимановскій, служившій при А. П. на Кавказѣ, гражданскимъ чиновникомъ; зять бывшаго главнокомандующаго на Кавказѣ барона Розена, кн. Дадьянъ, сенаторы: бар. Х. Х. Ховенъ и П. К. Мердеръ, товарищъ отцу моему по кадетскому корпусу, сыновья Дениса Васильевича Давыдова двоюроднаго брата Алексѣя Петровича: Василій Денисовичъ, женатый на Ивинской, отличавшійся необыкновенно крикливымъ голосомъ, Денисъ Денисьевичъ замѣчательный напротивъ сдавленнымъ и хриплымъ голосомъ, и задушевный пріятель А. П. Иванъ Семеновичъ Храповицкій— бывшій петербургскій губернаторъ, носившій вслѣдствіе болѣзни просторное пальто и плисовые сапоги. Пріятная улыбка Ивана Семеновича и постоянно веселое настроеніе, были чрезвычайно привлекательны. Достаточно было появленія Ивана Семеновича въ тѣсномъ кружкѣ А. П. чтобы оживить старика и возбудить въ немъ веселость. Иванъ Семеновичъ имѣлъ всегда въ запасѣ интересные анекдоты и мастерски ихъ расказывалъ. Онъ былъ старшиною англійскаго клуба и всѣми уважаемый его членъ. Иванъ Семеновичъ любилъ, чтобы его посѣщали, но не иначе какъ къ обѣду.

Я подмѣтилъ въ А. П. одну черту его духовной природы, которой не подозрѣвалъ и которую не многіе можетъ быть замѣчали; эта черта—склонность къ поэзіи.

Я часто читалъ А. П. разныя книги и замѣтилъ, что онъ съ особымъ удовольствіемъ слушаетъ хорошіе стихи. Когда стихи дѣйствительно дышали вдохновеніемъ—онъ замѣтно оживлялся и заставлялъ меня по нѣсколько разъ повторять тѣ мѣста, которыя ему нравились. Когда ему попадались безъ меня хорошіе стихи—то онъ ихъ откладывалъ до моего прихода и просилъ прочитать ихъ ему.

— Вотъ, говорилъ онъ мнѣ однажды, графиня Ростопчина напи-

сала мнѣ стихи и сама же написала отвѣтъ мой, стихами же, а я въ жизни не написалъ четырехъ стиховъ, между тѣмъ ты видишь, что я очень люблю хорошіе стихи. Бываетъ и проза, въ которой выраженія высокихъ благородныхъ чувствъ и поэтическія отношенія не хуже стиховъ. Таковъ, напримѣръ, „Оссіанъ".

Затѣмъ, А. П. проситъ меня прочесть что нибудь изъ Оссіана, въ переводѣ прозою Кострова. Любимымъ мѣстомъ А. П. изъ переводовъ Кострова, была поэма „Картонъ" и въ ней описаніе, начинавшееся такъ: О ты, катящееся надъ нами лучезарное свѣтило, круглое, какъ щитъ отцовъ нашихъ.

Тогда только-что появились переводы Курочкина изъ Беранже. Книжка переводовъ постоянно лежала на столѣ А. П., я ихъ часто читалъ ему и онъ говорилъ, что нѣкоторыя мѣста перевода сильнѣе, нежели у Беранже.

Къ Пушкину А. П. питалъ восторженное чувство; но къ Гоголю относился индиферентно. Разъ какъ-то А. П. былъ съ визитомъ у князя Вяземскаго—и когда уже поднимался съ мѣста, чтобы уѣзжать, человѣкъ доложилъ о Гоголѣ.

— Теперь, сказалъ А. П., я остаюсь потому, что не имѣю еще понятія о личности Гоголя. А. П. оставался у князя Вяземскаго пока сидѣлъ Гоголь, но такъ какъ Гоголь говорилъ только о вещахъ обыкновенныхъ, то А. П. особаго впечатлѣнія отъ этого свиданія не получилъ.

Часто мнѣ приходилось сиживать съ А. П. одинъ на одинъ по нѣскольку часовъ и онъ иногда, отдаваясь своимъ воспоминаніямъ, разсказывалъ мнѣ замѣчательные эпизоды изъ своего прошлаго. Если бы я тогда записывалъ все, что слышалъ, то собралъ бы много интереснаго для исторіи и характеристики прожитыхъ А. П. временъ. По молодости и неопытности моей, я не умѣлъ быть достаточно внимательнымъ и оцѣнивать по достоинству слышанное мною, а потому многое утратилось въ моей памяти. Чаще всего говорилъ А. П. о 12-мъ годѣ и Кавказѣ, за время его начальствованія.

Однажды, придя довольно рано къ А. П., я засталъ у него мальчика-цирюльника, который являлся брить его нѣсколько разъ въ недѣлю.

— Вотъ, любезный Аполлонъ, графъ Кутайсовъ, сказалъ А. П., указывая на мальчика. Это потому я такъ говорю, что онъ брѣетъ не хуже Кутайсова, который брилъ императора Павла Петровича и за то былъ пожалованъ въ графы.

Хотя А. П. отзывался иногда шутливо о нѣкоторыхъ странностяхъ императора Павла Петровича, но никогда не позволялъ себѣ никакой горечи въ своихъ выраженіяхъ, не взирая на двухъ-лѣтнее нахожденіе подъ грознымъ слѣдствіемъ, во время его царствованія. А. П. говорилъ, что у покойнаго императора были великія черты и историческій характеръ его еще не опредѣленъ у насъ. „Это былъ мой

благодѣтель и наставникъ", прибавлялъ А. П. Высидѣвъ годъ въ Петропавловской крѣпости и выходя изъ заключенія, А. П. вырѣзалъ на двери своего каземата слова: „Свободенъ отъ постоя". Когда я спросилъ, за что онъ называетъ императора, засадившаго его въ крѣпость, своимъ благодѣтелемъ, А. П. отвѣчалъ:

— Если бы онъ не засадилъ меня въ крѣпость, то я, можетъ быть, давно уже не существовалъ и въ настоящую минуту не бесѣдовалъ бы съ тобою. Съ моею бурною, кипучею натурою врядъ ли бы мнѣ удалось совладѣть съ собою, если бы въ ранней молодости мнѣ не былъ данъ жестокій урокъ. Во время моего заключенія, когда я слышалъ надъ моею головою плескавшія невскія волны, я научился размышлять. По закону природы, здоровый и бодрый человѣкъ не можетъ оставаться въ пассивной недѣятельности. Когда дѣятельность организма неподвижна, дѣятельность мысли усиливается. Въ послѣдствіи, во многихѣ случаяхъ моей жизни я пользовался этимъ тяжелымъ урокомъ и всегда съ признательностью вспоминалъ императора Павла Петровича.

Затѣмъ А. П. разсказалъ мнѣ слѣдующій случай съ императоромъ Павломъ:

Какой-то уроженецъ Малороссіи, необыкновенной физической силы, нафанатизированный злоумышленниками, покушался убить императора. Замыселъ его былъ доказанъ и онъ былъ доставленъ въ Петербургъ. Императоръ пожелалъ его видѣть и велѣлъ привести во дворецъ. Выдя къ арестанту, государь приказалъ ему приблизиться. Жандармы, сопровождавшіе арестанта, считали своею обязанностью не оставлять его и сдѣлали также движеніе впередъ; императоръ велѣлъ имъ удалиться и, оставшись съ глазу на глазъ съ преступникомъ, спросилъ его: — „Знаешь ли ты меня? и видалъ ли когда нибудь?" Арестантъ отвѣчалъ отрицательно.—„Какое же я сдѣлалъ зло, собственно тебѣ?" снова спросилъ императоръ.—Арестантъ отвѣчалъ „никакого". Тогда императоръ сказалъ: —„Вотъ видишь, я тебѣ не сдѣлалъ никакого зла, а ты замышлялъ убить меня и я знаю, что ты мой злодѣй. Но ты не понимаешь твоего поступка и я тебя освобождаю".

А. П. обладалъ особенною способностью мимики; физіономія его принимала такія своеобразныя выраженія, что глядя на него и слѣдя за его разсказами, въ воображеніи моемъ живо рисовались отдѣльные типы и характеры личностей, о которыхъ шла рѣчь. Онъ любилъ выражаться коротко, часто лаконически и фигурально; такъ, напримѣръ, разсказывая, какъ онъ пріучалъ себя въ прежнее время къ самообладанію и, желая противиться представившемуся обольщенію, старался въ самомъ зародышѣ умерщвлять свои страстные порывы, онъ приэтомъ выразился такъ: „я всегда поступалъ съ собою такъ: „за волосы и объ земь" и говорилъ это съ энергическимъ и выразительнымъ жестомъ.

Въ одну изъ счастливѣйшихъ эпохъ жизни А. П., когда онъ поль-

зовался особымъ довѣріемъ и милостію императора Александра Павловича и былъ назначенъ главнокомандующимъ войсками, которые по ходатайству Меттерниха должны были выступить въ походъ въ Италію для усмиренія карбонаріевъ, въ это замѣчательное для него время, сила воли А. П. подвергалась величайшему и опасному испытанію. А. П. разсказывая мнѣ объ этомъ обстоятельствѣ, выразился такъ: „Въ это время я былъ влюбленъ, какъ кошка".

Въ 1821 году, А. П. будучи въ цвѣтѣ лѣтъ назначенъ главнокомандующимъ экспедиціонною арміею, находился въ лучшихъ условіяхъ жизни. Вновь сформированный штабъ его квартировалъ на югѣ, въ одной изъ польскихъ провинцій. Походъ этотъ былъ проэктированъ и утвержденъ австрійцами, на конгрессѣ въ Лайбахѣ, гдѣ находился также А. П., состоя въ свитѣ императора Александра Павловича. На возвратномъ пути изъ Лайбаха, въ Россію къ своему штабу А. П. заѣхалъ въ Варшаву къ великому князю Константину Павловичу, который съ давняго времени удостоивалъ его самаю искреннею дружбою. Великій князь велѣлъ приготовить въ своемъ дворцѣ для него помѣщеніе; но А. П. остановился въ гостинницѣ.

Польское аристократическое общество тогдашняго времени, имѣя своимъ представителемъ при особѣ императора Александра, Адама Чарторыжскаго, еще не было одушевлено тою непримиримою ненавистью къ Россіи, которую оно стало заявлять въ послѣдствіи. Между русскими и поляками поддерживались свѣтскія отношенія и многіе русскіе офицеры женились на полькахъ. Одна польская графиня, молодая и прекрасная, произвела впечатлѣніе на А. П. Она была очень богата и А. П. говорилъ, что это была приличная партія для женитьбы. Мало-по-малу онъ поддавался увлеченію и графиня его поощряла. Вниманію и самой любезной предупредительности не было предѣловъ. „Я помню, говорилъ А. П., какъ возвращаясь домой, я находилъ комнаты мои убранными цвѣтами, присланными въ мое отсутствіе графинею". Политическія дѣла приближались къ развязкѣ, австрійцы по своему справлялись съ карбонаріями, безъ посредства, благодаря Бога, русской арміи, и отношенія А. П. къ графинѣ, должны были также придти къ опредѣленной развязкѣ. Тогда по словамъ А. П. разсудокъ его вступилъ въ тяжелую борьбу съ сердцемъ. „Я сталъ обдумывать, говорилъ онъ, насколько я способенъ для семейной жизни и анализируя себя, убѣждался, что я солдатъ, и что мое единственное призваніе быть только солдатомъ". Графиня не хотѣла слышать о разлукѣ, и желала ѣхать съ А. П., пренебрегая всякими формами. При отъѣздѣ А. П. она все таки провожала его нѣкоторое время и разлука для обѣихъ сторонъ была очень тяжела.

Выслушавъ этотъ романическій разсказъ, я сказалъ А. П.:

— Однакоже вы имѣете дѣтей, вы дали имъ воспитаніе и содѣйствуете имъ какъ добрый отецъ, почему же вы считаете себя неспособнымъ къ семейной жизни?

На это замѣчаніе А. П. отвѣтилъ мнѣ слѣдующее:

— Обязанности главы семейства слишкомъ сложны и весьма серьезны. По моему мнѣнію на немъ лежитъ большая отвѣтственность. Честный отецъ семейства и съ окончаніемъ воспитанія столь труднаго и неизбѣжно подчиняющагося непредвидѣннымъ случайностямъ, живетъ интересами дѣтей; въ ихъ дальнѣйшей карьерѣ, онъ видитъ продолженіе своей собственной жизни, личность его ассимилируется съ личностью дѣтей. Таковъ мой взглядъ. Положеніе военнаго человѣка весьма неопредѣленно, необезпечено, находится въ постоянной зависимости отъ случайностей. Боевое поприще, трудности и лишенія въ походахъ, ужасы войны, стоны и страданія на перевязочныхъ пунктахъ, постоянное опасеніе за свою собственную жизнь, все это вмѣстѣ, не можетъ способствовать сохраненію врожденнаго человѣку чувства нѣжности и состраданія; въ его психическомъ строѣ, происходитъ послѣдовательно спартанское закаливаніе нервовъ и развивается эгоистическое чувство самосохраненія. Мое психическое воспитаніе совершалось на поляхъ кровавыхъ сраженій столь многочисленныхъ во времена Суворова и Бонапарта. Имѣя въ настоящее время дѣтей, по совѣсти я постоянно сомнѣваюсь, достаточно ли я выполнилъ мой долгъ по отношенію къ нимъ. Въ нравственномъ смыслѣ я солдатъ.

Въ Свѣтлое Воскресенье А. П. не разгавливался семейно или съ своими знакомыми. Послѣ утренни и ранней обѣдни, къ нему приходило человѣкъ десять отставныхъ заслуженныхъ солдатъ, большею частью дряхлыхъ ветерановъ. А. П. христосовался съ ними и садился вмѣстѣ съ ними за столъ. Никто изъ постороннихъ не присутствовалъ при этомъ, кромѣ прислуживавшихъ людей.

Въ великій четвергъ, А. П. слушалъ двѣнадцать евангелій у себя на дому, потому что не могъ долго стоять на ногахъ. Когда швейцаръ докладывалъ о приходѣ священниковъ А. П. вставалъ, опираясь на руку Максимыча, и говорилъ мнѣ:

— Ну, любезный Аполлонъ, пойдемъ слушать исторію Христа.

Въ началѣ службы А. П. не много стоялъ, потомъ садился. Всякій разъ также, когда священникъ произносилъ — „сподобитися намъ къ услышанію св. евангелія Господа Бога молимъ“ — А. П. вставалъ и стоялъ минуты двѣ. Религіозности особенной я въ немъ не замѣчалъ; казалось на него повліяло вѣяніе философіи XVIII столѣтія; но онъ вѣрилъ въ духовную жизнь и имѣлъ видѣнія довольно замѣчательныя, о которыхъ я упомяну ниже.

Теперь припомню еще нѣкоторые разсказы А. П. изъ его жизни, столь обильной событіями.

Однажды, удовлетворяя моему любопытству, А. П. разсказалъ мнѣ слѣдующія подробности о своемъ посольствѣ въ Персію:

— Тогдашній придворный штатъ персидскаго шаха былъ весьма не развитъ и въ отношеніяхъ къ иностранцамъ мало отличался отъ

невѣжественной и суевѣрной массы народа. Въ сношеніяхъ съ этимъ азіятскимъ дворомъ, необходимо было сохранять внѣшній престижъ и обаяніе обстановки, для поддержанія своего достоинства. Церемоній-мейстеръ шаха предварилъ меня, что при представленіи шаху, установленный этикетъ требуетъ, чтобы представляющіеся лица снимали обувь, передъ вступленіемъ въ тронный залъ. Уступить этому требованію я не желалъ, и замѣтилъ, что при представленіи моему императору, котораго я считаю выше и могущественнѣе особы шаха, обуви своей я никогда не снимаю и въ настоящемъ случаѣ, представляя особу моего государя, прошу соблюдать его достоинство, и во время переговоровъ моихъ съ шахомъ, поставить для меня кресло, на одной высотѣ съ трономъ. Требованіе мое было исполнено и ни мало не нарушало нашихъ добрыхъ отношеній. За все время моего пребыванія въ Тегеранѣ, шахъ ко мнѣ весьма благоволилъ и при отъѣздѣ моемъ надѣлилъ меня цѣнными подарками. Въ сношеніяхъ съ азіятскими дворами, нужно сохранять свое достоинство, но не слѣдуетъ оскорблять національныхъ убѣжденій. Однажды шахъ, въ разговорѣ со мною, спросилъ: „Знаешь ли ты, сердарь, что я тѣнь Аллаха на землѣ?"—„Знаю, ваше величество—отвѣчалъ я, и мнѣ извѣстно, что подъ тѣнью его благоденствуютъ и покоются милліоны вашихъ подданныхъ; но позвольте спросить ваше величество, какова была тѣнь вашего дядюшки (Али-Магомета)". Шахъ улыбнулся, и не отвѣчалъ ни слова. А это надо тебѣ сказать, прибавилъ А. П., такой былъ злодѣй, что когда бывало визирь пишетъ какую нибудь бумагу подъ диктовку этого шаха—стоя передъ нимъ на колѣняхъ—шаху кажется что визирь пишетъ медленно и онъ велитъ писать скорѣе. Визирь торопится; но черезъ это дѣло не успѣваетъ. Шахъ кидаетъ въ визиря всѣмъ, что попадаетъ подъ руку. Визирь блѣднѣетъ, рука его дрожитъ и онъ едва выводитъ буквы. Тогда шахъ схватываетъ висящій около него пистолетъ—и стрѣляетъ въ визиря. Визирь окрававленый и раненый катится по ковру".

Если не ошибаюсь, въ 1814 году А. П. командовалъ нѣкоторое время соединенной русской и прусской гвардіей и когда, послѣ заключенія мира, возвращался съ войсками изъ Франціи, ему случилось остановиться для роздыха въ одномъ мѣстечкѣ, въ которомъ жилъ старикъ-кожевникъ—Удино, отецъ французскаго маршала. А. П., узнавъ, что въ это самое время маршалъ Удино гоститъ у отца своего, немедленно послалъ къ дому Удино почетный караулъ и самъ въ полной формѣ, отправился съ визитомъ къ маршалу. Первое встрѣтившее его лицо былъ старикъ Удино, въ кожанномъ фартухѣ.

На Кавказѣ, личность Ермолова внушала горцамъ суевѣрный страхъ.

Однажды, во время похода, А. П. случилось въ какомъ-то аулѣ войти въ саклю. Въ аулѣ оставались только дряхлые старики, женщины и дѣти. Въ саклѣ, на этотъ разъ, находился лишь одинъ маль-

чикъ. Его спросили, гдѣ хозяева? „Ушли въ горы—боятся Ермолова", отвѣчалъ мальчикъ. А. П. спросилъ его: „а ты боишься Ермолова?" Мальчикъ отвѣчалъ, что очень боится, потому, что онъ очень страшный и при этомъ сталъ изображать Ермолова и жестами показывалъ какіе у него огромные глаза.

Служившимъ на Кавказѣ извѣстно на сколько войска любили Ермолова. Постоянно заботясь о продовольствіи солдатъ, онъ также обращалъ вниманіе на тогдашнее ихъ обмундированіе. Въ видахъ облегченія и большаго удобства, онъ велѣлъ тяжелые и безпокойные въ походѣ ранцы замѣнить небольшими мѣшками, которые на отдыхѣ служили подушками. Дисциплина была однако весьма строгая. По этому поводу я замѣтилъ А. П., что его считали грозою Кавказа и что при такой репутаціи военнаго начальника, предполагается необходимость строгихъ мѣръ и взысканій. Съ юношескою откровенностью, привыкнувъ къ отеческому обращенію съ мною А. П., я сдѣлалъ ему такой вопросъ:

— Чтобы быть грознымъ, нельзя не быть иногда суровымъ и жестокимъ, а сердце мое говоритъ мнѣ, что въ васъ нѣтъ жестокости?

А. П. съ всегдашнимъ своимъ добродушіемъ и снисходительностью отвѣтилъ мнѣ:

— Суровая обязанность главнокомандующаго заставляетъ его иногда подписывать смертные приговоры по военно-суднымъ рѣшеніямъ, на основаніи существующихъ постановленій. Чтобы не давать видимой слабости, неумѣстной и вредной въ главномъ начальникѣ, я обыкновенно выжидалъ ходатайства членовъ суда и тогда смягчалъ приговоръ.

Историческія подробности о событіяхъ 12-го года собраны А. П. въ его послѣднихъ запискахъ, а также лично были передаваемы генералу Богдановичу, составлявшему тогда исторію отечественной войны и часто пріѣзжавшему къ А. П. по этому поводу.

Мнѣ неизвѣстно насколько выясненъ въ печати характеръ отношеній къ Ермолову главнокомандующаго кн. Кутузова. А. П. говорилъ мнѣ, что Кутузовъ его не жаловалъ и по этому поводу мнѣ памятенъ одинъ разсказъ, рѣзко характеризующій Кутузова.

Подъ Малымъ Ярославцемъ, согласно извѣстіямъ доставленнымъ моимъ дядей А. С. Фигнеромъ и Сеславинымъ, армія Наполеона 30-го октября выступила изъ Москвы и направилась на Калужскую дорогу, съ цѣлію пробраться въ южныя губерніи. Воспрепятствовать этому движенію и упредить французовъ въ Маломъ Ярославцѣ было для насъ дѣломъ громадной важности. Ермоловъ съ войсками Дохтурова отбивалъ настойчивыя атаки французовъ;—семь разъ Малый Ярославецъ переходилъ изъ нашихъ рукъ къ французамъ и обратно. Стремясь во чтобы то ни стало пробиться въ Маломъ Ярославцѣ, чтобы избѣжать необходимости движенія по старой раззореной дорогѣ на Вязьму и Смоленскъ, самъ Наполеонъ прибылъ къ упорному

и ожесточенному бою—и постоянно вводилъ новыя свѣжія войска свои въ дѣло. Утомленныя и малочисленныя сравнительно, войска наши изнемогали. Превосходство въ численности французовъ дѣлало положеніе наше критическимъ. Ермоловъ посылалъ нѣсколько разъ ординарцевъ къ Кутузову, съ настоятельною просьбою о скорѣйшей, высылкѣ подкрѣпленій; но подкрѣпленія не прибывали. Тогда Ермоловъ просилъ принца Евгенія Виртембергскаго отправиться къ Кутузову, объяснить ему важность удержанія за нами Малаго Ярославца и положеніе наше, относительно французовъ. Принцу удалось склонить Кутузова исполнить основательное требованіе Ермолова. Но Кутузовъ такъ былъ возмущенъ настоятельностью его требованія, что съ досады плюнулъ съ такою запальчивостью, что принцъ вынувъ носовой платокъ утерся.

А. П. не совсѣмъ одобрительно относился къ исторіи 12-го года написанной Михайловскимъ-Данилевскимъ. По этому поводу онъ разсказалъ мнѣ, что фельдмаршалъ Сакенъ оставилъ свои записки, написанныя исключительно на нѣмецкомъ языкѣ, и единственное мѣсто этихъ записокъ, писанное по-русски, было слѣдующее: „Читалъ бредни Данилевскаго о подвигахъ фанфарона Чернышева".

Въ 1856 году, въ моемъ присутствіи князь М. С. Воронцовъ посѣтилъ А. П. Ермолова, и это было послѣднее ихъ свиданіе.

Максимычъ провожалъ князя, поддерживая подъ руки и помогая сойти съ лѣстницы. Какъ къ старому своему знакомому, князь обратился съ послѣдними словами къ Максимычу: „А что Максимычъ, я вѣдь еще молодцомъ иду". Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, князь скончался.

Около этого же времени А. П. принималъ фельдмаршала князя Барятинскаго, а вскорѣ затѣмъ прибылъ въ Москву плѣнный Шамиль, и по пріѣздѣ сдѣлалъ визитъ А. П. Съ Шамилемъ А. П. имѣлъ частыя сношенія, задолго до его плѣна и окончательнаго покоренія Кавказа, съ вѣдома правительства. Дочь А. П. была замужемъ за немирнымъ горскимъ княземъ, подвластнымъ Шамилю. А. П. посылалъ иногда подарки дочери и всегда при посредствѣ Шамиля, чтобы они вѣрнѣе достигали своего назначенія.

А. П. говорилъ мнѣ о своихъ дружескихъ отношеніяхъ съ великими князьями Константиномъ и Михаиломъ Павловичами. Съ первымъ А. П., по древнему русскому обычаю, обмѣнялся шейнымъ крестомъ, а потому они назывались крестовыми братьями. А. П. велъ переписку съ Константиномъ Павловичемъ, который однажды упрекалъ его въ неакуратности корреспонденціи и въ томъ, что онъ рѣдко пишетъ, на что послѣдній отвѣчалъ: „Хоть мнѣ весьма лестно и конечно пріятно получать отъ вашего высочества письма, но умоляю васъ не пишите мнѣ длинныхъ писемъ,—лучше короче но разборчивѣе; я не Шампольонъ и египетскихъ гіероглифовъ разбирать неумѣю".

Великій князь Михаилъ Павловичъ былъ также очень расположенъ къ А. П. и однажды, не помню по какому случаю, обвиняя

А. П. въ неискренности, выразился такъ:—„Я тебя, А. П., очень люблю, а ты меня съ обманцемъ“.

А. П. какъ извѣстно, пользовался въ Москвѣ, во всѣхъ классахъ общества, большою популярностью, особенно среди купечества, не упускавшаго случая заявлять ему свое уваженіе. Когда А. П. случалось прогуливаться въ экипажѣ и проѣзжать мимо рядовъ гостинаго двора и по Ильинкѣ, сидѣльцы, которые всѣ знали его въ лицо, почтительно ему кланялись.

Въ то время былъ въ Москвѣ одинъ изъ крупныхъ представителей торговли—Буркинъ, замѣчательно огромнаго роста и ширины въ плечахъ. Нѣкоторые говорили, что Буркинъ не меньше ростомъ А. П., а другіе утверждали, что онъ даже шире его въ плечахъ. Эти разговоры дошли до А. П.; онъ полюбопытствовалъ познакомиться съ Буркинымъ, и просилъ представить его ему. Буркинъ, узнавъ о желаніи А. П. поспѣшилъ пріѣхать. А. П. просилъ его помѣряться съ нимъ. Когда они стали другъ къ другу спинами, то А. П., можно сказать, покрылъ своею массою—громаднаго Буркина.

Необыкновенно экономный образъ жизни А. П. съ соблюденіемъ приличной всегда внѣшней обстановки, превосходилъ всякое вѣроятіе. Онъ занималъ весь двухэтажный каменный домъ, хотя не большой, но съ барскою обстановкою. Прислуги у него было человѣкъ пятнадцать, а лошадей держалось четыре, и на все это расходовалось около 4 тыс. руб. въ годъ. Случалось, что Максимычъ при мнѣ приносилъ утромъ отчетъ расходовъ и шкатулку. А. П. отпиралъ ее, находившимся въ его жилетномъ карманѣ ключикомъ, и давалъ ему деньги на расходъ. Онъ мнѣ говорилъ, что жилетъ его, домашней работы, стоитъ около 50 коп., а пальто не болѣе 3 руб.

Наслѣдственное имѣніе, въ Орловской губерніи и подмосковное (Осоргино) А. П. получилъ въ свое распоряженіе уже въ то время, когда жилъ въ Москвѣ, удаленный отъ дѣлъ. Въ теченіи же всей службы жилъ только однимъ жалованьемъ.

А. П. говорилъ, что въ спискѣ лицъ, пользовавшихся высочайшими денежными наградами и другими субсидіями, противъ имени его оставался постоянно пробѣлъ, такъ какъ онъ отъ дѣлаемыхъ ему денежныхъ предложеній всегда уклонялся, объясняя это совершенно достаточнымъ и удовлетворяющимъ его нужды, получаемымъ содержаніемъ. Въ такомъ смыслѣ былъ отвѣтъ А. П. императору Александру Павловичу, который пожелалъ узнать о его матеріальномъ положеніи.

При этомъ считаю кстати упомянуть о другомъ разсказѣ А. П., относящемся къ иной эпохѣ, когда уже много протекло времени послѣ оставленія имъ службы.

Императоръ Николай Павловичъ, въ одно изъ пребываній своихъ въ Москвѣ, былъ очень милостивъ къ А. П. и освѣдомился у графа Закревскаго о матеріальномъ положеніи А. П., съ которымъ графъ

Закревскій съ давняго времени былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Императоръ поручилъ Закревскому спросить А. П. не имѣетъ ли онъ какой надобности, которую государь могъ бы удовлетворить или не имѣетъ ли онъ желанія занять какой либо постъ на государственной службѣ. Ермоловъ отвѣчалъ Закревскому такими словами:

— Я искренно благодарю государя моего за все его милостивое вниманіе ко мнѣ; но прошедшаго возвратить невозможно. При всемъ могуществѣ императора, онъ конечно признаетъ могущество Божіе. Но сдѣлаетъ ли Богъ, чтобы вчерашняго дня не было?

Для разъясненія прежнихъ отношеній Ермолова къ тогдашнему правительству, не лишенъ также интереса слѣдующій разсказъ. Въ 1825 году, при воцареніи императора Николая, въ Петербургѣ съ нетерпѣніемъ ожидали изъ Кавказа высылки присяжныхъ листовъ. А. П. въ это время находился въ отсутствіи, въ горахъ: курьеры съ депешами при тогдашнихъ трудностяхъ сообщенія, при неизбѣжныхъ конвояхъ, весьма естественно не могли исполнять даваемыхъ имъ порученій съ желаемою поспѣшностью, а потому высылка присяжныхъ листовъ, при отдаленныхъ расквартированіяхъ кавказскихъ войскъ, неизбѣжно замедлилась. Извѣстно тревожное настроеніе тогдашняго общества и правительства по поводу возмущенія въ гвардейскихъ полкахъ 14-го декабря, и послѣдовавшихъ затѣмъ арестовъ и слѣдственныхъ дознаній. Это обстоятельство дало возможность лицамъ, неблагопріятно относившимся къ А. П. дѣлать неправильное и компрометирующее его объясненіе причинамъ означенной выше медленности; они старались навести на него тѣнь сомнѣнія въ глазахъ государя. Каждое высокопоставленное лицо облеченное довѣріемъ правительства и при томъ съ такимъ независимымъ характеромъ, какимъ отличался А. П. неизбѣжно вызываетъ чувство соперничества и недоброжелательства. По этому понятно вслѣдствіе какихъ соображеній одна высокопоставленная особа сдѣлала оффиціально и конфиденціально отзывъ объ А. П., какъ о личности политически неблагонадежной, тогда какъ честность и вѣрность служенія Россіи Ермолова, въ теченіи полувѣка, доказаны на поляхъ сраженій и впослѣдствіи по гражданскому управленію, а безкорыстіе его всѣмъ извѣстно.

Приводя разсказъ этотъ, служащій объясненіемъ одной изъ причинъ охлажденія императора Николая къ А. П. и послѣдовавшаго затѣмъ удаленія его отъ дѣлъ, я считаю необходимымъ прибавить, что А. П. интересуясь постоянно и слѣдя за политическими событіями и правительственными распоряженіями, всегда воздерживался отъ заявленія своихъ мнѣній, по крайней мѣрѣ въ моемъ присутствіи, особенно въ смыслѣ порицанія, или критики.

Съ 1857 года, по случаю моихъ отлучекъ изъ Москвы въ деревню и поѣздокъ заграницу, мнѣ приходилось рѣже видѣться съ А. П. Наступала крестьянская реформа. Эта реформа до такой сте-

пени озабочивала моего отца, что болѣзненное состояніе его ухудшилось и ускорило его кончину.

Мы слѣдили съ напряженнымъ вниманіемъ за подготовительными работами по этому дѣлу. А. П. въ званіи члена государственнаго совѣта получалъ послѣдовательно протоколы засѣданій коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ.

Предчувствуя роковое вліяніе этой перемѣны на мое матеріальное благосостояніе, я часто, изъ чувства самосохраненія, выражалъ А. П. свои сѣтованія на несвоевременность, какъ мнѣ тогда казалось, этой государственной реформы. Высказывая свои мнѣнія, я говорилъ, что помѣщики въ такомъ обширномъ государствѣ, какъ Россія, не имѣющемъ на громадныхъ разстояніяхъ удобныхъ сообщеній, могли бы быть полезны правительству, еслибы оно создало для нихъ оффиціальное служебное положеніе, обязавъ ихъ административнымъ завѣдываніемъ, экономическою производительностью государства и предоставило имъ тѣже права на полученіе наградъ и повышенія чиновъ, какія получаются на общей государственной службѣ. Такая мѣра, по тогдашнимъ моимъ соображеніямъ, дала бы возможность произвести освобожденіе крестьянъ постепенно и дворянство не было бы раззорено.

А. П. снисходительно выслушивалъ мои проэкты и съ улыбкой отвѣчалъ мнѣ лаконически:

— Ты, братъ, фрейгеръ и самодержецъ.

А. П. воспитывался въ московскомъ университетскомъ пансіонѣ и разсказалъ мнѣ однажды про неожиданный случай, имѣвшій серьезное на него вліяніе. Онъ отправился какъ-то изъ пансіона домой пѣшкомъ; одновременно съ нимъ товарищъ его князь N., поѣхалъ изъ пансіона въ присланной за нимъ великолѣпной каретѣ. На улицѣ было грязно и брызги отъ колесъ кареты князя N. запачкали платье А. П. Съ тѣхъ поръ у него зародилось постоянное предъубѣжденіе противъ аристократіи, хотя самъ А. П. былъ старинный дворянинъ.

Послѣдніе годы своей жизни А. П. усидчиво писалъ свои записки. Я замѣтилъ однажды, что такое напряженное и однообразное занятіе, при совершенномъ недостаткѣ движенія, не можетъ быть полезно общему состоянію его здоровья и что мое мнѣніе раздѣляетъ часто посѣщавшій его докторъ Ѳ. И. Иноземцевъ.

На это замѣчаніе А. П. отвѣчалъ: „Мнѣ надобно торопиться; жизнь моя не долга“. Когда я сказалъ, что при его тѣлосложеніи и нѣкоторомъ вниманіи и предосторожностяхъ въ образѣ жизни, можно еще долго прожить, онъ возразилъ:

— Мнѣ это не нужно; я уже чувствую усталость жизни; къ тому же есть еще у меня одно соображеніе по поводу одного случая, бывшаго давно со мною и о которомъ, можетъ быть, не многіе знаютъ. Я тебѣ его разскажу: было это въ ту пору, когда я былъ назначенъ главнокомандующимъ экспедиціоннымъ корпусомъ въ Италію. Однажды

я возвратился къ себѣ въ самомъ лучшемъ настроеніи духа и расположился для размышленій въ своемъ креслѣ. Вдругъ передо мною явился какой-то человѣкъ никогда мною не виданный. Меня удивило, что онъ вошелъ безъ доклада, тогда какъ въ пріемной комнатѣ были люди. Не успѣлъ я сдѣлать ему вопроса, какъ онъ сталъ говорить: „Счастье тебѣ улыбается, ты переживаешь лучшую эпоху твоей жизни. Такъ будетъ продолжаться еще десять лѣтъ, затѣмъ въ судьбѣ твоей произойдетъ перемѣна, ты испытаешь неудачи и несчастія". Потомъ онъ сталъ говорить мнѣ о наиболѣе замѣчательныхъ случаяхъ въ предстоявшей мнѣ жизни, опредѣлилъ съ точностью сколько мнѣ осталось жить и вдругъ исчезъ съ такою же неожиданностью, какъ и было появленіе его. Пораженный необычайностью такого явленія, я сталъ провѣрять себя, не причудилось ли оно мнѣ въ состояніи дремоты? Слова и голосъ незнакомца еще звучали въ ушахъ моихъ, память моя опредѣлительно сохранила все сказанное мнѣ имъ и я поспѣшилъ немедленно записать слышанное въ точномъ хронологическомъ порядкѣ. Записанное мною хранится доселѣ въ моихъ бумагахъ. Послѣдовавшія затѣмъ событія моей жизни, съ совершенной точностью оправдали дивное предсказаніе.

Объ этомъ видѣніи А. П. уже было сообщено въ печати, но въ иной формѣ и съ нѣкоторыми варіантами. Я не могу ручаться, измѣнила ли память самому А. П. при передачѣ этого событія кому-либо изъ знакомыхъ, или то лицо, которому было разсказано случившееся, самопроизвольно измѣнило сущность и подробности разсказа; но что касается меня, то я твердо помню разсказъ именно въ такомъ видѣ, какъ передаю здѣсь.

Въ послѣдніе годы своей жизни А. П. обратилъ всѣ свои недвижимыя имѣнія въ капиталъ. Онъ также обратилъ въ капиталъ собранную имъ въ продолженіи многихъ лѣтъ богатую библіотеку. Московскій университетъ купилъ ее у А. П. за 70,000 р.

Старшіе сыновья А. П. были выдѣлены при его жизни, а часть капитала, предназначенная младшему сыну, Николаю, была помѣщена на опредѣленный срокъ, для выдачи процентовъ, г. Сапожникову—извѣстному астраханскому коммерсанту, котораго А. П. зналъ съ самаго начала службы своей на Кавказѣ.

Когда бывало я жаловался на кого-нибудь и рѣчь шла о чьихъ-либо дурныхъ качествахъ, А. П. говорилъ, что онъ пріучилъ себя смотрѣть на людскія недостатки и слабости такъ, чтобы ими никогда не возмущаться, „потому, прибавлялъ онъ,—что всякіе люди Богу надобны". Когда же огорченный я иногда выражалъ свое горе, А. П. утѣшалъ меня пословицей графа Ланжерона—не тужи безвременно, все будетъ по прежнему.

Постоянно сидячая жизнь А. П. въ преклонныхъ лѣтахъ, то за раскладываніемъ пасьянса, то за составленіемъ записокъ, развила въ немъ, какъ это и предсказывали врачи, водяную болѣзнь.

При усиленіи болѣзни ему уже трудно было долго оставаться въ креслѣ и онъ лѣжился. Но промежутками, во время облегченія, опять садился въ свое любимое кресло.

Въ одинъ изъ этихъ дней, я по обыкновенію пришелъ освѣдомиться о его здоровьѣ. На вопросъ мой, какъ онъ себя чуствуетъ, А. П. взялъ меня за руку и грустно склонивъ голову сказалъ:

— Теперь ужъ, братъ, я совсѣмъ обабился.

Это была послѣдняя изъ полушутливыхъ фразъ, слышанныхъ мною отъ этой благородной и высокой личности. Вскорѣ уже А. П. не могъ сидѣть въ креслѣ и окончательно слегъ въ постель. Страданія его постепенно увеличивались; но онъ и въ эти минуты не хотѣлъ оставаться одинъ. Его постоянно окружали сыновья и самые близкіе къ нему лица. Чтобъ отвлечь вниманіе отъ своихъ страданій и разсѣять висѣвшую въ воздухѣ тоску, А. П. просилъ чтобы при немъ играли иногда въ карты. Къ постели придвигали столъ и сыновья его играли въ преферансъ.

Уважаемый и извѣстный тогда въ Москвѣ докторъ Ѳедоръ Ивановичъ Иноземцевъ находился почти безотлучно въ послѣдніе дни у постели умирающаго. Мнѣ не привелось присутствовать при кончинѣ А. П. и я вынужденъ былъ заочно оплакать эту тяжелую для меня потерю.

А. Фигнеръ.

СУЛТАНСКОЕ ПИСЬМО.

(Изъ дѣлъ Тайной канцеляріи).

I.

Въ 1736 ГОДУ въ Нижнемъ-Новгородѣ, у одного подъячаго, по прозванію Петра Максимова, въ дому его, поставленъ былъ военный постой въ лицѣ солдата Ѳедора Щербакова. Солдатъ пришелся не по душѣ подъячему, какой то строптивый, сварливый, смотрѣлъ все изъ подлобья, говорилъ мало, уходилъ рано на весь день и приходилъ часто очень поздно вечеромъ.

— Не ладно, говаривалъ подъячій женѣ своей, не ладно, такъ вотъ сердце и говоритъ, что не миновать намъ бѣды съ этимъ солдатомъ.

И дѣйствительно предчувствіе не обмануло Максимова...

Въ одно прекрасное утро, жена подъячаго заявила мужу, что солдатъ укралъ у нея изъ подголовка 2 р. 25 к. денегъ, два креста съ цѣпочкою и двѣ серебряныя запонки. Наканунѣ вечеромъ она сама положила деньги въ подголовокъ, ходила ночью къ заутрени, поутру вернулась рано и не нашла ни денегъ, ни креста, ни запонокъ, а въ домѣ кромѣ солдата да мужа постороннихъ съ вечера и до утра никого не было.

Подъячій отправился къ ротному командиру солдата Щербакова и заявилъ ему о воровствѣ.

Привели Щербакова и ротный началъ допросъ.

— На тебя, Щербаковъ, показываетъ подъячій, что ты укралъ у жены его деньги, крестъ съ цѣпочкою и запонки?

— Никакъ нѣтъ! ваше благородіе, и не видѣлъ, и не слыхалъ и не воровалъ, клевещетъ онъ на меня.

— Въ домѣ постороннихъ съ вечера и до утра... началъ говорить подъячій.

— Какое мнѣ дѣло до твоихъ постороннихъ? кто видѣлъ что Щербаковъ воровалъ?

— Съ вечера и до утра постороннихъ въ домѣ... началъ опять подъячій.

— Убирайся ты къ чорту, съ твоими посторонними! закричалъ ротный командиръ. Отвѣчай кто видѣлъ...

— Да что ты орешь на меня? въ свою очередь закричалъ подъячій, я тебѣ не команда! защищать что ли хочешь своего...

— Ахъ ты, канцелярская крыса! закричалъ ротный. Вотъ я тебѣ покажу команду. Въ полковую его избу! ведите его! въ полковую...

Подъячій барахтался, но куда же ему было справиться съ солдатами; его привели въ полковую избу и здѣсь ротный началъ потѣшаться надъ нимъ батогами, съ приговоркою: я не команда? а? не команда? Солдаты били съ какимъ то особеннымъ наслажденіемъ канцелярскую крысу. Подъячій сперва кричалъ: ай! ай! батюшки! караулъ! злодѣи! и наконецъ закричалъ: слово и дѣло!

Никакой командиръ въ свѣтѣ не остановилъ бы такъ быстро экзекуцію расходившихся солдатъ, какъ эти страшныя два слова!

Подъячаго, по приказанію ротнаго, отвели въ губернскую канцелярію.

II.

Извѣстно, что побои и истязанія вынуждали многихъ несчастныхъ кричать слово и дѣло, и въ монастыряхъ, и въ селахъ, и деревняхъ и въ городскихъ тюрьмахъ, и въ полковыхъ избахъ, и даже на улицахъ и площядяхъ... побои и истязанія прекращались, но послѣ побитымъ и истерзаннымъ было не легче. За ложное говореніе слова и дѣла законъ опредѣлялъ кнутъ, плети или батоги.

При такой обстановкѣ дѣла находился и подъячій Петръ Максимовъ; его привели въ губернскую канцелярію и здѣсь немедленно начался допросъ.

— Сказывалъ-ли ты государево слово и дѣло?

— Сказалъ не стерпя побой, а слова и дѣла за мною нѣтъ никакого...

— Такъ ложно сказывалъ?

Вопросъ очень непріятный. Подъячій зналъ, какого рода удовольствіе ему предстоитъ за ложное сказываніе слова и дѣла, нужно было вывертываться! но какъ?

Подъячій призадумался и отвѣчалъ:

— Только вотъ видалъ я у писца Ивана Анофріева списокъ съ письма писаннаго отъ салтана турецкаго...

— А что въ письмѣ? къ кому? до какой причины?

Опять бѣда подъячему. Читалъ онъ это письмо у Ивана Анофріева, а подробности запамятовалъ—вспомнилъ только нѣчто:

— Всего запамятовалъ, отвѣчалъ онъ, а помню написано отъ салтана турецкаго, что онъ царь русскій, что онъ наслѣдникъ московскій... что священниковъ псамъ отдастъ на съѣденіе... пишетъ салтанъ чтобъ вѣру его приняли... а болѣе не помню.

Губернская канцелярія отыскала писца Ивана Анофріева.

— Откуда взялъ письмо салтана турецкаго? гдѣ оно?

Предъявилъ Анофріевъ списокъ съ письма салтана турецкаго.

— А у кого списалъ?

— У Аѳонасья Осипова, пономаря Николаевской церкви.

Отыскали пономаря.

— Отъ кого получилъ письмо?

— Отъ школьника Василья Иванова.

Отъискали школьника, онъ получилъ письмо отъ сына Нижегородскаго ямщика Дмитрія Моисѣева; Моисѣевъ отъ крестьянина Нижегородской благовѣщенской слободы Ивана Кондратьева; Кондратьевъ отъ крестьянина же Макурина; Макуринъ отъ дьячка Федора Михаилова; дьячокъ отъ брата своего Бориса; Борисъ отъ Нижегородскаго ямщика Ивана Красносельцова — а Красносельцовъ прекратилъ наконецъ эту скачку губернской канцеляріи за переписчиками салтанскаго письма, объявивъ, что получилъ его въ городѣ Романовѣ отъ невѣдомаго человѣка.

— Какія примѣты? какого званія, или чина невѣдомый человѣкъ? гдѣ живетъ?

На эти вопросы Красносельцовъ отвѣчалъ:

— Не вѣдаю, былъ невѣдомый для меня человѣкъ!

Губернская канцелярія отпустила на свободу всѣхъ любознательныхъ переписчиковъ султанскаго письма, а оставила у себя подъ арестомъ „въ тюрьмѣ“ подъячаго Петра Максимова и ямщика Красносельцова, и списокъ съ письма султана турецкаго послала въ московскую контору тайной канцеляріи, испрашивая разрѣшенія какъ поступить съ арестантами.

Вотъ это письмо, сохранившееся въ дѣлахъ тайной канцеляріи:

„Махмедъ сынъ прехвальныя славы и надъ всѣми повелитель, сынъ Божій, монархъ турецкій, македонскій и воложскій, царь арменскій и антіохійскій, царь великаго и малаго Египта, царь вселенныя и славнѣйшій между всѣми нами махомедами и наслѣдникъ венгерскій, русскій, царь всѣхъ царей и государей, держава жизни и наслѣдникъ московской земли и обѣтованныя, великій гонитель христіанскаго Бога, царево цвѣту блюститель, великія надежды повелитель. Поздравляю тебе Леопанде цесарю, аще хощеши и желаеши быти между нами безъ всякіе обиды не сотворенно тебѣ идти на насъ дѣломъ или войною; догадываемся яко со онымъ нѣкоторымъ съ королемъ покусился еси внити въ совѣтъ, да противъ моей силы ратоборствовати, и то ты ничего не ожидай себѣ, токмо жди себѣ совершенной погибели своей во истинну волею ты поискалъ аще и сіе объявлю

тебѣ, что я изыду на погубленіе твое къ тебѣ отъ востока даже и до запада и покажу тебѣ силы моея крѣпости съ великимъ наказаніемъ, да познаеши и узриши сколько силы государства моего, а что надѣешься ты на свои городки, будто крѣпки, и я конечно порадѣю ихъ въ конецъ искоренити и испровергнути, якобы ихъ на свѣтѣ никогда не бывало; сверхъ сего объявляю вамъ вящее истовая исполненія, яко Богу попущающу вся, твоя земли и грады и страны никогда не будетъ мирнаго покоя; яко уставивъ мысли моя погубить тебя съ людьми твоими въ маломъ времени и нѣмецкую землю подщусь разорити и искоренити и ничего въ ней оставить, а твоему государству страхомъ моимъ и саблею моею пролитіе крове вѣчную память сотворю, воистинну то все и сбудется, чтобъ моя слава явная была повсюду и чтобъ вѣра наша вездѣ широту воспріяла, а Богъ вашъ ко кресту пригвожденъ вѣчно и крѣпости никогда же возможенъ сотворити тебѣ помощь отъ моихъ рукъ свободити. Паче же священники твои уставихомъ псамъ на съѣденіе отдать. И совершенно и то будетъ добро бы ты сотворилъ аще бы и ты вѣру свою оставилъ и видѣлъ бы я подлинное ко мнѣ твое обращеніе, а то довольно ти буди, для познанія тѣхъ яко же къ тебѣ писано".

Не смотря на полное безсмысліе этого памфлета, и на то, что онъ написанъ къ Леопанду (Леопольду цесарю Римскому) тайная контора рѣшила о переписчикахъ и читателяхъ салтанскаго письма. такъ: „чтобъ впредь они такихъ недѣльныхъ писемъ при себѣ не имѣли учинить имъ наказаніе бить батогами нещадно и освободить.

Впрочемъ, можетъ быть, это письмо имѣло какое-нибудь современное значеніе, потому, что въ запискахъ Желябужскаго мы встрѣтили варіантъ этого письма, къ сожалѣнію, помѣщенный безъ взякаго объясненія.

Г. Есиповъ.

ТЕНДЕНЦІОЗНЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА ПРЕПОДАВАНІЕ ИСТОРІИ.

Изъ всѣхъ предметовъ преподаванія въ нашей школѣ едва ли не самая незавидная участь выпадала всегда на долю исторіи. За нею признавалось важное образовательное значеніе, писались широковѣщательныя программы, поставлявшія себѣ задачей знакомить учащихся чуть не съ обязанностями „гражданина“, составлялись учебники и руководства, а на дѣлѣ не только не выходило „блестящихъ результатовъ“, но и самый взглядъ на цѣли историческаго преподованія, его содержаніе, смыслъ и характеръ, подвергался постояннымъ измѣненіямъ и колебаніямъ. Было время когда подъ именемъ исторіи въ школу допускалось только систематически, сознательно и злонамѣренно ложное изложеніе историческихъ свѣдѣній и фактовъ. Это—всѣмъ памятный періодъ господства Магницкаго. „Душею воспитанія и первою добродѣтелью гражданина“ почиталась тогда „покорность“, а важнѣйшею добродѣтелью юности—„послушаніе“. „Исторія“ тогда обязана была трактовать о томъ, „что христіане имѣли всѣ добродѣтели язычниковъ въ несравненно величайшей степени и многія совершенно имъ неизвѣстныя“, о мудрости и твердости мучениковъ, терпѣніи и „ангельской чистотѣ“ отшельниковъ, словомъ, о томъ, что все называемое въ „языческой исторіи“ великостію и добродѣтелью есть „токмо высочайшій степень гордости человѣческой“. Такова задача всеобщей исторіи того времени. Русская исторія не шире брала предметъ: требовалось показать въ преподаваніи, что „отечество наше въ истинномъ просвѣщеніи упредило многія современныя государства“. Понятное дѣло, даже „Исторія Государства Россійскаго“ съ такой точки зрѣнія признавалась вредною, ибо тамъ и нѣкоторые помазанники Божіи поносятся именами тирановъ и злодѣевъ“, тогда какъ „лица, одному Богу подсудимыя, должны уважаться“.

Миновала пора „бича божія“ народнаго просвѣщенія, долженъ былъ измѣниться, конечно, и взглядъ на исторію, какъ на предметъ спо-

собный „подкопать алтарь Христовъ и тысячелѣтній тронъ древнихъ государей“. Но въ дѣйствительности получилось только, что тенденціозная точка зрѣнія на историческое преподаваніе потеряла лишь свой безобразный характеръ, и въ полной силѣ осталась теорія, по которой русскій народъ въ рубашкѣ родился, героизмомъ вскормленъ и потому можетъ считать себя „новымъ Израилемъ“. „Исторія“ являлась принаряженной, парадной: милосердое и просвѣщенное правительство, мудрое внутреннее устройство, побѣдоносныя дѣянія, рисовались яркими красками. Самыя мрачныя эпохи изукрашивались разнаго рода лирическими алюрами; тутъ оказывались и герои добродѣтели, и повсюду счастливыя развязки. Отсюда приходилось прибѣгать къ намѣренному искаженію историческихъ фактовъ или къ утаиванію многихъ изъ нихъ. Нужно ли задаваться вопросомъ о пользѣ отъ знанія подобной „исторіи?“ Безъ сомнѣнія, лучше совсѣмъ не знать предмета, нежели имѣть о немъ совершенно превратное понятіе. А именно такое понятіе должно было получиться отъ изученія исторіи, гдѣ все завершалось достохвальнымъ квіетизмомъ, для котораго, какъ извѣстно, все и всегда обстоитъ благополучно.

Эта точка зрѣнія на исторію, быть можетъ, и внушенная патріотическими чувствованіями и пристрастіемъ, оставалась господствующей въ школьномъ преподаваніи до позднѣйшаго времени и привела именно къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя указаны были раньше насъ г. Стоюнинымъ въ его воспоминаніяхъ [1]). „Мы“ по справедливому замѣчанію г. Стоюнина, „являемся безпомощными со стороны исторіи... Мы не чувствуемъ крѣпой связи между своимъ настоящимъ и прошедшимъ; мы не знаемъ основательно, какъ продолжаемъ ихъ (нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ) жизнь, какія задачи и какъ рѣшали они, къ чему они стремились по своимъ идеаламъ, какъ они выработали эти идеалы, какую борьбу вели за нихъ, что ихъ удовлетворяло въ жизни и отъ чего они хотѣли отдѣлаться. Мы видимъ за собою тьму, но не видимъ свѣта и передъ собою; намъ хотѣлось бы, чтобы вспыхнулъ какой-нибудь огонекъ, освѣтилъ бы нашу дорогу, и идемъ ощупью; намъ кажется, будто мы вносимъ свои новые идеалы въ жизнь и не знаемъ, чѣмъ они лучше прежнихъ. Мы не можемъ оглянуться назадъ, чтобы по пройденному историческому пути сообразить, какъ идти впередъ. Опыты жизни нашихъ дѣдовъ и прадѣдовъ намъ чужды; мы дѣлаемъ свои собственные и часто ошибочные, неудачные, потому что не знаемъ ошибокъ и неудачъ прошлыхъ временъ“...

Таковы пагубныя слѣдствія насилованія исторіи, хотя бы и съ похвальною цѣлью заявить свою любовь къ отечеству. Ни родины, ни народности своей въ общемъ итогѣ мы все таки не знаемъ, а вмѣсто изученія причинной связи явленій нашей исторической жизни довольствуемся чѣмъ-то обрывочнымъ, разбросаннымъ, безсвязнымъ,

---

[1]) См. „Древняя и Новая Россія“ 1879 г., т. I, стр. 7.

что составляло и составляетъ даже теперь отличительное качество нашихъ историческихъ руководствъ и учебниковъ. Но въ настоящее время подобное положеніе вещей все же хоть сколько-нибудь парализуется сравнительно широкимъ развитіемъ популярной исторической литературы,—чего не дастъ школа, то пополнитъ жизнь, что утаитъ педагогъ, съ тѣмъ открываетъ возможность ознакомиться литература. Если наши историческіе учебники и кажутся какою-то дѣтскою кашкою, которою хотятъ утолить умственный голодъ почти уже взрослыхъ людей, все же это теперь не единственный источникъ знакомства съ исторіей.

Совсѣмъ иначе должно представляться дѣло, когда наши ученыя и учебныя силы были насчету и когда приходилось довольствоваться только тѣмъ или немногимъ больше того, что могла сообщить школа. Получивъ скудныя историческія познанія, строго ограниченныя тенденціозной программой, молодость вступала въ жизнь, съ тѣми же ложными взглядами, какіе внушались ей въ школѣ, не имѣя предъ собою ни возможности, ни случая, отрѣшиться отъ этой фальши и блуждая относительно прошлаго своей родины въ какомъ-то туманѣ.

Какимъ образомъ смотрѣли тогда на историческое преподаваніе люди почитавшіе себя компетентными въ этомъ дѣлѣ, свидѣтельствуетъ, между прочимъ, документъ доставленный въ распоряженіе редакціи „Историческаго Вѣстника“ Ѳ. Н. Устряловымъ, сыномъ нашего извѣстнаго историка. Это — записка К. С. Сербиновича, въ то время бывшаго редакторомъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, записка, составленная по порученію министра просвѣщенія графа С. С. Уварова объ учебникѣ Н. Г. Устрялова „Начертаніе Русской исторіи для учебныхъ заведеній“ (вышелъ въ свѣтъ въ маѣ 1839 г.). Документъ вдвойнѣ любопытный. Вопервыхъ, по немъ можно судить о взглядахъ графа С. С. Уварова и самого Сербиновича на исторію, какъ предметъ школьнаго преподаванія, а съ другой стороны, документъ этотъ имѣетъ цѣнность и въ настоящее время, потому что сущность дѣла одобренія или бракованія для школы учебниковъ, на основаніи отзыва чиновника-критика, мало устарѣла.

Что же въ особенности занимало Сербиновича въ руководствѣ Устрялова? „Стараясь по мѣрѣ силъ моихъ исполнить волю начальства“—пишетъ Сербиновичъ—„я считаю долгомъ представить тѣ замѣчанія какія только могъ сдѣлать при внимательномъ чтеніи этой „отличной учебной книги“. Въ общемъ, оффиціозный критикъ признаетъ „Начертаніе“ Устрялова „самымъ лучшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ сокращеній Русской исторіи“. „Особенно же первая половина его обработана съ такимъ искусствомъ, что не оставляетъ желать ничего лучшаго для преподаванія въ училищахъ“. Но „исполняя по мѣрѣ силъ волю начальства“, критикъ въ своихъ замѣчаніяхъ главнымъ образомъ напираетъ на духъ и направленіе „Начертанія“. Онъ, правда, допускаетъ, „что глубокое чувство любви къ отечеству водитъ

перомъ его (автора) повсюду и придаетъ разсказу жизнь и привлекательность", но въ иныхъ мѣстахъ учебника Н. Г. Устрялова все же старается подчеркнуть недостаточность въ выраженіяхъ относительно излюбленнаго тогдашнимъ министромъ принципа или — какъ говорилъ самъ Уваровъ — „незыблемаго камени",—православія. „Вмѣсто „греческаго исповѣданія", замѣчаетъ Сербиновичъ, „что не имѣетъ никакой силы и ставитъ насъ наравнѣ со всякимъ инымъ исповѣданіемъ, должно сказать „православное восточное исповѣданіе". „Это должно наблюсти и во всей книгѣ, гдѣ говорится о нашемъ исповѣданіи". Мало того, Сербиновичъ находитъ „приличнѣе" именовать „Владиміра Святого" „Святымъ Владиміромъ", ибо „послѣднее означаетъ наше признаваніе его святымъ, тогда какъ „первое—одно только прозваніе". „Такъ" — поясняетъ свою мысль критикъ — „поневолѣ мы говоримъ Канутъ Святый".

Развитію этого принципа Сербиновичъ придаетъ особенное значеніе, а потому и не пропускаетъ ни одного мѣста въ книгѣ Устрялова, гдѣ такъ или иначе не оттѣненъ одинъ изъ „незыблемыхъ каменей" Уваровской системы народнаго просвѣщенія. Въ „Начертаніи", напримѣръ, говорится, что „Владиміръ предпочелъ законъ христіанскій греческаго вѣроисповѣданія". „Здѣсь"—замѣчаетъ Сербиновичъ,—какъ въ самомъ главномъ мѣстѣ, должно сказать со всею опредѣлительностью, что этотъ законъ былъ (или есть) Восточнаго Православнаго-Каѳолическаго исповѣданія. Просто „греческаго" будетъ скорѣе означать нѣчто отдѣльное отъ Вселенской церкви (?!). Такъ намъ прилично называть западное исповѣданіе просто „римскимъ". Въ другомъ мѣстѣ, критикъ оспариваетъ Н. Г. Устрялова по поводу имъ сказаннаго о посвященіи Иларіона въ митрополиты при великомъ князѣ Ярославѣ и, за недостаткомъ фактическихъ доказательствъ, пользуется весьма обычной въ подобныхъ случаяхъ аргументаціей, основанной на соображеніяхъ прописной морали. „Прочтя оное (мѣсто о посвященіи Иларіона), могутъ заключить, что Ярославъ былъ реформаторомъ въ важнѣйшей статьѣ іерархическаго порядка, и что до него духовенство не признавало надъ собою верховной власти великаго князя. Напротивъ того, она и прежде была признаваема вполнѣ, ибо духовная власть не отъ міра сего".

Вообще же, всякое нарушеніе іерархическаго порядка или внѣшняго, наружнаго единообразія въ прошлой жизни Россіи, встрѣчаетъ неодобреніе со стороны оффиціозной критики. Вотъ, между прочимъ, нѣкоторыя изъ замѣчаній этого рода, признаваемыя Сербиновичемъ весьма важными и существенными относительно школьнаго руководства по исторіи. „Митрополитъ Кіевскій", говорится въ „Начертаніи" Устрялова „назначаемый по волѣ великаго князя Византійскимъ патріархомъ". Сербиновичъ замѣчаетъ на это: „должно сказать по назначенію великаго князя утверждаемый византійскимъ патріархомъ". Далѣе тамъ, гдѣ въ учебникѣ рѣчь идетъ

объ учрежденіи патріаршества, критикъ предлагаетъ непремѣнно „сказать, что для сего было согласіе вселенскихъ патріарховъ, дабы показать, что чрезъ учрежденіе сіе не произошло іерархическаго разрыва съ вселенскою церковью". Педантичность критика въ данномъ случаѣ доходитъ иногда до забавнаго. Сербиновичъ не только предлагаетъ особую, такъ сказать, спеціально назначенную для школы формулу для извѣстнаго рода историческихъ фактовъ, но и опасливо взвѣшиваетъ каждое выраженіе учебника, которое не съ надлежащимъ лиризмомъ и безъ сантиментальности касается историческаго явленія. Любопытно, напримѣръ, сопоставить параллельно сюда относящіяся мѣста изъ „Начертанія" и критики.

Устряловъ:	Сербиновичъ:
„Управленіе дѣлами церкви онъ (Петръ) поручилъ святѣйшему синоду, предоставивъ ему всѣ права и обязанности прежняго патріарха, коего санъ былъ отмѣненъ еще въ 1700 г."	Должно сказать: „управленіе дѣлами церкви онъ поручилъ святѣйшему синоду. Къ сему постоянному соборному правительству, съ согласія и благословенія вселенскихъ патріарховъ, перешли всѣ духовныя права и обязанности прежняго патріарха, коего мѣсто оставалось празднымъ еще съ 1700 году".

Выходитъ, правда, одно и тоже, но за то поучительнѣе, пространнѣе и болѣе туманно и загадочно.

Или вотъ еще примѣръ въ подобномъ же родѣ:

Устряловъ, л. 1‹6:	Сербиновичъ:
„Тѣже догматы и обряды религіи".	„Это будетъ холодно. Здѣсь не мѣшало бы сказать: та же чистая вѣра, наслѣдованная отъ православнаго Востока".
л. 195: „Послѣдователей греко-россійской религіи". „Католиковъ".	„Холодно. Лучше: „православныхъ". Надобно прибавлять римскихъ. Католики же и мы, и этого имени, какъ принадлежащаго единой истинной православной вѣрѣ, не должно уступать иновѣрцамъ къ своему предосужденію"

Это въ угоду принципу православія. Что касается политики, и тутъ, само собою разумѣется, критика остается вѣрна себѣ: „по мѣрѣ силъ исполнить волю начальства". Отдѣльные историческіе факты оттѣняются нарочито желательной ему окраской, на всѣ лады восхваляется наши преуспѣянія, наши военные и всяческіе подвиги, величіе и сила государства. Короче сказать, требуется какъ будто останавливаться преимущественно на тѣхъ явленіяхъ нашей исторіи, которыя кажутся хорошими, о темныхъ же сторонахъ постараться умалчивать. Не распространяясь уже о томъ, что критика требуетъ „въ учебной книгѣ смерть Димитрія царевича непремѣнно описывать такъ, какъ принимаетъ церковь", въ подтвержденіе сказаннаго нами достаточно упомянуть хотя бы о слѣдующихъ замѣчаніяхъ Сербиновича. „Государь (Алексѣй Михайловичъ)" — говоритъ Устря-

ловъ,—„для спасенія своего любимца, самъ вышелъ къ народу и ласковою рѣчью укротилъ недовольныхъ“. Критикъ, не имѣя возможности оспаривать достовѣрность этого факта, замѣчаетъ: „эту слабость государя лучше исключить изъ книги учебной“. Или вотъ еще характерное замѣчаніе. Упоминая о Разинѣ, Устряловъ говоритъ, что „онъ (Разинъ) распустилъ молву, что идетъ освободить крестьянъ отъ помѣщиковъ“. „Вмѣсто этой подробности“ Сербиновичъ предлагаетъ сказать въ общихъ выраженіяхъ: „даровать народу выгоды“. Разсказывая о бородинской битвѣ, Устряловъ говоритъ, что Кутузовъ рѣшился на нее „не столько въ надеждѣ на побѣду, сколько съ мыслію ободрить русское сердце“. Сербиновичъ отмѣчаетъ: „по моему мнѣнію, лучше исключить“. Нельзя не привести также и слѣдующаго мѣста изъ записки критика:

Устряловъ:	Сербиновичъ:
„Екатерина II знала Понятовскаго, бывшаго прежде посланникомъ въ С.-Петербургѣ, какъ человѣка образованнаго и пріятнаго въ обществѣ [1]), но слабаго характеромъ и безъ блестящихъ свойствъ ума; слѣдовательно, возводя его на престолъ, могла надѣяться утвердить въ Польшѣ вліяніе Россіи“.	„Подчеркнутое есть вовсе лишнее для учебной книги, слѣдующее затѣмъ есть слишкомъ откровенное изложеніе политики Екатерининой. Кажется, довольно сказать, что Екатерина была увѣрена въ его преданности, и потому содѣйствовала возведенію его на престолъ“.

Стараніе уберечь умы учащихся отъ познанія исторической истины, представляя факты нашего прошлаго или въ „общихъ“, а проще сказать, загадочныхъ и темныхъ выраженіяхъ, или же ихъ искажая и умалчивая о многомъ, превышаетъ даже предѣлы служебнаго усердія критика. По крайней мѣрѣ, объ этомъ свидѣтельствуютъ собственноручныя помѣты графа С. С. Уварова, который, одобряя большинство замѣчаній, изложенныхъ въ разбираемой запискѣ Сербиновича, не находитъ удобнымъ согласиться съ нѣкоторыми изъ нихъ. Въ „Начертаніи“, напримѣръ, упоминается, что „Елизаветѣ принадлежитъ слава важнаго улучшенія въ уголовномъ законодательствѣ нашемъ“. Сербиновичъ добавляетъ къ этому: „надобно сказать „предпочтительно передъ европейскимъ“, а графъ Уваровъ приписалъ отъ себя: „не думаю“. Любопытно, между прочимъ, отмѣтить еще одно несогласіе начальника со взглядомъ подчиненнаго критика. „Почему Екатерина II, спрашиваетъ Сербиновичъ,—не названа Великой (въ учебникѣ Устрялова), какъ назвало ее давно и отечество, и иноземцы? Нужно сказать, что ей былъ поднесенъ этотъ титулъ“. Графъ Уваровъ выразилъ свое неодобреніе, приписавъ слѣдующее: „въ этомъ не вижу нужды особой“. Не согласился графъ С. С. Уваровъ и съ заключительнымъ замѣчаніемъ разсматриваемой записки, обличающимъ взглядъ Сербиновича на исторію. „Еще примѣчаніе“ говоритъ критикъ—„надобно бы

[1]) Курсивъ подлинника.

при каждомъ изъ важнѣйшихъ царствованій наименовать тѣхъ великихъ людей, которые прославили оныя святостью жизни, краснорѣчіемъ, государственною политикою, талантами. Это одушевитъ умнаго учителя, онъ самъ разсказомъ дополнитъ картину царствованія и пріятно займетъ учениковъ". Министръ просвѣщенія усомнился въ необходимости подобныхъ дополненій къ „Начертанію", ибо они, по его словамъ, „требуютъ объясненій разнаго рода". Такимъ образомъ, чисто практическое затрудненіе удержало министра отъ того, чтобы одобрить пристрастіе и увлеченіе критика личностями, къ дѣяніямъ и подвигамъ которыхъ будто бы долженъ сводиться весь историческій ходъ народной жизни. Отсюда, конечно, было недалеко и до превращенія исторіи въ панегерикъ, и до замѣны исторической истины—досужимъ краснобайствомъ. Вотъ, между прочимъ, какъ недоволенъ Сербиновичъ сравненіемъ сдѣланнымъ въ „Начертаніи", между государственнымъ геніемъ Петра I и Екатерины II.

„Хотя Петръ I и выше Екатерины II"—пишетъ Сербиновичъ „но дѣлать сравненіе ея достоинствъ съ его достоинствами отрицательнымъ для нея образомъ крайне неловко. Изъ онаго слѣдуетъ, что Екатерина не вникала въ подробности, не знала самоотверженія, была тщеславна. Надобно только читать дѣла, чтобы удивляться Екатериною; въ государственномъ архивѣ хранятся всѣ законы ея времени въ черновой работѣ, и вся эта черновая работа ея собственной руки. Министры только дополняли и исправляли слогъ. Изумительнымъ даромъ вникать во всѣ подробности обладала и она: ее не устрашали ни огромность дѣлъ, ни старинные почерки. Если сравнить безпристрастно, то должно ли умолчать о томъ, что она смягчила жестокость власти, не ослабивъ оной; что мѣры ея не были дуты; что, родясь принцессою нѣмецкою, она умѣла сдѣлаться истинно русскою, душею и сердцемъ, и возвысила народность, которую Петръ уничтожилъ; наконецъ, что народъ обожалъ ее, какъ никого до нея; что старики наши и теперь о ней говорятъ со слезами благодарности. Нѣтъ сомнѣнія что Петръ выше ея, но не должно дѣлать сравненія къ уничиженію второй виновницы нашего благоденствія, въ противномъ случаѣ лучше описать ея достоинства безъ сравненій".

Вообще записка Сербиновича документъ интересный, не только потому, что онъ касается нѣсколькихъ лицъ, имѣвшихъ значеніе въ исторіи нашего просвѣщенія, но для насъ особенно потому, что по немъ можно судить, подъ какимъ угломъ зрѣнія смотрятъ обыкновенно на историческое преподаваніе. Не основательность, не достовѣрность данныхъ исторической науки, и не справедливость и характерность ихъ группировки, принимается въ разсчетъ въ настоящемъ случаѣ; нѣтъ, качества эти приносятся въ жертву духу и направленію, въ какомъ признается позволительнымъ вести преподаваніе исторіи. А такъ какъ духъ—вещь неуловимая и весьма измѣнчивая, по крайней мѣрѣ находящаяся въ зависимости отъ носителей этого

духа, то и преподаваніе исторіи подвержено вліянію разнаго рода случайныхъ вѣяній и измѣнчивыхъ взглядовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дѣятельность педагогическая въ этой сферѣ поставлена въ заранѣе и строго опредѣленныя рамки, за прочность которыхъ, однакоже, возможно ручаться лишь по стольку, по скольку въ каждый данный моментъ гарантированъ авторитетъ самого носителя „духа". Что это именно такъ, показываетъ хотя бы тотъ же учебникъ Устрялова.

Сколько извѣстно, „Начертаніе Русской Исторіи" выдержало болѣе десяти изданій, а до этого удостоено было преміи въ десять тысячъ ассигнаціями отъ министерства народнаго просвѣщенія, по ходатайству С. С. Уварова. Книга, значитъ, вполнѣ благонамѣренная, написанная, по удостовѣренію Сербиновича съ „чувствомъ любви къ отечеству", исправленая, вѣроятно, по вышеприведеннымъ указаніямъ официальнаго критика, какъ это слѣдуетъ заключить изъ резолюціи министра, которая собственноручно положена имъ на запискѣ Сербиновича: „Читалъ съ удовольствіемъ и благодарю Конст(антина) Степ(ановича); замѣчанія сообщить г. Устрялову для надлежащаго употребленія". И однако же, въ учебникѣ Устрялова не преминули обрѣсти слѣды вреднаго направленія, когда въ томъ встрѣтилась надобность. Не касаясь даже характернаго письма князя П. А. Вяземскаго къ С. С. Уварову [1]), гдѣ Устряловъ обвиняется въ „разслабленіи государственныхъ и историческихъ началъ народа"—здѣсь, безъ сомнѣнія непомѣрное пристрастіе къ памяти Карамзина писало рукою поэта,—не касаясь подобнаго рода частныхъ нападокъ на историка, мы не можемъ пройти молчаніемъ одинъ любопытный фактъ, приведенный въ личныхъ воспоминаніяхъ Устрялова и относящійся къ сферамъ оффиціальнымъ.

Дѣло въ томъ, что тогдашній попечитель московскаго учебнаго округа, графъ С. Г. Строгоновъ, нашелъ, что книга Устрялова должна быть вредна въ училищахъ, „заключая въ себѣ неправильныя, даже вредныя понятія о религіи и правленіи". „Строгоновъ"—разсказываетъ далѣе Н. Г. Устряловъ—„взялъ въ Москвѣ исторію съ подчеркнутыми мѣстами и привезъ ее въ Петербургъ для представленія государю Николаю Павловичу, къ которому былъ близокъ. Самъ Богъ спасъ меня отъ бѣды. Я слышалъ прежде стороною о нерасположеніи ко мнѣ Строгонова, и какъ скоро онъ пріѣхалъ рѣшился съ нимъ объясниться: Въ одинъ день я отправился къ нему; онъ принялъ меня, сказавъ, что радъ со мною познакомиться, и пригласилъ на завтрашній день, потому что тогда ѣхалъ къ государю. Я явился въ назначенное время. Строгоновъ ввелъ меня въ кабинетъ, посадилъ и, взявъ со стола мою книгу, спросилъ довольно сурово: „можно ли писать такія вещи?" Дѣло шло объ Ольгѣ и Владимірѣ. Я объяснилъ ему указанныя мѣста, доказалъ, что въ нихъ нѣтъ ничего против-

---

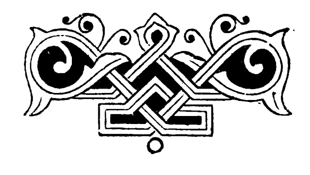
[1]) Полное собраніе соч. князя П. А. Вяземскаго, т. II, стр. 220 и слѣд.

наго нашимъ религіознымъ вѣрованіямъ, говорилъ съ жаромъ, опровергалъ всѣ возраженія и, послѣ двухчасового пренія, Строгоновъ совсѣмъ ко мнѣ измѣнился, простился очень ласково, протянулъ руку, и дѣло не имѣло для меня никакихъ послѣдствій. Не знаю, говорилъ ли онъ государю, только исторія моя шла по училищамъ безъ помѣхи“ [1]).

Ясно, стало быть, что при доброй волѣ и охотѣ всегда возможно отыскать вредоносную тенденцію даже въ книгѣ, проведенной черезъ горнило оффиціальнаго направленія. Отъ историческаго преподаванія, построеннаго на шаткомъ основаніи подобныхъ тенденцій, нечего ждать проку, ибо оно всегда будетъ зависѣть отъ личныхъ воззрѣній вліятельныхъ особъ, въ той или иной мѣрѣ соприкасающихся съ дѣломъ просвѣщенія. Пагубныя послѣдствія этого порядка вещей извѣстны.

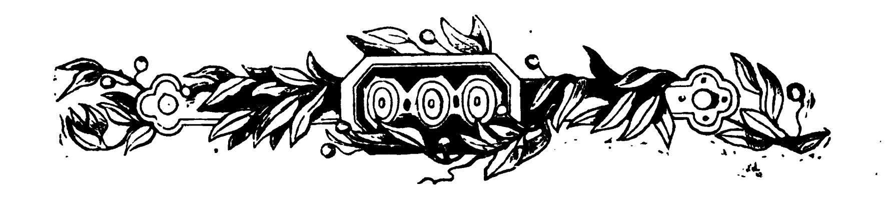
Тенденціозное руководство стѣсняетъ и педагога, и учащагося, первому навязывая нерѣдко своеобразные взгляды на историческое прошлое, ничѣмъ не оправдываемые, помимо растяжимой тенденціи, а второму—сообщая ложное знаніе, которое представляется тѣмъ вреднѣе, что оно неизмѣнно стремиться къ ошибочнымъ выводамъ. Наконецъ, и составитель историческаго учебника преслѣдуетъ при такихъ условіяхъ не интересы чистой науки, а своекорыстные разсчеты. Вотъ къ чему приводитъ тенденціозное отношеніе къ историческому преподаванію. Съ искреннимъ сожалѣніемъ мы должны сказать, что и современная школа не избавлена отъ этихъ печальныхъ недоразумѣній.

Ѳ. Булгаковъ.



---

[1]) „Древняя и Новая Россія“, 1880 г., № 8, стр. 627.



СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРІОГРАФІЯ.

Настоящій обзоръ современной исторіографіи мы посвятимъ цѣликомъ одному сочиненію, въ виду его перворазряднаго литературнаго значенія и интереса его предмета, — мы разумѣемъ сочиненіе Леки „Исторія Англіи въ XVIII столѣтіи". [1]) Леки давно уже извѣстенъ въ исторической литературѣ своими сочиненіями: „Исторіей раціонализма" и „Исторіей нравственнаго развитія Европы отъ Августа до Карла Великаго". Въ своихъ первыхъ трудахъ Леки являлся исключительно историкомъ культуры; предметомъ изслѣдованія служили ему извѣстныя черты, отдѣльныя явленія въ духовной жизни европейскихъ народовъ; эти труды Леки имѣли монографическій характеръ и касались вопросовъ мало разработанныхъ. Въ настоящемъ-же своемъ сочиненіи Леки выступилъ на широкое поприще исторіографіи; онъ взялся за предметъ болѣе знакомый его читателямъ и съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ разработанный его предшественниками. Между послѣдними занимаетъ почетное мѣсто лордъ Магонъ Стангопъ своей исторіей Англіи отъ Утрехтскаго мира до Версальскаго (1713—83), въ 7 томахъ. Что-же привлекло вниманіе Леки къ предмету его послѣдняго сочиненія? чѣмъ оно отличается отъ произведеній его предшественниковъ? что новаго внесено имъ въ способъ изученія XVIII вѣка и какой новый свѣтъ пролилъ онъ въ наши представленія объ этой эпохѣ!

Осьмнадцатый вѣкъ въ Англіи не отмѣченъ и не выдается никакими потрясающими событіями, которыя придаютъ предшествовавшимъ вѣкамъ то возвышающій духъ, то мрачное величіе. Этотъ вѣкъ не представляетъ намъ ничего подобнаго, какъ опустошительныя войны

[1]) A History of England in XVIII century, by W. E. H. Lecky. V. and 2. London, 1878.

Бѣлой и Алой Розы, какъ реформація или религіозная борьба при Елисаветѣ, какъ великое возмущеніе или переворотъ 1688 года. Главное значеніе и интересъ этого вѣка состоитъ въ томъ, что онъ заключаетъ въ себѣ и раскрываетъ зоркому наблюдателю зародыши, изъ которыхъ Англія 1700 года постепенно, тихо, почти незамѣтно выросла и развилась въ Англію нашихъ дней. За Леки нужно признать ту великую заслугу, что одинъ изъ первыхъ онъ увидѣлъ это и первый предпринялъ задачу указать и объяснить причины и процессъ, благодаря которымъ совершились самыя замѣчательныя перемѣны въ системѣ англійскаго правленія или въ устройствѣ англійскаго общества за весь указанный періодъ. Планъ сочиненія онъ самъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ въ предисловіи:

„Я не пытался писать исторію избранной мной эпохи годъ за годъ, давая подробный отчетъ о военныхъ событіяхъ или о менѣе важныхъ фактахъ, касающихся лицъ и партій, что обыкновенно составляетъ значительную часть политической исторіографію. Я имѣлъ цѣлью изъ массы фактовъ извлечь тѣ, которые выходятъ изъ коренныхъ основъ народной жизни и обнаруживаютъ самыя живучія ея черты. Ростъ или упадокъ монархіи, аристократіи и демократіи, церкви и сектаторства, земледѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ интересовъ; усиливающаяся власть парламента и печати; исторія политическихъ идей, искусства, обычаевъ и вѣрованій; перемѣнъ, какія произошли въ соціальныхъ и экономическихъ условіяхъ народа, вліянія, измѣнившія народный характеръ; отношенія метрополіи къ колоніямъ и причины, ускорявшія и замедлявшія успѣхъ послѣднихъ—таковъ предметъ настоящаго сочиненія“.

Изъ этого видно, что Леки, даже взявшись за общую исторію Англіи, остается преимущественно культурнымъ историкомъ. Онъ имѣлъ въ виду не замѣну сочиненій своихъ предшественниковъ новой книгой, но дополненіе къ ихъ трудамъ и даже тамъ, гдѣ его предметъ совпадаетъ съ ихъ дѣятельностью, гдѣ ему приходится излагать политическія событія внѣшней и внутренней жизни, онъ ставитъ себѣ задачей не повѣствованіе, а оцѣнку событій съ культурной точки зрѣнія, онъ не столько излагаетъ, сколько разсуждаетъ. Леки пренебрегаетъ передачей мелочныхъ подробностей постоянной борьбы за господство въ парламентѣ или описаніемъ низкихъ интригъ, съ помощью которыхъ какой нибудь Ньюкастль, достойный предметъ для карикатуръ, добился преобладанія въ министерствахъ. Мѣсто, которое слишкомъ часто тратится на подобные предметы, занято въ книгѣ Леки разсужденіями о постепенномъ развитіи религіозной терпимости, о медленномъ, но постоянномъ уменьшеніи королевской власти и о вліяніи, какое оказывали желанія народа на дѣйствія парламента, даже до его реформы. Вмѣсто утомительно скучныхъ подробностей безуспѣшныхъ интригъ Якобитовъ или тѣхъ мѣръ, съ помощью которыхъ врагамъ Вальполя удалось наконецъ его отстранить отъ госу-

дарственныхъ дѣлъ—читатель находитъ у Леки превосходный résumé законодательныхъ мѣръ, которыя отъ вражды привели шотландскій народъ къ преданности Англіи и откровенное объясненіе ужасныхъ ошибокъ, помѣшавшихъ ирландцамъ участвовать въ благоденствіи ихъ сосѣдей. Очеркъ успѣховъ медицинской науки и развитіе музыки и живописи вполнѣ вознаградятъ читателя, желающаго познакомиться съ англійской жизнью, за отсутствіе разсказовъ о войнахъ и воинскихъ приготовленіяхъ. Разница между двумя способами писать исторію явствуетъ изъ слѣдующаго сравненія: между тѣмъ какъ въ сочиненіи лорда Стангопа исторія возстанія въ 1745 г. занимаетъ 120 страницъ, у Леки она разсказана на двухъ! Хотя разсказъ о побѣдахъ англійскихъ войскъ и флота, созданныхъ по волѣ Питта его послушными товарищами, доказываетъ, что Леки можетъ овладѣть вниманіемъ читателей и тогда, когда касается сюжета къ которому онъ мало склоненъ, но онъ очевидно особенно счастливъ когда ему приходится описывать благодѣянія мира.

При исполненіи задачи, которую поставилъ себѣ Леки,—историку конечно приходится оставить хронологическій способъ изложенія, а при этомъ чрезвычайно трудно соблюсти единство плана въ сочиненіи и соразмѣрность частей. Изложеніе мѣстами становится слишкомъ сжатымъ и потому неяснымъ, мѣстами расплывается или приводитъ къ повтореніямъ. Нѣкоторыя событія или извѣстныя стороны жизни слишкомъ выступаютъ на первый планъ, другія остаются въ тѣни. Но эти неизбѣжные недостатки доведены въ книгѣ Леки до крайности его пристрастіемъ къ эпизодическому способу изложенія, постоянными отступленіями и посторонними разсужденіями. Такъ напримѣръ, въ двухъ мѣстахъ Леки опровергаетъ мнѣніе лорда Стангопа, что „современные торіи представляютъ сходство съ вигами эпохи королевы Анны, а тогдашніе торіи съ современными вигами". Въ другой вставкѣ, мало связанной съ текстомъ, Леки обстоятельно высказывается въ пользу покровительства со стороны государства литературѣ и наукѣ, такъ какъ въ этой области интересы общеста недостаточно обезпечены дѣйствіемъ обыкновенныхъ экономическихъ законовъ спроса и предложенія. Но самый пространный изъ эпизодовъ—изложеніе дѣлъ Шотландіи и Ирландіи — представляетъ совершенный перерывъ въ изложеніи и занимаетъ болѣе трети всего сочиненія. Относительно ирландскихъ дѣлъ Леки самъ признается, что они изложены у него не соразмѣрно длиннно. Дѣйствительно, онъ даетъ отчетъ исторіи Ирландіи со времени норманскаго завоеванія до половины XVIII в., отчетъ слишкомъ длинный и мелочной для эпизода и недостаточно подробный для исторіи. Къ тому-же слишкомъ очевидно, что авторъ имѣлъ при этомъ цѣлью полемику съ Фраудомъ въ отвѣтъ на его сочиненіе: „Англичане въ Ирландіи".

Имѣя въ виду описать исторію Англіи XVIII в. Леки совершенно правильно начинаетъ съ оцѣнки переворота 1688 г., ибо это событіе

наиболѣе повліяло на ходъ и характеръ англійской исторіи въ теченіе слѣдующаго столѣтія. По поводу революціи 1688 г. Леки высказываетъ не столько глубокій, сколько пикантный взглядъ, который у него потомъ проводится вполнѣ послѣдовательно въ изложеніи дальнѣйшихъ событій и, какъ можно думать, не мало содѣйствуетъ возбужденію интереса со стороны читателей. Леки склоняется въ пользу исторической школы Вольтера, который очень любилъ сводить великія событія на случайности, какъ напримѣръ, замедленіе (вслѣдствіе потери подковъ) римскаго курьера, своевременный пріѣздъ котораго могъ-бы предотвратить разрывъ Генриха VIII съ папствомъ и отдалить на неопредѣленное время реформацію въ Англіи. „Всякій, говоритъ Леки, кто станетъ изучать исторію паденія римской республики, торжество христіанства въ римской имперіи, разложеніе этой имперія, средневѣковой переходъ отъ рабства къ серважу, реформацію или французскую революцію, — легко можетъ убѣдиться, что каждый изъ этихъ важныхъ переворотовъ былъ результатомъ продолжительнаго ряда религіозныхъ, соціальныхъ, политическихъ, экономическихъ и интеллектуальныхъ причинъ, простиравшихся на многія поколѣнія. Это такъ вѣрно, что нѣкоторые серьезные писатели утверждали, будто вліяніе особенныхъ обстоятельствъ или индивидуальнаго характера, усилій и особенностей, должно считаться ни во что въ общемъ ходѣ человѣческихъ дѣлъ и что всякій удачный переворотъ долженъ быть исключительно приписанъ длинному ряду умственныхъ вліяній, которыя подготовили и сдѣлали необходимымъ его торжество.

„Однако не трудно доказать, что въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ абсолютныхъ историческихъ обобщеніяхъ, есть большое преувеличеніе и можно привести множество примѣровъ, гдѣ малѣйшее измѣненіе въ расположеніи обстоятельствъ или въ поступкахъ людей, измѣнило бы все теченіе исторіи. На самомъ дѣлѣ не много такихъ теченій въ исторіи, какъ бы они не были сильны, которыя не могли бы въ самомъ началѣ быть остановлены или иначе направлены“.

Переходя отъ такихъ общихъ разсужденій къ примѣрамъ и доказательствамъ, Леки, между прочимъ говоритъ: „Вѣдь это не болѣе какъ простой стратегическій вопросъ, не могъ-ли Ганибалъ послѣ битвы при Каннахъ, пойдти на Римъ и сжечь его до основанія, а если бы онъ это сдѣлалъ, тогда вовсе не было бы того длиннаго ряда важныхъ событій, которыя представляетъ собою римское владычество, и руководство въ дѣлѣ развитія цивилизаціи выпало бы на долю карѳагенянъ, націи, совершенно иной по своему положенію, характеру и стремленіямъ. Если бы Карлъ Мартеллъ былъ разбитъ въ битвѣ при Пуатье, тогда, какъ справедливо замѣчаетъ Гиббонъ, магометанство очень вѣроятно распространилось бы во всей гальской и германской Европѣ, а извѣстно, что только послѣ нѣсколькихъ дней сомнительныхъ стычекъ, побѣда наконецъ была одержана христіанами. Неизвѣстная намъ ошибка какого-нибудь теперь забытаго офи-

цера, который двинулъ свой полкъ вправо, вмѣсто того, чтобъ двинуть его влѣво, можетъ быть повернула дѣло и измѣнила судьбы Европы. Даже переворотъ французской революціи, хотя онъ несомнѣнно былъ представленъ длиннымъ рядомъ неудержимыхъ причинъ, могъ-бы получить иную окраску, если бы Людовику XIV наслѣдовалъ его внукъ, герцогъ Бургундскій и сталъ бы управлять страной съ тѣмъ пониманіемъ дѣла и тѣмъ либерализмомъ, какого всѣ ожидали отъ воспитанника Фенелона".

Что-же касается переворота въ англійской исторіи, вслѣдствіе котораго послѣдній изъ Стюартовъ долженъ былъ уступить престолъ Вильгельму III, то Леки полагаетъ, что теченіе (stream of tendency) было вполнѣ въ пользу Якова и противъ Вильгельма, когда оно было отклонено замѣчательнымъ государственнымъ смысломъ со стороны Вильгельма и ослѣпленіемъ доходившимъ до глупости, со стороны Якова. „Благодаря очень рѣдкому стеченію обстоятельствъ въ Англіи была введена и установилась такая форма правленія, къ которой масса народа, по своему умственному развитію была совершенно неподготовлена".

А въ другомъ мѣстѣ Леки замѣчаетъ: „Великая побѣда, какую одержали при революціи принципы виговъ, зависѣла не столько отъ общаго соціальнаго или умственнаго развитія, сколько отъ безразсудства одного монарха и ловкости небольшаго числа государственныхъ людей".

Свое мнѣніе, что торжество конституціоннаго порядка и парламентскаго управленія водворилось въ Англіи не столько вслѣдствіе общихъ историческихъ причинъ, сколько вслѣдстіе личныхъ вліяній и стеченія случайныхъ обстоятельствъ, Леки старается подкрѣпить и дальнѣйшимъ ходомъ дѣла. „Эта форма правленія, говоритъ онъ, была еще такъ мало упрочена и прилажена къ странѣ по недавности, что еще черезъ четверть столѣтія висѣла на ниточкѣ и чуть не состоялась реставрація Стюартовъ. Какъ въ наше время отказъ графа Шамборскаго отступиться отъ бѣлаго знамени, такъ и отказъ претендента отрѣчься отъ своей религіи, было главнымъ, почти единственнымъ препятствіемъ къ полному осуществленію его надеждъ"... Но даже это не обезкураживало его приверженцевъ и Леки думаетъ, что когда Болингброкъ, послѣ удаленія лорда Оксфорда въ іюлѣ 1714 г., приступилъ къ составленію въ проектѣ министерства почти исключительно якобинскаго, есть полное основаніе предполагать, что такое министерство, поддерживаемое королевой, имѣя во главѣ человѣка въ высшей степени ловкаго, смѣлаго и неразборчиваго въ средствахъ, располагая всей гражданской и военной администраціей страны,—что такое министерство могло при тогдашнемъ положеніи Англіи произвести реставрацію Стюартовъ. Болингброкъ впослѣдствіи говорилъ, что съ его стороны всѣ мѣры были такъ хорошо приняты, что нужно было не болѣе шести недѣль

для приведенія дѣлъ въ такое положеніе, чтобъ не оставалось ни малѣйшаго повода къ опасенію. Выгодное положеніе, которое оправдываетъ такія слова, было достигнуто искусной игрой Болингброка, который выдвигалъ одну фаворитку королевы противъ другой и это положеніе со всѣми поразительными послѣдствіями, съ нимъ связаными— перемѣна династіи, сверженіе конституціи, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась предметомъ зависти для всего свѣта,—зависѣло отъ случайности, которую ни какая человѣческая предусмотрительность и осторожность не могли предвидѣть или предотвратить. Жребій выпалъ не въ его пользу. Первое же засѣданіе совѣта, послѣ возвышенія Болингброка въ санъ премьера, подкосило силы королевы; она удалилась изъ совѣта, сказавши окружающимъ, что не переживетъ этой сцены: послѣ того она впала въ безчувственное состояніе, которое продолжалось до ея смерти, а два дня спустя Болингброкъ пишетъ Свифту: „Графъ Оксфордъ былъ удаленъ во вторникъ, королева скончалась въ воскресенье! Что это за свѣтъ и какъ судьба издѣвается надъ нами!"

Какъ видно изъ приведеннаго отрывка, точка зрѣнія, которую усвоилъ себѣ Леки относительно вліянія случайности на ходъ англійской исторіи, придаетъ его изложенію большую драматичность. Но мы полагаемъ, что и кромѣ этого, она выгодно отразилась на сочиненіи и помогла автору подмѣтить такія черты или освѣтить такія стороны въ англійской исторіи, которыя остались бы въ тѣни при другой точкѣ зрѣнія. Сюда мы относимъ напримѣръ указаніе на то, что торжество парламентаризма, утвердившагося при первыхъ двухъ Георгахъ, было собственно господствомъ либеральнаго меньшинства надъ большинствомъ націи, которое гораздо болѣе сочувствовало торійскимъ, консервативнымъ и монархическимъ принципамъ, но было разъединено и безсильно, потому что рѣшительная оппозиція противъ господствовавшаго порядка могла бы привести къ водворенію на престолѣ католическаго короля, что встрѣчало сопротивленіе въ религіозныхъ антипатіяхъ населенія. Въ связи съ этимъ слѣдуетъ замѣтить, что ни у одного изъ прежнихъ историковъ не выступаетъ такъ рельефно роль, которую играла англиканская церкорь въ исторіи развитія англійскаго парламентаризма. Она была главной поддержкой идеи божественнаго права королей и если бы на англійскомъ престолѣ не прервался родъ легитимныхъ королей, она явилась бы сильнѣйшей опорой не только торіизма, но и абсолютизма; но это главное препятствіе на пути развитія парламентаризма исчезло потому, что короли Ганноверской династіи не пользовались сочувствіемъ англиканскаго духовенства, а потомокъ легитимныхъ королей, жившій въ изгнаніи, былъ католикъ. Такимъ образомъ, одной изъ важнѣйшихъ причинъ быстраго развитія парламентаризма въ Англіи, былъ разладъ между преданностью протестантизму и легитимизмомъ въ англійскомъ народѣ.

У Леки изложено вообще очень интересно и обстоятельно вліяніе религіозныхъ вѣрованій на политическій образъ мыслей англичанъ.

Такъ онъ выставилъ чрезвычайно рельефно поддержку, какую находило монархическое чувство въ глубоко укоренившемся повѣрьи, что прикосновеніе короля исцѣляетъ дѣтей отъ золотухи и другихъ болѣзней. Даже въ рядахъ революціонной партіи это повѣрье было такъ сильно, что напримѣръ для полученія такого благодѣтельнаго исцѣленія, республиканскій капитанъ, который сражался противъ войскъ Карла I, послалъ свою жену въ Лондонъ, чтобъ посѣтить короля въ его заключеніи; ради того же одинъ колонистъ Новой Англіи просилъ вспомоществованія у правительства, чтобъ переправиться чрезъ далекія моря, отдѣлявшія его отъ родины. Королева Анна воскресила народную вѣру въ дѣйствительность этого сверхестественнаго дара и въ числѣ дѣтей, приносимыхъ ей для исцѣленія чудеснымъ прикосновеніемъ, былъ знаменитый впослѣдствіи д-ръ Джонсонъ. Отказъ же обоихъ Георговъ поддержать свое дѣло потворствомъ народному суевѣрію сильно содѣйствовалъ ослабленію королевской власти.

Хотя мы и вполнѣ готовы признать заслуги историка, указавшаго на роль случайности въ исторіи развитія англійскаго парламентаризма, но нельзя однако не сказать, что его основная теорія ошибочна и что даже въ приложеніи къ англійской исторіи съ 1688 г. вліяніе случайности на событія у него сильно преувеличено или недовольно точно ограничено. Безъ сомнѣнія, то обстоятельство, что Яковъ II принялъ католицизмъ, что его сынъ и внукъ не захотѣли послѣдовать примѣру Генриха IV французскаго и исповѣдовать вѣру того народа, надъ которымъ они желали царствовать,—обусловливало торжество виговъ и призваніе иностранной династіи, при которой либеральная аристократія и палата общинъ быстро расширили сферу своего вліянія; но вѣдь исторія англійскаго парламентаризма ведетъ свое начало не съ обращенія Якова въ католицизмъ; и кто прослѣдитъ исторію англійской конституціи со времени Великой Хартіи, для того вопросъ объ отношеніяхъ послѣднихъ Стюартовъ къ католицизму представится только эпизодомъ въ этой исторіи, правда важнымъ, но который не былъ въ состояніи существенно измѣнить общаго теченія исторіи.

Одно увлеченіе обыкновенно порождаетъ другое. Преувеличивши вліяніе случайности на водвореніе парламентаризма въ Англіи, Леки преувеличиваетъ и степень силы, которой достигъ этотъ парламентаризмъ въ XVIII в. Какъ показалъ одинъ изъ англійскихъ критиковъ Леки, (въ Quart. Review), этотъ историкъ идетъ по стопамъ лорда Биконсфильда, который, будучи еще молодымъ литераторомъ, почти 50 лѣтъ тому назадъ, писалъ объ этомъ вопросѣ. Въ своемъ сочиненіи „Защита англійской конституціи въ письмѣ къ ученому лорду“ (1835 г.), Дизраэли утверждалъ, что аристократія виговъ стремилась

къ тому,—и въ значительной степени достигла,—чтобъ поставить первыхъ двухъ королей Гановерской династіи въ „положеніе Венеціанскаго дожа“. „Вигскіе пэры, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, дали правительству теперешній его характеръ“, разумѣя подъ этимъ политическую солидарность министровъ, т. е. принадлежность всего министерства къ одной и той же партіи виговъ или торіевъ. И Леки склоняется къ такому же взгляду. Послѣ разсужденій объ ослабленіи монархическаго принципа, вслѣдствіе отверженія ученія о божественномъ правѣ монархіи, онъ говоритъ: „Другой важной причиной упадка королевской власти было усилившееся развитіе способа правленія посредствомъ партій (party governmen). Образованіе министерства или однородной группы государственныхъ людей, съ одной политикой, обсуждающихъ сообща всѣ дѣла и гдѣ каждый членъ отвѣтственъ передъ другими,—справедливо было представлено Маколеемъ какъ одно изъ самыхъ важныхъ и наименѣе замѣченныхъ послѣдствій революціи. Это было существенно для дѣйствія парламенскаго правленія и не менѣе важно для ослабленія королевскаго вліянія. Пока министры были избираемы монархомъ изъ самыхъ противоположныхъ партій, пока каждый изъ нихъ былъ отвѣтственъ только за свое вѣдомство и былъ совершенно свободенъ подавать голосъ, говорить или интриговать противъ своихъ товарищей—очевидно, что высшая дѣйствительная власть находилась у монарха“.

Но такое положеніе дѣлъ продолжалось безъ существеннаго измѣненія не только до царствованія Георга III, но даже долго и при немъ; при тщательномъ изслѣдованіи окажется, что первый кабинетъ въ современномъ смыслѣ, т. е. однородный и зависящій отъ перваго министра, былъ кабинетъ Питта, составившійся послѣ паденія Тёрло въ 1792 году.

Начиная съ революціи, правленіе партій потребовало болѣе столѣтія, чтобъ достигнуть полнаго развитія, и Леки, не принявшій этого во вниманіе, также какъ и лордъ Биконсфильдъ, совершенно не понялъ положенія первыхъ королей Гановерской династіи: не можетъ быть никакого сомнѣнія насчетъ вліянія, которое имѣло исключительное владычество виговъ на паденіе авторитета короля. Монархъ пересталъ быть умѣряющей силой, поддерживающей равновѣсіе въ разнородномъ и несогласномъ кабинетѣ, имѣющей возможность удалить министра одного направленія и взять другого противоположныхъ взглядовъ и такимъ способомъ въ значительной степени направить политику правительства. Теперь онъ могъ управлять лишь посредствомъ политическаго органа, который при своемъ полномъ единствѣ и имѣя въ своемъ распоряженіи большинство парламента,—былъ обыкновенно въ состояніи, подъ угрозою общей отставки, заставить принять свои условія...

Такимъ образомъ, силой обстоятельствъ гораздо болѣе, чѣмъ особенными стѣснительными законодательными мѣрами, произошло коренное измѣненіе въ положеніи англійской монархіи.

Изъ дальнѣйшаго же изложенія Леки оказывается вполнѣ очевиднымъ, что король продолжалъ быть умѣряющей властью, поддерживающей равновѣсіе, правда не между торіями и вигами, но между враждебными группами виговъ, которые, не представляя ничего похожаго на полное единство, были болѣе разъединены, чѣмъ когда либо. Такъ говорится о „великомъ расколѣ (schism) обнаружившемся въ 1717 г., когда лордъ Таунсгендъ былъ уволенъ отъ должности; когда Вальполь съ нѣсколькими изъ менѣе значительныхъ виговъ удалился и сталъ въ ожесточенную оппозицію и когда главная власть перешла въ руки Сендерланда и Стангопа: объясняется же это тѣмъ, что Сендерландъ расположилъ къ себѣ короля, угождая его ганноверской политикѣ, тогда какъ Вальполь и Таунсгендъ сдѣлались ему особенно непріятными своей оппозиціей. Когда Вальполь, послѣ многихъ превратностей судьбы получилъ наконецъ власть, то онъ достигъ ея и пользовался ею вовсе не высокомѣрно и независимо, въ силу крѣпко сплоченной партіи или сильнаго большинства, которое давало бы ему возможность ставить свои условія или сдѣлать себя необходимымъ,—нѣтъ, онъ держался съ помощью такихъ средствъ, которыя предполагаютъ полное отсутствіе высшей силы: „И другіе министры, говоритъ Леки, употребляли въ дѣло подкупъ въ большихъ размѣрахъ для достиженія извѣстной цѣли или вообще въ трудныя, критическія минуты. Но Вальполю было суждено обратить подкупъ въ систему и сдѣлать изъ него нормальный способъ парламентскаго управленія. Политика, которую онъ усвоилъ себѣ для удержанія большинства въ парламентѣ, заключалась не въ томъ, чтобъ привлечь къ своему министерству замѣчательныхъ ораторовъ, писателей, финансистовъ или государственныхъ людей, не въ томъ, чтобъ устроить какую нибудь комбинацію или союзъ партій, отождествляя себя съ какимъ нибудь великимъ народнымъ стремленіемъ или привлекая на свою сторону юныхъ дѣятелей, способности и характеръ которыхъ обѣщали бы имъ въ будущемъ видное положеніе;—она заключалась просто въ увеличеніи его вліянія на мелкія избирательныя общины (boroughs), въ расширеніи правительственнаго патроната“.

И снова самъ же Леки приводитъ доказательства противъ принятой имъ теоріи. Общій уровень политической жизни былъ между тѣмъ плачевно низокъ. Вся политика въ царствованіе королевы Анны сосредоточивалось главнымъ образомъ вокругъ фаворитокъ государыни, и при первыхъ ганноверскихъ монархахъ главная сила заключалась въ придворныхъ интригахъ или парламентскомъ подкупѣ. Болингброкъ добился позволенія возвратиться изъ изгнанія благодаря покровительству герцогини Кендель, одной изъ фаворитокъ Георга I, которую, какъ говорятъ, онъ расположилъ къ себѣ взяткой въ 10,000 ф. ст. Картеретъ вначалѣ возлагалъ свои надежды на нее же, но вообразивши, что со стороны герцогини онъ

встрѣтилъ лишь холодность и невѣрность, онъ перешелъ на сторону ея соперницы, графини фонъ-Платенъ.

Честерфильдъ въ концѣ своей карьеры интриговалъ противъ Ньюкастля вмѣстѣ съ герцогиней Ярмутъ; и самъ Питтъ, какъ утверждаютъ по очень достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, достигъ своего положенія въ кабинетѣ министровъ въ значительной степени благодаря вниманію, какое оказывалъ той же герцогинѣ Ярмутъ.

Такимъ образомъ, къ исторіи Англіи въ XVIII в. совершенно непримѣнимо представленіе, которое наблюдатель можетъ вынести изъ современнаго политическаго строя этой страны. Тогда еще не сложилась та правильная организація, благодаря которой современные виги и торіи смѣняютъ другъ друга въ министерствѣ и въ правительствѣ, смотря по тому, въ пользу которой изъ этихъ партій склоняется господствующее въ обществѣ настроеніе.

Но что особенно любопытно,—не только составъ министерства и политика правительства не были вполнѣ вѣрнымъ отраженіемъ общественнаго мнѣнія—самое представительство страны, нижняя палата, точно также не служила органомъ господствовавшаго въ странѣ настроенія. Управленіе Ганноверской династіи было, какъ мы сказали, господствомъ либеральнаго меньшинства въ Англіи и потому парламентъ былъ собственно представителемъ не страны, а того меньшинства, которое считало себя солидарнымъ съ новымъ правительствомъ. Власть парламента и особенно нижней палаты была, такъ сказать, основана на узурпаціи, и потому большинство нижней палаты не только деспотически управляло страной, но и старалось продолжить свою власть всякаго рода не законными средствами. Это особенно ярко обнаруживается въ характерѣ и способѣ тогдашнихъ выборовъ въ нижнюю палату. Въ прежнее время члены нижней палаты подвергались переизбранію каждые 4 года. Въ 1715 прошелъ такъ называемый Septennial act, въ силу котораго полномочія, данныя членамъ парламента, были продолжены на 7 лѣтъ. Этотъ актъ положилъ основаніе, какъ выразился одинъ изъ государственныхъ людей Англіи, „освобожденію нижней палаты отъ ея прежней зависимости отъ правительства и отъ палаты лордовъ“; онъ могъ-бы прибавить также и отъ правильной конституціонной зависимости отъ народа. Но независимость нижней палаты отъ страны еще болѣе бросается въ глаза на самыхъ выборахъ, во время которыхъ прежнее большинство старалось всѣми возможными средствами обезпечить свое переизбраніе и подобрать подходящихъ новыхъ членовъ. По этому каждые общіе выборы подовали поводъ къ взрыву народнаго неудовольствія на тотъ способъ, какимъ спорныя мѣста присвоивались большинствомъ. „Я думаю, говоритъ лордъ Гервей, что явная несправедливость и вопіющее нарушеніе всякой правды въ рѣшеніяхъ этого парламента превосходятъ даже самые рѣзкіе и позорные примѣры любого изъ его предшественниковъ“.

Для подтвержденія того, что такой отзывъ не преувеличенъ, мы приведемъ изъ книги Леки слѣдующій примѣръ: въ 1703 г. одинъ избиратель, которому отказали въ участіи въ выборахъ, принесъ жалобу суду. Ассизы признали его избирательное право и лицъ, оспаривавшихъ это право, приговорили къ денежной пенѣ; но королевскій судъ отмѣнилъ приговоръ, при чемъ большинство судей отстаивало опасную доктрину, что юрисдикція во всѣхъ случаяхъ, касающихся избранія, принадлежитъ одной только нижней палатѣ. Послѣ этого дѣло было перенесено въ верхнюю палату, какъ высшій судебный трибуналъ королевства. Лорды значительнымъ большинствомъ отмѣнили приговоръ королевскаго суда. Но нижняя палата и не думала примириться съ этимъ приговоромъ, сдѣлала постановленіе противъ него и угрожала тяжелыми пенями всякому, кто внесетъ въ судъ дѣла, касающіяся спорныхъ выборовъ, а также и адвокату, который взялся-бы вести такое дѣло; и дѣйствительно палата затѣмъ приказали заключить въ Ньюгэтъ четырехъ лицъ за то, что они приняли мѣры совершенно согласныя съ приговоромъ высшаго судебнаго учрежденія въ Англіи. Раздоръ между обѣими палатами такъ разгорѣлся, что правительство нашло нужнымъ покончить его отсрочками парламентскихъ засѣданій.

Изъ приведеннаго примѣра видно, что властолюбіе палаты проявлялось въ самой рѣзкой формѣ деспотизма, въ кумуляціи законодательной власти съ судебной. Такая узурпація судебной власти проявлялась со стороны палаты не только въ вопросахъ, касавшихся выборовъ, но и въ частныхъ дѣлахъ членовъ парламента, которыя палата самоуправно разрѣшала подъ предлогомъ, что усматривала въ нихъ нарушеніе правъ и привиллегій палаты или оскорбленіе своего собственнаго достоинства. Почти всякое оскорбленіе словомъ или дѣломъ, наносимое члену парламента во время Георга II, подводилось подъ статью о нарушеніи привиллегій и потому подлежало непосредственной и очень часто мстительной юрисдикціи палаты. Между проступками, подводимыми подъ эту статью оказались наприм., охота за кроликами какого-нибудь члена, ловля рыбы въ прудахъ другого члена, порча деревьевъ третьяго, и кража угля въ копяхъ у четвертаго.

Понятно, что такими дѣйствіями палата наносила большой ущербъ своей популярности.

Несомнѣненъ фактъ, на который сравнительно было обращено мало вниманія, что нижняя палата постепенно навлекла на себя большую часть ненависти и недовѣрія, которыя прежде сосредоточивалось на королевской власти во времена ея произвола. Эта непопулярность парламента можетъ отчасти служить объясненіемъ страннаго явленія въ свободной и конституціонной странѣ—замѣчательнаго равнодушія къ общественнымъ дѣламъ, которое изрѣдка только уступало мѣсто взрыву народныхъ страстей. Эта апатія англійскаго народа къ своимъ политическимъ интересамъ особенно паразительно обнаружилась во

время возстанія въ Шотландіи, вызваннаго претендентомъ, т. е. Карломъ Эдуардомъ, внукомъ Якова II, въ 1745 г.

„Когда вспыхнуло послѣднее возстаніе, говорилъ лордъ Гардвикъ въ 1749 г., я думаю, большая часть людей была убѣждена, что еслибы мятежники имѣли успѣхъ, то неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его было бы папство, а съ нимъ вмѣстѣ и рабство; не смотря на это какое слабое сопротивленіе оказалъ народъ во всѣхъ частяхъ королевства“!

Между тѣмъ общественное настроеніе во время возстанія было такое, какъ будто нація, послѣ болѣе чѣмъ полувѣкового опыта свободной конституціи, не рѣшила еще, стоитъ-ли она того, чтобъ ее отстаивать, или не обратиться-ли ей снова къ династіи, которую она изгнала за систематическіе захваты въ области ея драгоцѣннѣйшихъ льготъ и правъ?

Настоящая причина такого равнодушія, по мнѣнію Леки, указана въ письмѣ ольдермана Гиткота къ графу Марчмонту (сент. 1745 г.): „Ваше сіятельство могли замѣтить, какъ мало вліянія оказало настоящее возстаніе на биржевые фонды, и если этому общему равнодушію въ самомъ скоромъ времени не будетъ положенъ предѣлъ удовлетвореніемъ требованій націи и прекращеніемъ посредствомъ соотвѣтствующихъ законовъ этой парламентской проституціи, уничтожившей наши войска, нашъ флотъ и нашу конституцію—я очень опасаюсь за будущее“!

Но какъ пользовался въ интересахъ страны парламентъ своей деспотическою властью, которую, какъ мы сейчасъ видѣли, даже обвиняли въ разрушеніи конституціонной свободы? Мы разумѣемъ здѣсь подъ интересами страны не иностранную политику, которая много зависѣла отъ характера перваго министра, отъ наклонностей короля и всего болѣе отъ общаго хода европейскихъ событій, — мы имѣемъ въ виду внутреннюю жизнь Англіи. Оправдывалъ-ли парламентъ свою сильную власть цѣлесообразными реформами, мудрыми законодательными мѣрами? Въ этомъ отношеніи книга Леки, посвященная преимущественно культурной исторіи, даетъ богатый и интересный матеріалъ. Приведемъ прежде всего мнѣніе объ этомъ самаго историка, отвѣтъ, который онъ даетъ на поставленный нами вопросъ. „Не легко, говоритъ онъ, понять, какимъ образомъ парламентъ, насквозь испорченный въ своемъ составѣ, оказался вѣрнымъ стражемъ англійской свободы или какъ могъ онъ создать такое большое количество законовъ, свидѣтельствующихъ о его мудрости, умѣренности и терпимости, чѣмъ Англія несомнѣнно ему обязана“.

„Никто, по его мнѣнію, изъ тѣхъ, которые искренно всматриваются въ общій характеръ англійской администраціи за долгій періодъ преобладанія виговъ въ XVIII в., не усомнится въ томъ, что Вольтеръ и Монтескье имѣли полное основаніе представлять ее стоящей несравненно выше чѣмъ главныя изъ тогдашнихъ правительствъ материка“.

Съ этимъ нельзя не согласиться и если взять въ расчетъ каковы были эти главныя провительства на материкѣ—во Франціи, Испаніи,

Германіи и Италіи — въ то время когда Вольтеръ и Монтескье писали, то ихъ похвала Англіи еще не много значитъ.

Но нужно замѣтить, что впечатлѣніе, которое выноситъ читатель изъ книги Леки, изъ накопленныхъ тамъ фактовъ, далеко не согласно съ отзывомъ историка. Виноватъ въ этомъ отчасти самъ Леки, потому, что къ сожалѣнію не привелъ примѣровъ этой мудрой, умѣренной и терпимой законодательной политики, о которой онъ говоритъ.

Отчасти-же причина заключается въ самыхъ условіяхъ такого рода культурныхъ очерковъ, какой намъ представляетъ книга Леки. При наблюденіи надъ культурной жизнью прошлыхъ временъ вниманіе историка но неволѣ привлекаютъ преимущественно рѣзкія, подъ часъ каррикатурныя черты общественной жизни, болѣзненныя явленія, уклоненія отъ общей нормы. Такимъ образомъ и въ книгѣ Леки самыя поразительныя главы обнаруживаютъ болѣе всего неумѣренный и нетерпимый характеръ законодательства, насколько оно касалось именно той части государства (Ирландіи), гдѣ умѣренность и терпимость были особенно необходимы. Въ Англіи также старинные карательные законы неотступно поддерживались: уголовное право во всѣхъ его частяхъ, включая и судопроизводство, было ничто иное, какъ подправленный обломокъ варварскихъ временъ. Законъ и банкротствѣ, о должникахъ и кредиторахъ, законъ о бѣдныхъ, о бракѣ, объ азартныхъ играхъ, однимъ словомъ всѣ законы, регулирующіе общественныя и торговыя отношенія въ государствѣ, были въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи. Тюрьмы, насильственные наборы во флотъ, недостатокъ санитарныхъ мѣръ, судъ и полиція въ столицѣ, необезпеченность собственности и даже жизни въ самыхъ населенныхъ областяхъ—все это было безчестьемъ для народа имѣющаго притязанія на цивилизацію. Торговля невольниками быстро разрозсталась въ то позорное пятно на человѣчествѣ, на которое мы теперь оглядываемся со стыдомъ и удивленіемъ, какъ допустили безъ всякаго вмѣшательства, чтобъ эта торговля достигла такихъ ужасающихъ размѣровъ!

Ни одно изъ этихъ явленій не осталось незамѣченнымъ Леки, но онъ упустилъ изъ виду, что борьба съ самыми вопіющими злоупотребленіями досталась на долю послѣдующихъ поколѣній и что XVIII в. оставилъ худшія изъ нихъ нетронутыми. Приведенныя у Леки мѣры для уменьшенія зла далеко не достигали своей цѣли: одно только исключеніе представляетъ законъ о бракѣ 1754 г. обыкновенно называемый закономъ лорда Гардвика.

До этого закона вѣнчаніе могло быть совершаемо священникомъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, и признавалось законнымъ, хотя бы при этомъ не было заявлено ни согласія родителей, ни какого либо письменнаго документа. Совершеніе такого рода браковъ конечно поподало въ руки нуждающихся и дурной репутаціи духовныхъ, какихъ всегда было легко найдти около или въ самой Флитской тюрьмѣ, гдѣ они были прежде заключены или сидѣли еще

за долги. Отсюда названіе флитскихъ браковъ; впрочемъ это вовсе не было монополіей флитскихъ пасторовъ. Самыя успѣшныя дѣла этого рода велъ достопочтенный Александръ Китъ въ часовнѣ Керзонъ-Стрита, который вѣнчалъ среднимъ числомъ до 6,000 паръ въ годъ: передъ парламентомъ было доказано, что въ 4 мѣсяца было совершено 2454 брака въ Флитѣ; по дневнику одного изъ священниковъ оказалось, что онъ заработалъ въ одинъ мѣсяцъ 57 ф. за вѣнчанія, а другой объвѣнчалъ въ одинъ день 173 пары. Между тѣмъ и флитскіе священники не имѣли основанія жаловаться. Но какъ ни было очевидно злоупотребленіе, законъ для противодѣйствія ему встрѣтилъ сильнѣйшую оппозицію, во главѣ которой сталъ Генри Фоксъ, а Горасъ Вальполь открыто нападалъ на билль, заявляя, что съ начала до конца въ немъ преобладаетъ одна тенденція—гордость и аристократизмъ.

Рядъ законодательныхъ мѣръ, которымъ Леки придаетъ важное значеніе, были направлены противъ пьянства, страсть къ которому, начиная съ 1724 г. распространялась, по его описанію, съ быстротою и силою эпидеміи. „Какъ ни мало мѣсто, занимаемое этимъ фактомъ въ исторіи Англіи, онъ имѣлъ вѣроятно, если принять въ соображеніе проистекшія отъ него послѣдствія, громадное значеніе въ исторіи XVIII вѣка, несравненно болѣе любого событія въ чисто политическихъ или военныхъ лѣтописяхъ страны. Истребленіе спиртныхъ напитковъ въ Англіи за 1735 г. было вдесятеро больше противъ 1689 и болѣе чѣмъ вдвое противъ 1714 года. Медики видѣли въ водкѣ новый и ужасный источникъ болѣзней и смертности. Обвинительное жюри Мидльсекса формально признало пьянство главной причиной бѣдности и преступленій въ столицѣ. На вывѣскахъ извѣстныхъ питейныхъ заведеній было объявлено, что посѣтитель можетъ напиться пьянымъ за одинъ пени, мертвецки-пьянымъ на 2 и получить даромъ соломы. Это обѣщаніе приводилось въ исполненіе такимъ образомъ, что погребки были устланы соломой, на которую и клали посѣтителя получившаго двухъкопѣечную порцію, пока онъ не былъ въ состояніи начать снова пить. О неудачѣ первыхъ попытокъ въ борьбѣ противъ этого зла можно судить по тому, что въ 1749 г. количество частныхъ питейныхъ заведеній превышало 17,000! Соразмѣрно съ этимъ увеличилось и количество болѣзней, пороковъ, преступленій, безпорядковъ, беззаконій, богохульства и всякаго рода безнравственныхъ поступковъ“.

Пьянство стало постепенно уменьшаться, какъ всякая другая эпидемія нравственная или физическая, какъ можно думать, отъ причинъ независящихъ отъ законодательства, хотя Леки и ссылается на мѣры противъ пьянства въ министерство Пельгама въ 1751 г., какъ на поразительный примѣръ того, на сколько законодательство, если оно своевременно не переходитъ мѣры, можетъ улучшить нравственность народа. Онъ указываетъ, что однимъ изъ послѣдствій этихъ

мѣръ было немедленное уменьшеніе случаевъ водяной и что это было приписано медиками замѣтному уменьшенію пьянства.

Другую страшную язву англійскаго общества въ XVIII в., непонятную для современнаго читателя, составляло разбойничество, открыто совершаемое не только въ отдаленныхъ областяхъ королевства, но и на главныхъ улицахъ Лондона. Знаменитый Фильдингъ приписывалъ въ половинѣ прошлаго вѣка разбойничество сильному развитію пьянства; но разбойничество процвѣтало въ Англіи и до того времени, когда пьянство получило эпидемическій характеръ и продолжалось въ концѣ вѣка, когда оно утратило его.

Вальполь, котораго два раза ограбили разбойники, разъ въ Гайдъ—паркѣ, другой возлѣ его собственнаго дома въ Твикенгамѣ, жалуется, въ 1782 г., что никто не можетъ показаться послѣ солнечнаго заката безъ сопровожденія толпы слугъ, вооруженныхъ мускетами.

Въ одномъ изъ писемъ г-жи Гаррисъ, къ сыну (1773 г.) она говоритъ: „Невѣроятно дерзкій негодяй напалъ на карету и ограбилъ сера Франсиса Гольберна и его сестеръ въ то время, какъ они ѣхали по Сентъ-Джемсъ Скверу возвращаясь изъ театра. Онъ былъ верхомъ на лошади и приставивши пистолетъ къ самой груди одной изъ сестеръ Гольберга, держалъ его такъ довольно долго. Она оставила свой кошелекъ дома, чему тотъ ни какъ не хотѣлъ повѣрить. Послѣ этого онъ еще ограбилъ другую карету въ Паркъ-Ленъ“.

Разбойничество бросаетъ яркій свѣтъ на слабость государственной власти въ Англіи и апатія англійскаго правительства еще болѣе обнаруживается успѣшностью частныхъ и слишкомъ рѣдкихъ мѣръ, которыя оно предпринимало для подавленія этого зла.

Такъ напримѣръ въ 1757 г. по свидѣтельству Брауна, уличный грабежъ въ Лондонѣ былъ совершенно уничтоженъ; но это исчезновеніе разбойничества было мѣстное и временное: оставшіеся члены шайки только перенесли въ другое мѣсто арену своихъ подвиговъ и никакой попытки не было сдѣлано для огражденія предмѣстій и окрестностей столицы отъ разбойниковъ.

Для характеристики равнодушія и немощи правительственной власти въ Англіи, укажемъ еще на состояніе тюремъ. Вслѣдствіе громаднаго накопленія арестантовъ, мѣста ихъ заключенія становились постоянно очагами самой страшной заразы. Еще Бэконъ жаловался на тюремную горячку, которую онъ описывалъ какъ зловреднѣйшую заразу послѣ чумы. Онъ упоминаетъ о ея опустошеніяхъ въ XVI в., въ время Черныхъ Ассизовъ въ Оксфордѣ 1577 г., когда главный судья, шерифъ и еще до 300 человѣкъ умерли отъ этой заразы въ теченіе 40 часовъ. И въ XVIII в. эта зараза была не менѣе ужасна; такъ наприм., 1730 г. когда главный судья и прокуроръ, главный шерифъ и другія менѣе видные лица, пали жертвами заразы во время объѣзда западнаго округа, и въ 1780 г., когда во время засѣданій въ Ольдъ-Бэли погибло отъ нея двое судей, лордъ-мэръ Лондона и одинъ

изъ старшинъ города. Но что корень зла, санитарное состоянiе тюремъ и скученiе заключенныхъ всѣхъ классовъ, оставался нетронутымъ, это можно заключить изъ того, что труды Гауварда для улучшенiя тюремъ начались только пять лѣтъ спустя, въ 1755 г., и долго еще не приносили никакихъ плодовъ.

Это положенiе дѣла было тѣмъ ужаснѣе, что во многихъ тюрьмахъ вмѣстѣ съ преступниками содержались также несостоятельные должники.

Д-ръ Джонсонъ сдѣлалъ разсчетъ въ 1759 г., что находившихся въ заключенiи должниковъ было круглымъ числомъ 26,000, изъ которыхъ 25% погибало ежегодно вслѣдствiе испорченнаго спертаго воздуха, отъ недостатка всякаго движенiя, а иногда и пищи, отъ зараженiя болѣзнями и отъ „строгости тирановъ".

Въ такомъ-же ужасномъ положенiи, какъ тюрьмы, были и казармы, помѣщенiя для солдатъ, матросовъ и лазареты. Говоря о положенiи армiи, Леки утверждаетъ, основываясь на запискѣ, составленной въ 1707 г., что горнизонъ Портсмута уменьшился на половину противъ прежняго количества въ какiе-нибудь полтора года, вслѣдствiе дезертирства и смерти, отсутствiя отопленiя, болѣзней, и дурнаго устройства бараковъ, и что тѣ немногiе бараки, которые были вновь возведены, были построены самымъ скареднымъ образомъ и переполнены до крайности. Нелюбовь народа къ баракамъ, основанная на старинномъ недовѣрiи къ постоянному войску, высказалось и у Блакстона, утверждавшаго, что солдаты должны жить среди гражданъ и никакой отдѣльный лагерь и никакая крѣпость внутри страны не должны быть допущены.

Что-же касается до положенiя матросовъ, то объ немъ можно судить по тому, что говоритъ извѣстный Смолеттъ, который служилъ помощникомъ флотскаго доктора на одномъ линейномъ кораблѣ во время экспедицiи въ Картагену въ 1741 г. и описалъ въ „Родерикъ Рандомъ" все, что ему пришлось наблюдать во время этой службы. „Когда я сопровождалъ доктора съ лекарствами въ лазаретъ, я удивлялся не тому, что матросы умирали, но тому, что нѣкоторые больные выздоравливали. Тутъ я видѣлъ около 50 несчастныхъ больныхъ, висящихъ рядами въ койкахъ другѣ надъ другомъ до того тѣсно, что на долю каждаго приходилось не болѣе 14 дюймовъ пространства, включая постель, и совершенно лишенныхъ всякихъ самыхъ необходимыхъ при такомъ положенiи удобствъ". Что никакого улучшенiя не произошло въ 1757 г. явствуетъ изъ достовѣрнаго источника, приведеннаго Леки: „Я видѣлъ 1000 человѣкъ скученныхъ на одномъ сторожевомъ кораблѣ, изъ которыхъ нѣсколько сотъ не имѣли ни постели, ни одной перемѣны бѣлья. Я видѣлъ, какъ многихъ изъ нихъ приносили въ лазаретъ въ тѣхъ самыхъ рубашкахъ и платьѣ, которыя были на нихъ, когда ихъ взяли въ матросы, нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ".

Отвѣтственность за такія злоупотребленія и за продолжительность ихъ, падаетъ. конечно, прежде всего на англійское правительство; но именно въ Англіи, которая въ XVIII в. не пережила поры просвѣтительнаго деспотизма, отвѣтственность за медленность улучшенія болѣе чѣмъ гдѣ либо должна раздѣляться самимъ обществомъ. И въ этомъ отношеніи книга Леки очень поучительна,—описанные въ ней нравы и вкусъ общества представляются крайне грубыми. Та перемѣна въ мнѣніяхъ и нравахъ, происходившая постепенно и незамѣтно, о которой говоритъ Леки въ своей „Исторіи Раціонализма",—конечно совершалась впродолженіе всего XVIII в., но внѣшніе и видимые знаки улучшенія не замѣтны или очень рѣдки. Такъ напримѣръ относительно пьянства, азартной игры и употребленія грубыхъ восклицаній и брани, если не всѣ эти три порока, то по крайней мѣрѣ послѣдніе два, процвѣтаютъ, не прерываясь, отъ Гарлея и Сентъ-Джона, до Вальполя и Картерета, кончая Фоксомъ и Шериданомъ въ исходѣ вѣка; впрочемъ, даже допустивши, что относительно пьянства не произошло перемѣны, еще вопросъ, не стала-ли игра государственныхъ дѣятелей и знати азартнѣе и выраженія ихъ циничнѣе съ теченіемъ вѣка?

Въ подтвержденіе того, до какой степени отсутствіе правительственныхъ реформъ обусловливалось варварствомъ самого общества, изъ книги Леки можно привести множество фактовъ. Господство варварской рутины особенно бросается въ глаза въ способахъ наказанія за преступленія. Ссылаясь на Блакстона, Леки говоритъ, что въ его время въ Англіи было не менѣе 160 проступковъ караемыхъ смертью и не рѣдко случалось, что вѣшали заразъ 10 или 12 преступниковъ или что 40 и 50 человѣкъ бывали осуждены въ одни ассизы. Уменьшили-ли реформаторы XVIII в. реестръ преступленій караемыхъ смертью, или по крайней мѣрѣ есть-ли хоть какіе-нибудь признаки, что они возмущались деморализирующимъ зрѣлищемъ публичной казни, постоянно повторявшимся предъ ихъ глазами?

Это деморализирующее вліяніе какъ-бы нарочно усиливалось закономъ, требовавшимъ, въ случаѣ государственной измѣны, чтобы прежде чѣмъ обезглавить преступника его повѣсили, не давая ему умереть и чтобы „вынутыя изъ него живого внутренности были сожжены въ его глазахъ". До 1790 г. женщины виновныя въ государственной измѣнѣ могли и иногда были сожигаемы живыми. Мальчики моложе 12 лѣтъ были осуждены на смерть и повѣшены за участіе въ Гордонскомъ мятежѣ 1780 г. Упоминая объ этомъ въ разговорѣ, Гренвиль прибавилъ наивно: „никогда въ жизни я не слыхивалъ такого дѣтскаго крика"!

Но какимъ-же образомъ относилось къ этому общество? Съ тѣмъ характеристическимъ противорѣчіемъ, какое мы находимъ во всякой грубой средѣ. Въ глазахъ такого общества преступникъ—герой, но вмѣстѣ съ тѣмъ подъ вліяніемъ чувства самосохраненія или оскорблен-

наго нравственнаго чувства, оно относится равнодушно и жестоко къ постигающей его карѣ. Такъ было и въ Англіи. Между прочими причинами увеличенія числа разбойниковъ, Фильдингъ указываетъ и придаетъ большое значеніе частымъ казнямъ, ихъ публичности и тому, что въ умѣ простого народа съ ними соединялось понятіе объ удальствѣ и славѣ, а не о преступности, паденіи и позорѣ. День, назначенный закономъ для позорнаго наказанія вора, становился днемъ торжества въ его собственномъ мнѣніи. Его шествіе въ Тибернъ, (мѣсто казни) и его послѣднія минуты исполнены торжественности; его сопровождаетъ жалость мягко-сердечныхъ, громкое одобреніе, удивленіе и, пожалуй, зависть со стороны смѣлыхъ и очерствѣлыхъ. И не одинъ простой народъ относился такъ къ преступникамъ. Вальполь говоритъ объ одномъ изъ нихъ, что онъ сталъ героемъ въ глазахъ аристократіи, которая съѣзжалась толпами, чтобъ посѣтить его въ тюрьмѣ. О другомъ преступникѣ сообщаютъ, что сторожа Ньюгетской тюрьмы набрали 200 ф. ст., показывая его любопытнымъ; а докторъ Додъ былъ выставленъ впродолженіе двухъ часовъ на показъ по 2 шиллинга съ персоны за входъ передъ тѣмъ какъ его повели на висѣлицу.

Что-же касается до отношенія образованнаго англійскаго общества къ публичнымъ казнямъ, то оно очень рельефно характеризуется слѣдующимъ отзывомъ о нихъ знаменитаго литератора и критика, д-ра Джонсона, высказавшагося противъ отмѣненія Тибернской процессіи. Когда въ разговорѣ съ нимъ собесѣдникъ сказалъ, что это улучшеніе: „Нѣтъ, сударь, живо возразилъ Джонсонъ, это не улучшеніе; жалуются на то, что старый способъ наказанія привлекалъ большое число зрителей. Но казни должны привлекать зрителей. Въ противномъ случаѣ онѣ не достигаютъ своей цѣли. Прежній способъ былъ вполнѣ удовлетворителенъ для всѣхъ сторонъ: публика пользовалась зрѣлищамъ процессіи, а преступникъ находилъ въ этомъ поддержку. Зачѣмъ-же все это уничтожать“?

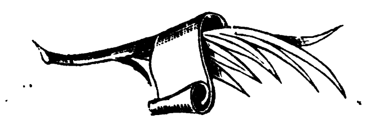
Въ 1783 г., когда происходилъ этотъ разговоръ, число злодѣевъ, казненныхъ въ одномъ Лондонѣ было 51: въ 1785 г. оно возросло до 97. Увеличеніе это приписывали отчасти книгѣ Мадона „Мысли объ исполненіи судебныхъ приговоровъ“, въ которой проводилось положеніи, что уголовные законы только тогда дѣйствительны, когда они строго приводятся въ исполненіе; при чемъ авторъ и не подумалъ о томъ, что размѣръ наказанія долженъ соотвѣтствовать степени вины или требованіямъ общества. Этотъ трактатъ, хотя на него и возражалъ Ромильи, оказывалъ вредное вліяніе въ теченіе многихъ лѣтъ, между тѣмъ какъ знаменитое сочиненіе Беккаріи „О преступленіяхъ и карахъ“, который пріобрѣлъ много приверженцевъ среди юристовъ на материкѣ, было очень мало извѣстно въ Англіи. Оно только что стало распространяться, какъ произошла неожиданная реакція. „Если кто желаетъ, говоритъ Ромильи въ своемъ Дневникѣ,

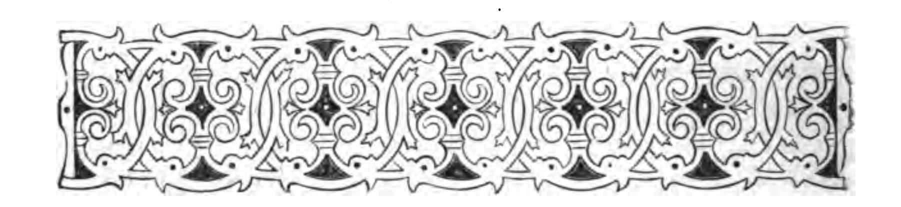
составить себѣ вѣрное понятіе о вредномъ дѣйствіи, произведенномъ въ нашей странѣ французской революціей и всѣми сопровождавшими ее ужасами,—то онъ долженъ попытаться провести законодательную реформу на основаніи гуманныхъ и либеральныхъ принциповъ. Онъ тогда найдетъ, что революція внушила многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ не только тупой страхъ всякихъ нововведеній, но какую то свирѣпость".

Въ 1813 г. билль, предложенный Ромильи, объ отмѣненіи вырыванія внутренностей и четвертованія преступника за государственную измѣну, былъ отвергнутъ при первомъ предложеніи его, такъ, что „министры могутъ похвалиться, замѣчаетъ онъ, тѣмъ, что они отстояли британскій законъ, по которому сердце и внутренности приговореннаго государственнаго преступника вырывались изъ него живаго". Ему удалось въ слѣдующемъ году провести свое предложеніе, хотя невполнѣ, потому что пришлось уступить четвертованіе, которое было удержано по настоянію большинства обѣихъ палатъ, считавшихъ его однимъ изъ оплотовъ монархіи.

Изъ приведеннаго видно, какъ великъ тотъ переворотъ въ понятіяхъ и нравахъ, переворотъ постепенно и незамѣтно совершившійся, который отдѣляетъ современныхъ англичанъ отъ ихъ недавнихъ предковъ и какъ много интереснаго матеріала заключаетъ въ себѣ книга Леки для изученія исторіи культуры. Но вмѣстѣ съ тѣмъ приходится сожалѣть, что эта книга оставляетъ неразрѣшеннымъ вопросъ, который при чтеніи ея естественно возникаетъ у читателя и неотступно преслѣдуетъ его,—какимъ образомъ и вслѣдствіе какихъ именно причинъ произошелъ этотъ глубокій переворотъ въ англійской культурѣ? Разсмотрѣніе этого вопроса вывело-бы насъ изъ предѣловъ нашей задачи и потребовало-бы особой статьи; мы ограничимся только указаніемъ на великую и плодотворную роль, которую играла въ этомъ постепенномъ культурномъ перерожденіи Англіи ея литература и закончимъ замѣчаніемъ одного изъ глубокихъ знатоковъ англійской литературы и культуры, дополнившаго въ своей рецензіи книгу Леки многими интересными фактами, по мнѣнію котораго однимъ изъ главныхъ недостатковъ изображеннаго у Леки вѣка было отсутствіе „смѣлой и зоркой печати".

Иф...лъ.





КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Воцареніе императрицы Анны Ивановны. Историческій этюдъ Д. Корсакова. Казань. 1880.

ОЦАРЕНІЕ императрицы Анны Ивановны представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ русской исторіи XVIII вѣка, въ которомъ, между прочимъ, выразилось отсутствіе единодушія и политическаго такта въ высшемъ слоѣ русскаго общества. Поэтому, трудъ г. Корсакова, основанный на архивныхъ изысканіяхъ, заслуживаетъ особеннаго вниманія со стороны публики и обстоятельной критической оцѣнки со стороны литературы.

Приступая къ разбору этого почтеннаго труда, мы, къ сожалѣнію, должны начать съ упрека г. Корсакову, что онъ самъ затруднилъ оцѣнку своего сочиненія, не позаботившись выставить рельефнѣе руководившую имъ идею при оцѣнкѣ событій 1730 года.

Г. Корсаковъ въ замыслахъ верховниковъ видитъ, главнымъ образомъ, протестъ высшаго слоя русскаго народа противъ реформъ Петра Великаго. На этомъ основаніи, онъ придаетъ особенное значеніе родословной знати и ея участію въ описываемомъ событіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что преданія боярской эпохи не остались безслѣдны въ попыткѣ ограничить самодержавіе при воцареніи Анны Ивановны; но чтобы уяснить степень вліянія этихъ преданій, автору слѣдовало бы коснуться въ главныхъ чертахъ исторіи борьбы боярства съ самодержавіемъ, начиная съ Ивана III. Онъ же ограничился указаніемъ на политическое значеніе Голицыныхъ и Долгорукихъ въ XVII вѣкѣ. Значеніе это было, однако, далеко неравное. Долгорукіе, хотя и Рюриковичи, начали выдвигаться только въ XVII вѣкѣ, да и въ этомъ вѣкѣ политической роли не играли. Ни одинъ изъ Долгорукихъ не могъ сказать съ извѣстнымъ врагомъ Годунова, княземъ Василіемъ Василіевичемъ Голицынымъ: „Насъ изъ думы не высылывали, мы всякую думу вѣдывали“. Роль князей Долгорукихъ и въ XVII и въ XVIII столѣтіяхъ была чисто служебная; Голицыны же дѣйствительно играли политиче-

скую роль. Въ самомъ зародышѣ борьбы боярства за свои права, еще при Иванѣ III, Гедиминовичи-Патрикѣевы, предки Голицыныхъ, вмѣстѣ съ Рюриковичами-Ряполовскими, сдѣлались первыми жертвами этой борьбы. Въ смутную эпоху дѣятельность Голицыныхъ въ борьбѣ то исключительно за боярскіе интересы, то за интересы обще-государственные, выступаетъ съ особенною силою. Въ сверженіи фамиліи Годуновыхъ, Голицыны играли первенствующую роль, на ряду съ Шуйскими и Романовыми, какъ мимоходомъ указалъ и самъ г. Корсаковъ, остановившись, къ сожалѣнію, только на выдающейся личности Василія Васильевича старшаго.

Братъ Василія, князь Андрей, былъ заклятымъ врагомъ извѣстнаго „торговаго мужика" Андронова и принадлежалъ къ той фракціи боярской партіи, которая отстаивала исключительные боярскіе интересы и которая, въ переговорахъ съ Сигизмундомъ, настаивая на охраненіи боярскихъ правъ, ничего не говорила о возвышеніи людей „молодшихъ", о чемъ хлопотали Салтыковъ и Андроновъ.

Правда, г. Корсаковъ указалъ, что Василій Васильевичъ Голицынъ отказался отъ кандидатуры на престолъ, заранѣе подавъ свой голосъ за Романовыхъ; но этотъ фактъ, указывающій, что фамилія Голицыныхъ стояла въ ряду тѣхъ фамилій, члены которыхъ имѣли притязаніе на престолъ, выставленъ безъ связи съ общимъ значеніемъ фамиліи Голицыныхъ и съ общимъ ходомъ дѣлъ.

Въ концѣ XVII столѣтія, изъ Голицыныхъ опять указанъ только одинъ князь Вас. Вас. Голицынъ (второй), но забытъ князь Борисъ, умнымъ распоряженіямъ котораго Петръ Великій обязанъ торжествомъ надъ царевною Софіею Алексѣевною. Вліяніе Бориса спасло Голицыныхъ отъ большого погрома при паденіи Софіи Алексѣевны.

Смутная эпоха нанесла сильный ударъ боярству. „Въ первенствующихъ фамиліяхъ, говоритъ С. М. Соловьевъ (т. IX, стр. 359, изд. 2-е) оказался недочетъ: Романовы перешли на престолъ, сошли со сцены Годуновы, исчезли Шуйскіе, за ними Мстиславскіе, Воротынскіе, изгибли самые энергичные изъ Голицыныхъ". Но все-таки эта фамилія осталась, и естественно, что въ ней-то и сохранились боярскія преданія. Такого естественнаго участія въ дѣлахъ политическихъ Долгорукіе въ XVII вѣкѣ не имѣли. При томъ же, фамилія Долгорукихъ въ XVII вѣкѣ и въ началѣ XVIII была весьма непопулярна въ народѣ: князь Юрій Долгорукій, прославившійся крайнею жестокостію при усмиреніи разинскаго мятежа, и его сынъ, Михаилъ, погибли во время перваго стрѣлецкаго бунта и смерть Юрія имѣла, безъ сомнѣнія, нѣкоторое отношеніе къ его прошлому. При Петрѣ Великомъ опять двое Долгорукихъ прославились жестокостію; одинъ былъ убитъ донскими казаками, вызвавъ своими жестокостями булавинскій бунтъ; другой, еще свирѣпѣе, усмирялъ этотъ булавинскій бунтъ, вызванный его братомъ и самъ Петръ находилъ, что его жестокость перешла мѣру. Популярность Долгорукихъ началась съ ихъ страданій при Аннѣ Ивановнѣ. Извѣстно, что при Петрѣ II Долгорукихъ не любили за надменность князей Алексѣя и Ивана. Въ замыслахъ верховниковъ они шли за Д. М. Голицынымъ, вредя ему своею непопулярностью.

Затѣмъ, мы должны замѣтить, что въ трудѣ г. Корсакова смѣшаны причины событія съ обстоятельствами, благопріятствовавшими замысламъ верховниковъ. У него и неопредѣленность престолонаслѣдія, и значеніе верховнаго тайнаго совѣта, и неудовольствіе на сильное значеніе иностранцевъ, и нео-

предѣленность правъ шляхетства,—все отнесено къ причинамъ замысла верховниковъ. Между тѣмъ, какъ въ дѣйствительности изъ этихъ обстоятельствъ только неопредѣленность правъ шляхетства, желаніе имѣть бо̀льшія и опредѣлінныя права, была главною, но не единственною конечною причиною замысла верховниковъ и движенія шляхетства. Неопредѣленность же престолонаслѣдія, значеніе верховнаго тайнаго совѣта были только благопріятными условіями, при которыхъ замыселъ ихъ могъ обнаружиться.

Увлекшись депешею Кампредона, г. Корсаковъ видитъ въ учрежденіи верховнаго тайнаго совѣта нѣкоторымъ образомъ развитіе идеи Петра Великаго о коллегіальномъ устройствѣ и даже стремленіе мало по малу ограничить самодержавіе. Въ дѣйствительности же учрежденіе верховнаго тайнаго совѣта было компромиссомъ между птенцами Петра и людьми родовитыми; первые возвели на престолъ Екатерину, послѣдніе боялись, что это возведеніе отстранитъ отъ престола Петра II (тогда, конечно, еще великаго князя), на котораго они возлагали большія надежды. Родовитые люди отстояли права Петра II, но власти не получили.

Разъ принявши мнѣніе объ учрежденіи верховнаго совѣта, съ цѣлію ограничить самодержавіе, г. Корсаковъ естественно не могъ высказать опредѣленнаго, твердаго воззрѣнія на дѣйствія верховниковъ при воцареніи Анны: „Верховный тайный совѣтъ—говоритъ авторъ—избирая Анну Ивановну, нарушилъ тестаментъ Екатерины I; но тестаментъ этотъ въ то время считался подложнымъ“ (стр. XIV). Что же верховный тайный совѣтъ былъ правъ или не правъ? Далѣе: „Избирая ее, онъ считалъ себя представителемъ высшей власти въ Россіи и въ фактѣ избранія выходилъ изъ мыслей (?) Петра Великаго объ избраніи достойнѣйшаго себѣ преемника“ (тамъ же). Если такъ, то отчего же авторъ порицаетъ дѣйствія сената, синода и генералитета при избраніи Екатерины I, находя ихъ противными не существовавшимъ даже законамъ Петра Великаго? Они также могли выходить изъ мыслей Петра, они также могли считать Екатерину достойнѣйшею, какъ верховники считали достойнѣйшею Анну?

Мало уясняютъ дѣло и слѣдующія слова г. Корсакова: „Въ этомъ случаѣ верховный тайный совѣтъ впалъ въ существенную ошибку, будучи на дѣлѣ совершенно самозваннымъ представителемъ Россіи; но онъ подражалъ въ этомъ случаѣ генералитету и сенату при воцареніи Екатерины I“ (тамъ же).

Тестаментъ Екатерины I считался подложнымъ, верховный тайный совѣтъ былъ представителемъ высшей власти и исходилъ изъ мыслей Петра—отчего же тутъ самозванство?

Стараясь оправдать верховниковъ отъ обвиненія въ олигархическихъ замѣткахъ, г. Корсаковъ говоритъ слѣдующее: „Олигархія, непотизмъ вотъ какія восклицанія раздавались и раздаются при разсужденіяхъ о дѣятельности верховниковъ и этими восклицаніями думаютъ порѣшить все. Весьма естественно, что такой взглядъ не можетъ считаться серьезнымъ, тѣмъ болѣе научнымъ“. „Отъ того все это происходитъ, продолжаетъ авторъ, что судили на основаніи предположеній, что̀ было бы, если бы верховники захватили власть?—Мы не знаемъ, что̀ было бы, но знаемъ, что самодержавіе Анны Ивановны явилось не самодержавіемъ, а именно олигархіей, да еще вдобавокъ не національной, а иноземной“.

Послѣднее замѣчаніе справедливо; но изъ того, что послѣ паденія верховниковъ вышло еще хуже, еще ничего не слѣдуетъ. Автору слѣдовало бы обстоя-

тельнѣе разобрать вопросъ—было ли что нибудь олигархическаго въ замыслѣ Голицына и возможна ли олигархія въ Россіи и если возможна, то при какихъ условіяхъ?

Прежде всего, олигархія въ чистой ея формѣ въ Россіи невозможна. Не говоря о массѣ бѣднаго шляхетства русскаго, сельскаго духовенства, олигархія въ Россіи встрѣтила бы сильное и непреоборимое сопротивленіе въ казачествѣ, въ расколѣ и крестьянствѣ вообще. Олигархія, въ чистомъ ея видѣ, держалась въ новое время (о древности мы не говоримъ; тогда и условія жизни были другія) въ Венеціи; но какъ и чѣмъ? Не только страхомъ, но и тою выгодою, которую она доставляла Венеціи, обезпечивая за ней своимъ суровымъ управленіемъ обладаніе разными землями по берегу Адріатическаго моря и на островахъ архипелага и т. д. Въ Польшѣ, при всемъ могуществѣ нѣкоторыхъ фамилій, было нѣчто другое, а не олигархія, именно владычество цѣлаго сословія надъ массою безправнаго народа, но тэимъ владычествомъ Россіи хотя и угрожали, но не верховники, а масса шляхетства, какъ увидимъ ниже. Олигархія возможна въ Россіи только въ видѣ камарильи, подъ прикрытіемъ царской власти, какъ это случилось при Аннѣ Іоанновнѣ. Поэтому Биронъ, Остерманъ, Минихъ и пр. могли создать олигархію, а Голицынъ не могъ бы, если бы даже и хотѣлъ.

Посмотримъ теперь — дѣйствительно ли замыслы Голицына имѣли характеръ олигархическій?

Виновникъ замысла верховниковъ, князь Д. М. Голицынъ, по личному своему характору, не годился ни въ беззаконники-олигархи, ни въ вожди партіи, которая ищетъ крутого и насильственнаго переворота. Г. Корсаковъ упрекаетъ его въ склонности къ деспотизму; но эта склонность не проявилась въ данномъ событіи. Деспотическая закваска встрѣчается у всѣхъ совершителей coup d'état, а у Д. М. Голицына ея не было; не было и coup d'état со стороны верховниковъ. Вообще должно замѣтить, что съ окончанія смутной эпохи, боярскіе роды выставили довольно замѣчательныхъ людей; но среди этихъ замѣчательныхъ людей, не было ни одного энергическаго человѣка; признакъ и вѣрный признакъ, что боярство потеряло подъ собою почву. Но, оставивъ въ сторонѣ разсужденія о характерѣ Голицына, какъ предметъ спорный, обратимся лучше къ его планамъ и къ планамъ и дѣйствіямъ шляхетства. Шляхетство это очень желало свободы; но послушаемъ прусскаго посланника Мардефельда, какъ оно понимало свободу: „Всѣ русскіе, писалъ Мардефельдъ, вообще желаютъ свободы; но они не могутъ согласиться относительно мѣры и качества ея и до какой степени слѣдуетъ ограничить самодержавіе. Если императрица хорошо съумѣетъ войти въ свое положеніе и послушается извѣстныхъ умныхъ людей (т. е. его друга Остермана), то она возвратитъ себѣ въ короткое время самодержавіе, ибо русская нація, хотя много говоритъ о свободѣ, но не знаетъ ее и не умѣетъ ею воспользоваться". Г. Корсаковъ находитъ приговоръ Мардефельда жосткимъ и преувеличеннымъ; но онъ былъ вѣренъ относительно современнаго ему движенія, что вполнѣ подтверждаютъ дѣйствія и проекты шляхетства.

Г. Корсаковъ сводитъ сущность всѣхъ шляхетскихъ проектовъ къ тремъ пунктамъ: 1) организація центральнаго правительства при участіи шляхетства; 2) выдѣленіе родовитаго шляхетства изъ шляхетства новаго; 3) улучшеніе быта другихъ сословій: духовенства, купечества и крестьянства.

Но объ этомъ послѣднемъ пунктѣ проэкты только упоминаютъ мимохо-

домъ, ничего не значущими фразами, какъ напр. „подать способъ къ размноженію мануфактуръ и торговли, или отягощенное земледѣльство (sic) податми (sic), какимъ нибудь образомъ облегчить податми“. Это желаніе выражено въ запискѣ, которая носитъ названіе: „Способы и проч.“ (см. стр. 172). Эти „способы“ по замѣчанію г. Корсакова отрицательно относились къ проэктамъ шляхетства и неизвѣстно кто былъ ихъ сочинитель. „Способы“ предлагали, для выработки общаго плана государственныхъ преобразованій, выбрать отъ двадцати до тридцати шляхтичей изъ годныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества. Это не значитъ относиться отрицательно къ шляхетскимъ движеніямъ, а значитъ только, что „способы“ предлагали свой планъ для достиженія цѣли шляхетскаго движенія. Планъ этотъ былъ изъ либеральнѣйшихъ проэктовъ; но и этотъ налиберальнѣйшій проэктъ допускалъ въ шляхетское собраніе отъ 4 до 6-ти лицъ изъ духовенства для совѣщанія о духовныхъ дѣлахъ, такое же число отъ купечества для совѣщанія по дѣламъ торговымъ. Хотя имъ и давались равные голоса съ шляхтичами, но ничтожное число представителей означенныхъ сословій дѣлало ихъ скорѣе экспертами, чѣмъ депутатами.

Въ одномъ проэктѣ ясно выражается мысль создать изъ шляхетства преобладающее, властительное сословіе. Въ проэктѣ предлагается приказныхъ людей производить въ ранги за вѣрность всему обществу шляхетскому.

Слѣдовательно сущность всѣхъ проэктовъ сводится не къ тремъ пунктамъ, а къ первымъ двумъ.

Отъ всѣхъ этихъ проэктовъ рѣзко отличается проэктъ князя Голицына, напечатанный рядомъ съ шляхетскими проэктами въ VI главѣ изслѣдованія г. Корсакова (180 стр.).

Обвиненіе Голицына въ олигархизмѣ основывается на извѣстныхъ кондиціяхъ, предложенныхъ верховниками Аннѣ Ивановнѣ; но кондиціи имѣли въ виду только очертить тотъ кругъ дѣятельности, который на первое время предстоялъ новой государынѣ. Сущность же плана Голицына заключается не въ этихъ кондиціяхъ, а въ проэктѣ.

Противъ Голицынскаго проэкта многое можно возразить: но онъ составленъ ясно, опредѣленно, отчетливо; видимо, что говоритъ человѣкъ, который знаетъ, что̀ говоритъ. Этотъ мнимый олигархъ проэктируетъ между прочимъ палату городскихъ представителей для завѣдыванія торговыми дѣлами, для соблюденія интересовъ простого народа и для защиты его отъ несправедливости, о чемъ, какъ мы сейчасъ сказали, почти нѣтъ и помину въ шляхетскихъ проэктахъ. Между тѣмъ г. Корсаковъ въ проэктахъ и въ движеніи шляхетства видитъ нѣчто болѣе либеральное, чѣмъ въ проэктахъ Голицына: „Общимъ чувствомъ, связующимъ всѣ разнообразные элементы шляхетства, говоритъ онъ, является негодованіе противъ верховниковъ. Но негодованіе это не выражается въ какой нибудь безсознательной ненависти къ верховникамъ, напротивъ оно проникнуто сознаніемъ необходимости расширить кругъ государственныхъ реформъ. Шляхетскіе проэкты и мнѣнія вырываютъ власть изъ рукъ семи случайныхъ представителей Россіи и передаютъ эту власть всему шляхетскому обществу „общенародію“, какъ они выражаются“.

Очевидно, г. Корсаковъ придерживается общепринятаго мнѣнія, что Голицынъ былъ олигархомъ. „Онъ, говоритъ г. Корсаковъ про проэктъ Голицына, ограничиваетъ большинство, шляхетское общенародіе, властію немногихъ знатнѣйшихъ фамилій“. Какъ же это онъ дѣлаетъ?: „Вводя въ кругъ второстепенныхъ учрежденій, на ряду со шляхетствомъ, представителей отъ

торговаго сословія, на которыхъ большинство шляхетскихъ проэктовъ распространяетъ свою опеку". (182 стр.).

Выходитъ: Голицынъ большинство шляхетства замѣнилъ олигархіею (немногими фамиліями) тѣмъ, что допускалъ представителей отъ торговаго сословія, на которое другіе проэкты накладывали опеку. Изумительно, что Голицына обвиняютъ въ олигархическихъ замыслахъ за введеніе въ кругъ полноправныхъ гражданъ купечества и за введеніе представителей изъ торговаго сословія въ число законодателей. Изъ словъ г. Корсакова слѣдуетъ понимать, что введеніе представителей купечества въ кругъ законодателей есть олигархическое начало. Къ этому сужденію онъ прибавляетъ замѣчаніе, что у Голицына выдержанъ строго аристократическій принципъ. Что значитъ строго-аристократическій принципъ? Исторія развитія англійскихъ государственныхъ учрежденій показала намъ, что аристократизмъ не состоитъ въ исключительномъ покровительствѣ дворянству. Въ XIII в. самый заклятый аристократъ, герцогъ Симонъ Монфоръ Лейчестерскій, ввелъ въ парламентъ наравнѣ съ джентри и горожанъ. Дюмурье польскую знать справедливо назвалъ плантаторами за исключительное покровительство шляхтѣ и за подавленіе другихъ сословій. У Голицына именно сказался инстинктъ настоящей аристократіи; но для роли Монфора Лейчестерскаго Голицыну недоставало содѣйствія такого же политическаго смысла въ русскомъ шляхетствѣ, какое обнаружило британское джентри.

Какъ масса шляхетства мало понимала дѣло, за которое она взялась, ясно видно изъ того, что одни и тѣ же лица подписывались подъ разными проэктами. Г. Корсаковъ до нѣкоторой степени хочетъ оправдать эти подписи подъ разными проэктами однихъ и тѣхъ же лицъ; онъ говоритъ, что они это дѣлали въ торопяхъ и что по сходству проэктовъ могли ихъ смѣшивать. Хороши же законодатели, которые въ торопяхъ смѣшиваютъ проэкты!

Ближайшее сопоставленіе проэкта Голицына съ проэктами шляхетства, лучше всего убѣдитъ читателя на сколько проэктъ перваго былъ шире, гуманнѣе и такъ сказать государственнѣе канцелярскихъ проэктовъ русскаго шляхетства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это сопоставленіе покажетъ, что вожди шляхетства направляли свою оппозицію не противъ олигархіи, а или лично противъ Голицына по самолюбивымъ побужденіямъ, или просто подготовляли уничтоженіе кондицій. Голицынъ проэктируетъ Верховный Совѣтъ изъ двѣнадцати членовъ. Татищевъ [1],—высшее правительство изъ двадцати одного члена. Тоже у Сикіотова. Мусинъ-Пушкинъ—Верховное правленіе изъ 12-ти членовъ. Колычевъ—Верховный Тайный Совѣтъ изъ 15 членовъ. Конспектъ (проэктъ крайней шляхетской партіи) замѣняетъ Верховный Тайный Совѣтъ сенатомъ изъ 30 человѣкъ [2]). Сенатъ, по проэкту Голицына, превращался въ предварительный комитетъ для разсматриванія дѣлъ поступающихъ въ В. Т. Совѣтъ. Вполнѣ соотвѣтствующаго учрежденія въ другихъ проэктахъ нѣтъ. Далѣе у Голицына является шляхетская палата изъ двухсотъ членовъ. У Татищева—нижнее правительство изъ ста членовъ. У Сикіотова этотъ пунктъ сбивчивъ нстра даетъ крайнею неопредѣленностью: высшее правительство, генералитетъ и шляхетство сходятся для общихъ совѣщаній. Въ конспектѣ упоминается сенатъ, но

[1]) Татищевъ въ кружкѣ Черкасскаго игралъ роль жреца, гдѣ пустымъ идоломъ былъ Черкасскій.—Жрецъ этого пустого идола произносилъ свои прорицанія.

[2]) Сикіотовъ, Мусинъ-Пушкинъ, Колыхевъ и др. были представителями разныхъ шляхетскихъ кружковъ; каждый изъ нихъ составилъ свой проэктъ.

о составѣ его умалчивается. Но ни въ одномъ проэктѣ нѣтъ пункта, соотвѣтствующаго шестому пункту проэкта Голицына. Напомнимъ еще разъ читателю этотъ пунктъ: палата городскихъ представителей учреждается для завѣдыванія торговыми дѣлами и для соблюденія интересовъ простого народа и защиты его отъ несправедливостей.

Читатель видитъ, что шляхетскіе проэкты съуживали проэктъ Голицына, а не расширяли его. Нельзя назвать расширеніемъ проэкта Голицына увеличеніе числа членовъ В. Т. Совѣта.

Касательно упрековъ верховниковъ въ чрезмѣрномъ ограниченіи верховной власти даютъ отвѣтъ слѣдующія слова изъ депеши французскаго дипломата Маньяна:

„Передавая русскій престолъ герцогинѣ Курляндской, русскіе намѣрены дать ей корону только въ пользованіе, ввѣривъ ей престолъ до той только поры, пока они согласятся между собою насчетъ новой формы государственнаго правленія". Эти слова Маньяна ясно указываютъ, что кондиціи имѣли значеніе только временное. Замѣчательно что шляхетскіе проэкты умолчали объ этомъ пунктѣ, т. е. объ ограниченіи верховной власти, предоставляя за него отвѣчать верховникамъ, а сами строили планы на основаніи этого же пункта. Верховники и вышли во всемъ виноваты. Точно также на однихъ верховниковъ пало обвиненіе за отстраненіе отъ престола потомства Петра Великаго; но если, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, могла быть рѣчь о чьей либо винѣ въ этомъ щекотливомъ пунктѣ, то вина эта равномѣрно падала на все родовитое шляхетство.

Г. Корсаковъ очень вѣрно отмѣтилъ въ какихъ слояхъ общества находились приверженцы Елизаветы. На стр. 98-й онъ говоритъ: „Она пользовалась большой популярностію въ низшихъ классахъ за ея доступность, за благочестіе и за образъ жизни, веселой и простой. Гвардейскіе полки, чтившіе высоко память Петра Великаго, съ упованіемъ смотрѣли на его дочь; въ числѣ ея сторонниковъ было много монаховъ, много лицъ изъ приходскаго духовенства и вообще людей стараго покроя, которыхъ не коснулось преобразованіе: изъ купечества, посадскихъ и крестьянъ".

Могло ли послѣ этого желать видѣть Елизавету на престолѣ то родовитое шляхетство, которое болѣе Голицына хлопотало о выдѣленіи себя изъ рядовъ шляхетства новаго, служебнаго? Какъ Голицынъ ни былъ враждебенъ къ памяти Екатерины I, но если бы онъ зналъ, что все шляхетство, или большинство его, стоитъ за потомство Петра Великаго, то ни онъ, ни остальные верховники вѣроятно не рѣшились бы на избраніе Анны Ивановны. Отношеніе къ Елизаветѣ не только верховниковъ, но и всего родовитаго шляхетства, лучше всего видно изъ дѣла Лопухиныхъ, обвиненныхъ въ царствованіе Елизаветы въ приверженности къ брауншвейгской династіи. Одинъ изъ нихъ говорилъ про Елизавету: „Наша знать вообще ее не любитъ, она же все простому народу благоволитъ для того что сама живетъ просто". Въ этихъ простодушныхъ словахъ Лопухинъ сказалъ, не думая того, тайную причину избранія Анны Ивановны. Верховники и родовитое шляхетство надѣялись, что Анна Ивановна, дочь Салтыковой, связанная родствомъ съ знатными русскими фамиліями, будетъ лучше относиться къ интересамъ русскаго шляхетства и горько ошиблись въ своемъ расчетѣ. Этотъ выборъ сдѣ-ланъ былъ подъ благовиднымъ предлогомъ, что Анна дочь старшаго брата, при чемъ игнорировали тайный бракъ Петра и Екатерины, впослѣдствіи объявленный и узако-

неніе дѣтей Екатерины. Голицынъ и другіе верховники такъ дѣйствовали вслѣдствіе ненависти къ памяти Екатерины I, вслѣдствіе ненависти къ людямъ, стоявшимъ близко къ семейству ея; у массы родовитаго шляхетства личныхъ отношеній къ Толстымъ, Ягужинскимъ не было и не могло быть, массою этого руководили только какія то темныя, ни на чемъ не основанныя надежды на Анну Ивановну. Послѣднюю сдѣлали популярной, прославляли ея небывалую мудрость, даже ея добродѣтели и умалчивали, что въ сердечныхъ увлеченіяхъ она не уступала Елизаветѣ, у которой однако и сердце было лучше и ума было больше. Вообще нѣкоторые изслѣдователи нашей исторіи XVIII вѣка приписываютъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ, отстраненіе Елизаветы отъ престола якобы легкомысленному въ ту пору ея поведенію. Но если оно и дѣйствительно было таково, то чѣмъ Шубинъ, фаворитъ Елизаветы, хуже Бестужева-Рюмина, фаворита Анны? А бывшій впослѣдствіи фаворитомъ Елизаветы никому не сдѣлавшій зла Разумовскій не можетъ быть даже и сравниваемъ съ Бирономъ.

Расчеты верховниковъ и знатнаго шляхетства на Анну Ивановну подкрѣплялись и косвеннымъ вліяніемъ датскаго посла Вестфалена, который изъ всѣхъ силъ старался отстранить отъ престола Елизавету и ея племянника герцога Голштинскаго. Ему впрочемъ все равно было, кто будетъ царствовать въ Россіи, только бы не Елизавета, или не герцогъ Голштинскій. Ему, какъ извѣстно, Долгорукіе обязаны были совѣтомъ, столь гибельнымъ для нихъ впослѣдствіи, выбрать на престолъ княжну Екатерину Алексѣевну Долгорукую.

При обсужденіи плановъ верховниковъ и знатнаго шляхетства, г. Корсаковъ, кажется, болѣе чѣмъ слѣдуетъ придаетъ значеніе европейскому вліянію. Всѣ проэкты русскаго шляхетства отзываются исключительно польскимъ вліяніемъ, а не европейскимъ вообще. Что же касается до князя Д. М. Голицына, то при видимомъ и кажущемся вліяніи на его проэктъ шведской конституціи онъ руководился тѣмъ взаимнымъ отношеніемъ сословій другъ къ другу, какое тогда существовало въ Россіи.

У насъ въ литературѣ нерѣдко высказывалась мысль, что въ Россіи якобы сословныхъ раздоровъ не существовало. Мысль крайне несправедливая: Іоаннъ Грозный сокрушалъ боярство, опираясь на горожанъ и на дѣтей боярскихъ; въ смутное время сословная рознь сказалась очень рѣзко; утвердившееся самодержавіе закрыло эту вражду своей порфирой, но подъ порфирой она все таки таилась. Все движеніе русскаго шляхетства при Аннѣ Ивановнѣ показывало его желаніе выдѣлиться изъ среды другихъ сословій, какъ можно рѣзче, не давая этимъ сословіямъ никакихъ правъ. Сословныя отношенія на Руси въ первой половинѣ XVIII вѣка были таковы, что при введеніи народнаго представительства Голицыну само собою должна была броситься въ глаза шведская форма нѣсколькихъ палатъ. Какъ могъ думать Голицынъ о возможности соединить въ одной палатѣ представителей родовитаго шляхетства и купечества, когда родовитое шляхетство дѣлало усилія выдѣлиться изъ рядовъ шляхетства не родовитаго? Весь ходъ дѣла показываетъ, что Голицынъ взялъ за образецъ шведскую конституцію, потому что формы ея соотвѣтствовали умоначертанію русскаго шляхетства. Поэтому говорить о внѣшнемъ вліяніи и особенно шведской конституціи на дѣло верховниковъ безъ большихъ оговорокъ нельзя. Если бъ въ то время не было въ Россіи сословной розни, то ни кому и въ голову не могла бы придти мысль заимствовать шведскую форму народнаго представительства. Можетъ быть вслѣдствіе этой розни и не вспомнили о формѣ старыхъ, русскихъ

земскихъ соборовъ. Да не отъ этой ли розни и пали земскіе соборы? Вѣдь безъ этой розни дьяки и разнаго рода камарильи не могли бы ихъ упразднить, вывести изъ употребленія. Если Голицынъ и прежде интересовался шведской конституціей, то безъ сомнѣнія только потому, что видѣлъ въ формѣ этой конституціи нѣчто такое, что соотвѣтствовало положенію домашнихъ дѣлъ. Но Голицынъ не предвидѣлъ, что умоначертаніе тогдашняго русскаго шляхетства въ сословной замкнутости превзойдетъ даже и шведское дворянство. Не смотря на свои промахи, не смотря на свою слѣпую излишнюю вѣру въ здравый смыслъ русскаго шляхетства, кн. Д. М. Голицынъ былъ однимъ изъ даровитѣйшихъ государственныхъ людей нашихъ въ XVIII в. Онъ, если и ошибался, то дѣйствовалъ однако чистосердечно и искренно и имѣлъ полное право по окончаніи политической траги-комедіи сказать свои достопамятныя и пророческія слова: „Пиръ былъ изготовленъ, но гости были его недостойны; я знаю, что бѣда обрушится на мою голову; что нужды, я пострадаю за отечество. Я старъ и смерть мнѣ не страшна; но тѣ, которые думаютъ насладиться моими страданіями, пострадаютъ тяжелѣе меня".

Большая часть нашихъ историковъ, по разнымъ обстоятельствамъ, ошибки верховниковъ возвели въ преступленіе, не понявъ смысла историческаго движенія того времени; по этому нельзя не благодарить изслѣдователей, которые стараются возстановить дѣло въ надлежащемъ свѣтѣ [1]).

Если г. Корсаковъ и не сдѣлалъ вполнѣ безпристрастной оцѣнки дѣла верховниковъ, тѣмъ не менѣе должно отдать ему справедливость, что онъ значительно облегчилъ будущимъ историкамъ возможность взглянуть безпристрастно на событія 1730 года. Онъ извлекъ изъ архивовъ интереснѣйшія свѣденія о шляхетскихъ проэктахъ и кромѣ того обставилъ все шляхетское движеніе массою иностранныхъ свидѣтельствъ, что и даетъ возможность на основаніи его же данныхъ разсмотрѣть дѣло верховниковъ съ разныхъ сторонъ. Въ шляхетскомъ движеніи г. Корсаковъ отмѣтилъ очень важную сторону. Онъ указалъ, что это движеніе было первымъ проявленіемъ самосознанія дворянскаго сословія. Первый разъ всѣ слои высшаго сословія сознали себя, какъ нѣчто цѣлое. Фактъ отмѣченъ; но отношеніе этого факта къ прошедшему и будущему сословія г. Корсаковъ не счелъ нужнымъ указать. Такое указаніе конечно не входило въ планъ изслѣдованія его; но нельзя сказать, что-бы оно не имѣло отношенія къ предмету его труда. Въ московской Руси было три главныхъ вида высшаго сословія: дворяне, дѣти боярскіе и бояре. Общаго юридическаго наименованія они не имѣли; но въ жизни обыденной, въ понятіяхъ людей того времени, если не всѣ три вида, то первые два, уже объединились. Такъ священники при Алексѣѣ Михайловичѣ жаловались на небоящихся Бога дворянъ, явно подъ этимъ наименованіемъ разумѣя первые два вида, если не всѣ три. Табель о рангахъ Петра Великаго и движеніе шляхетства при Аннѣ Ивановнѣ окончательно всѣ три вида высшаго сословія слили подъ

---

[1]) Обвиненія основывались на актахъ, не заслуживающихъ никакого уваженія; такъ напр., очевидно, что обвинительный актъ противъ Долгорукихъ весь сотканъ изъ лжи и сплетенъ. Исторія завѣщанія, котораго никто кромѣ двухъ, трехъ человѣкъ не видалъ и никто не призналъ, разсказывается на основаніи однихъ слуховъ, подтверждать которые принуждали пытками. Только обнародованіе актовъ, хранящихся въ архивахъ, можетъ разсѣять разныя предубѣжденія; между тѣмъ въ архивахъ хранятся часто, подъ видомъ государственной тайны, вещи всѣмъ извѣстныя, которыя въ настоящее время не имѣютъ и политическаго значенія.

общимъ именемъ „дворянства“ и придали этому слiянiю юридическую санкцiю. При этомъ юридическомъ самоопредѣленiи совершился чрезвычайно важный фактъ: потомство бояръ, какъ княжескихъ, такъ и не княжескихъ родовъ, вошло въ общiй составъ дворянства и русское шляхетство въ 1730 году довершило своимъ движенiемъ дѣло табели о рангахъ Петра Великаго. Однако это юридическое самоопредѣленiе не установило внутренняго единства въ сословiи и не дало ему политическаго такта. Отсутствiе политическаго такта въ русскомъ шляхетствѣ всего болѣе сказалось въ желанiи устроиться на польскiй ладъ. Такое отсутствiе политическаго такта было результатомъ полнѣйшаго непониманiя условiй общественной жизни своей страны. Въ Польшѣ преобладанiе шляхетства основывалось на отсутствiи нацiональнаго городскаго сословiя, на поголовномъ почти закрѣпощенiи всего сельскаго люда, чего въ Россiи, къ ея счастiю не было. Русское шляхетство этого обстоятельства не поняло, отстранивъ въ своихъ проэктахъ всякое участiе городскаго сословiя въ дѣлахъ государства.

Нельзя лучше закончить разбора шляхетскаго движенiя, какъ сопоставивъ описанiе этого движенiя у г. Корсакова съ свидѣтельствомъ иностранца. Говоря о массѣ дворянства, участвовавшаго въ движенiи, г. Корсаковъ съ нѣкоторымъ увлеченiемъ выражается такъ:

„Въ числѣ этихъ лицъ мы видимъ представителей всѣхъ слоевъ тогдашняго шляхетства; здѣсь сходятся люди самыхъ разнообразныхъ общественныхъ и служебныхъ положенiй, различнаго происхожденiя и образованiя, но исключительно русской нацiональности. Движенiе имѣетъ строго патрiотическiй, нацiональный характеръ. На ряду съ Рюриковичами, Гедеминовичами и потомками выѣзжихъ черкесскихъ князей и татарскихъ мурзъ, мы встрѣчаемъ и представителей старинныхъ служебныхъ родовъ княжествъ рязанскаго, московскаго, тверского и худородныхъ шляхтичей. Объ руку съ сенаторами, президентами и членами коллегiй, идутъ генералы, полковники и баталiонные командиры, субалтернъ-офицеры и придворные чины, начиная съ оберъ-гофмейстера и кончая гофъ-юнкеромъ.“

Одна изъ депешъ саксонскаго посланника Лефорта, племянника Петрова друга, даетъ намъ указанiе отъ чего все случилось такъ, какъ случилось, а не такъ какъ предполагалось: „Русское государство, пишетъ Лефортъ, представляетъ такой хаосъ, въ которомъ трудно что либо разобрать; сколько голосовъ, столько и плановъ; каждый умствуетъ, слѣдуя своему слабому сужденiю“.

Среди этого хаоса, въ которомъ каждый слѣдовалъ своему слабому сужденiю, сокрушился и проэктъ Голицына и проэкты шляхетскiе. Осталось ли однако это шляхетское движенiе безъ послѣдствiй? Нѣтъ; оно имѣло два важныя послѣдствiя: 1) оно закрѣпило за русскимъ шляхетствомъ помѣщичiй и служебный характеръ; 2) этимъ движенiемъ шляхетство, какъ сказано выше, втянуло въ себя слабые остатки боярской аристократiи и тѣ элементы, изъ которыхъ тогда могла бы возродиться боярская аристократiя.

Англiйское джентри, не гоняясь за равенствомъ съ лордами, искало только свободы и помогло создать британскую конституцiю; русское шляхетство, стремясь къ равенству всего родовитаго шляхетства и въ то же время унижая шляхетство новое, на долго закрѣпило въ Россiи помѣщичье право и бюрократическую ферулу.

Вопросъ о томъ, хорошо это, или дурно, не подлежитъ обсужденiю въ настоящей рецензiи: мы указали только, какъ и что было, и что изъ этого вышло.

Евгенiй Бѣловъ.

Исторія Славянскихъ литературъ. А. Н. Пыпина и В. Д. Спасовича. Изданіе 2-е, вновь переработанное и дополненное. Два тома. Спб. 1879—1881 гг.

Старое изданіе названнаго труда (1865) заключало въ себѣ всего одинъ томъ и въ немъ помѣщалась вся русская литература, выдѣленная изъ настоящаго изданія, какъ имѣющая въ свое время выйти отдѣльно. Изъ этого видно, до какой степени новое изданіе количественно разнится отъ стараго. Но оно точно также разнится отъ него и качественно. Хотя г. Пыпинъ и увѣряетъ въ послѣдней главѣ, что взглядъ его „въ сущности остается тотъ же" (стр. 1093), но съ этимъ можно согласиться развѣ тому, кто успѣлъ позабыть старое изданіе. Въ предисловіи (помѣщенномъ въ началѣ 2-го тома) г. Пыпинъ свидѣтельствуетъ, что хотя его точка зрѣнія была выражена (въ 1865 г.) достаточно ясно, „даже чешскіе критики обвиняли его во враждебности къ „народнымъ началамъ". И въ то время эти критики были правы. Совершенно другое дѣло теперь. Остается только удивляться, что г. Пыпинъ точно будто стыдится измѣненія въ своемъ взглядѣ. Совсѣмъ не мѣняются, т. е. коснѣютъ, только люди, переставшіе работать, или же бездарные и упрямые. Въ свое время отозвавшись довольно несочувственно о книгѣ г. Пыпина [1]), я съ удовольствіемъ могу отозваться о настоящемъ изданіи совершенно иначе. Не скрою однакоже и теперь моихъ разногласій съ почтеннымъ авторомъ въ частностяхъ.

Въ предисловіи г. Пыпинъ говоритъ о первыхъ славянскихъ каѳедрахъ нашихъ: „это былъ учено-народный романтизмъ, въ родѣ Гримма или Риля". Съ этимъ мудрено согласиться. Яковъ Гриммъ согрѣвалъ, наши слависты большею частью обдавали холодомъ. Не мало даровитыхъ людей пропало для изученія славянства именно потому, что ихъ отталкивало узко-археологическое направленіе нашей славянской каѳедры. Самъ г. Пыпинъ сознается, что славистика не была его спеціальностью, т. е. не университетъ его привлекъ къ ней. А г. Спасовичъ, какъ извѣстно, вовсе даже не филологъ.

Въ особомъ своемъ предисловіи, даровитый сотрудникъ г. Пыпина прямо говоритъ, что въ принадлежащемъ ему отдѣлѣ польской литературы „въ нынѣшнемъ изданіи уцѣлѣли отъ перваго весьма не многія страницы". Но направленіе осталось прежнее, т. е. оно и тогда было у г. Спасовича вполнѣ сочувственно предмету, почему и я въ свое время могъ сочувственно отнестись къ очень многому въ той части труда, которая принадлежитъ г. Спасовичу.

И въ настоящемъ изданіи все, за исключеніемъ польской литературы, вышло изъ подъ пера г. Пыпина. Въ 1-мъ томѣ изложена исторія литературы славянъ, исповѣдующихъ православіе. Наряду съ сербами и болгарами, помѣщены тутъ и малоруссы. Удобнѣе было бы, кажется, связать малорусскую литературу съ общерусскою, конечно, какъ совершенно особый отдѣлъ. Вѣдь древній періодъ у обѣихъ—одинъ, и г. Пыпину въ будущей своей книгѣ о русской литературѣ придется повторить многое изъ того, что сказано имъ въ началѣ обзора малорусской литературы. Говоря это, я ни мало не оспариваю

---

[1]) Мой разборъ перепечатанъ въ сборникѣ моихъ статей „Славянство и Европа". Спб. 1877 г.

у г. Пыпина умнаго и гуманнаго его взгляда на права малорусскаго языка. Завѣтъ славянскихъ первоучителей всему славянству составляетъ проповѣдь на общедоступномъ языкѣ, т. е. и школа съ грамотностью на языкѣ народномъ.

Подвигъ Кирилла и Меѳодія не достаточно разсмотрѣнъ и оцѣненъ г. Пыпинымъ. Сущность его заключалась въ томъ, что они намѣтили для славянъ путь историческаго развитія, независимый и отъ Рима и отъ Византіи. Вѣрные первоначальному христіанству, они положили широту его вселенской идеи въ основу славянской церкви. Великія ихъ начинанія осуществились далеко не вполнѣ на христіанскомъ востокѣ. Въ томъ же духѣ первоначальнаго христіанства дѣйствовалъ впослѣдствіи Гусъ,—и палъ сперва самъ, а затѣмъ и его родной край—жертвою соединенныхъ духовныхъ и свѣтскихъ силъ христіанскаго запада.

Если бы исторія славянскихъ литературъ излагалась у г. Пыпина не по отдѣльнымъ народностямъ, а синхронистически (одновременно), то яснѣе бы высказался смыслъ событій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, при всей разъединенности славянскаго міра, въ немъ оказалось бы болѣе внутренней связи, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Второй томъ разбираемаго труда заключаетъ въ себѣ исторію литературы славянъ, исповѣдующихъ католичество и протестантство. Тутъ, стало быть, разбирается и польская литература. Признавая и въ Польшѣ „слѣды долгаго существованія христіанства по славянскому обряду“, г. Спасовичъ утверждаетъ вслѣдъ за тѣмъ, будто бы „римское католичество было космополитичнѣе, слѣдовательно уживалось со всѣми народностями, не мѣшая ихъ своеобразному развитію“ (Стр. 456). Нѣсколько иначе толкуется этотъ космополитизмъ въ другомъ мѣстѣ, гдѣ говорится, что преподаваніе въ іезуитскихъ школахъ было подчинено „одной только идеѣ всемірнаго господства римско-католической церкви“ (стр. 521). Что касается г. Пыпина, то онъ говоритъ о вліяніи ея на чеховъ, что она „съ самаго начала сталкивалась съ интересами народа и народности.... и принесла измѣненіе въ общественный порядокъ, открывая дорогу клерикальнымъ притязаніямъ и феодализму“ (стр. 521). Если бы г. Спасовичъ усвоилъ себѣ тотъ же взглядъ, то онъ бы нашелъ въ немъ, быть можетъ, одну изъ причинъ того „зла“ въ польской жизни, которое, по его же выраженію, было „столь глубоко, что отъ него нельзя было освободиться иначе, какъ посредствомъ политической смерти“. Іезуиты-патріоты въ родѣ Скарги, возстававшіе противъ обращенія народа въ „быдло“, представляютъ собою только рѣдкое явленіе, объясняемое, конечно, не ихъ іезуитствомъ, а ихъ все же не въ конецъ подавленною народностью. Латинство въ Польшѣ, какъ и въ Чехіи, открывало дорогу чуждымъ вліяніямъ, результатомъ которыхъ наконецъ и оказалось у поляковъ то, что „настоящимъ народомъ была только шляхта“. Въ этомъ заключалось, по признанію г. Спасовича, существенное отличіе Польши отъ Руси, какъ „крестьянскаго“ царства, въ которомъ съ другой стороны многія существенныя принадлежности его, какъ царства, зародились подъ вліяніемъ Византіи, проводимымъ у насъ греческою церковью. Возвращаясь къ римско-католической Польшѣ, нельзя не замѣтить, что и спеціальный видъ латинства — іезуитство, представляетъ извѣстную связь даже съ „Валленродизмомъ“, въ которомъ г. Спасовичъ справедливо усматриваетъ „опасную, вредоносную мораль“ (стр. 649). Мудрено не признать, что латинство было не мало повинно въ тѣхъ отношеніяхъ Польши къ казачеству, въ

силу которыхъ малорусскій народный эпосъ „проникнутъ, по безпристрастному выраженію г. Спасовича, духомъ далеко не дружелюбнымъ для Польши“ (стр. 622), что не мѣшало однако нѣкоторымъ польскимъ поэтамъ нашего вѣка писать польско-патріотическія варьяціи на казацкія темы. Дѣло въ томъ, что они, какъ и самъ Мицкевичъ, „видѣли только одну сторону дѣла, одни доблести прошлаго безъ его грѣховъ“ (стр. 670). Латинство крѣпко привязало Польшу къ западу, не смотря на всѣ его историческія провинности передъ славянствомъ, не смотря на то, что съ другой стороны славянская стихія Мицкевича подъучила его „представить торжество чистаго эгоистическаго разума, вооруженнаго всѣми изобрѣтеніями цивилизаціи, надъ вѣрою, чувствомъ и духомъ, какъ правдоподобную будущность Европы“ (стр. 653). При всемъ томъ, тотъ же великій поэтъ Польши не только 14 лѣтнимъ отрокомъ восторгался походомъ Наполеона на Россію, но и навсегда остался наполеонитомъ, предсказывая въ Римѣ въ 1829 г. возвращеніе на престолъ династіи, и „питалъ къ узнику св. Елены родъ культа, дѣлавшагося подъ конецъ жизни все болѣе и болѣе мистическимъ“ (стр. 635). Этотъ то культъ, вѣроятно, и довелъ его подъ самый конецъ жизни до того, что при началѣ великаго дѣла Наполеона le petit (по кличкѣ Гюго), Крымской войны, онъ „отправился въ Константинополь съ порученіемъ отъ французскаго правительства содѣйствовать образованію польскихъ легіоновъ въ Турціи“ (стр. 674). Это значило идти рука объ руку съ тѣмъ парижскимъ архіепископомъ, который призывалъ на турокъ благословеніе божіе въ ихъ священной войнѣ со схизматиками московитами.

Поэзія польской эмиграціи, подробно разсмотрѣнная г. Спасовичемъ въ настоящемъ изданіи (за что ему большое спасибо) въ лицѣ не одного Мицкевича, но и другихъ выдающихся своихъ представителей, отличается тою же двойственностью, такъ и остающеюся впрочемъ наразгаданною у нашего автора. Съ одной стороны у Словацкаго—отталкивающая апоѳеоза тѣхъ „великихъ насильщиковъ, которые, точно кузнецы, куютъ мягкій матеріалъ—свой народъ—на наковальнѣ сильными ударами меча и молота, безсердечьемъ, жестокостью, тиранствомъ, такъ что дѣйствіемъ этихъ божіихъ бичей народъ окровавленный закаляется, опредѣляется и идетъ впередъ по ступенямъ развитія“ (стр. 727). Съ другой стороны—возвышенныя прорицанья Красинскаго, въ силу которыхъ „искусственныя построенія государственныя провалятся, человѣчество явится въ новомъ образѣ, какъ совокупность сочлененныхъ національностей; Христу, охристіанившему отдѣльныя души, предстоитъ преобразовать область политики и международныхъ отношеній“. Если съ этимъ всетаки соединяется самообольщеніе, что „предки не загубили Польши, а только носили идеалъ, который въ то время былъ неосуществимъ, а составляетъ задачу будущаго“; то само по себѣ это будущее безусловно прекрасно—„свободное, безкровное, съ подъемомъ мертвыхъ массъ народа на высоты сознанія, обходящееся безъ каръ и казней“... (стр. 735).

Что касается г. Спасовича, то онъ вполнѣ сознаетъ, какъ мало такое будущее подготовлялось прошедшимъ шляхетной Польши. Неизбѣжность ея „политической смерти“ наглядно доказана имъ. Именно послѣ этой политической смерти—рѣдкое явленіе въ исторіи—и начинается въ ней „пышный поэтическій разцвѣтъ національной поэзіи, далеко превзошедшій по красотѣ и богатству содержанія все то, что было создано въ золотой вѣкъ Сигизмундовъ“ (стр. 452). Съ этимъ разцвѣтомъ проявились черты—уже не только на-

ціональныя, но и народническія (Сырокомля; отчасти Крашевскій). Остается желать того, что уже далеко не рѣдкость у чеховъ и славаковъ—возникновенія писателей прямо изъ народа, дождавшагося свободы только послѣ политической смерти Польши. Но такому явленію, желанному для всего славянства, такъ какъ оно только и въ силахъ окончательно вывести Польшу на новый путь,—не могутъ не мѣшать тѣ мѣры, которыя, подобно чужеядной примѣси, сказались въ нашемъ реформаціонномъ дѣлѣ въ Польшѣ: я разумѣю административное введеніе русскаго языка. Сдѣланное одною рукою, прямо раздѣлывается другой. Родной языкъ одинаково дорогъ и панамъ и-бывшимъ хлопамъ (тѣ и другіе принадлежатъ вѣдь въ большей части Польши къ одной народности, а не къ различнымъ, какъ въ Остзейскомъ краѣ). Дѣйствительное поднятіе на ноги въ Польшѣ самого народа, какъ носителя въ будущемъ новой культурной стихіи, уже дружной съ нами и со всѣмъ славянствомъ, не мыслимо при подавленіи народнаго языка. Не даромъ же слово языкъ въ старину означало тоже, что и народъ.

Это опять возвращаетъ насъ къ завѣту славянскихъ первоучителей. Сохраненіе ихъ преданій признается, можно сказать, г. Пыпинымъ въ церковной жизни Чехіи. Да и какъ не признать, когда, по его словамъ, даже „новѣйшій историкъ гуситства Э. Дени, не отвергая родства гуситства съ протестантизмомъ, не отвергаетъ также и существованія у чеховъ преданій греко-славянской церкви Кирилла и Меѳодія“ (стр. 890). Но странно звучатъ послѣ этого у г. Пыпина выраженія: „послѣдователи Гуса отдѣлились отъ церкви и внѣшнимъ образомъ, принявъ таинство причащенія подъ обоими видами“ (стр. 791). Вмѣсто принявъ слѣдовало бы, конечно, сказать: удержавъ или сохранивъ“. Еще страннѣе выраженіе про приверженца Гуса, Якова изъ Стржибра, что „онъ извѣстенъ введеніемъ религіознаго обряда, который при жизни Гуса отдѣлилъ гуситовъ отъ католической церкви“ (стр. 855). Это было не введеніе вновь, а возстановленіе того, что не переставало совершаться на христіанскомъ востокѣ и чего никакъ нельзя отнести къ внѣшности: общностью чаши запечатлѣвалась равноправность всѣхъ христіанъ предъ своимъ Искупителемъ. Правда, если слѣдить за греческою полемикою съ латинянами по этому вопросу, то онъ дѣйствительно представится съ внѣшнѣй своей стороны. Но гуситы понимали его чисто внутренно и онъ находился въ тѣснѣйшей связи съ соціальной стороной ихъ ученія. Не даромъ проповѣдь чаши для всѣхъ, а не для одного клира исходила изъ рядовъ „самыхъ простыхъ людей... всякихъ рабочихъ и ремесленниковъ“, и объ ней проповѣдовали „даже женщины“ (стр. 869). Не даромъ и въ позднѣйшемъ отпрыскѣ гуситства, „чешскихъ братьяхъ“, основная масса „принадлежала тому же простому классу народа, который поставлялъ защитниковъ идей Гуса и воиновъ Табора“. Путемъ воскрешенія старыхъ церковныхъ преданій, чехи мало по малу пришли къ соціальнымъ ученіямъ (дошедшимъ наконецъ и до извращенія), совсѣмъ невозможнымъ въ устоявшей въ своей вѣрности латинству шляхетной Польшѣ, да и во всей западной Европѣ развившимся только несравненно позже. Странно звучитъ въ данномъ случаѣ выраженіе „передовой западъ“, употребляемое г. Пыпинымъ наперекоръ такимъ западнымъ людямъ, каковы, наприм., Луи Бланъ и Ж. Зандъ. „Исторія все еще исполнена загадокъ, глубокомысленно замѣчаетъ г. Пыпинъ: ей трудно еще объяснить многое въ связи событій; но должна быть глубокая причина, почему именно у чеховъ національно религіозная оппозиція католицизму пріобрѣла въ XV вѣкѣ такіе

могущественные размѣры, что ея не могла одолѣть тогда еще цѣликомъ католическая Европа — ни книгами, ни кострами, ни крестовыми походами". Должна быть глубокая причина и тому, что само протестантство въ соціальномъ отношеніи далеко отстало отъ гуситства. Но если г. Пыпину недостаточною причиною представляется „одно славянство чеховъ", то еще менѣе тутъ объясняетъ предполагаемая имъ „значительная доля вліянія нѣмецко-латинской образованности славянскихъ чеховъ" (стр. 891). Не создала же эта образованность ничего подобнаго у самихъ нѣмцевъ. Если образованность первоначально и перешла къ чехамъ отъ нѣмцевъ, то, оказавшись способною содѣйствовать развитію гуситства, она является образованностью совсѣмъ уже не латино-нѣмецкою. Но латино-нѣмецкій міръ совладалъ, наконецъ, съ соціально-религіозными движеніями славянской Чехіи—совладалъ исключительно въ качествѣ грубой силы, такъ блистательно разыгравшей свою „христіанскую" вакханалію послѣ Бѣлогорской битвы—къ отвращенію и ужасу лучшихъ умовъ и характеровъ намъ современной передовой Европы. И не странно ли на вступительныхъ страницахъ къ обзору исторической жизни народа, приведеннаго нѣмцами побѣдителями къ этой новой Голгоѳѣ, встрѣтиться съ такимъ умствованіемъ: „славянскіе историки... давали своимъ сужденіямъ... оттѣнокъ сентиментальной элегіи, изображая нѣмцевъ грубыми притѣснителями благодушнаго славянства" (стр. 786)? Если славянъ вообще, а въ частности и гуситовъ, не всегда можно назвать благодушными, то отзывъ историковъ ихъ о нѣмцахъ все же остается вѣрнымъ—тѣмъ болѣе, что первый заговорилъ въ этомъ тонѣ не кто иной, какъ нѣмецъ, но добросовѣстный нѣмецъ—Гердеръ.

Но если гуситовъ нельзя назвать благодушными въ ихъ воинственной практикѣ, то глубочайшая человѣчность сказалась въ ученіи человѣка, выросшаго на преданіяхъ теоретическаго гуситства—Петра Хельчицкаго, которому г. Пыпинъ почти готовъ дать, вмѣстѣ съ нѣкоторыми чешскими историками, названіе „геніальнѣйшаго философа своего времени въ цѣлой Европѣ" (стр. 880). Идеаломъ этого славнаго чеха была первобытная церковь. Онъ относилъ „упадокъ христіанства" уже „ко временамъ Константина Великаго, котораго папа Сильвестръ ввелъ въ христіанство со всѣми языческими нравами и жизнью..." Такимъ образомъ остался безъ широкаго примѣненія чистый христіанскій законъ любви и для преступающихъ его оказался по прежнему нужнымъ „кислый уксусъ гражданскаго управленія". Христіанство однако же должно взять свое, такъ какъ въ немъ заключены „положительныя основы, по которымъ должно совершиться полное измѣненіе общественныхъ отношеній". Если вспомнить вышеприведенныя слова Красинскаго, то не трудно будетъ замѣтить у этого польскаго писателя нашего вѣка проблески той же духовной стихіи, которая такъ блистательно проявилась у чеховъ еще въ XV вѣкѣ. Еще яснѣе мы узнаемъ ее и въ возвышенномъ строѣ мышленія нашего Хомякова. Но Хельчицкій, по свидѣтельству г. Пыпина, совершенно отвергаетъ право войны и смертную казнь; всякій воинъ, даже и „рыцарь" есть только насильникъ, злодѣй и убійца" (стр. 883—884). Не даромъ, по замѣчанію г. Спасовича „рыцарство составляло элементъ совершенно чуждый славянскому міру" (стр. 490). По отношенію къ смертной казни Хельчицкій за нѣсколько вѣковъ предупредилъ Беккарію (наставника въ политической гуманности Екатерины II, проповѣдь котораго остается однако же и до сихъ поръ даже въ весьма цивилизованныхъ странахъ Европы своего рода проповѣдью въ пустынѣ). Но въ славянскомъ мірѣ Хельчицкій имѣлъ и предшественни-

ковъ: у себя въ Чехіи въ XIII вѣкѣ въ лицѣ Премысла Оттокара I, по свидѣтельству котораго „ни онъ, ни его предшественники никого никогда не присуждали къ смерти“, у насъ же на Руси и еще ранѣе—въ лицѣ Владиміра Мономаха съ его такъ мало у насъ еще оцѣненнымъ: „ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убить“.

Въ силу тѣхъ заповѣдныхъ взглядовъ, отъ которыхъ все еще не вполнѣ отсталъ г. Пыпинъ, и Хельчицкій, конечно, долженъ быть объясняемъ вліяніемъ той же „латино-нѣмецкой культуры“, на зло лишь которой, должно быть, живою уликой его идеализму въ несостоятельности послужили неистовства ея представителей послѣ „Бѣлой Горы“;—подобно тому, какъ на зло же, конечно, культурѣ греческой, совершались подвиги фанаріотовъ въ роли турецкихъ палачей въ Болгаріи, и даже вовсе уже не турецкихъ, а прямо греческихъ истребителей болгарской грамотности. Въ качествѣ того же стараго фетиша, культура является у г. Пыпина еще и подъ фирмою „просвѣтительныхъ идей XVIII вѣка“. Имъ приписывается вліяніе на славянское возрожденіе (стр. 918). Но если онѣ и повинны въ немъ, то развѣ въ томъ смыслѣ, что ими внушались цивилизаціонно-централизаторскія мѣры одного изъ „просвѣщенныхъ деспотовъ“ — Іосифа II. Принесеніе имъ въ благонамѣренную жертву высшей германской „культурѣ“ некультурныхъ славянскихъ особенностей, вызвало, наконецъ, повсемѣстный отпоръ, разрѣшившійся славянскимъ возрожденіемъ. Въ такомъ же смыслѣ распространителями христіанства можно назвать его гонителей—римскихъ кесарей, или наконецъ нашихъ „никоніанъ“—распространителями раскола.

Впрочемъ, г. Пыпинъ и самъ вполнѣ сознаетъ всю зависимость славянскаго возрожденія отъ систематическаго преслѣдованія славянства. Но онъ находитъ при этомъ, будто у насъ на Руси панславизмъ имѣлъ мало успѣха особенно потому, что „о національности наше общество могло не заботиться: она стояла цѣлая и невредимая“ (стр. 1097). Эта фраза, перенесенная, если не ошибаюсь, изъ перваго изданія, продолжаетъ удивлять своимъ совершенно особымъ идеализмомъ. Точно будто Россійскому государству достаточно было выставить на своемъ оффиціальномъ знамени не только „самодержавіе“ и „православіе“, но и „народность“, чтобы и внутренняя и внѣшняя наша политика дѣйствительно оказывалась національною. Какъ бы то ни было, г. Пыпинъ въ настоящемъ изданіи несомнѣнно сочувствуетъ не только славянскому возрожденію, но въ извѣстномъ смыслѣ даже панславизму. „Намъ могутъ быть ясны, говоритъ онъ, увлеченія и крайности, но всегда остается глубоко сочувственно стремленіе къ народности, т. е. въ концѣ концовъ—стремленіе поднять значеніе народа, внушить уваженіе къ его преданію, слѣдовательно къ его нравственной автономіи, и наконецъ, ввести его, какъ полноправнаго дѣятеля, въ національную жизнь“ (стр. 1108). По поводу вопроса о значеніи въ панславизмѣ нашего русскаго языка и литературы, г. Пыпинъ замѣчаетъ: „Литература большого народа, идущая къ тому, чтобы стать въ рядъ „всемірныхъ“, только обогатилась бы, имѣя подлѣ себя литературы фаліальныя, надъ которыми все-таки господствовала бы, а притѣсненіемъ ихъ она компрометируетъ свое достоинство. Господство языка и литературы должно достигаться силою ихъ внутренняго авторитета, а не принужденіемъ и содѣйствіями администраціи“ (стр. 1118). И съ этимъ можно только безусловно согласиться.

Ор. Миллеръ.

Исторія русской словесности, древней и новой. Сочиненіе А. Галахова. Изданіе второе, съ перемѣнами. Два тома въ трехъ книгахъ. Рекомендована ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ пособіе для гимназій и прогимназій. Спб. 1880.

Первое изданіе „Исторіи русской словесности“ вызвало обширную рецензію профессора Н. С. Тихонравова, написанную имъ по порученію Императорской Академіи Наукъ и напечатанную въ „Отчетѣ о девятнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова“ (Спб. 1878). Эта рецензія коснулась главнымъ образомъ той части I тома труда г. Галахова, которая содержитъ въ себѣ обзоръ древней русской словесности, такъ какъ эта часть, по своей неудовлетворительности, требовала особенно тщательнаго разбора. Г. Галаховъ и самъ понялъ неудовлетворительность своего труда и, издавая его вторымъ изданіемъ, совершенно переработалъ исторію древней русской словесности, кромѣ отдѣла повѣстей, переработку котораго сдѣлалъ академикъ А. Н. Веселовскій. Обзоръ народной словесности сдѣланъ, по порученію г. Галахова, профессоромъ Миллеромъ (былины и историческія пѣсни), профессоромъ Кирпичниковымъ (духовные стихи) и г. Морозовымъ (обрядовыя и бытовыя пѣсни, сказки, пословицы, заговоры и загадки). Исторія новой русской литературы оставлена г. Галаховымъ въ томъ видѣ, какъ она была напечатана въ 1-мъ изданіи, за исключеніемъ немногихъ перемѣнъ и перестановокъ. Вслѣдствіе этого, въ нашемъ разборѣ мы будемъ касаться только того, что есть новаго въ „Исторіи русской словесности“, т. е. главнымъ образомъ древне-русской словесности.

При чтеніи труда г. Галахова въ новомъ изданіи, прежде всего бросается въ глаза, какъ мало вниманія обратилъ г. Галаховъ на тѣ замѣчанія, которыя сдѣлалъ въ своей рецензіи профессоръ Тихонравовъ. Правда г. Галаховымъ исправлены многія изъ ошибокъ, указанныхъ г. Тихонравовымъ, такъ что „Странникъ“, „Купель душевная“, „Лебедь съ перьемъ“ уже не входятъ въ число сборниковъ, „Вождь по жизни“ уже не упоминается, какъ одинъ изъ источниковъ Домостроя, „Громникъ“, Молніяникъ“, „Колядникъ“ уже не принимаются за календари; но „Палея“ (Толковая) по прежнему все еще входитъ въ отдѣлъ историческихъ сочиненій, на ряду съ хрониками и хронографами (I, 180), хотя г. Тихонравовъ замѣтилъ: „Палея не есть историческое сочиненіе, а полемическое, богословское... направленное противъ жидовина, имѣющее цѣлью оправдать новый завѣтъ и разрѣшить всю ветхозавѣтную исторію въ служебный символъ новаго завѣта“ (Отчетъ, 54). По прежнему русская литература XVI вѣка остается безъ надлежащаго объясненія; по прежнему Домострой имѣетъ лишь то значеніе, что характеризуетъ частный, семейный бытъ (I, 339), не смотря на то, что разъясненію направленія литературы XVI вѣка вообще и Домостроя въ частности г. Тихонравовъ посвятилъ цѣлыя пять страницъ (Отч. 105—109). Тѣ скудныя извѣстія о раскольнической литературѣ, которыя г. Галаховъ приводилъ въ 1-мъ изданіи (I, 238—239, 313—314), исключены изъ 2-го изданія, совершенно на перекоръ г. Тихонравову, по мнѣнію котораго историческая картина конца XVII и начала XVIII вѣка не представляетъ необходимой полноты безъ обзора литературы раскольнической (Отч. 122). Наконецъ относительно „Оды на взятіе Хотина“

Ломоносова, г. Галаховъ повторяетъ свое прежнее мнѣніе, что въ ней Ломоносовъ подражалъ нѣмецкому поэту Гюнтеру (I, 2, 62), хотя ему и было указано на несправедливость этого избитаго мнѣнія (Отч. 133).

Многія ошибки г. Галахова не были упомянуты г. Тихонравовымъ въ его рецензіи, но были указаны другими учеными въ ихъ изслѣдованіяхъ. Однако г. Галаховъ не обратилъ на эти послѣднія должнаго вниманія. Какъ въ 1-мъ изданіи онъ говорилъ о Пахоміи Логоѳетѣ, что онъ прибылъ въ Россію при великомъ князѣ Василіи Васильевичѣ около 1460 г. и сначала находился въ Новгородѣ при архіепископѣ Іонѣ, а потомъ, по смерти его, перешелъ въ Троицкій Сергіевъ монастырь (I, 99), такъ это остается безъ измѣненія и во 2-мъ изданіи, впрочемъ, съ оговоркою, что по мнѣнію г. Ключевскаго, Пахомій прибылъ въ Россію раньше (I, 321). Но труды гг. Ключевскаго (Древне-русскія житія святыхъ 119), Некрасова (Пахомій Сербъ, 36, 39) и высокопреосвященнаго Макарія (Исторія русской церкви, VII, 144—145) вполнѣ ясно показываютъ, что Пахомій уже въ 1443 году находился въ Россіи, именно въ Троицкомъ Сергіевомъ монастырѣ, а что прибылъ онъ въ Россію (въ Новгородъ) еще раньше. Авторомъ описанія путешествія во Флоренцію въ 1437 году считается во 2-мъ изданіи „Исторіи русской словесности“ (I, 317), какъ и въ 1-мъ (I, 102), суздальскій іеромонахъ Симеонъ, не смотря на то, что профессоромъ А. С. Павловымъ доказано, что Симеона нельзя признавать авторомъ этого описанія и что имъ былъ не монахъ, а мірянинъ (Отчетъ о 19-мъ присужденіи наградъ гр. Уварова, 281—283). Такое же пренебреженіе къ результатамъ новѣйшихъ изслѣдованій по древне-русской литературѣ г. Галаховъ выказываетъ, продолжая приписывать Домострой священнику Сильвестру и не различать двухъ редакцій этого произведенія (I, 339). Изслѣдованіе г. Некрасова (Опытъ историко-литературнаго изслѣдованія о происхожденіи древне-русскаго Домостроя) показываетъ, что древнѣйшая редакція Домостроя существовала еще до Сильвестра и что Сильвестру принадлежитъ лишь перестановка главъ и „посланіе и наказаніе отъ отца къ сыну“, составляющее 64 главу Сильвестровской редакціи. Принадлежащій Московскому Обществу Исторіи и Древностей списокъ этого произведенія по древнѣйшей редакціи, по признакамъ письма, относится, если не къ первой четверти, то по крайней мѣрѣ къ первой половинѣ XVI вѣка. Все это нисколько не принято въ соображеніе г. Галаховымъ. Онъ по прежнему продолжаетъ насъ увѣрять, что „живая проповѣдь замолкла на сѣверѣ Россіи съ самой смерти митрополита Фотія“ (I, 379), тогда какъ изъ „Исторіи русской церкви“ высокопреосвященнаго Макарія (VII, 315) онъ долженъ бы былъ знать, что въ половинѣ XVI вѣка живая проповѣдь еще существовала и что одинъ изъ проповѣдниковъ былъ митрополитъ Даніилъ, оставившій потомству весьма значительное число своихъ поученій.

Мелкихъ ошибокъ и неточностей въ новомъ изданіи „Исторіи русской словесности“ не меньше, чѣмъ въ старомъ. Такъ, основываясь неизвѣстно на какихъ данныхъ, г. Галаховъ сообщаетъ, что „первоначальный (современный св. Меѳодію, первоучителю славянъ), переводъ какъ ветхаго завѣта, такъ равно и евангелія утраченъ“ (I, 164). О сборникѣ Святославовомъ 1076 года, онъ говоритъ, что этотъ сборникъ переписанъ для того же князя и тѣмъ же писцомъ, что и сборникъ 1073 года, чего вовсе не видно изъ приписки къ сборнику 1076 года, въ которой писецъ Іоаннъ,—судя по почерку, лицо вовсе не тождественное съ дьякономъ Іоанномъ, писцомъ сбор-

ника 1073 года, заявляетъ, что онъ кончилъ книги при князѣ Святославѣ (извѣстія Ак. Н. X, 1, 26—27). Говоря о Геннадіевой библіи, г. Галаховъ увѣряетъ, что „книга Эсфирь переведена съ еврейскаго" (I, 175), тогда какъ въ ней переведены съ еврейскаго только 9 первыхъ главъ, а остальныя переведены съ латинской вульгаты. Апокрифическія сочиненія заключаютъ въ себѣ, по опредѣленію г. Галахова (I, 181), разсказы только о библейскихъ лицахъ и событіяхъ; изъ нихъ исключаются такимъ образомъ апокрифическія житія святыхъ и слова св. отцовъ, каковы: Георгіево мученіе, хожденіе Зосимы къ рахманамъ, Слово Меѳодія патарскаго и др. Рядомъ съ апокрифами греческими и болгарскими у г. Галахова является зачѣмъ-то Луцидаріусъ (I, 183), произведеніе вполнѣ однородное съ тѣми твореніями средневѣковыхъ мудрецовъ—Альберта Великаго, Михаила Скотта, Раймунда Люллія,—которыя были переведены у насъ въ XVII вѣкѣ и которыя г. Галаховымъ не внесены однако въ число апокрифовъ. Источниками духовныхъ стиховъ считаются имъ только апокрифы (I, 194), тогда какъ въ основаніи значительной части стиховъ легли произведенія, никогда и никѣмъ не признававшіяся за апокрифическія, какъ-то евангеліе (стихъ о богатомъ и Лазарѣ), житія святыхъ (стихи объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ, объ Борисѣ и Глѣбѣ, Кирикѣ и Улиттѣ), слово мниха Палладія и т. п.

О многомъ г. Галаховъ разсказываетъ не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Объ такомъ важномъ фактѣ, какъ собраніе архіепископомъ Геннадіемъ библейскихъ книгъ въ одинъ кодексъ, упоминается имъ тогда, когда говорится о перенесенной къ намъ изъ Болгаріи переводной литературѣ (I, 175); тогда же говорится о сборникахъ русскаго происхожденія разнаго времени—Златой цѣпи, Златоустѣ, Измарагдѣ (I, 178), о хронографахъ Кубасова, архіепископовъ Пахомія, Антонія подольскаго (I, 181). О редакціяхъ древне-русскихъ житій святыхъ говорится не въ обзорѣ литературы XV—XVI вѣка, а въ обзорѣ литературы XVII—XVIII вѣка, вслѣдъ за упоминаніемъ о печерскомъ патерикѣ (I, 303—304) и т. п.

Исторія древней русской литературы во 2-мъ изданіи труда г. Галахова не можетъ назваться полною даже сравнительно съ 1-мъ его изданіемъ. Въ этомъ послѣднемъ, напримѣръ, упоминалось о церковномъ правилѣ митрополита Іоанна II, о житіи Бориса и Глѣба, Нестора, о вопрошаніи Кирика, о физіологѣ, объ иконописныхъ подлинникахъ, о посланіи изографа Іосифа къ царскому живописцу Симону Ушакову, о посланіяхъ кн. Курбскаго къ разнымъ лицамъ и его исторіи флорентійскаго собора, объ азбуковникахъ, о сочиненіяхъ Григорія Цамблака, митрополита Фотія, о чемъ во 2-мъ изданіи не говорится ни слова. Сверхъ того, въ послѣднемъ ничего не говорится о такихъ произведеніяхъ, какъ проповѣди митрополита Даніила и сочиненія бывшаго троицкаго игумена Артемія, друга кн. Курбскаго, часть которыхъ направлена противъ протестантскаго пропагандиста Симона Буднаго. Они гораздо болѣе заслуживаютъ вниманія историка русской литературы, чѣмъ чаровникъ, волховникъ, сонникъ, которыхъ и названій не стоило бы приводить, не только что излагать содержаніе, какъ это дѣлаетъ г. Галаховъ (I, 191—192). Отъ пропусковъ не свободенъ даже отдѣлъ древне-русской повѣствовательной литературы, обработанный г. Веселовскимъ и отличающійся значительною полнотою. Въ немъ, напр., упоминается ни мало не замѣчательная повѣсть о римскомъ кесарѣ Оттонѣ (I, 450), но ни слова не говорится о такомъ интересномъ переводномъ сборникѣ, какъ Звѣзда Пресвѣтлая съ русскими дополненіями (о

ней замѣтка Ѳ. И. Буслаева въ I кн. Лѣтописи русской литературы и древностей, 1859 г.), или о повѣсти о Сивилльскомъ царствѣ (о ней въ рецензіи г. Буслаева на книги Снегирева и Низара „Отеч. Записки", 1861, IX).

Неравномѣрность изложенія даетъ себя чувствовать и въ новомъ изданіи „Исторіи русской словесности". Отдѣлъ древне-русской повѣствовательной литературы занимаетъ въ ней столько же мѣста, сколько всѣ другіе отдѣлы древне-русской литературы вмѣстѣ. О Несторовой лѣтописи, памятникѣ чрезвычайно важномъ и достойномъ подробнаго разсмотрѣнія, говорится всего на двухъ страницахъ (I, 284—285), о сочиненіяхъ Максима Грека на трехъ (333—336), о сочиненіяхъ Іосифа Волоцкаго на десяти строкахъ (329), между тѣмъ какъ изложеніе переводнаго романа о Бовѣ Королевичѣ занимаетъ восемь страницъ (452—459). Трудамъ Іакова мниха, житію Ѳеодосія печерскаго, Нестора, житію Авраамія смоленскаго (302) отведено г. Галаховымъ меньше строки на каждое сочиненіе, тогда какъ сказаніе о Петрѣ царевичѣ ордынскомъ излагается на цѣлой страницѣ (322) и т. д.

Мы сказали здѣсь о недостаткахъ 2-го изданія „Исторіи русской словесности". О достоинствахъ его считаемъ излишнимъ говорить, потому что они остаются тѣ же, что и въ 1-мъ изданіи.

А. С—скій.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Первые просители

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

МПЕРАТОРЪ Павелъ, при вступленіи своемъ на престолъ, объявилъ, что, желая оказывать своимъ подданнымъ всевозможное правосудіе и открыть „всѣ пути и способы, дабы гласъ слабаго угнетеннаго былъ услышанъ“ разрѣшилъ всѣмъ являться во дворецъ съ письменными или словесными просьбами. Послѣдствіемъ этого распоряженія было такое громадное количество просьбъ, большою частью, конечно, вздорныхъ, что государю пришлось имѣть трехъ статсъ-секретарей у принятія прошеній: Трощинскаго, докладывавшаго прошенія, присылавшіяся по почтѣ, Нелединскаго-Мелецкаго,—подававшіяся лично на высочайшее, имя и Брискорна,—писанныя на иностранныхъ языкахъ. Такъ какъ многія просьбы были длинны, малограмотны и малопонятны, то статсъ-ссекретари извлекали изъ нихъ лишь сущность дѣла и, докладывая эти экстракты, записывали на нихъ словесныя резолюціи имератора и отсылали для исполненія въ подлежащія мѣста. Вскорѣ, отказы на неосновательныя просьбы стали печататься, по высочайшему повелѣнію въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, а въ 1799 г. былъ обнародованъ именной указъ, въ которомъ императоръ, упрекая „дерзость и невѣжество“ въ злоупотребленіи его терпѣніемъ, подтверждалъ, что прежнія пути просителямъ не преграждены, но что „если и за симъ не обратятся къ должному порядку и умѣренности“ онъ найдется вынужденнымъ „противъ отягощающихъ недѣльными просьбами возобновить и привести въ дѣйствіе всю силу изданныхъ въ 1714, 1718 и 1765 гг. указовъ.“ Печатаемъ здѣсь нѣсколько экстрактовъ изъ просьбъ, поданныхъ Павлу въ первые дни по восшествіи его на престолъ. Эти экстракты, или доклады, и резолюціи на нихъ императора писаны рукою статсъ-секретаря Нелединскаго-Мелецкаго.

Ноября 28. Генералъ аншефъ Петръ Мелиссино проситъ помилованія сыну его, заслужившему праведный гнѣвъ вашего императорскаго величества.

Резолюція: „Отказать потому, что мѣру превзошелъ“.

Ноября 29. Танцовщикъ Бартоломіо Фаціоли имѣлъ счастіе нравиться искусствомъ своимъ императору Петру III и служилъ 4 года безъ всякаго жалованья. При дряхлой старости прибѣгаетъ къ монаршей щедротѣ.

Резолюція: „Дать пенсію 100 рублей.“

Декабря 3. 95-ти лѣтняя вдова Катерина Сорокина, мужъ ея Федоръ Сорокинъ служилъ при императорѣ Петрѣ I капраломъ, а при императорѣ Петрѣ III гардеробмейстеромъ, проситъ о пособіи и подноситъ хрустальный сосудъ, въ которомъ мужъ ея на охотѣ подносилъ питье императору Петру III.

Резолюція: „Дать 100 рублей“.

Декабря 4. Елисавета Очаковская, крестница императрицы Елисаветы Петровны; у ней мужъ изъ первыхъ плѣнныхъ турецкой войны, крестникъ императрицы Екатерины II, дочь ея при великой княжнѣ Екатеринѣ Павловнѣ камеръ-юнгферою, проситъ выкупить ее изъ долгу 1360 рублей и пожаловать при старости лѣтъ на пропитаніе.

Резолюція: „Долгъ заплатить и 100 рублей пенсіи“.

Декабря 5. Николай Судовщиковъ представилъ стихи, кои не безъ достоинства, въ нихъ между прочимъ сіи стихи:

„Узрѣть родителя желаетъ
„И гробъ его слезой омыть,
„Достоинъ Петръ толикой жертвы
„Цари неправедны суть мертвы
„Но Петръ не преставалъ въ насъ жить“.

Резолюція: „Дать 50 рублей.“

Декабря 5. Адмиралтейской коллегіи совѣтникъ Севастіанъ Бровцынъ, въ службѣ 45 годъ. Имѣлъ 22 дѣтей изъ коихъ 11 въ живыхъ. Императоръ Петръ III обѣщалъ свое покровительство. За нимъ только 17 душъ и долгу до 20 т. руб. Проситъ о помощи.

Резолюція: „Пожаловано 300 душъ.“

Декабря 6. Прапорщица Авдотья Маркова Раевская повергаетъ къ стопамъ вашего императорскаго величества внука своего, сына покойнаго зятя ея генерала-поручика Розена, службу начавшаго при жизни блаженной памяти родителя вашего императорскаго величества, носившаго высочайшія его милости и который оставилъ двумъ сыновьямъ и двумъ дочерямъ 200 душъ, отдаетъ на высочайшую волю сына ея, записаннаго въ Преображенскій полкъ, но еще не служащаго, и дочерей своихъ.

Резолюція: „Сына представить императору, а дочерямъ на приданое каждой по 6000 р.“.

Декабря 7. Дмитрій Сухаревъ умерщвляется отъ гнѣва вашего императорскаго величества, съ семействомъ своимъ повергается къ освященнымъ стопамъ и проситъ милосердія лично доказать, что никакихъ въ исканіи не имѣлъ видовъ, но исполнялъ ревностно повелѣнное.

Резолюція: „Чтобъ смиренъ былъ, а то высланъ будетъ“.

Декабря 7. Графиня Прасковья Потемкина [1]), по приказанію обнесен-

[1]) Вдова графа Павла Сергѣевича Потемкина.

наго клеветою и умершаго ея мужа всеподданнѣйше испрашиваетъ у вашего императорскаго величества высочайшей милости: повелѣть выправиться по персидской секретной экспедиціи о преступленіяхъ мужа ея и ежели никакой вины не доказано, то главнымъ образомъ оправдать посрамленную его память такими средствами, какъ ваше императорское величество за благо изобрѣсти изволите. Сіе сколько ей драгоцѣнно, столько нужно дѣтямъ, чтобъ они не могли стыдиться имени своего отца. Хотя она (за службу мужа имѣетъ право на воздаяніе) и обременена долгомъ, однако ничего просить не осмѣливается, какъ единой милости, да возвѣстится свѣту указомъ его невинность.

Резолюція: „Не мѣшаться въ дѣла государственныя".

Декабря 8. Елизавета Баронеса Черкасова получала отмѣнныя милости отъ императора Петра III, за что былъ мужъ ея подъ карауломъ при восшествіи на престолъ императрицы Екатерины. Потомъ служилъ въ адмиралтействѣ, и занимаясь службою, пренебрегъ своими дѣлами, задолжалъ и принужденъ былъ продать 1000 душъ и остался съ 30. Она имѣетъ 340 душъ, доходомъ съ которыхъ и живутъ всѣ въ деревняхъ. Проситъ прибавить ей съ семействомъ къ производимому имъ пенсіону.

Резолюція: „Производить пенсіи 3000 р.".

Декабря 8. Францъ Вивитъ, учитель Жедепома, (jeu de pomme) находился 11 лѣтъ при покойномъ князѣ Орловѣ съ жалованьемъ по 500 р. на годъ, оказывалъ ему разныя услуги, спасъ его отъ пожара, потопа и обмана нечестивыхъ игроковъ; по смерти его лишился не только награжденія за усердную службу, но и заслуженнаго имъ въ теченіи 11-ти лѣтъ жалованья. Наслѣдникъ его графъ Ѳедоръ Орловъ заплатилъ ему токмо 3500 р., которые не должны зачесться въ жалованье, но выиграны имъ на билліардѣ въ присутствіи подполковника Егермана и доктора Фреганта. Испрашиваетъ высочайшаго повелѣнія, чтобъ наслѣдники удовлетворили его жалованьемъ.

Резолюція: „Вѣдаться съ наслѣдниками".

Декабря 10. Вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника Штелина представляетъ въ оригиналѣ жалованную грамоту его императорскаго величества покойнаго родителя вашего въ 1745 году, по коей положено ему по 1000 пенс и въ годъ изъ собственной суммы.

Резолюція: „Все сдѣлать" [1]).

Декабря 10. Гвардіи унтеръ-офицеръ Даль, уроженецъ лифляндскій, былъ 4 года въ иностранныхъ университетахъ, гдѣ пріобрѣлъ знанія, содѣлывающія его способнымъ какъ къ военной, такъ и къ статской службѣ. Для снисканія себѣ нужнаго пропитанія былъ онъ три года учителемъ въ Москвѣ. Не будучи нынѣ въ состояніи содержать себя въ полку, всеподданнѣйше проситъ помѣстить его при посольствѣ, или въ другомъ мѣстѣ; если же онъ не удостоится сего высочайшаго благотворенія, то онъ принужденъ будетъ противъ желанія, просить вовсе объ увольненіи.

Резолюція: „Отказать и посадить подъ арестъ".

Декабря 12. Капитанъ Владиміръ Астафьевъ, воронежскаго дворянства депутатъ, пишетъ отъ лица дворянства, что онъ всеподданнѣйше просить дерзаетъ: на довершеніе намѣреній императрицы Екатерины о благоденствіи

---

[1]) Изъ указа кабинету отъ 12 декабря 1796 г. видно, что Штелиной кромѣ пенсіи по 1000 р. въ годъ, велѣно было выдать единовременно 38000 р.

ихъ,—милосердія вашего императорскаго величества. Онъ же подноситъ акростическія стихи „Видѣніе Росса“.

Резолюція: „Призвать и объявить, чтобъ въ пустое не мѣшался— репримантъ какъ за дерзость“.

Декабря 12. Борисъ Леццано, служащій 45 лѣтъ, имѣвшій счастіе въ первые дни царствованія августѣйшаго родителя вашего быть при немъ на ординарцахъ и получившій изъ собственныхъ рукъ его величества шпагу, съ коею съ тѣхъ поръ служитъ, проситъ по слабости здоровья и разстройства дѣлъ помѣстить его на ваканцію члена военной коллегіи.

Резолюція: „Приказано“.

Декабря 16. С.-петербургскій купецъ Иванъ Гнутовъ, по довѣренности данной ему отъ мѣщанскаго общества на покупку домовъ Апраксина и Щукина для построенія лавокъ съ наименованіемъ ихъ мѣщанскимъ гостинымъ дворомъ, проситъ о выдачѣ имъ заимообразно на 22 года для сего предпріятія одного милліона рублей.

Резолюція: „Отказать и сказать что вздоръ“.

Декабря 16. Шляхтичъ Ефимъ Ульяновскій говоритъ, что душа его жаждала дождаться для благоденствія Россіи васъ восшедшаго на престолѣ и предстоящихъ вамъ двухъ отроковъ. Сіе вліялъ въ душу его св. Кириллъ Новоезерскій предсказаніемъ при кончинѣ своей; и душа его радовалась съ явленія мощей Дмитрія Ростовскаго, коего мощи явились на второй день рожденія вашего императорскаго величества. Испрашиваетъ благоволѣніе и повелѣть соорудить церковь въ Петербургѣ или въ сдѣланной на дворѣ бывшей тюрьмы во имя угодниковъ Божіихъ.

Резолюція: „По предсказанію св. Кирилла должно построить Михайловскую церковь и потому будетъ Михайловскій дворецъ и въ немъ церковь сего имени“.

Декабря 16. Вдова Катерина Убри, обманутая однимъ купцомъ, потеряла свой капиталъ и проситъ вспомоществованія, вспоминая прежнія милости вашего императорскаго величества.

Резолюція: „500 душъ“.

Декабря 22. Василій Бороздинъ доноситъ, что онъ сынъ генералъ-аншефа Корнелія Бороздина. Въ прусскую войну былъ на генеральныхъ баталіяхъ и раненъ. По имянному указу императрицы Елизаветы пожалованъ артиллеріи капитаномъ; отъ императора Петра III посланъ былъ въ чужіе края съ депешами о восшествіи на престолъ. По кончинѣ его величества впалъ подъ гнѣвъ императрицы, лишенъ чина артиллеріи капитана и оставленъ при штыкъ-юнкерскомъ. Потомъ отпущенъ въ деревни отца его, гдѣ до нынѣ слишкомъ 34 года переносилъ несносное состояніе съ женою и десятью дѣтьми. Отъ роду ему 50 лѣтъ. Проситъ опредѣлить его на службу.

Резолюція: „Спросить во что хочетъ и чѣмъ его удовольствовать“. По вторичномъ докладѣ января 3-го повелѣно: опредѣлить подполковникомъ въ драгуны.

Декабря 22. Е. Хрущова, урожденная Львова, вспомня милости вашего величества во время бытности ея въ Гатчинѣ, ласкается надеждою, что если бы недостаточное положеніе съ мужемъ ея извѣстно было вашему величеству, то конечно не осталась бы безъ всемилостивѣйшаго пособія.

Резолюція: „Пожаловано 200 душъ“.

Декабря 23. Марья Данцова вдова. Императоръ Петръ III, усмотря вид-

ность стана мужа ея изъ малороссійскихъ дворянъ, опредѣлилъ его въ голштинскій полкъ; послѣ вскорѣ императоръ скончался. Мужъ ее во время польскаго похода въ сраженіи былъ раненъ и за болѣзнію отставленъ прапорщикомъ, и въ 1791 г. умеръ, оставя ее съ двумя сыновьями въ нищетѣ, а послѣ того не получила ни вдовьихъ, ни сиротскихъ денегъ. Проситъ о пропитаніи и объ опредѣленіи сыновей.

Резолюція: „Вдовье и сиротское, а о дѣтяхъ спросить, куда желаетъ“? По вторичномъ докладѣ января 15-го 1797 г. высочайше повелѣно: „въ рядовые преображенцы“.

Декабря 30. Камергеръ Дмитрій Татищевъ объясняетъ, что служба его, въ которой теперь находится, отнимаетъ у него возможность изъявить свое рвеніе, осуждая его на всегдашнюю праздность. Всеподданнѣйше проситъ объ опредѣленіи его въ дѣятельнѣйшую по дипломатической части, къ которой онъ всегда себя готовилъ.

Резолюція: „Отказать и сказать, чтобы былъ гдѣ велятъ. Также сказать, что его величество считаетъ его не больно способнымъ къ дипломатической части“.

Декабря 30. Егоръ фонъ-Зеканъ, (Зейкинъ) венгерскій дворянинъ, описываетъ заслуги отца своего при государѣ императорѣ Петрѣ I и Петрѣ II, между прочимъ говоритъ, что въ 1723 году ввѣрено было ему воспитаніе государя Петра II и онъ носилъ званіе оберъ-гофмейстера. За то, что внушая молодому государю примѣры Аркадія и Гонорія, отвелъ его отъ бракосочетанія съ княжною Меншиковою, отецъ сей княжны его возненавидѣлъ и употребя во зло могущество свое, подъ карауломъ отправилъ его за границу, а имѣніемъ его завладѣлъ. Проситель, сынъ его, съ дозволенія императрицы Маріи-Терезіи прибылъ сюда въ 771 году и на представленія князя Лобковича получилъ онъ три пропозиціи: 1) Хочетъ ли онъ службу принять, 2) пенсію имѣть, и 3) въ деньгахъ удовольствованъ быть? На послѣднее хотя и согласился, однако удовольствованъ не былъ; почему вторично въ 791 г. просилъ и министръ ему словесно объявилъ, что государыня ни за Петра I, ни за Петра II долговъ платить не изволитъ. Надѣясь на правосудіе императора проситъ за службу отца его возвратить ему наслѣдство имѣнія княземъ Меньшиковымъ похищенное, а по ссылкѣ его въ казну поступившіе.

Резолюція: „Не хочетъ ли въ службу?“

Декабря 30. Полковникъ кавалеръ Митрофанъ Поповъ, крестникъ покойной императрицы Елисаветы Петровны, описывая многія свои заслуги въ продолженіи 63-хъ-лѣтней его въ полѣ службы, на морѣ, на сушѣ, въ походахъ и въ сраженіяхъ, смертельныя раны, плѣнъ и пр., наконецъ важное порученіе, при коемъ онъ способствовалъ сохраненію казеннаго интереса отъ ущерба на многіе милліоны, проситъ ордена, чина, диплома на дворянское достоинство, домъ и деревню въ вѣчное и потомственное владѣніе.

Резолюція: „Сказать ему, пустова бы не писалъ“.

Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**

Архитекторское придворное меню въ XVIII столѣтіи.

Въ 1775 году, при переѣздѣ императрицы Екатерины II со всѣмъ дворомъ въ Москву, вызванъ былъ туда изъ Петербурга придворный архитекторъ

Ринальди, для разныхъ архитектурныхъ работъ, при исправленіи домовъ, нанятыхъ въ Москвѣ для императорскаго двора. По высочайшему повелѣнію, Ринальди назначены были отъ двора квартира и продовольствіе. Получивъ отъ придворной конторы приказаніе подать росписаніе желаемыхъ имъ кушаній, Ринальди представилъ слѣдующую собственноручную записку:

„Супы съ переменою: пшено шерачинское, вермичели, лапша, клетски, макароны, чечевица.

„Другое кушаніе: битое мясо, фрикасей з дичи или телячей потрохъ, бефеламодъ, карбонатъ: телящей, баращей или свиной.

„Жеркое: теляче, баращe, тетерки, птички разніе или циплятъ.

„Зелень: шпинатъ, щевель, съ яицами или съ карбонатами, салати разніе, шпаржи, артичоки, раки и бобы турецкіе.

„Хорошее хлебенное съ переменою.

„Вина: краснаго хорошаго.

„Лимоновъ свѣжихъ.

„Приборъ чайный. Чернова чаю лучего".

Сообщено **Г. В. Есиповымъ.**

Три записочки къ князю Потемкину отъ неизвѣстныхъ дамъ [1].

I.

„Souvenir pour mon cher ange, свѣтлѣйшій пунюшка, купидончикъ, мяхъкія щечьки, не забыли ли вы, что мнѣ проиграли 150 рублей, да обѣщали кафтанъ шитый, памады и гаршокъ розовъ, пажаласта, жизь мая пришли кали хочешь, чтобъ я тебѣ не наскучила и расъцаловала твои милые мяхъкія щечки, утешь меня душа моя пришли всѣ ети вещи съ етимъ посланнымъ".

II.

„Душа моя, свѣтлѣйшій пунюшка, мяхъкія щечьки, пазволь себе напомнить нонешны дни Христа миромъ мазали а ты меня памажъ памадой и погребенье его пакрыли плащаницами, а ты жизь мая насъ на здоровье адень своимъ кафтаномъ; пожалуй купидонъ мой милай и розовъ къ празднику пришли; жизь мая пасылаю записку абъ капраде, ежели ваша милость будетъ для праздника ево абърадовать прасти меня мой мяхъкой ангелъ, жалѣю что давно не видѣла.

III.

„N'allez pas vous imaginer que l'interet me fasse oublier moi même, l'honneur et mes devoirs; vous me connaissez bien autrement si vous me croyez capable de cela, car je crois vous me dite serieusement ce que je ne veut entendre que plaisamment, je n'ai pas même voulu finir, votre lettre, car j'aurai a rougir moi-même si j'aurai la faiblesse de vous repondre autrement. Je vous supplie que ce soit pour la derniere fois" [2].

Изъ бумагъ **М. Д. Хмырова.**

---

[1]) Подлинники этихъ писемъ, на которыхъ нѣтъ ни подписей, ни означенія числа и года, находятся въ Государственномъ Архивѣ. Первыя два письма писаны одною и тою же рукою; при нихъ сохранились конверты съ сургучными обломками княжеской гербовой печати.

[2]) Не воображайте, чтобы интересъ могъ побудить меня забыть себя, честь и мои обязанности; вы ошибаетесь, если считаете меня способной на это и говорите серьезно то, что я могу слушать лишь въ формѣ шутки; я даже не хотѣла дочитывать вашего письма потому, что должна бы была краснѣть за себя, еслибъ имѣла слабость отвѣчать вамъ иначе. Умоляю васъ, чтобы это было въ послѣдній разъ.

Шуточныя стихотворенія императрицы Екатерины II.

Въ собственноручныхъ бумагахъ императрицы Екатерины II, находящихся въ Государственномъ Архивѣ, сохранилось нѣсколько шуточныхъ стихотвореній ея, писанныхъ по французски, на клочкахъ бумаги и безъ означенія года и числа. Первое изъ этихъ стихотвореній относится, очевидно, къ 1787 г. когда во время плаванія императрицы по Днѣпру, императорская галера стала на мель между Кіевомъ и Кондаками. Во второмъ, Екатерина остроумно подсмѣивается надъ своей неспособностью писать стихи. Третье, четвертое и пятое составляютъ эпитафіи и вмѣстѣ съ тѣмъ характеристики любимыхъ собачекъ императрицы. Помѣщая эти стихотворныя упражненія Екатерины II въ подлинникѣ и переводѣ, мы должны оговориться, что старались передать ихъ по русски, по возможности, ближе къ оригиналу. Извѣстно, что императрица писала по французски не совсѣмъ правильно, о чемъ даютъ понятіе и ниже приводимыя стихотворенія, а потому представляется затруднительнымъ съ безспорною точностью перевести нѣкоторыя мѣста въ нихъ и намъ приходилось скорѣе отгадывать, чѣмъ съ несомнѣнной увѣренностью передавать смыслъ такихъ, можно сказать, ходульныхъ фразъ по французски, каковы, напримѣръ, „ma raison est guindée“ или „ma rime est empruntée“.

1.

„Voila notre vaisseau sur un banc de sable.
„Pour le mettre à flot, il faut l'alleger,
„Le plus lourd et pesant ira un peu nager
„Grand Ecuyer [1]) (écuyer) a cheval! ou? sur le cable.

1.

Вотъ и нашъ корабль на мели.
Чтобъ сняться, надо его разгрузить.
Самое грузное и тяжелое пусть немножко поплаваетъ.
Оберъшталмейстеръ верхомъ! На чемъ? На канатѣ.

2.

„Cent fois j'ai pris ma plume et cent fois l'ai jetté (e),
„Ma raison est guindée, ma rime est empruntée,
„Ma prose est facile, mes vers sont detestable.

2.

Разъ сто я бралась за перо и столько же разъ бросала его;
Разсудокъ мой неподатливъ, риема моя—поддѣльна,
Моя проза легка, а стихи отвратительны.

3.

„Ci-git Lindor le Prussien
„Qui fut un très joli chien;
„Amené par son destin,
„Sans embonpoint, de Berlin,
„Il devint gros et gras céant;
„Puis il rentra dans le néant;
„De ses moeurs n'en parlons point
„Il fit saults legers et grands repas.

3.

Здѣсь покоится прахъ пруссака Линдора
Который былъ очень красивой собакой;
Заброшенный своимъ жребіемъ,
Въ довольно плохомъ видѣ, изъ Берлина,
Онъ постепенно здѣсь разжирѣлъ
И потомъ обратился въ тлѣнъ.
Не станемъ распространяться о свойствахъ его:
Онъ легко прыгалъ и кушалъ много.

4.

„Ci-git beauté Lady Azor
„ Au nez pointu, au poil d'or.
„Esprit, joye, legereté,
„Repose en tranquillité.

4.

Здѣсь покоится красавица лэди Азоръ
Остроносая, съ золотистою шерстью.
Умъ, веселость и подвижность
Успокоились здѣсь въ тишинѣ.

---

[1]) Оберъ-шталмейстеръ Л. А. Нарышкинъ.

5.

Ci-git Mimi la déchireuse des manchettes,
Qui ne fut toute sa vie qu'une mazette.

5.

Здѣсь покоится прахъ Мими, терзательницы маншетокъ,
Всю свою жизнь она была не болѣе, какъ чумичкою.

Сообщено **Г. В. Есиповымъ.**

Двѣ собственноручныя записки императора Александра I къ Д. П. Трощинскому.

I.

„Дмитрій Прокофьевичъ. Заготовьте указъ о пожалованіи въ камеръ-юнкеры внука графини Матюшкиной, коллегіи иностранныхъ дѣлъ юнкера Велеурскаго. Помяните въ ономъ о уваженіи моемъ къ просьбѣ графини и желаніи моемъ ей сдѣлать пріятное.

„По изготовленіи доставьте оный ко мнѣ завтра по утру“.

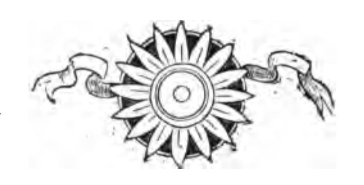
(Рукою Трощинскаго: исполнено генваря 6, 1804).

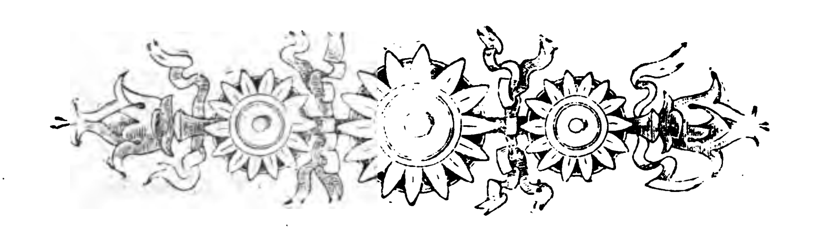
II.

(Карандашемъ). „Дмитрій Прокофьевичъ. Я кругомъ виноватъ предъ вами, забывъ совсѣмъ что я вамъ назначилъ сегодня быть ко мнѣ. Причиною оному балъ, но отнюдь не отъ горячности къ танцамъ. Прошу меня извинить. Въ пятницу послѣ обѣда буду васъ ожидать“.

(Рукою Трощинскаго: получено февраля 3, 1804).

Сообщено **П. Я. Дашковымъ.**





СМѢСЬ.

Исторический очеркъ русскаго законодательства о печати. Выдвинутый самою жизнью вопросъ о реформѣ нынѣ дѣйствующихъ пра-вилъ о печати даетъ намъ поводъ напомнить главнѣйшіе моменты, пережитые нашимъ законодательствомъ по этому предмету. Какъ извѣстно, предварительное разсмотрѣніе печатныхъ изданій началось въ Россіи съ первой четверти XVIII столѣтія, хотя самое установленіе спеціальныхъ органовъ цензуры явилось не прежде 1796 года. До этого же времени только разсмотрѣ-ніе духовныхъ книгъ лежало на обязанности духовной коллегіи, а потомъ—св. синода, тогда какъ книги свѣтскаго содержанія представлялись въ сенатъ, да и то не всегда: на это не было общаго установленія. Впрочемъ, до царствованія Екатерины II въ Россіи печаталось самое незначительное количество книгъ, большею частью, духовнаго содержанія. Тогда можно было печатать книги лишь въ правительственныхъ типографіяхъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны двѣ сенатскія въ Москвѣ и Петербургѣ. При этихъ типографіяхъ состояли особые смотрители; на ихъ обязанности было наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ печатаемыхъ книгахъ ничего „противнаго закону, правительству и благопристойности не было"; за духовными же книгами наблюдали особыя лица, назначенныя отъ синода. Вообще же въ отношеніи къ печати не было ничего опредѣлительнаго. Съ 1771 года начинается новая эпоха въ исторіи русскаго книгопечатанія, а равно и литературы. Въ этомъ году разрѣшена была первая частная или, по тогдашнему, вольная типографія по привилегіи, выданной иностранцу Гартунгу, въ Петербургѣ, но только для печатанія книгъ на однихъ иностранныхъ языкахъ, „дабы прочимъ казеннымъ типографіямъ въ доходахъ ихъ подрыву не было". На такомъ же основаніи разрѣшено было просить и другимъ лицамъ объ открытіи типографій, въ которыхъ дозволялось печатать книги съ дозволенія академіи наукъ и полиціи. Черезъ пять лѣтъ, въ 1776 г., книгопродавцы Вейтбрехтъ и Шкоръ получили позволеніе основать первую частную типографію для печатанія русскихъ книгъ. Типографщики обязывались означать въ каталогахъ своихъ все выпускаемое ими въ продажу, а также на книгахъ означать свою типографію, но о предварительной цензурѣ не было помину. Въ 1783 г. именнымъ указомъ Екатерины II типографское дѣло въ Россіи было объявлено свободнымъ и всякому дозволено было вездѣ по городамъ заводить „вольныя типографіи" и печатать въ нихъ книги, по предварительному разсмотрѣнію ихъ въ управѣ благочинія. Послѣ этого достопамятнаго указа, частныя типографіи стали размножаться не только въ столицахъ, но и въ провинціяхъ. Въ Москвѣ, между прочимъ, устроилась столь памятная въ исторіи нашего умственнаго развитія

типографія Новикова и „Дружескаго общества". Впрочемъ, дѣятельность этой типографіи вскорѣ же подверглась строгому контролю, а вслѣдъ затѣмъ (въ 1786 г.) объявлено было всѣмъ московскимъ типографщикамъ, чтобы они „остерегались издавать книги, наполненныя странными мудрствованіями". Тогда же установлена была и предварительная цензура изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, но только относительно книгъ, касавшихся вѣры или вообще духовнаго содержанія.

Начало дѣйствительной цензуры, какъ оффиціальнаго учрежденія, совпадаетъ у насъ съ эпохою первой французской революціи. Слово цензура, въ настоящемъ его значеніи, въ первый разъ появилось въ 1790 г. Въ указѣ отъ 15 мая этого года, на имя московскаго главнокомандовавшаго князя Прозоровскаго, сказано было: „цензура книгъ долженствуетъ зависѣть отъ управы благочинія, отъ которой цензоровъ и назначить". Но самое учрежденіе цензурныхъ управленій послѣдовало лишь въ 1796 г. Именно тогда, въ Петербургѣ и Москвѣ, подъ вѣдѣніемъ 3-го департамента сената, въ Ригѣ, Одесѣ, и Радзивиловѣ, подъ вѣденіемъ губернскаго начальства, учреждены были и цензурныя управленія, состоявшія изъ одного духовнаго лица (по назначенію синода), одного отъ гражданскаго вѣдомства (по назначенію сената) и одного ученаго (по выбору академіи или московскаго университета). Безъ предварительнаго разсмотрѣнія этихъ цензоровъ воспрещалось печатать что бы то ни было, а также привозить или выписывать изъ за-границы иностранныя книги. Вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было закрыть, за немногими исключеніями, всѣ типографіи, принадлежавшія частнымъ лицамъ. Привозъ же иностранныхъ книгъ по всѣмъ портамъ и таможнямъ, кромѣ вышепоименованныхъ, былъ строго воспрещенъ. Законъ этотъ былъ однимъ изъ послѣднихъ, состоявшихся въ царствованіе Екатерины II. Преемникъ ея, Павелъ, еще болѣе развилъ и дополнилъ это первоначальное положеніе. При немъ опредѣлены были цензоры и составлены первые штаты цензурнаго управленія. Главное управленіе цензурною частью сосредоточено было въ сенатѣ, но книги, подлежавшія запрещенію или сомнительныя, предписывалось представлять на разсмотрѣніе императорскаго совѣта. Вскорѣ учреждена была цензура въ Вильнѣ и назначены цензоры для западныхъ губерній, а также по высочайшему указу учреждена была цензура во всѣхъ портахъ „для противодѣйствія распространенію безбожныхъ правилъ французскаго правительства". Въ 1799 г. было предоставлено синоду учредить особую духовную цензурную комиссію, дабы въ издаваемыхъ книгахъ не находилось ничего „противнаго закону Божію, правиламъ государственнымъ, благонравію и самой литературѣ". Эта комиссія, съ отдѣльнымъ штатомъ, была помѣщена въ Москвѣ, въ Даниловомъ монастырѣ, и ей же предоставлено было право изданія духовныхъ книгъ съ выдачею наградъ изъ прибыльныхъ денегъ тѣмъ, кто будетъ „отлично успѣвать" въ духовной литературѣ. Въ апрѣлѣ 1800 года, послѣдовало запрещеніе привозить изъ заграницы какіе бы то ни было книги и музыкальныя ноты; частнымъ лицамъ, не имѣющимъ типографской привилегіи, воспрещено было заниматься продажею шрифтовъ. Въ іюнѣ того же года всѣ частныя типографіи приказано было опечатать, а всю цензурную часть во всей имперіи сосредоточить въ главномъ цензурномъ управленіи въ Петербургѣ, безъ разрѣшенія котораго ни одно провинціальное цензурное управленіе не могло разрѣшить печатаніе книги.

Съ воцареніемъ Александра I, послѣдовали важныя перемѣны по цензурной части. На первое время возстановленъ былъ уставъ 1796 г. и снова разрѣшенъ ввозъ въ Россію иностранныхъ изданій. Затѣмъ, въ 1802 г. признано было возможнымъ, въ виду минованія исключительныхъ обстоятельствъ, вызвавшихъ уставъ 1796 г., сдѣлать новыя облегченія. Такъ, повелѣно было типографіи и внутренній порядокъ изданія книгъ учредить по правиламъ, изложеннымъ въ указѣ 1783 г., но съ сохраненіемъ предварительнаго одобренія книгъ губернаторами, для чего имъ предоставлялось право давать книги на заключеніе директоровъ училищъ; казеннымъ и ученымъ учрежденіямъ предоставлялось право издавать книги подъ собственною отвѣтственностью, и только книги духовнаго содержанія велѣно было печатать исключительно въ типографіяхъ духовнаго вѣдомства. Привозъ иностранныхъ книгъ былъ разрѣшенъ вполнѣ, и только книгопродавцы обязывались подписью не имѣть

„книгъ законопротивныхъ и соблазнительныхъ“. Впрочемъ, въ таможняхъ книги предварительно осматривались и отъ такого осмотра освобождались только изданія, выписывавшіяся университетомъ. Съ учрежденіемъ министерствъ въ 1802 г., цензурная часть отошла въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія и сосредоточена была въ университетахъ. Въ Петербургѣ же учрежденъ былъ особый цензурный комитетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ изданъ для единообразнаго руководства цензоровъ, первый цензурный уставъ въ настоящемъ значеніи этого слова, 9 іюля 1804 г. Вотъ какія перемѣны произведены были по новому уставу:

Журналы и газеты цензуровались на почтѣ, а частныя объявленія, извѣстія и афиши — гражданскимъ начальствомъ; въ остальномъ же вообще сохранялся прежній порядокъ. Сомнѣнія цензоровъ положено было разрѣшать комитету, а сомнѣнія самаго комитета—главному управленію училищъ. Цензорамъ (которыхъ иногда дозволялось замѣнять директорами гимназій), по этому уставу, предписывалось наблюдать, чтобы въ книгахъ не было ничего „противнаго закону Божію, правленію, нравственности и личной чести каждаго гражданина“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вмѣнено было въ обязанность цензоровъ объявлять властямъ о рукописяхъ, которыя, по поступленіи въ цензуру, окажутся исполненными „мыслей и выраженій, отвергающихъ бытіе Божіе“, вооружающихся противъ вѣры и законовъ отечества, оскорбляющихъ верховную власть, или совершенно противныхъ духу общественнаго устройства и тишины. Разсмотрѣніе иностранныхъ книгъ поручено было комитетамъ, но представленіе ихъ туда было для книгопродавцевъ необязательнымъ. Должности цензоровъ въ университетскихъ городахъ предоставлялись профессорамъ, адъюнктамъ и магистрамъ. Комитетъ составляли деканы факультетовъ, постановлявшіе рѣшеніе по большинству голосовъ; сомнѣнія комитета разрѣшались совѣтомъ университетовъ, а жалобы приносились въ главное управленіе училищъ.

Новымъ уставомъ отмѣнялись всѣ изъятія, прежде допускавшіяся для казенныхъ и учебныхъ учрежденій, кромѣ только изданій, печатавшихся по опредѣленію совѣтовъ университетовъ или правленія. Въ 1808 г. это было подтверждено именнымъ высочайшимъ указомъ въ самомъ строгомъ смыслѣ. Только въ 1818 г. дарована была собственная цензура академіи наукъ. Въ 1808 г. также учреждены были духовно-цензурные комитеты (при духовныхъ академіяхъ) для разсмотрѣнія книгъ духовнаго содержанія и предназначенныхъ для духовныхъ училищъ, а учрежденной въ томъ же году медикохирургической академіи предоставлено было право исключительнаго цензурованія книгъ медицинскаго содержанія. Въ 1812 г. учредилась военная цензура (при военно-учебномъ комитетѣ) для книгъ, касающихся до предметовъ военнаго дѣла. Независимо отъ этого, въ вѣдѣніи министерства полиціи сосредоточено было общее наблюденіе за тѣмъ, чтобы не распространялись въ публикѣ запрещенныя сочиненія, а также окончательное сужденіе о характерѣ и духѣ печатныхъ книгъ, уже пропущенныхъ предварительною цензурою. Вмѣстѣ съ тѣмъ, установленъ былъ контроль относительно благонадежности учредителей типографій Въ такомъ видѣ, безъ важныхъ измѣненій, существовали наши цензурныя установленія до 1826 г., когда былъ изданъ новый цензурный уставъ. Согласно съ этимъ уставомъ, на цензуру возложено было охраненіе „святыни, престола, властей, законовъ отечественныхъ, нравовъ и чести народной и личной отъ всякаго не только злонамѣреннаго и преступнаго, но и неумышленнаго на ихъ покушенія. „На цензуру возложено три главнѣйшія попеченія: о наукахъ и воспитаніи юношества, о нравахъ и внутренней безопасности и о направленіи общественнаго мнѣнія, согласно съ политическими обстоятельствами и видами правительства. Главнымъ органомъ цензуры сдѣланъ былъ верховный цензурный комитетъ изъ трехъ членовъ: министровъ народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ и иностранныхъ дѣлъ. Этотъ комитетъ ежегодно давалъ цензорамъ наставленія и указанія, сообразно съ обстоятельствами времени. Для цензуры книгъ устроено было четыре комитета: въ Петербургѣ—главный изъ 6 цензоровъ, въ Москвѣ, Дерптѣ и Вильнѣ изъ 3 цензоровъ, подъ главнымъ наблюденіемъ мѣстныхъ попечителей учебныхъ округовъ. Цензору вмѣнялось въ обязанность не пропускать къ напечатанію: сочиненій, въ коихъ явно нарушаются правила и чистота русскаго языка, и книгопродавческихъ каталоговъ съ несправедливою хвалою книгамъ, дабы „любители чтенія не могли быть черезъ то приводимы къ неосновательному желанію пріобрѣсть книги, незаслуживающія ихъ вниманія“; не велѣно было

пропускать отрывковъ изъ цѣлыхъ сочиненій, не имѣющихъ „полноты содержанія въ отношеніи къ нравственной, полезной или по крайней мѣрѣ безвредной цѣли, а также мѣста, имѣющія двоякій смыслъ, если одинъ изъ нихъ противенъ цензурнымъ правиламъ. „Запрещены были предположенія частныхъ людей о преобразованіи какихъ-либо частей государственнаго управленія или измѣненія правъ и преимуществъ, дарованныхъ состояніямъ и сословіямъ, если эти предположенія не одобрены еще правительствомъ; запрещены разсужденія съ „неумѣстными“ совѣтами и наставленіями какому-бы то ни было иностранному правительству; запрещены описанія бывшихъ въ разныхъ государствахъ возмущеній, если сочинитель „всѣхъ горестныхъ послѣдствій возмущенія не представляетъ въ спасительное поученіе современникамъ и потомкамъ“; запрещены историческія сочиненія съ „произвольными умствованіями, которыя не подлежатъ повѣствованію“; запрещены кромѣ логическихъ и философскихъ книгъ, необходимыхъ для юношества, всѣ „прочія сочиненія сего рода, наполненныя безплодными пагубными мудрствованіями новѣйшихъ временъ“, запрещены въ дидактическихъ умозрительныхъ сочиненіяхъ о правѣ и законодательствѣ разсужденія, заключающія въ себѣ вредныя теоріи; запрещены въ сочиненіяхъ по медицинѣ и естественной исторіи всѣ произвольныя безполезныя отступленія „кои отвлекаютъ читателя и учащихся отъ вещественнаго къ духовному, нравственному или гражданскому міру“.

За неисполненіе устава на цензоровъ возлагалась самая строгая отвѣтственность, но и это признавалось повидимому не вполнѣ достаточнымъ огражденіемъ. Въ уставѣ было сказано, что, кромѣ цензора, отвѣтственности подвергается и авторъ сочиненія, „ибо гораздо виновнѣе тотъ, кто, занимаясь на свободѣ еднимъ только сочиненіемъ своимъ, обдумываетъ въ тиши кабинета что либо вредное для общественной безопасности и нравовъ и потомъ издаетъ въ свѣтъ, нежели цензоръ, разсматривавшій сочиненіе его по обязанности своей, наряду со многими другими“. Кромѣ этой общей цензуры, свѣтской и духовной, подтверждена была цензура спеціальная, зависящая отъ особыхъ мѣстъ и вѣдомствъ, для сводовъ и собраній русскихъ законовъ, издаваемыхъ частными лицами (тогда еще не было „Свода Законовъ Россійской Имперіи“) и для книгъ медицинскихъ и ученыхъ. Статьи и книги, касавшіяся различныхъ отраслей государственнаго управленія, должны были представляться на предварительное усмотрѣніе того министерства, о предметахъ вѣдѣнія котораго въ нихъ шло разсужденіе.

Этотъ новый уставъ существовалъ недолго. Въ 1828 г. послѣдовало упраздненіе верховнаго цензурнаго комитета и изданіе новаго устава, въ которомъ многія изъ вышеупомянутыхъ запрещеній были отмѣнены. Этотъ уставъ дѣйствовалъ до 1860 г., дополнялся и измѣнялся во многихъ частностяхъ. А именно: въ 1836 г. установлена была спеціальная цензура для еврейскихъ книгъ, въ 1837 г.—для книгъ на восточныхъ языкахъ; въ періодъ же времени между 1841 и 1855 гг. учреждена была особая цензура для придворныхъ и театральныхъ извѣстій, а также и отзывовъ объ игрѣ придворныхъ артистовъ и для извѣстій о членахъ императорской фамиліи. Въ 1845 году подчинены цензурѣ управляющаго путями сообщенія всѣ статьи и книги, касавшіяся этого вѣдомства, въ 1848 г.—издаваемые чертежи и рисунки по части строительной; въ 1846 г. подчинены цензурѣ директора пѣвческой капеллы музыкальныя сочиненія духовнаго содержанія. Съ 1848 г., вслѣдствіе происходившихъ въ то время въ западной Европѣ событій, цензура была усилена и иностранныя книги обложены пошлиною. Въ 1850 г. установлены были самыя строгія формальности при осмотрѣ привозныхъ книгъ. Затѣмъ въ 1852 и 1858 годахъ назначались довѣренные чиновники отъ разныхъ вѣдомствъ для разсмотрѣнія, прежде общей цензуры, статей и сочиненій, касавшихся этихъ вѣдомствъ. Сверхъ того, съ 1848 по 1855 гг. существовалъ особый высшій секретный цензурный комитетъ подъ предсѣдательствомъ Д. П. Бутурлина.

Въ 1860 г. указомъ 14-го января признано было за благо, вслѣдствіе быстраго развитія отечественной словесности и усиливающагося привоза иностранныхъ книгъ, дать цензурѣ „болѣе соотвѣтствующее потребностямъ ея устройство“ и образовано было главное управленіе по дѣламъ печати. Черезъ два года послѣдовала передача цензурной части въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ, а въ апрѣлѣ 1865 г. состоялся указъ о дарованіи новыхъ правъ нашей печати. Изложенныя въ этомъ указѣ постановленія всту-

пили въ силу съ 1-го сентября 1865 г. и дѣйствуютъ понынѣ, служа главнымъ основаніемъ современнаго устройства въ Россіи цензурной части.

Забытыя книгохранилища. По словамъ „Орловскаго Вѣстника“, въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ Орловской губерніи есть замѣчательныя книгохранилища, заключающія въ себѣ рѣдкія изданія и манускрипты. Бо̀льшею частью, всѣ они находятся теперь въ величайшемъ пренебреженіи. Такъ, въ селѣ Молдованомъ, Карачевскаго уѣзда, нѣкогда принадлежавшемъ статсъ-секретарю императрицы Екатерины II, Теплову, хранится чрезвычайно богатая библіотека, въ которой есть нѣсколько свертковъ не изданной и никому неизвѣстной подлинной переписки Вольтера съ Тепловымъ и Разумовскимъ. Въ селѣ Александровскѣ, Болховскаго уѣзда, въ имѣніи Барышникова, есть также большая библіотека, заключающая въ себѣ, между прочимъ, богатѣйшее собраніе масонскихъ книгъ, изъ которыхъ многихъ нѣтъ ни въ одномъ изъ существующихъ въ Россіи книгохранилищъ. Желательно, чтобъ наши библіографы обратили вниманіе на эти библіотеки и спасли находящіяся въ нихъ сокровища.

Географическая экспедиція на Алтай. Только теперь получены свѣдѣнія о географической экспедиціи для изслѣдованія Алтая и изученія быта сибирскихъ инородцевъ. Экспедиція эта, какъ извѣстно, предпринята по почину западно-сибирскаго отдѣла географическаго общества и поручена Н. М. Ядринцеву.

Г. Ядринцевъ обошелъ по Біи районъ кочевыхъ инородцевъ, извѣстныхъ подъ именемъ черневыхъ татаръ, затѣмъ дорогою изъ Улалы достигъ въ іюлѣ мѣсяцѣ Телецкаго озера. Обозрѣвъ озеро съ его населеніемъ и поднявшись па высочайшую снѣжную сопку Алтынъ-Тау, путешественникъ по Чулышману и Башкаусу достигъ Чуи, переваливъ снѣжный Курайскій хребетъ и опредѣливъ его высоту. Былъ уже августъ мѣсяцъ и па хребтахъ начиналъ выпадать снѣгъ, но это не остановило экспедицію и она направилась къ ледникамъ. Переваливъ Чуйскія Альпы, она вышла на рѣку Аргутъ, гдѣ была совершена переправа на маленькихъ плотахъ (салахъ). Аргутъ—бурная горная рѣка, переносящая людей и лошадей въ 45 секундъ на другой берегъ. По Аргуту и рѣкѣ Кокъ-су экспедиція достигла въ половинѣ августа подножія Катунскихъ Альпъ и Сибирскаго Монблана—Бѣлухи съ ея ледниками. Погода благопріятствовала экспедиціи. На ледники совершено было нѣсколько экскурсій, сняты глетчеры, ледники спускающіеся въ долины, и была наблюдаема жизнь ледника. Съ Катунскаго ледника струятся двѣ рѣки, Катунь и Берель, дающія начало двумъ величайшимъ рѣчнымъ бассейнамъ Сибири: Иртышскому и Обскому. Эти замѣчательныя Сибирскія Альпы посѣщены были когда-то Гебледомъ и съ тѣхъ поръ пятьдесятъ лѣтъ не посѣщались учеными.

По отзыву г. Ядринцева, здѣсь нѣтъ ни приспособленій, ни пріютовъ, ни даже хижинъ. Ближайшія деревни стоятъ за 80 верстъ среди страшныхъ горъ и по непроѣзжимъ дорогамъ. Путешественники должны сами пролагать дорогъ къ леднику, бродить по глетчерамъ совершенно одни. Русскіе промышленники тоже не ходятъ далеко на ледникъ, да и достигнуть вершины горы не представляется пока возможности. „Когда мы“—разсказываетъ г. Ядринцевъ въ своемъ письмѣ въ „Голосъ“—„прошли три версты по mer de glace и остановились около ледопадовъ и трещинъ, наши люди пришли въ смущеніе. Со скалъ падали иногда лавины; на ледопадѣ низвергался ледъ цѣлыми утёсами, падая съ высоты съ оглушительнымъ трескомъ; это обрывались цѣлыя скалы льда. Шумъ потоковъ, глухой звукъ отъ подтаявшихъ, падающихъ камней въ ледяныя пропасти, трескъ ледника, дающаго трещины, таинственные, смутные и зловѣщіе шумы, окружающая насъ ледяная пустыня, зіяющія передъ нами ледяныя трещины и груды страшныхъ камней и насыпей, какъ и висящихъутесовъ—все пугало суевѣрное воображеніе дикарей“.

Осмотрѣвъ Рахмановскіе горячіе ключи г. Ядринцецъ перешелъ Катунскій хребетъ на сѣверную сторону его, прошелъ для изученія хребта по Катуни отъ деревни Уймона до Усть-Чуи. Катунь, какъ и Аргутъ—сдѣлали прорывъ между хребтомъ; теченіе ихъ бурно и надъ рѣкою висятъ пропасти. Описавъ Чуйскіе бимы (умесы) и Чуйскую дорогу, экспедиція съ Ангудая еще разъ перерѣзала Алтай поперекъ, пройдя на устье Кана по плоскогорью Алтая, и возвратилась по сѣвернымъ хребтамъ въ Бійскъ. Одновременно и вмѣстѣ съ экспедиціей г. Ядринцева въ Алтаѣ работали два художника и одинъ фотографъ. Снято значительное количество видовъ Сибирской Швейцаріи, типовъ, сценъ мѣстнаго быта, рисунки утвари, жилищъ и т. п.

Работы производились по опредѣленной программѣ, выработанной начальникомъ экспедиціи и напечатанной при Западно-Сибирскомъ отдѣлѣ Императорскаго Географическаго Общества въ руководство для изученія инородцевъ. Г. Ядринцевъ производилъ антропологическія измѣренія алтайскихъ племенъ, собиралъ матеріалы объ экономической жизни, культурѣ народа, его языкѣ, вѣрованіяхъ, преданіяхъ исторіи и современныхъ условіяхъ существованія.

Древняя Владимірская икона Божіей Матери въ приходской церкви. Въ Московской церкви Св. Іоанна Воинственника, построенной повелѣніемъ Петра I и освященной въ 1717 году, реставрирована художникомъ И. С. Сушкинымъ Владимірская икона Божіей Матери съ дванадесятыми на поляхъ ея праздниками. Икона замѣчательно хорошаго письма, оказалась копіей съ подлиннаго чудотворнаго образа, написаннаго по преданію, евангелистомъ Лукой и находящагося въ иконостасѣ по лѣвую сторону царскихъ вратъ въ Московскомъ Успѣнскомъ соборѣ. О томъ свидѣтельствуетъ и надпись на иконѣ, сдѣланная во всю ширину доски, на золоченой каймѣ, проведенной надъ нижними полями, и на половину сглаженная, да и уцѣлѣвшія слова, большею частію лишенныя черной краски, представляютъ одни только слѣды бывшей надписи. Съ помощію увеличительнаго стекла и, главное, луча солнечнаго, озарявшаго икону, открылось, что она устроена „по (родителе) своемъ Иване Владиміровиче Батурине Алексѣемъ Ивановичемъ“, а писалъ ее „Іоаннъ Кирилловъ сынъ Гусятниковъ г.~с. (7200—1692) декабря 11 дня“. Икона по всей вѣроятности находилась первоначально въ старой каменной церкви Іоанна Воина, построенной подъ горой (1669—1671) стрѣльцами, а въ началѣ XVIII вѣка, съ построеніемъ на возвышенномъ мѣстѣ нынѣшней церкви, перенесена была въ оную и поставлена въ главномъ иконостасѣ (опись 1784 г.). Въ 1791 году, когда былъ сдѣланъ новый иконостасъ, Владимірская икона перестала быть мѣстною. Въ настоятельство протоіерея І. М. Борзецовскаго, уволеннаго за штатъ въ 1875 году, пожертвована на эту икону драгоцѣнная сребропозлащенная риза.

Вселенское время. Въ послѣднемъ засѣданіи отдѣленія физической и математической географіи русскаго географическаго общества, обсуждался вопросъ о введеніи „вселенскаго времени“. Вопросъ этотъ возбужденъ канадскимъ институтомъ въ Торонто, приславшимъ на обсужденіе географическаго общества монографію г. Флиминга: „Вселенское время и общій 1-й меридіанъ“. Сущность поставленнаго вопроса сводится на установленіе одновременности начала счисленія сутокъ на всемъ земномъ шарѣ. Принимаемое существующей системой счисленія времени начало сутокъ—полночь—приходится въ различные физическіе моменты на разныхъ пунктахъ земного шара, вслѣдствіе чего одинъ и тотъ же физическій моментъ на земномъ шарѣ обозначается различными часами, отвѣчающими „мѣстному времени“ даннаго пункта. Обстоятельство это представляетъ значительныя практическія неудобства при опредѣленіи моментовъ отправки телеграммъ, отхода поѣздовъ и особенно моментовъ метеорологическихъ и астрономическихъ наблюденій. Проектируемое установленіе „вселенскаго времени“ устранитъ разновременность начала сутокъ тѣмъ, что за начало сутокъ на всемъ земномъ шарѣ будетъ принятъ одинъ физическій моментъ, именно начало сутокъ на первомъ меридіанѣ. Съ принятіемъ этого начала во всѣхъ пунктахъ земного шара должно произойдти передвиженіе принимаемаго теперь начала сутокъ съ полночи на другіе моменты дня или ночи, отъ которыхъ и будутъ считаться часы „вселенскаго времени“. Установленіе „вселенскаго времени“ связано такимъ обрзомъ съ выборомъ перваго меридіана. Обсужденіе того и другого вопроса привело настоящее собраніе къ тому выводу, что постановка вопроса объ установленіи „вселенскаго времени“ является дѣломъ вполнѣ своевременнымъ; по вопросу же о первомъ меридіанѣ собраніе высказалось въ пользу принятія нижнегринвичскаго меридіана, отстоящаго на 180° отъ Гринвича.

Драматическій вечеръ въ честь И. Ѳ. Горбунова.

Юбилейныя чествованія у насъ вовсе не рѣдкость, но не всѣ они заслуживаютъ общественнаго вниманія и гласнаго заявленія. Въ большинствѣ случаевъ, это ординарное восхваленіе заслугъ чествуемаго дѣятеля, сопровождающееся обѣдами, спичами, которые до такой степени шаблонны, что, съ замѣною именъ, профессій и частныхъ подробностей, они оказываются пригодны ко многимъ юбилеямъ. Вотъ почему по этимъ юбилеямъ обыкновенно бываетъ очень трудно заключить объ искренности любви и уваженія даже къ личнымъ достоинствамъ юбиляра, не говоря уже о сочувствіи тому дѣлу, которому служилъ онъ. Рѣдкое исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ происходившее на дняхъ чествованіе двадцатипятилѣтней дѣятельности Ивана Ѳедоровича Горбунова на сценѣ.

Прошло оно безъ шуму, скромно, хотя безъ всякой натянутости и съ рѣдкою задушевностью, въ небольшомъ сравнительно кружкѣ писателей, журналистовъ, музыкантовъ и почитателей таланта всѣмъ русскимъ людямъ извѣстнаго артиста. Вечеръ, устроенный въ честь И. Ѳ., 30-го ноября, А. С. Суворинымъ, носилъ къ тому же характеръ импровизаціи и вышелъ вполнѣ драматическимъ. Все здѣсь было импровизировано, начиная отъ акомпанимента г. Мусоргскаго и кончая рѣчами. Бытовыя сценки, исполненныя комизма и юмора, соло и дуэты, русскія пѣсни хоромъ, сатирическія пародіи на нѣкоторыя смѣшныя явленія въ нашей жизни,—вотъ что составляло содержаніе вечера, въ которомъ главное участіе принадлежало Д. М. Леоновой и артистамъ императорскихъ театровъ, гг. Арди, Давыдову, Макарову-Юневу и, конечно, самому юбиляру. Рѣчи, произнесенныя за ужиномъ разными лицами, проникнуты были искренностью и даже восторженностью чувства и не походили на спичи при другихъ торжественныхъ чествованіяхъ, — въ нихъ нѣтъ усиленнаго сочиненія; напротивъ, каждый говорившій рѣчь имѣлъ въ виду какую нибудь сторону или черту, которая привлекала его болѣе другихъ въ дѣятельности и личности И. Ѳ. Горбунова, и объ этой-то сторонѣ или чертѣ импровизаторъ-спикеръ и старался высказаться въ своей рѣчи. Всѣ онѣ, взятыя вмѣстѣ, довольно ярко очертили дѣятельность И. Ѳ. Онѣ-то и важны для насъ въ настоящемъ случаѣ.

Особенною задушевностью отличалось слово С. В. Максимова, на всѣхъ оставившее по себѣ сильное впечатлѣніе. Въ простыхъ и искреннихъ выраженіяхъ г. Максимовъ высказалъ свои чувства къ юбиляру, напомнилъ о томъ, какъ двадцать лѣтъ назадъ близко сошелся съ нимъ и характеристично резюмировалъ побужденія, одушевлявшія присутствовавшихъ, въ привѣтственномъ, чисто народномъ, четверостишіи:

Пиво—не диво,
Медъ—не хвала,
А то—голова,
Что любовь дорога.

Общимъ сочувствіемъ встрѣченъ былъ этотъ привѣтъ. Затѣмъ А. С. Суворинъ очертилъ писательскій талантъ И. Ѳ. Горбунова, открывшаго такой типъ въ русской дѣятельности, какимъ является созданный имъ генералъ Дитятинъ. Послѣ г. Суворина просилъ слова г. Христіановичъ, одинъ изъ многочисленныхъ поклонниковъ И. Ѳ. Г. Христіановичъ выставилъ на видъ, что

пріобрѣтенная г. Горбуновымъ извѣстность переживаетъ многія славы, такъ сказать, увѣнчанныя и академическія, подобно тому, какъ въ мірѣ юриспруденціи „jus non scriptum“ (неписанное обычное право) переживаетъ „jus scriptum“.

Затѣмъ А. С. Суворинъ прочелъ выдержку изъ книги, изданной заграницей, „Историческіе очерки Россіи“, характеризующую направленіе литературной дѣятельности Горбунова. „Осмѣяніе добродѣтелей всѣхъ четырнадцати классовъ“ — сказано тамъ — достигло своего апогея, во-первыхъ, въ трудахъ г. Салтыкова, а во-вторыхъ, остроумнаго импровизатора Горбунова, который въ салонахъ самихъ генераловъ комически представлялъ доблести ихъ превосходительствъ...“ Хотя и не всѣ разсказы-импровизаціи Горбунова напечатаны, но все-же „такой ѣдкости“, какою отличаются многіе изъ напечатанныхъ, не допускалось прежде, напримѣръ во времена Аракчеева.

Далѣе слово принадлежало Т. И. Филиппову. Какъ старинный другъ юбиляра, г. Филипповъ напомнилъ о тѣхъ связяхъ, которыя единили ихъ въ извѣстномъ кружкѣ молодой редакціи „Москвитянина“, гдѣ, кромѣ Горбунова и и самого оратора, принимали участіе Островскій, Садовскій, Алмазовъ, Эдельсонъ и Аполлонъ Григорьевъ. Т. И. Филиповъ пояснилъ также, что одной изъ заслугъ чествуемаго артиста, необходимо считать отсутствіе какого бы то ни было въ его импровизаторскомъ творчествѣ шаржа.

Съ большимъ одобреніемъ приняты были также рѣчи А. А. и Н. А. Потѣхиныхъ, Н. С. Лѣскова, А. И. Пальма, и въ особенности произвело сильное впечатлѣніе на юбиляра простое слово молодого артиста Давыдова. А. И. Потѣхинъ выставилъ на видъ, въ лицѣ виновника описываемаго вечера, цѣльный образъ чисто русскаго человѣка, проявлявшаго всегда, вмѣстѣ съ избыткомъ скромности, непосредственное творчество, не „мудрствуя лукаво“ и не задаваясь какими-нибудь новыми дѣлами. „Мое дѣло—исполнить, а тамъ, дескать, пусть умные люди разсуждаютъ и разбираютъ“. Н. А. Потѣхинъ упомянулъ о народномъ элементѣ въ разсказахъ юбиляра, о правдивости изображеній русскаго крестьянина, который представленъ тамъ въ полномъ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью и не походитъ уже на пейзана во вкусѣ подражателей романтизма. Н. С. Лѣсковъ показалъ значеніе И. Ѳ., какъ объединителя всѣхъ русскихъ людей, всѣхъ „партій“ у насъ и представителей всевозможныхъ взглядовъ, объединителя, одинаково всѣмъ намъ дорогого, понятнаго, близкаго и, такъ сказать, сердечнаго. А. И. Пальмъ обратилъ вниманіе на то, что И. Ѳ. Горбуновъ создалъ особый жанръ комическихъ разсказовъ и импровизацій на сценѣ и въ литературѣ, а г. Давыдовъ, упомянувъ о повсемѣстной извѣстности въ Россіи этихъ разсказовъ, принесъ сердечную благодарность юбиляру отъ имени провинціальныхъ артистовъ.

Помимо всѣхъ этихъ рѣчей, К. К. Случевскій и В. П. Буренинъ сказали экспромпты поэтической здравицы. Вотъ экспромптъ г. Случевскаго:

Мы плясали тарантелу,
Мы плясали трепака,
Пляска къ пляскѣ, дѣло къ дѣлу,
Ночь-то выйдетъ коротка,
Четверть вѣка—право слово—
Кушъ не то, чтобъ очень малъ,
За Ивана Горбунова поднимаю я бокалъ.

В. П. Буренинъ произнесъ слѣдующее:

То, что здѣсь говорено,
Очень мило и умно,
Но почти не ново;
Выпьемте-жь вино
За Ивана Горбунова.

Самъ юбиляръ, отвѣчая на тосты, которые слѣдовали одинъ за другимъ почти непрерывно, благодарилъ отъ имени генерала Дитятина, съ обычнымъ своимъ юморомъ заявивъ, что онъ, генералъ, принесъ лепту на алтарь своего отечества, хоть маленькую, все же лепту, а отечество генерала вѣдь очень пространное, по статистическимъ свѣдѣніямъ г. министра внутреннихъ дѣлъ, обнимаетъ до 80 милліоновъ населенія, изъ которыхъ генералъ Дитятинъ знаетъ цѣлую тысячу.

Чествованіе И. Ѳ. Горбунова продолжалось вплоть до утра и, не смотря на позднее время, ни въ комъ изъ присутствовавшихъ не только не было замѣтно усталости, но, напротивъ, каждый—такъ и казалось—желалъ провести лишнюю минуту въ этой средѣ собравшихся, которыхъ сплотило воодушевленіе общимъ неподкупнымъ и искреннимъ уваженіемъ къ заслугамъ И. Ѳ. Горбунова.

Ѳ. В.

ГРАФИНЯ

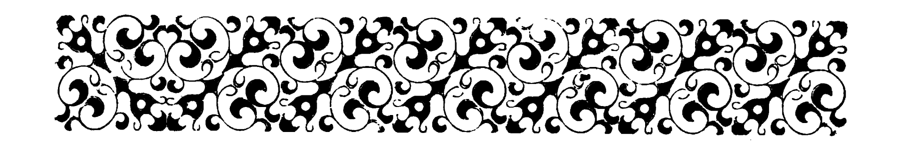
ШАТОБРІАНЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

Г. ЛАУБЕ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. 11—2.
1881



ГЛАВА I.

Вы, ПРАВО, странный народъ, господа ученые! День и ночь ломаете себѣ голову, воображаете, что съ помощью искусственныхъ формулъ и вычисленій вамъ удастся разрѣшить вопросы недоступные человѣческому уму! Черезъ это вы лишаете себя возможности наслаждаться солнечнымъ днемъ, теплою ночью и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ наслаждаются простые смертные!

— Кто вамъ сказалъ, что нашъ умъ не можетъ перешагнуть за предѣлы земли и, что это всегда останется недостижимымъ для насъ?

— Кто сказалъ! Да я сужу по себѣ. Природа ничѣмъ не обидѣла меня. Развѣ я глупѣе другихъ людей, дурно сложенъ, или слабѣе васъ г. канцлеръ! Вся Франція подыметъ на смѣхъ того, кто бы сталъ утверждать это!

— Разумѣется, никто не рѣшится сказать что либо подобное о самомъ счастливомъ и богато одаренномъ человѣкѣ въ цѣлой Франціи, который былъ назначенъ адмираломъ, не имѣя ни малѣйшаго понятія о морской службѣ!

— Смѣйтесь надо мной сколько угодно! Мы одни, и потому я вовсе не въ претензіи, что вы не довѣряете моимъ адмиральскимъ способностямъ. Но мнѣ обидно, что у васъ явилось сомнѣніе въ моихъ умственныхъ способностяхъ.

— Я никогда не позволю себѣ сомнѣваться въ вашемъ умѣ! Это было бы оскорбительно для короля Франциска I, который отдалъ вамъ предпочтеніе передъ всѣми окружающими его.

— Значитъ, вы признаете, Бюде, что я имѣю право голоса въ такомъ вопросѣ, какъ существованіе души у людей. Но сколько я ни напрягалъ свой умъ, загробная жизнь все-таки представлялась мнѣ покрытой непроницаемой тьмой. Не прерывайте меня! Я хорошо помню всѣ ваши формулы, аргументы и выводы. Вы достаточно угощали ими короля и насъ въ длинные зимніе вечера! Мнѣ не трудно повторить ихъ въ послѣдовательномъ порядкѣ, подбирая одно къ

1*

другому, нить за нитью, не хуже любого ткача и возстановить всю ткань. Тѣмъ не менѣе я смѣло утверждаю, что добытые вами результаты ни къ чему не ведутъ, и все, чего нельзя понять простымъ умомъ безъ вашихъ формулъ—сущій вздоръ!

— Изъ вашихъ словъ выходитъ, что нужно довольствоваться тѣмъ, что есть. Зачѣмъ объѣзжаете вы своихъ коней? Развѣ они не совершенствуются отъ дрессировки?..

— Тише! Мнѣ послышался лай охотничьихъ собакъ! сказалъ адмиралъ.

Онъ остановилъ коня и сталъ прислушиваться. Но конь его, горячей андалузской породы, трясъ уздечкой и билъ копытами о древесные пни, такъ что трудно было разслышать что либо. Между тѣмъ лошадь другого всадника, походившая на мула, стояла неподвижно. Какъ лошади такъ и всадники представляли собою полную противоположность. Всадникъ сидѣвшій на андалузскомъ конѣ былъ высокій красивый человѣкъ, съ коротко обстриженными каштановыми волосами и окладистой бородой, какую носили тогда французскіе дворяне въ подражаніе королю. Его платье изъ дорогихъ цвѣтныхъ матерій, хотя запыленное и забрызганное грязью отъ путешествія, рѣзко отличалось отъ темной одежды и грубаго волосяного плаща его спутника, котораго, не смотря на бороду, можно было признать за католическаго монаха по блѣдно-желтому цвѣту лица.

Они ѣхали уже нѣсколько часовъ по огромному буковому лѣсу, который въ нынѣшнее время составляетъ рѣдкость во Франціи, даже въ Нормандіи, наиболѣе богатой лѣсами. Тогда еще мало было проведено дорогъ, особенно въ отдаленныхъ пограничныхъ провинціяхъ, какъ Бретань, гдѣ находился лѣсъ, по которому приходилось ѣхать двумъ всадникамъ. Они руководствовались въ своемъ пути положеніемъ солнца и ѣхали бо́льшею частью луговинами, гдѣ пропадалъ всякій слѣдъ колесъ на почвѣ, поросшей мохомъ и покрытой древесными пнями. Солнце свѣтило во всемъ блескѣ, что случается довольно рѣдко въ туманной Бретани. Въ эту минуту оно клонилось къ закату, освѣщая красновато-желтымъ свѣтомъ верхушки необъятнаго буковаго лѣса и спины всадниковъ. Былъ не только поздній часъ дня, но и конецъ лѣта; изрѣдка слышалось щебетаніе нѣсколькихъ птицъ; затѣмъ наступала та своеобразная лѣсная тишина, гдѣ въ шелестѣ листьевъ проносится по временамъ таинственный непонятный шопотъ.

— Я ничего не слышу, сказалъ наконецъ старшій всадникъ въ темномъ платьѣ, прервавъ молчаніе.

— А я слышу, возразилъ съ досадой другой. — Вы свыклись съ кабинетной жизнью, и потому въ лѣсу не можете уловить тѣхъ звуковъ, по которымъ привычный человѣкъ рисуетъ себѣ картины и сцены, происходящія на далекомъ разстояніи отъ него.

— Развѣ не то же бываетъ въ умственной жизни! Ваши слова

служать опроверженіемъ высказанныхъ вами положеній противъ пользы научныхъ изслѣдованій. Философы видятъ больше, нежели люди никогда не упражнявшіе свою мыслительную способность.

— Пусть будетъ по вашему! Только сдѣлайте одолженіе не возбудите новыхъ смутъ въ странѣ своими философскими бреднями. Мы едва справляемся съ непокорнымъ дворянствомъ, а вы еще хотите навязать намъ на шею священниковъ и свести съ ума простодушныхъ буржуа и крестьянъ. Предоставьте это скучнымъ мудрствующимъ нѣмцамъ и тупоумнымъ испанцамъ; чѣмъ больше будутъ нѣмцы ерошить на себѣ волосы, а испанцы надѣлаютъ хлопотъ своему блѣднолицому императору, тѣмъ лучше для насъ. Придумайте и изобрѣтите что нибудь новое, хотя бы въ родѣ того ученія, которое распространяетъ теперь саксонскій монахъ; мы не прочь принять его, если окажется, что нибудь хорошее.

— Но вѣдь это не такъ легко, какъ вамъ кажется! Въ дѣлахъ религіи всякій долженъ самъ до всего додуматься.

— Тѣмъ не менѣе, г. канцлеръ, вы не должны толковать съ королемъ о подобныхъ вещахъ. Онъ охотно слушаетъ васъ и къ сожалѣнію все новое и всякій рискъ нравятся ему. Но если вы будете слишкомъ медлить, то горе вамъ! готовьтесь къ самому худшему, если короля охватитъ нетерпѣніе.

— Не безпокойтесь, г. адмиралъ. Мы люди мирные. Если человѣкъ пробуетъ свои силы, старается познакомиться съ дѣломъ, то это еще не значитъ, что онъ хочетъ пустить его въ ходъ.

Всадники замолчали, такъ какъ забота о дорогѣ и ночлегѣ мало по малу поглотила ихъ вниманіе. Они продолжали путь шагомъ, направляясь къ Луарѣ въ надеждѣ застать короля если не въ Нантѣ, то въ Турѣ, или Блуа. Ихъ служители заблудились и отстали отъ нихъ; какъ господа, такъ и слуги, не зная мѣстности, ѣхали наугадъ.

— Это охота! Теперь никто не разувѣритъ меня въ этомъ! воскликнулъ младшій всадникъ, осадивъ снова свою лошадь. Какъ громко лаютъ собаки! должно быть онѣ выгнали кабана!

Путники остановились у склона горы, который представлялъ собою острый уголъ; въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ нихъ виднѣлось озеро. Солнечные лучи, пробивая густую листву буковыхъ деревьевъ, фантастически освѣщали поверхность воды своимъ золотистымъ свѣтомъ.

— Древніе кельты, которые дольше всего удержались въ меланхолической Бретани, сказалъ канцлеръ,—погребали своихъ боговъ въ такихъ лѣсныхъ озерахъ, спасая ихъ отъ нечестивыхъ рукъ пришельцевъ. Кто знаетъ, можетъ быть и въ этомъ озерѣ покоится какое нибудь сверженное божество.

— Слышите, какъ зашумѣло озеро! Волны поднимаются все выше и выше. Что это такое?

Лѣсная тишина была внезапно нарушена плескомъ воды, который становился все громче и явственнѣе. Лошади навострили уши. Канцлеръ набожно перекрестился, между тѣмъ какъ другой всадникъ не спускалъ глазъ съ озера, полузакрытаго зеленью и окрашеннаго лучами заходящаго солнца.

Плескъ воды прекратился у берега, поросшаго молодымъ кустарникомъ; вслѣдъ затѣмъ послышался трескъ вѣтвей и топотъ, какъ будто приближался полкъ конницы. Младшій изъ всадниковъ обнажилъ шпагу; радостное нетерпѣніе выразилось на его лицѣ; онъ догадался, что это было стадо оленей. Старые, тяжелые олени съ темною густою шерстью и высокими рогами неслись по склону прямо на всадниковъ. Увидя блеснувшую шпагу, въ которой отразился лучъ заходящаго солнца, они остановились и смотрѣли на своего неожиданнаго врага. Тотъ громко вскрикнулъ и махнувъ шпагой, бросился на нихъ; но въ тотъ же моментъ звѣри разлетѣлись во всѣ стороны и исчезли въ чащѣ. Кляча канцлера, напуганная шумомъ, неожиданно бросилась въ сторону и сбросивъ со всего размаха своего сѣдока на землю, умчалась такъ быстро, какъ это позволялъ ея почтенный возрастъ. Между тѣмъ, лай собакъ замѣтно приближался; въ озерѣ опять послышался плескъ; изъ воды поднялся огромный раненый кабанъ, который съ бѣшенымъ рычаніемъ направился въ ту сторону, гдѣ лежалъ канцлеръ. Другой всадникъ, поспѣшно соскочивъ съ своего коня на землю, опустился на одно колѣно съ шпагой въ рукѣ, въ надеждѣ заколоть звѣря въ тотъ моментъ, когда онъ бросится на свою жертву. Но храбрый адмиралъ ошибся въ разсчетѣ; шпага его оказалась слишкомъ длинна и, скользнувъ по груди животнаго, отлетѣла въ сторону. Наступила рѣшительная минута. Разъяренный вепрь, истекая кровью отъ множества ранъ, нанесенныхъ ему охотниками, остановился, какъ бы соображая, въ кого изъ двухъ вонзить свои клыки: въ того ли, который лежалъ передъ нимъ, или въ смѣльчака, который отважился напасть на него. Онъ выбралъ послѣдняго, но тотъ прыгнулъ въ сторону и, зная что нападеніе повторится, поспѣшилъ поднять свою шпагу. Однако и на этотъ разъ ему не посчастливилось, онъ поскользнулся и упалъ навзничь; кабанъ тотчасъ же кинулся на него и готовился нанести ему ударъ своими острыми клыками. Хотя все это произошло въ нѣсколько секундъ, но этого короткаго времени было достаточно, чтобы подоспѣли охотничьи собаки, преслѣдовавшія звѣря. Два огромныхъ волкодава грязно-желтаго цвѣта внезапно вцѣпились въ его уши и повисли на нихъ всею тяжестью. Кабанъ грозно зарычалъ и, поднявъ голову, замеръ на мѣстѣ отъ боли и ярости. Подоспѣли новыя собаки и вонзили свои зубы въ его заднія ноги.

Адмиралъ воспользовался этой неожиданной помощью, чтобы выбраться изъ-подъ звѣря и встать на ноги. Онъ былъ теперь въ самомъ жалкомъ видѣ: платье его было разорвано; лицо забрызгано

грязью и кровью. Тѣмъ не менѣе, мужество не оставило его; онъ съ видимымъ удовольствіемъ взглянулъ на пригвожденнаго звѣря и уже поднялъ шпагу, чтобы приколоть его.

— Что вы дѣлаете, Бонниве! воскликнулъ канцлеръ, который видя, что опасность миновала, также хотѣлъ встать, но тотчасъ же опустился на землю отъ сильной боли въ ногѣ. Развѣ вы не слышите и не видите, что хозяинъ охоты будетъ здѣсь черезъ нѣсколько минутъ! Мы оба нуждаемся въ его помощи; я чувствую себя разбитымъ отъ паденія; васъ помялъ звѣрь; наши лошади неизвѣстно куда дѣвались. А вы какъ будто нарочно хотите разсердить этого господина, заколовъ на его глазахъ звѣря, добытаго такой трудной охотой.

— Я именно этого и хочу, г. канцлеръ! я испыталъ на себѣ всѣ опасности кабаньей охоты; слѣдовательно, мнѣ и должна принадлежать честь положить на мѣстѣ такого отличнаго звѣря. Вдобавокъ, не мѣшаетъ сбить немного спѣсь бретанскаго дворянина! Король только похохочетъ надъ этимъ.

Въ это время подъѣхали охотники; рога протрубили радостный сигналъ, возвѣщавшій, что звѣрь пойманъ. Хозяинъ охоты соскочилъ съ лошади, чтобы воспользоваться своимъ преимуществомъ и собственноручно заколоть добычу. Но къ своему крайнему удивленію онъ увидѣлъ, что какой-то незнакомецъ предупредилъ его и повалилъ на землю огромнаго вепря ловко направленнымъ ударомъ.

— Кто позволилъ тебѣ распоряжаться здѣсь! крикнулъ онъ, не помня себя отъ ярости. Псари! долой съ лошадей, выхватите у него шпагу и попотчуйте хлыстами!

Въ одинъ моментъ адмиралъ былъ окруженъ толпой егерей. Онъ едва успѣлъ защищать свою спину, прислонившись къ буковому стволу и началъ отмахиваться шпагой отъ напавшей на него со всѣхъ сторонъ челяди.

— Вы вѣроятно никогда не выѣзжали изъ своего захолустья, крикнулъ онъ хозяину охоты, что не можете разобрать съ кѣмъ имѣете дѣло! Развѣ вы не видите, что я дворянинъ?

— Если бы вы были король, то и тогда вы не смѣете посягать на мое охотничье право безъ моего разрѣшенія.

— Его величество проучитъ васъ за этотъ дерзкій отвѣтъ.

— Король долженъ знать, а если не знаетъ, то пусть научится, что бретанскій дворянинъ полный властелинъ на своей землѣ! Ей, вы! дѣлайте то, что вамъ приказано. Отымите у него шпагу.

Подоспѣла новая толпа егерей. Они бросились на дерзкаго нарушителя охотничьихъ правъ и безъ труда обезоружили его. Началась свалка, въ которой собаки приняли дѣятельное участіе, увеличивая шумъ своимъ лаемъ. Въ это время подъѣхала дама на бѣломъ конѣ и съ безпокойствомъ спросила: что означаетъ вся эта сцена и кто этотъ незнакомецъ, окруженный егерями?

— Вѣроятно одна изъ обезьянъ г-на Валуа, отвѣтилъ бретанскій

дворянинъ, не спуская глазъ съ адмирала, окруженнаго со всѣхъ сторонъ егерями. Блѣдное, отжившее лицо бретанца, окаймленное ерной бородой, озарилось чувствомъ особеннаго удовольствія, которому еще болѣе способствовало присутствіе молодой дамы. Онъ не обратилъ никакого вниманія на ея просьбу прекратить непріятную сцену, только черные суровые глаза его на минуту устремились на нее съ выраженіемъ дикой страсти. Онъ съ усиліемъ раскрылъ свои тонкія губы и сказалъ въ полъ-голоса: нужно проучить этихъ льстецовъ! Интересно было бы узнать его имя.

Канцлеръ какъ будто подслушалъ это желаніе. До этого онъ оставался безучастнымъ зрителемъ, изъ боязни попасть въ общую свалку, но видя, что адмиралу не избѣжать позорнаго наказанія, рѣшилъ заступиться за своего товарища. Поднявшись съ усиліемъ на ноги, онъ подошелъ къ толпѣ егерей, и закричалъ изо всѣхъ силъ:

— Именемъ короля Франциска, остановитесь!

Толпа разступилась, не столько изъ послушанія, сколько изъ любопытства; крики замолкли.

— Это адмиралъ Бонниве! продолжалъ канцлеръ громкимъ голосомъ. Бретанскій дворянинъ не долженъ обходиться такимъ недостойнымъ образомъ съ другомъ короля!

Заявленіе канцлера оказало свое дѣйствіе. Хозяинъ охоты повернулся къ нему съ презрительной улыбкой:

— Ну, теперь сообщите намъ, кто вы такой; порядочные люди не ведутъ себя такимъ образомъ. Хотя адмиралъ Бонниве происходитъ отъ молодой дворянской крови, но онъ долженъ былъ узнать отъ короля права и обычаи охоты, и не рѣшился бы поступить, какъ этотъ господинъ. Вдобавокъ, намъ извѣстно, что адмиралъ Бонниве посланъ въ Англію вмѣстѣ съ канцлеромъ Бюде и потому не могъ очутиться во Франціи, въ чужомъ лѣсу, значитъ, все, что ты сказалъ капуцинъ, наглая ложь!

— Я канцлеръ Бюде и могу доказать это; вы совершенно напрасно назвали меня лгуномъ!

— Я въ отчаяніи, если это правда, сказалъ бретанскій дворянинъ, съ той же презрительной улыбкой, подъѣхавъ на нѣсколько шаговъ къ канцлеру, какъ будто хотѣлъ пристальнѣе разглядѣть своего собесѣдника.

— Да, дѣйствительно я узнаю васъ! сказалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія. Привѣтствую васъ на землѣ бретанскаго дворянина графа Шатобріана, который къ сожалѣнію встрѣтилъ своихъ гостей такимъ неприличнымъ образомъ!

Съ этого времени графъ совершенно измѣнилъ свое обращеніе съ обоими путниками, послалъ отыскивать ихъ лошадей и даже былъ на столько внимателенъ, что велѣлъ принести носилки для канцлера, который повредилъ себѣ ногу при паденіи. Онъ нѣсколько разъ извинялся передъ адмираломъ за свою горячность. Но съ лица его не

исчезало выраженіе злорадства, которое ясно показывало, что въ душѣ онъ былъ очень доволенъ, что красивому адмиралу досталось отъ кулаковъ его егерей. Это особенно ясно выразилось, когда онъ представилъ Бонниве своей супругѣ и повторилъ свои извиненія въ самыхъ отборныхъ напыщенныхъ выраженіяхъ. Адмиралъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ этого и ловко раскланялся передъ молодой графиней, которая хотя и не была ослѣпительной красоты, но показалась ему необыкновенно привлекательной въ своемъ темномъ платьѣ, рельефно выдѣлявшемся на бѣломъ конѣ. Ея молодое, немного блѣдное лицо, слегка зарумяненное отъ движенія на свѣжемъ воздухѣ, имѣло тѣ гладкія округленныя очертанія, на которыя жизненный опытъ не наложилъ своего отпечатка. Но ея красивые каріе глаза казались грустными, хотя въ нихъ не было и тѣни мечтательности и отчужденія отъ дѣйствительной жизни. По временамъ они дѣлались настолько выразительными, что казалось ни что не могло скрыться отъ нихъ. Когда графъ представилъ Бонниве своей супругѣ, то въ этихъ глазахъ можно было ясно прочесть насмѣшливый вопросъ: не потому ли ты представляешь мнѣ этого красиваго человѣка растерзаннымъ и униженнымъ, чтобы онъ опротивѣлъ мнѣ съ перваго момента знакомства?

Между тѣмъ Бонниве подъ обаяніемъ ея присутствія забылъ свою непріязнь къ графу и разсыпался въ любезностяхъ передъ его женой, что было тогда въ модѣ въ высшихъ слояхъ французскаго общества, при королѣ Францискѣ I. Графиня вѣжливо выслушивала его, но съ нѣкоторою чопорностью, такъ какъ живя пять лѣтъ среди суровыхъ бретанскихъ дворянъ, она не привыкла къ такому обращенію. Не встрѣчала она ничего подобнаго и на своей родинѣ, въ Пиринеяхъ, откуда она выѣхала четырнадцатилѣтней дѣвочкой, чтобы сдѣлаться женою графа Шатобріана. Благодаря этому, любезности красиваго адмирала имѣли для нея всю прелесть новизны и произвели на нее самое пріятное впечатлѣніе.

Общество, принимая во вниманіе больную ногу канцлера, двинулось въ путь шагомъ. Черезъ четверть часа они увидѣли передъ собой, на равнинѣ перерѣзанной холмами, замокъ Шатобріанъ, стоящій на возвышеніи и окруженный со всѣхъ сторонъ лѣсомъ. Вечернее солнце сіяло во всемъ блескѣ, рѣзко обрисовывая контуры огромнаго зданія, состоящаго изъ стараго и новаго замковъ, верхніе этажи которыхъ были соединены узкой висячей галлереей. Старый замокъ представлялъ собою огромную круглую башню съ низкими уродливыми пристройками; онъ весь поросъ мохомъ и почернѣлъ отъ времени и непогодъ. За то новый замокъ, недавно построенный въ полуантичномъ и полуроманскомъ стилѣ, весело блестѣлъ на солнцѣ своими гладкими свѣтлыми камнями. Плоская крыша, аркады, галлереи, изящныя башни придавали ему самый привлекательный видъ. Широкій лугъ, по которому ѣхалъ владѣлецъ замка съ своими гостями, тя-

нулся вверхъ до главнаго входа. Рѣка Шеръ, вытекавшая изъ лѣсу съ лѣвой стороны, круто, поворачивала у новаго замка и обогнувъ старую башню, вновь появлялась на сѣверо-западѣ за убогими, порознь стоящими домами, гдѣ впослѣдствіе возникъ городъ Шатобріанъ.

— Очень радъ, что мнѣ удалось наконецъ увидѣть вашъ новый замокъ, графъ Шатобріанъ! воскликнулъ Бонниве. Я помню съ какимъ восторгомъ вы разсказывали о немъ въ Парижѣ пять лѣтъ тому назадъ. Вы издѣвались тогда надъ старой Луврской башней вокругъ которой предполагалось воздвигнуть дворецъ! Но онъ не построенъ и до сихъ поръ вслѣдствіе недостатка въ деньгахъ, такъ что король по прежнему живетъ въ тѣснотѣ среди судейскихъ господъ и разныхъ буржуа. Вы не даромъ сказали тогда съ усмѣшкой: „бретанскій дворянинъ живетъ лучше молодого Валуа, такъ называемаго властелина Франціи“!

— Развѣ эта фраза такъ замѣчательна г-нъ адмиралъ, что вы не могли забыть ее въ теченіи пяти лѣтъ! Молодой Валуа, какъ вамъ извѣстно, не принадлежалъ къ богатому и могущественному дому и устроилъ свои дѣла только благодаря приданому, которое взялъ за нашей герцогиней. По этому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что онъ, сдѣлавшись королемъ, живетъ хуже большинства бретанскихъ дворянъ. Хотя вы стараетесь возвеличить короля въ ущербъ дворянству, но онъ не болѣе какъ высшій ленный сеньеръ и вы напрасно внушаете ему неумѣстныя претензіи!

— Вы уже нѣсколько лѣтъ не выѣзжали изъ вашей отдаленной провинціи и совсѣмъ отстали отъ времени, многоуважаемый графъ. Вотъ у г. канцлера есть письмо отъ англійскаго короля къ Франциску I; надпись на этомъ письмѣ ясно показываетъ, что королевская власть въ Европѣ больше усилилась, чѣмъ вы воображаете это, сеньеры меча и шпоръ!

— Мы сеньеры надъ землей и людьми и надѣваемъ на себя мечъ и шпоры въ тѣхъ случаяхъ, когда мы не обязаны оказывать гостепріимство слугамъ короля.

— Развѣ вы сами не считаете себя слугой короля?

— Нѣтъ, я служу Богу, моей чести и моей дамѣ, а за королемъ государства я слѣдую только тогда, когда онъ въ качествѣ леннаго предводителя потребуетъ мой мечъ и мою конницу на защиту государства... Скажите пожалуйста, какая-же эта новомодная надпись на письмѣ англійскаго короля къ французскому?

— Онъ называетъ его „вашимъ величествомъ“.

— Но вѣдь у насъ священники употребляютъ слово „majesté“, говоря о величіи и всемогуществѣ Бога?

— Слово это и здѣсь употреблено въ томъ-же значеніи.

— Господь да сохранитъ васъ! Ваша гордость перешла всякую мѣру. Что сказалъ бы мой пріятель графъ Тремувилль, если бы я вздумалъ назвать его въ письмѣ „блаженный и праведный“ графъ Тремувилль.

— Онъ вѣроятно далъ бы вамъ тотъ же титулъ.

— Не думаю! Во всякомъ случаѣ мы остались бы такими же грѣшными людьми какъ и прежде. Равнымъ образомъ у Валуа ни на волосъ не прибавилось величія отъ титула, который ему даетъ Тюдоръ по ту сторону пролива. Феодальные сеньеры еще не вымерли въ отдаленныхъ провинціяхъ!

— Король желаетъ удостовѣриться въ этомъ собственными глазами; для этой цѣли онъ проѣдетъ внизъ по Луарѣ и посѣтитъ Турень, Анжу и Бретань... Пять лѣтъ тому назадъ вы приглашали его взглянуть на вашъ замокъ, въ случаѣ если онъ вздумаетъ когда нибудь построить себѣ новый дворецъ. Насколько мнѣ извѣстно, онъ намѣренъ сдѣлать это въ настоящее время; если вы позволите, то я повторю ему ваше приглашеніе.

При этихъ словахъ владѣлецъ замка и Бонниве взглянули на графиню, какъ бы ожидая ея отвѣта. Но она не рѣшилась выразить свое мнѣніе, встрѣтивъ гнѣвный взоръ своего супруга.

Они проѣхали молча нѣсколько шаговъ.

— Архитектурный вкусъ значительно развился и усовершенствовался въ послѣдніе пять лѣтъ—возразилъ графъ—замокъ Шатобріанъ не можетъ имѣть теперь тѣхъ притязаній, какъ прежде.

Путники подъѣхали къ главному входу замка. На встрѣчу имъ выбѣжала хорошенькая четырехлѣтняя дѣвочка и привлекла на себя вниманіе графа и графини. Это была ихъ единственная дочь Констанція. Графъ расточалъ ей всю нѣжность, на которую только было способно его суровое сердце; онъ посадилъ ее къ себѣ на лошадь и каталъ по двору. Появленіе ребенка было очень кстати, чтобы привести графа въ болѣе приличное расположеніе духа и сдѣлать его хотя сколько нибудь способнымъ исполнить обязанность гостепріимства непрошеннымъ гостямъ. Однако, вечеромъ, когда они сѣли за ужинъ, хозяинъ дома пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы сказать что нибудь непріятное другу короля, такъ что Бонниве рѣшился уѣхать изъ замка на слѣдующее утро, тѣмъ болѣе, что сдержанное обращеніе графини не обѣщало ему успѣха. Избалованный рыцарь счастья питалъ такого рода надежды относительно каждой красивой женщины, съ которой сводила его судьба. Онъ не былъ на столько проницателенъ чтобы присмотрѣться ближе къ личности графини Шатобріанъ, потому что тогда быть можетъ онъ не сложилъ бы такъ скоро оружіе. Въ началѣ вечера она сидѣла молча между мужчинами въ своемъ изящномъ бѣломъ платьѣ, отвѣчала односложными словами и своей внезапно находившей на нее и также быстро исчезавшей веселостью напоминала эолову арфу, которая долго остается безмолвной и только тогда издаетъ звукъ, когда болѣе сильное дуновеніе вѣтра коснется ее.

Канцлеръ Бюде оказался лучшимъ наблюдателемъ, нежели его пріятель. Ему тѣмъ легче было завести разговоръ съ графиней, что

ревнивый супругъ не счелъ нужнымъ мѣшать ея бесѣдѣ съ пожилымъ и невзрачнымъ человѣкомъ. Онъ разсказалъ ей объ умственной жизни въ Парижѣ, и богословскихъ спорахъ, которые велись между тогдашними учеными, о церковной революціи въ Германіи, предпринятой однимъ саксонскимъ монахомъ, объ интересныхъ разговорахъ за обѣдомъ у короля и призванныхъ имъ итальянскихъ художникахъ, о самомъ королѣ, его умной талантливой сестрѣ и веселой матери. Графиня слушала эти разсказы съ одинаковымъ вниманіемъ и набожно перекрестилась, когда зашла рѣчь о нѣмецкомъ еретикѣ. Тѣмъ не менѣе она выразила свое сочувствіе оппозиціи противъ ученія объ индулгенціяхъ.

— Если бы я измѣнила своимъ близкимъ, сказала она наивно, какъ будто это былъ самый наглядный примѣръ, который она могла себѣ представить, — то кто могъ бы простить мнѣ этотъ грѣхъ, кромѣ меня самой. Развѣ не бываютъ такіе случаи, когда виновный долженъ отвѣчать только передъ судомъ своей собственной совѣсти?

Нѣжная краска на ея щекахъ выступила еще ярче при этихъ словахъ, придавая особенную прелесть смуглому лицу молодой графини, которая соединяла въ себѣ роскошную полноту формъ южной женщины съ граціей и миловидностью молодой дѣвушки. Избытокъ жизни сказывался въ пытливыхъ взглядахъ живыхъ, чувственныхъ глазъ, которые представляли рѣзкую противоположность съ цѣломудреннымъ выраженіемъ рта и робостью, съ какою она раскрывала губы, чтобы сдѣлать тотъ или другой вопросъ канцлеру. Этотъ контрастъ былъ особенно замѣтенъ, когда она стала разспрашивать о жизни и нравахъ придворныхъ лицъ, которые были тогда совершенно новымъ явленіемъ во Франціи. Всего болѣе интересовали ее разныя подробности о королѣ, коннетаблѣ Бурбонѣ и нѣкоторыхъ другихъ господахъ, которые славились тогда своей красотой и силой въ цѣлой Франціи. Хотя графъ Шатобріанъ съ презрѣніемъ отзывался о нихъ и она привыкла вѣрить ему на слово, но хотѣла узнать, что скажетъ объ этомъ серьезный канцлеръ, такъ какъ ей казалось, что она можетъ вполнѣ положиться на его сужденія и отзывы.

Хозяинъ дома повидимому не раздѣлялъ мнѣнія своей супруги. Его отрывистая бесѣда съ Бонниве давала ему возможность слѣдить за каждымъ словомъ канцлера, но чѣмъ дальше слушалъ онъ, тѣмъ мрачнѣе становилось его блѣдное лицо.

Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и вмѣшавшись въ разговоръ рѣзко упрекнулъ канцлера въ одностороннемъ описаніи придворной жизни.

— Мы, слава Богу, сказалъ онъ, еще не дошли въ провинціи до такой порчи, чтобы забыть чистоту нравовъ и христіанское смиреніе, которыхъ мы придерживались при покойномъ королѣ Людовикѣ. Съ каждымъ годомъ приходится все больше убѣждаться въ справедливости даннаго ему прозвища: „отца народа".

— Развѣ бретанскіе дворяне, воскликнулъ Бонниве, до такой сте-

пени раздѣляютъ симпатіи и взгляды черни, что имъ больше нравится король носившій это прозвище, чѣмъ нынѣшній „рыцарскій король", какъ въ Европѣ называютъ Франциска I! Клянусь честью, что ничего не можетъ быть выше и почетнѣе названія: король рыцарь! Неужели онъ ничѣмъ не заслужитъ благодарность и преданность французскаго дворянства! Объ этомъ нужно особенно жалѣть въ настоящее время, когда даже простые буржуа дѣятельно хлопочутъ о расширеніи своихъ правъ.

Но графъ не обратилъ никакого вниманія на слова Бонниве.—Что собственно представляетъ изъ себя придворная жизнь? продолжалъ онъ, обращаясь къ канцлеру. Она настолько неприлична въ настоящее время, что всякій сеньеръ, который дорожитъ честью и нравственностью, долженъ держать жену и дочь подальше отъ двора. Не находите ли вы, что мать короля ведетъ святую жизнь? Развѣ мы не знаемъ веселой Луизы, которая получила титулъ герцогини Ангулемской помимо нашей воли и, къ несчастью, за спиною короля управляетъ государствомъ. А что такое ея фрейлины? Развѣ это не публичныя женщины торгующія своей красотой!

— Ну теперь никто въ Парижѣ не узналъ бы прежняго графа Шатобріана, котораго мы видѣли пять лѣтъ тому назадъ! замѣтилъ со смѣхомъ Бонниве. Память объ васъ, графъ, до сихъ поръ сохранилась въ отелѣ Турнель, какъ объ одномъ изъ самымъ веселыхъ сеньеровъ!..

— Меня нисколько не интересуетъ то мнѣніе, какое обо мнѣ составилось въ Парижѣ! Но мнѣ не нравится новый порядокъ вещей! Правительство заботится объ одной внѣшности и хочетъ ввести утонченность въ наши нравы, какъ будто въ этомъ вся сущность жизни! Къ чему намъ всѣ эти постройки и украшенія столицы, дорого стоющія нововведенія относительно мебели и покроевъ платья! Хотятъ и насъ принудить къ этому, какъ будто мы куклы, а не дворяне! Художниковъ вводятъ въ кругъ самыхъ знатныхъ людей государства, позволяютъ имъ вмѣшиваться въ разговоръ и ихъ напыщенныя фразы больше нравятся, чѣмъ простая рѣчь французскаго дворянина.

— Позвольте мнѣ высказать мое мнѣніе, графъ, сказала краснѣя хозяйка дома, но я не согласна съ вами. Мнѣ кажется, что королевская власть обязана покровительствомъ тому, что не составляетъ насущной потребности людей, но возвышаетъ и облагораживаетъ ихъ умъ, какъ, напримѣръ искусство; и поэтому королю...

— Однако васъ можно поздравить моя дорогая супруга! возразилъ насмѣшливо графъ, прерывая ее.—Вы замѣчательно скоро усвоили себѣ напыщенность рѣчи. Этого трудно было ожидать послѣ того строгаго воспитанія, которое вы получили въ замкѣ Фуа; или вы уже заразились новыми идеями? Помыслы замужней женщины не должны переходить за стѣны дома, гдѣ ея мужъ и дѣти! Все, что внѣ этого,

вредно для нея. Впрочемъ, я приму мѣры чтобы излишняя бойкость не сдѣлалась бы опасной для васъ...

Приходъ слуги прервалъ рѣчь графа которая была тѣмъ непріятнѣе его женѣ, что онъ говорилъ при людяхъ, которыхъ она видѣла въ первый разъ въ жизни.

Слуга доложилъ, что по дорогѣ изъ Нанта ѣдутъ всадники съ зажженными факелами.

— Неужели это король! воскликнулъ Бонниве, подбѣгая къ окну.

Графъ, видимо взволнованный, послѣдовалъ, его примѣру.

— Да, это несомнѣнно король! продолжалъ Бонниве, обращаясь къ графу. Вы видите, вся прислуга въ ливреяхъ съ королевскими гербами! Золотыя лиліи такъ и свѣтятся.

— Madame! сказалъ графъ, быстро оборачиваясь къ своей женѣ. Вы больны, и можете уйти въ свою комнату.

— Вы ошибаетесь, графъ, я совершенно здорова.

— Я никогда не ошибаюсь, когда совѣтую вамъ что нибудь. Вы должны повиноваться мнѣ.

Онъ взялъ ее подъ руку и повелъ вдоль залы, уговаривая ее болѣе кроткимъ тономъ, нежели можно было ожидать по началу его рѣчи. Графиня плакала.

ГЛАВА II.

На слѣдующій день всѣмъ было извѣстно въ Блуа, что слухъ о прибытіи короля въ замокъ Шатобріанъ оказался ложнымъ. Многіе изъ городскихъ жителей видѣли, какъ король рано утромъ переѣзжалъ Луару и направился въ свой любимый Солоньскій лѣсъ, гдѣ онъ въ юношескіе годы гонялся за оленями и разставлялъ западни волкамъ. Солонь представляла собою необработанный клочокъ земли, густо поросшій лѣсами, который тянулся вдоль лѣваго берега Луары отъ Блуа къ Роморантену въ тогдашней Беррійской провинціи. Въ Роморантенѣ король Францискъ провелъ часть своего дѣтства съ своей матерью Луизой Савойской, которая удалилась сюда, тяготясь строгими нравами, введенными при дворѣ Анной Бретанской, супругой Людовика XII. Свѣтлыя воспоминанія, связанныя съ этой мѣстностью, были вѣроятно одной изъ причинъ того предпочтенія, какое всегда оказывалъ Францискъ берегамъ Луары.

Въ тѣ времена французскіе короли не имѣли еще постояннаго мѣстопребыванія. Хотя Парижъ уже впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ считался столицей Франціи, но тѣмъ не менѣе нѣсколько разъ возникалъ вопросъ о перенесеніи столицы въ Туръ, находившійся въ

центрѣ государства, и нѣкоторые изъ королей даже устраивали свои резиденціи по близости Луары. Людовикъ XI выстроилъ себѣ замокъ Plessis les Tours, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ Тура; у Людовика XII-го былъ свой замокъ въ Блуа.

Городъ Блуа, сдѣлавшійся на нѣкоторое время какъ бы второй столицей Франціи, построенъ амфитеатромъ на довольно крутомъ склонѣ праваго берега Луары. Узкія улицы вели слѣва къ старинному замку Блуа, а съ правой стороны къ собору, окруженному прелестнымъ садомъ съ терассами, который по множеству розъ и виду на рѣку всегда былъ любимымъ мѣстомъ нѣжныхъ свиданій, какъ въ шестнадцатомъ, такъ и въ девятнадцатомъ столѣтіи.

Замокъ Блуа состоялъ тогда изъ одной готической башни, почернѣвшей отъ времени. Людовикъ XII сдѣлалъ къ ней пристройку со стороны обращенной къ городу; Францискъ придѣлалъ къ ней новый флигель и намѣревался соединить обѣ пристройки великолѣпной башней съ наружной винтовой лѣстницей à jour, украшенной самой тонкой рѣзьбой. Множество каменьщиковъ, плотниковъ и рѣзчиковъ работало на дворѣ, гдѣ раздавался теперь неумолкаемый шумъ и стукъ. Тѣмъ не менѣе, этотъ своеобразный трехъугольный дворецъ былъ переполненъ придворными. Въ старомъ флигелѣ жила Маргарита, сестра короля, противъ своей воли выданная замужъ за незначительнаго герцога Алансонскаго. Въ новомъ флигелѣ помѣщался король и его мать Луиза, носившая титулъ герцогини Ангулемской. Роскошь только что начала тогда проникать во Францію; обитатели замка были еще настолько не избалованы комфортомъ, что мало обращали вниманія на оглушающій шумъ, который съ утра до поздней ночи слышался на дворѣ и на крышѣ строившейся башни.

Герцогиня Луиза нѣсколько разъ выходила въ корридоръ и смотрѣла на шумный дворъ, переполненный рабочимъ людомъ, и опять возвращалась въ свою комнату. Но постройка не занимала ее; она нетерпѣливо ждала кого-то. Безпокойство, отражавшееся на ея лицѣ, представляло рѣзкій контрастъ съ мирнымъ пейзажемъ, который открывался изъ большого окна ея комнаты. Зеленый лугъ, окруженный старыми орѣшниками, тянулся до маленькой церкви, стоявшей на склонѣ крутой горы и почти закрытой кленовыми и платановыми деревьями. Лѣсъ продолжался и за церковью до самой вершины горы, гдѣ изъ-за зеленыхъ вѣтвей виднѣлось распятіе съ изображеніемъ Христа, печально глядѣвшаго на маленькую церковь, лугъ и замокъ. Сѣверный выступъ башни бросалъ длинную тѣнь на эту идиллическую картину, которая оживлялась веселымъ смѣхомъ и криками дѣтей, игравшихъ на лугу.

Но герцогиня не смотрѣла въ окно; черезъ каждыя десять минутъ она звала слугу и спрашивала: не видно ли съ новой башни всадника по дорогѣ изъ Роморантена? Слуга постоянно давалъ отри-

цательные отвѣты, такъ что наконецъ наступилъ вечеръ и зашло солнце, а всадникъ все не являлся.

Герцогиня Луиза была полная, видная женщина, все еще сохранившая притязанія на красоту, хотя ей было далеко за сорокъ. Рѣзкія черты лица, огненные глаза, быстрая походка и быстрыя движенія рукъ придавали что-то вызывающее и властолюбивое всей ея фигурѣ. Но когда герцогиня хотѣла кому-нибудь нравиться, то это впечатлѣніе сглаживалось ласковымъ выраженіемъ полныхъ губъ, за которыми виднѣлся рядъ прелестныхъ зубовъ. Она любила роскошь и еще при жизни буржуазно скромнаго короля Людовика и экономной королевы Анны носила шелкъ и бархатъ не только во время празднествъ, но и въ домашнемъ быту. Такимъ образомъ, савойская принцесса положила первое начало той роскоши и любви къ внѣшнему блеску и удовольствіямъ, которыя впослѣдствіи привились французскому дворянству, благодаря Екатеринѣ и Маріи Медичи. Но пока франко-германскій элементъ былъ преобладающимъ въ королевствѣ и бралъ перевѣсъ надъ молодой Франціей, которая начала образовываться при Францискѣ подъ итальянскимъ вліяніемъ и лишь шагъ за шагомъ возрожденіе коснулось не только отдѣльныхъ отраслей искусства, но и всей жизни французскаго народа.

На Луизѣ было надѣто черное бархатное платье съ открытымъ лифомъ и короткими рукавами, что было нарушеніемъ старо-французскихъ обычаевъ, но очень шло къ ней при ея полнотѣ. Когда слуга поставилъ свѣчи на столъ, то при ихъ красноватомъ свѣтѣ эта пожилая женщина была еще настолько эффектна, что могла производить впечатлѣніе своей повелительной красотой.

Слуга доложилъ, что наступившая темнота мѣшаетъ ему видѣть что-либо съ высоты башни.

— Позови канцлера Дюпра! сказала герцогиня слугѣ, садясь поспѣшно на высокій стулъ съ прямой спинкой.

Вошелъ Дюпра, канцлеръ парламента, первое юридическое лицо въ государствѣ.

— Онъ не ѣдетъ! воскликнула съ нетерпѣніемъ герцогиня.

— Онъ долженъ пріѣхать! возразилъ Дюпра, маленькій блѣдный человѣкъ съ рыжевато-русыми волосами и бородой и невозмутимо хладнокровнымъ, самодовольнымъ лицомъ, похожимъ на маску по своей неподвижности.—Онъ знаетъ, что его пріѣздъ необходимъ для него самого и что его удаленіе отъ двора все болѣе и болѣе затягиваетъ петлю на его шеѣ.

— Онъ слишкомъ знатенъ, чтобы бояться юридической петли.

— Я уже не первый годъ веду дѣла въ парламентѣ и мнѣ наконецъ удалось внушить знатнымъ господамъ, что буква закона скована изъ жезла и что противъ нея безсильно ихъ высокомѣріе, какъ бы оно ни было велико.

— Кто поручится, что Шабо-де-Бріонъ объяснилъ ему какъ слѣ-

дуетъ сущность процесса? Вы знаете на сколько легкомысленъ Бріонъ!

— Онъ долженъ былъ понять изъ моихъ словъ, что наслѣдство потеряно для коннетабля, если онъ не женится на васъ, и что это единственный способъ прекратить процессъ. То же самое я говорилъ бретанскому дворянину Матиньону, близкому другу коннетабля, которому вѣроятно удалось убѣдить его. Бурбонъ несомнѣнно пріѣдетъ сюда.

— Развѣ вы не знаете, что у коннетабля голова также неподатлива, какъ буковое дерево? Что же касается правъ на наслѣдство, которое мы хотимъ отнять у него, то они весьма сомнительны.

— Чѣмъ они сомнительнѣе, тѣмъ легче намъ будетъ опутать его и тѣмъ скорѣе онъ будетъ въ нашихъ рукахъ.. Если вы, герцогиня, не увѣрены въ томъ, что вамъ удастся...

— Вы говорите какими-то загадками, Антуанъ Дюпра?

— Я хотѣлъ сказать, что если вамъ не удастся убѣдить его съ помощью вашей красоты, любезности и нѣкоторыхъ угрозъ, то вооружитесь терпѣніемъ недѣли на три или на четыре и я устрою это дѣло. Коннетабль убѣдится, что для него нѣтъ иного способа выиграть дѣло и получить обратно помѣстье.

— Вы не знаете жизни и плохо понимаете людей, Дюпра. Коннетабля трудно принудить къ чему бы то ни было! Наконецъ и я сама не желаю выходить замужъ за человѣка, который женится на мнѣ противъ своей воли.

Въ комнату вошелъ запыленный всадникъ. Это былъ Шабо де-Бріонъ, любимецъ короля, посланный герцогиней въ Бурбонне къ коннетаблю Карлу Бурбону, чтобы убѣдить его пріѣхать въ Блуа. Бріонъ объявилъ, съ улыбкой, что коннетабль уже прибылъ въ замокъ и черезъ четверть часа явится къ герцогинѣ.

Луиза приказала удалиться обоимъ кавалерамъ, но оставила у себя свертокъ пергамента, переданный ей Дюпра, въ которомъ было изложено, на какомъ основаніи она и король заявляютъ притязанія на значительную часть помѣстій коннетабля. Карлъ Бурбонъ, происходя изъ роду Бурбоновъ-Монпансье, не могъ считаться законнымъ владѣльцемъ бурбонскаго и оверньскаго герцогствъ, занимавшихъ большую часть южной гористой Франціи. По салическому закону, Сусанна, дочь Петра, послѣдняго герцога Бурбона, не имѣла никакихъ правъ наслѣдовать своему отцу. Такимъ образомъ, по смерти герцога Петра, всѣ его родовыя владѣнія перешли къ его родственнику Карлу Бурбону. Никто не рѣшался оспаривать права коннетабля на наслѣдство, такъ какъ онъ вслѣдъ затѣмъ женился на Сусаннѣ. Но коннетабль овдовѣлъ. Противники его тотчасъ же воспользовались этимъ, чтобы заявить свои притязанія на владѣнія покойнаго герцога. Къ числу ихъ принадлежала и герцогиня Ангулемская, которая двадцать лѣтъ тому назадъ была связана съ коннетаблемъ самой тѣсной дружбой. Эта дружба прекратилась вслѣдствіе веселой жизни Луизы и

женитьбы Карла Бурбона, который былъ человѣкъ строгихъ правилъ и рано отказался отъ легкомысленныхъ удовольствій молодости.

Герцогиня Ангулемская знала насколько были шатки ея притязанія на владѣнія Бурбоновъ. Хотя она приходилась двоюродной сестрой покойной Сусаннѣ и была въ болѣе близкомъ родствѣ съ вымершей линіей Бурбоновъ, нежели коннетабль, но салическій законъ прямо лишалъ ее всякихъ правъ на наслѣдство. Тѣмъ не менѣе, канцлеръ Дюпра увѣрилъ ее, что давъ иной оборотъ дѣлу, можно выиграть процессъ; онъ подробно изложилъ ей планъ дѣйствій и привелъ необходимыя юридическія доказательства въ поданномъ ей пергаментномъ сверткѣ. Герцогиня не желала довести дѣло до процесса и, разсчитывая на прежнюю привязанность коннетабля, надѣялась склонить его къ женитьбѣ, отчасти указавъ на всѣ ея выгоды и частью путемъ запугиванья. Послѣднее было тѣмъ легче, что тогда распространилась молва, будто коннетабль недоволенъ французскимъ правительствомъ и вошелъ въ сношенія съ императоромъ Карломъ V, врагомъ Франціи. Намекъ, что королю извѣстенъ этотъ слухъ, что могутъ быть приведены осязательныя доказательства этого, долженъ былъ предостеречь коннетабля, что ему грозитъ опасность быть обвиненнымъ въ государственной измѣнѣ.

Между тѣмъ, наружность скромно одѣтаго господина, котораго слуга ввелъ въ комнату подъ громкимъ титуломъ коннетабля, герцога Бурбона, вовсе не показывала, что его можно запугать чѣмъ бы то ни было и что онъ легко поддается соблазнамъ любви. Это былъ широкоплечій человѣкъ, средняго роста и полноты. Его загорѣлое лицо съ крупными, рѣзкими чертами, полузакрытое бородой, имѣло мрачное и суровое выраженіе. Когда слуга отворилъ дверь, коннетабль медленно снялъ поярковую шляпу съ широкими полями, которую онъ неохотно и только въ рѣдкихъ случаяхъ замѣнялъ моднымъ беретомъ, также медленно вышелъ на средину комнаты, побрякивая шпорами и вѣжливо поклонился герцогинѣ. Слуга, по данному ему заранѣе наставленію, поспѣшно удалился и затворилъ за собою дверь.

Карлъ Бурбонъ не отличался особеннымъ умомъ, но умѣлъ молчать въ затруднительныхъ случаяхъ. Герцогиня должна была потратить не мало уловокъ и словъ, прежде нежели ей удалось вызвать его на разговоръ. Но это не была дружеская и довѣрчивая бесѣда человѣка съ нѣкогда любимой женщиной, все еще красивой по формамъ своего тѣла, которая, оставшись наединѣ съ нимъ, могла ожидать отъ него проблеска хотя бы мимолетной чувственной любви. Въ его словахъ и тонѣ голоса слышался только гнѣвъ, который наконецъ разразился, какъ долго сдерживаемая гроза.

— Вамъ никогда не удастся, герцогиня, довести парламентъ до такого крючкотворства и вопіющей несправедливости! воскликнулъ коннетабль.

— Боже меня избави отъ подобныхъ попытокъ! возразила герцогиня.

— Такъ на что же вы разсчитываете! Развѣ вы можете изгладить изъ памяти парламента и французской націи салическій законъ, который всегда соблюдался въ родѣ Бурбоновъ со временъ Франковъ? Вѣдь это не грифельная доска, съ которой можно стереть губкой какія угодно слова.

— Намъ это совершенно не нужно. Мы, напротивъ того, хлопочемъ, чтобы салическій законъ былъ приведенъ въ дѣйствіе.

— Какимъ это образомъ?

— Мой сынъ, король, вступая на престолъ, обязался исполнять его. Герцогъ Петръ, отецъ Сусанны, былъ женатъ на французской принцессѣ Аннѣ изъ королевскаго дома; у нихъ была единственная дочь Сусанна, а въ брачный контрактъ было включено условіе...

— Какое условіе?

— Что бурбонскія владѣнія должны быть возвращены королевскому дому, если отъ этого брака не будетъ наслѣдниковъ мужескаго пола. Развѣ это будетъ нарушеніемъ салическаго закона, если завтра же генералъ-адвокатъ именемъ короля заявитъ передъ парламентомъ объ его притязаніяхъ на земли покойнаго герцога?

При этихъ словахъ коннетабль быстро вскочилъ съ своего стула и, не помня себя отъ ярости, готовился излить свой гнѣвъ, не стѣсняясь присутствіемъ герцогини. Но она не дала ему выговорить ни одного слова и, взявъ нѣжно за руку своего бывшаго поклонника, просила его опять сѣсть и спокойно выслушать ее, потому что Францискъ I на столько же намѣренъ щадить Бурбоновъ, какъ и Людовикъ XII, если только глава этого дома не поставитъ себя во враждебныя отношенія къ королевскому семейству.

Красивая, полная рука герцогини повидимому все еще имѣла нѣкоторую притягательную силу для коннетабля, потому что онъ наклонился и поцѣловалъ ее. Въ сущности, вся его дальнѣйшая жизнь зависѣла отъ этого свиданія. Гнѣвъ его быстро прошелъ и онъ довольно спокойно высказалъ свое неудовольствіе, что король пренебрегаетъ имъ и довѣряетъ важны государственныя дѣла молодымъ, не опытнымъ выскочкамъ въ родѣ Бонниве и Бріона. Между тѣмъ онъ, первый сановникъ въ государствѣ, остается празднымъ и въ цѣломъ королевствѣ не найдется ни одного самаго ничтожнаго служителя, которому менѣе аккуратно платили жалованье и поступали такъ несправедливо какъ съ нимъ, коннетаблемъ Франціи.

— Тѣмъ не менѣе вы обязаны этимъ званіемъ моему сыну! Не унижайте себя, Карлъ, подобными жалобами. Платятъ только слугамъ, а съ другомъ дома не ведутъ счетовъ!

— Другъ дома! Развѣ у друзей отнимаютъ имущество?

— Король отнимаетъ имущество у своего друга съ тѣмъ, чтобы опять отдать его этому же другу. Развѣ Бріонъ не сообщалъ вамъ, что мы намѣрены соединить неразрывно наши герцогства, какъ те-

перь соединены наши руки? Изъявите свое согласіе, Карлъ. Позвольте мнѣ отдать вамъ мою руку и ваши имущества.

— Madame!

При этихъ словахъ носовой платокъ соскользнулъ съ колѣнъ герцогини и упалъ у ея ногъ. Коннетабль не принадлежалъ къ числу дамскихъ кавалеровъ и не придерживался нравовъ renaissance относительно соблюденія салонныхъ приличій; но благодаря традиціямъ средневѣкового рыцарства, въ которыхъ былъ воспитанъ, онъ счелъ нужнымъ наклониться и поднять платокъ. Онъ принужденъ былъ встать для этого на одно колѣно, такъ какъ у него не хватило вѣжливости снять свои высокіе ботфорты для визита герцогини. Ловкая женщина воспользовалась этимъ моментомъ, чтобы положить обѣ руку ему на плечи и удержать коннетабля въ нѣжной позѣ, которая вовсе не соотвѣтствовала его характеру.

— Вы вѣдь знаете, Карлъ, сказала она, наклоняясь къ нему такъ близко, что онъ чувствовалъ прикосновеніе ея волосъ къ своему лицу, что король, какъ добрый сынъ, совѣтуется со мною въ вопросахъ касающихся правленія; вы сдѣлаетесь его правой рукой. Мы составимъ тріо и будемъ править вмѣстѣ государствомъ, покровительствуя друзьямъ и преслѣдуя враговъ.

— Но ваши друзья—мои враги.

— Все это измѣнится, мой другъ! Людей въ родѣ Бонниве можно заставить смотрѣть на вещи нашими глазами.

— Я никогда не буду въ состояніи ладить съ этими прилизанными выскочками! воскликнулъ коннетабль.

Имя Бонниве, котораго онъ ненавидѣлъ всѣми силами своей души, сразу разорвало тонкую сѣть, которая начала опутывать его и заставила забыть всѣ практическія соображенія.

Герцогиня не менѣе своего сына покровительствовала вѣчно любезному адмиралу, который не даромъ считался самымъ красивымъ человѣкомъ при французскомъ дворѣ; и потому приняла грубое заявленіе коннетабля за личное оскорбленіе. Она также быстро поднялась съ своего кресла и въ порывѣ негодованія наговорила ему колкостей. Ссора усиливалась съ минуты на минуту. Она упрекала его въ томъ, что, являясь ко двору, онъ хочетъ превзойти короля пышностью и богатыми одеждами своей свиты и, слѣдовательно, вполнѣ заслуживаетъ гнѣвъ короля, который не замедлитъ подвергнуть его справедливому наказанію. Коннетабль возразилъ, что никто не имѣетъ права говорить съ нимъ такимъ образомъ, что король его ленный господинъ, а не государь, и что справедливое наказаніе, о которомъ она осмѣлилась намекнуть ему, ничто иное, какъ самоуправство и низкая месть оскорбленнаго тщеславія.

Эти слова окончательно вывели изъ себя герцогиню; побагровѣвъ отъ гнѣва, она приказала коннетаблю удалиться.

— Пусть мои слова послужатъ къ вашему исправленію! сказалъ коннетабль выходя изъ комнаты.

Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ рыцарей своей свиты и приказалъ имъ немедленно распорядиться, чтобы лошади были опять подведены къ крыльцу. Молва объ его сношеніяхъ съ Карломъ V заставляла его избѣгать встрѣчи съ королемъ, который могъ ежеминутно вернуться съ охоты. Коннетабль зналъ, на сколько вѣренъ этотъ слухъ и что здѣсь при королевскомъ дворѣ онъ будетъ въ безвыходномъ положеніи, если Францискъ разгнѣвается на него; а это было неизбѣжно, потому что герцогиня при ихъ теперешнихъ отношеніяхъ не замедлитъ возстановить противъ него своего сына.

Коннетаблю не удалось уѣхать. Едва вложилъ онъ ноги въ стремя, какъ послышались охотничьи рога; при красноватомъ свѣтѣ факеловъ на дворъ въѣхалъ король Францискъ на своемъ высокомъ конѣ.

— Неужели это вы, кузенъ! воскликнулъ король. Не ожидалъ видѣть васъ въ Блуа! и вы хотите опять уѣхать? Нѣтъ, этого не будетъ! Вы мой гость!

Съ этими словами Францискъ соскочилъ съ лошади и подалъ руку коннетаблю, который церемонно раскланялся съ нимъ.

— Я намѣренъ тотчасъ же наказать васъ за то, что вы такъ рѣдко посѣщаете насъ и на такое короткое время! Знаете ли вы въ чемъ будетъ состоять наказаніе, мой дорогой кузенъ и вассалъ? Вы должны принять участіе въ развлеченіяхъ, придуманныхъ моей ученой сестрой. Вамъ, какъ военному человѣку, они покажутся невыносимыми. Теперь какъ разъ время, когда у Маргариты собрался весь ея цехъ. Вечеръ необыкновенно теплый; я убѣжденъ, что мы найдемъ ихъ на открытомъ воздухѣ. Пойдемте къ нимъ. Дайте мнѣ руку.

Коннетабль былъ настолько озадаченъ, что не выказалъ ни малѣйшаго сопротивленія, хотя въ душѣ проклиналъ беззаботную веселость короля, представлявшую смѣсь ироніи и добродушія, которая дѣйствовала на него помимо его воли. Король былъ въ наилучшемъ расположеніи духа. Онъ находился тогда въ цвѣтѣ лѣтъ, силы и могущества; это былъ высокій, красивый юноша, полный жизни и дѣятельности, чуткій ко всему высокому и прекрасному. Превосходный, дошедшій до насъ портретъ его работы Тиціана, къ сожалѣнію, относится къ позднѣйшему періоду жизни Франциска. Слѣды заботъ, тяжелыхъ разочарованій, уже положили свой отпечатокъ на его лицѣ, въ которомъ явилось насмѣшливое и властолюбивое выраженіе; красивый носъ заострился и увеличился, чувственность, едва просвѣчивавшая въ его глазахъ и очертаніяхъ рта въ юношескіе годы, рѣзко обозначилась на портретѣ и приняла оттѣнокъ цинизма.

Король повелъ коннетабля къ воротамъ и, повернувъ за уголъ замка, указалъ рукою на большой лугъ, подъ окнами герцогини Луизы,

который теперь совершенно преобразился. Все пространство отъ старыхъ орѣшниковъ и кленовъ до маленькой церкви было фантастически освѣщено красноватымъ свѣтомъ горящей смолы, налитой въ глиняныхъ чашахъ, на землѣ были разостланы ковры; въ отдаленіи виднѣлась красная шелковая палатка, въ которой былъ приготовленъ десертъ для желающихъ. У палатки стояла и сидѣла полулежа на подушкахъ группа дамъ и мужчинъ, напоминая собою непривычному глазу одно изъ тѣхъ сборищъ, которыя описаны въ восточныхъ сказкахъ. Въ сущности, общество на лугу задалось такой же цѣлью, какъ Шехеразада въ „Тысячѣ и одной ночи" и здѣсь разсказъ непосредственно слѣдовалъ за разсказомъ. Маргарита, сестра короля, высокая и видная женщина, сидѣла по срединѣ; она была душой этихъ собраній и исполняла роль хозяйки. Серьезное и милое лицо ея внушало невольное уваженіе; но несмотря на строгій складъ ума она умѣла слушать улыбаясь самые легкіе и веселые разсказы и анекдоты; и потому каждый чувствовалъ себя свободно въ ея присутствіи. Она была на нѣсколько лѣтъ старше своего брата, короля, но вслѣдствіе неудачнаго брака и наклонности къ размышленію, еще въ ранней молодости окружила себя учеными и художниками и стала жить ихъ интересами. Многіе упрекали ее шутя, что она перешла на сторону реформаціи, начавшейся тогда въ Германіи и Швейцаріи, хотя имъ казалось непонятнымъ, какъ одна и та-же женщина, которая такъ тонко понимаетъ искусство и умѣетъ описывать прелести чувственной жизни, могла увлекаться религіознымъ движеніемъ, грозившимъ разрушить все то, чѣмъ наслаждается человѣчество. Но благодаря талантливой природѣ Маргариты, эти кажущіяся противорѣчія мирно уживались въ ея душѣ; и въ этомъ она была далеко выше своего брата.

Маргарита привѣтливо поклонилась новымъ гостямъ и пригласила ихъ сѣсть около себя на коверъ.

— Нашъ другъ Дюшатель, сказала она, указывая на пожилого господина,—долженъ угостить насъ сегодня разсказомъ. Теперь его очередь.

— Это очень кстати! замѣтилъ король,—потому что нашъ кузенъ Бурбонъ только и можетъ слушать серьезныя вещи. Ну, а потомъ Маро̀ вѣроятно не удержится и разскажетъ намъ какой-нибудь веселый анекдотъ.

Послѣднія слова были обращены къ маленькому человѣку съ плутоватымъ выраженіемъ лица, который вмѣсто отвѣта необыкновенно низко поклонился королю.

Коннетабль чувствовалъ себя совершенно не на своемъ мѣстѣ въ этомъ кругу; въ данную минуту его всего менѣе могла занимать игра словъ и умственное состязаніе въ видѣ разсказовъ и анекдотовъ, потому что онъ былъ въ самомъ печальномъ расположеніи духа. Онъ зналъ короля Франциска еще въ ранней молодости и пришелъ къ

убѣжденію, что въ высшей степени трудно составить себѣ сколько нибудь вѣрное понятіе объ его характерѣ. Никто изъ окружающихъ не могъ сказать, что король находится въ такомъ то настроеніи или что онъ намѣренъ сдѣлать то или другое. Несмотря на его рыцарскую прямоту, и на то, что его нельзя было упрекнуть въ коварствѣ или притворствѣ, Францискъ былъ актеръ въ душѣ и постоянно воображалъ себя въ какой нибудь роли. Простое, непосредственное отношеніе къ людямъ было свыше его артистической натуры; онъ всегда самъ старался усложнять свои отношенія къ друзьямъ и врагамъ и, создавая такимъ образомъ искуственное существованіе, неожиданно ставилъ и себя и другихъ въ затруднительное положеніе. Благодаря этому же безотчетному фантазерству, онъ хотѣлъ возстановить въ своемъ лицѣ средневѣковое рыцарство и воображая, что вполнѣ достигаетъ этой цѣли, не замѣчалъ противорѣчія, существовавшаго между его положеніемъ и тѣмъ идеаломъ, къ которому онъ стремился.

Безпокойство коннетабля еще больше увеличилось, когда неожиданно явился его смертельный врагъ адмиралъ Бонниве и, отозвавъ въ сторону короля, о чемъ то разговаривалъ съ нимъ.

Коннетабль зналъ, что адмиралъ въ Бретани и очень удивился его появленію, не подозрѣвая что король послалъ за нимъ нарочнаго въ замокъ Шатобріанъ съ приказомъ немедленно явиться въ Блуа. Совѣсть коннетабля была не совсѣмъ спокойна, потому что нѣкоторые изъ бретанскихъ дворянъ принимали дѣятельное участіе въ игрѣ затѣянной имъ противъ короля; у него явилось опасеніе, что королю все извѣстно и что его удерживаютъ здѣсь изъ вѣжливости, пока измѣна не выяснится окончательно и тогда будутъ приняты крутыя мѣры противъ невѣрнаго вассала. Одну минуту онъ даже сталъ оглядываться чтобы убѣдиться: можетъ ли онъ уйти незамѣтно отъ тяготившаго его общества. Но гордость и упрямство помѣшали бы ему исполнить эту мысль, даже въ томъ случаѣ, если бы на лугу неожиданно водворился полумракъ. Онъ былъ такъ занятъ своими мысляли, что безъ посредничества Клемана Маро не замѣтилъ бы, что герцогиня Маргарита уже во второй разъ обращается къ нему съ вопросомъ. Онъ поспѣшилъ исправить свой промахъ, но отвѣтилъ не кстати, потому что снова развлекся приходомъ короля и Бонниве, которые присоединились къ остальному обществу.

— Не знакомъ ли кто нибудь изъ васъ съ графиней Шатобріанъ? спросилъ король, обращаясь къ гостямъ.—Бонниве расхваливаетъ ее какъ идеалъ красоты и любезности! Можетъ быть это преувеличено?

— Разумѣется нѣтъ! отвѣтилъ поспѣшно Маро.

— Развѣ ты видѣлъ ее? Ты вѣдь все и всѣхъ знаешь! А я первый разъ слышу объ этомъ прекрасномъ цвѣткѣ моего королевства. Если не ошибаюсь, графъ Шатобріанъ также принадлежитъ къ числу маленькихъ французскихъ королей, недовольныхъ существующимъ порядкомъ.

Всѣ молчали.

— Я не видѣлъ графа со времени моего коронованія, продолжалъ Францискъ.—Вы должны знать его, кузенъ Бурбонъ...

— Нѣтъ, я не знакомъ съ нимъ! рѣзко отвѣтилъ коннетабль.

— Неужели? спросилъ Францискъ, пристально взглянувъ на коннетабля, и добавилъ равнодушнымъ голосомъ:—однако начинайте, мой милый Дюшатель, мы слушаемъ васъ.

Дюшатель началъ свое повѣствованіе:

— Я разскажу вамъ сегодня о странномъ способѣ, придуманномъ однимъ дворяниномъ, чтобы объясниться въ любви королевѣ и о томъ какъ кончилась эта любовь.

„При кастилльскомъ дворѣ былъ одинъ дворянинъ неописанной красоты и обладавшій такими рѣдкими душевными качествами, что въ цѣлой Испаніи никто не могъ сравниться съ нимъ. Всѣ признавали его преимущества, но еще больше удивлялись его странному обращенію съ женщинами. Не было ни одной дамы, которую онъ любилъ или которой отдавалъ предпочтеніе передъ другими, хотя между ними были такія красавицы, что кажется ледъ разстаялъ бы отъ нихъ. Этого дворянина звали Элизоромъ. Королева была очень добродѣтельна, но въ ней былъ тотъ скрытый огонь, который горитъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ онъ незамѣтнѣе. Она постоянно удивлялась Элизору и даже разъ спросила его: дѣйствительно ли онъ такъ неспособенъ къ любви, какъ всѣ думаютъ?

„— Если бы вы могли видѣть мое сердце, отвѣтилъ Элизоръ,—то не стали бы разспрашивать меня.

„Королева пожелала узнать, что онъ хочетъ этимъ сказать и такъ настойчиво допрашивала его, что онъ наконецъ сознался, что любитъ одну даму, добродѣтельнѣе которой нѣтъ въ цѣломъ христіанскомъ мірѣ. Но ни просьбы, ни приказанія, не могли заставить его сказать имя этой дамы. Королева сдѣлала видъ, что сердится и поклялась не говорить съ нимъ, пока онъ не откроетъ своей тайны. Элизору ничего не оставалось, какъ уступить ея желанію и онъ отвѣтилъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ: „Въ первый же разъ, когда вы будете на охотѣ, я вамъ покажу ту, которую люблю, и вы навѣрно найдете ее самой красивой женщиной въ свѣтѣ“.

„Послѣ этого отвѣта королева какъ можно скорѣе собралась на охоту; Элизоръ по обыкновенію сопровождалъ ее. Онъ приказалъ сдѣлать себѣ большое стальное зеркало въ видѣ кирасы, пристегнулъ его къ своей груди пряжками и старательно укутался чернымъ плащемъ, обшитымъ серебряной и золотой матеріей. Онъ ѣхалъ на мавританскомъ конѣ съ золотой сбруей и обращалъ на себя общее вниманіе, потому что былъ необыкновенно ловкимъ наѣздникомъ. Проводивъ королеву до мѣста назначеннаго для охоты, онъ соскочилъ на землю, чтобы снять ее съ сѣдла и, когда она протянула ему обѣ руки, онъ воспользовался этимъ моментомъ, раскрылъ плащъ и ска-

залъ, указывая на зеркало: „не угодно ли вамъ взглянуть сюда!“ Затѣмъ, не дожидаясь отвѣта, онъ осторожно поставилъ королеву на землю.

„По окончаніи охоты королева вернулась въ замокъ, не удостоивъ ни однимъ словомъ Элизора. Но послѣ ужина она велѣла позвать его къ себѣ и назвала величайшимъ обманщикомъ въ мірѣ, потому что, не смотря на обѣщаніе, онъ все-таки не открылъ ей своей тайны, и сказала, что больше ни въ чемъ не станетъ вѣрить ему.

„Элизоръ изъ боязни, что королева не поняла сдѣланнаго имъ намека, отвѣтилъ, что онъ считаетъ себя правымъ, такъ какъ на охотѣ показалъ ей женщину, которую любитъ больше всего на свѣтѣ.

„Королева приняла такой видъ, какъ будто ничего не понимаетъ, вслѣдствіе чего Элизоръ былъ вынужденъ спросить ее: „кого видѣла она въ стальномъ зеркалѣ?“

„— Никого, кромѣ себя, возразила королева.

„— Никакое другое изображеніе не займетъ мѣста въ моемъ сердцѣ, кромѣ того, которое вы видѣли въ зеркалѣ на моей груди, сказалъ Элизоръ.—Эту женщину я всегда буду любить, почитать и поклоняться ей какъ божеству; въ ея рукахъ моя жизнь и смерть. Отъ васъ зависитъ осудить меня на смерть за эту привязанность, которая была для меня жизнью, пока я скрывалъ ее.

„Притворялась-ли королева, желая испытать его, или у ней была другая привязанность, только она отвѣтила съ самымъ равнодушнымъ лицомъ:

„— Я не стану распространяться о томъ, насколько безумна любовь, которая мѣтитъ въ такую высокую цѣль и сопряжена съ такими затрудненіями; но я желала бы знать, какъ давно длится ваша привязанность“?

„Элизоръ не могъ возлагать большихъ надеждъ на взаимность со стороны королевы, судя по ея серьезному тону, исполненному достоинства, и робко отвѣтилъ, что еще въ его ранней молодости эта любовь пустила въ немъ корни, не причиняя никакихъ страданій. Въ продолженіи послѣднихъ семи лѣтъ она также не была мученіемъ, а только недугомъ, доставлявшимъ ему неисчерпаемое наслажденіе, такъ что выздоровленіе было бы для него равносильно смерти.

„— Если это такъ, сказала королева,—и вы дѣйствительно отличаетесь такимъ постоянствомъ, то я не могу отнестись легкомысленно къ вашему признанію. Я хочу подвергнуть васъ испытанію; если вы выдержите его, то у меня не останется никакихъ сомнѣній относительно справедливости вашихъ словъ. Если я найду васъ такимъ, какъ вы говорите, то я сдѣлаюсь такой, какой вы желаете меня видѣть.

„Элизоръ умолялъ ее назначить ему испытаніе, потому что для его любви ничто не можетъ показаться тяжелымъ.

„— Будь по вашему, сказала королева, — завтра же вы уѣдете

отсюда на семь лѣтъ и отправитесь въ такое мѣсто, которое не имѣло бы никакого сообщенія съ моимъ мѣстопребываніемъ. Въ это время мы не будемъ имѣть никакихъ извѣстій другъ о другѣ; вы испытывали себя семь лѣтъ и потому знаете, что меня любите; я должна подвергнуть себя такому же семилѣтнему испытанію, чтобы убѣдиться въ томъ, въ чемъ я не увѣрена.

„— Я готовъ покориться вашему требованію, отвѣтилъ Элизоръ, но что будетъ служить мнѣ ручательствомъ, что черезъ семь лѣтъ вы признаете своего вѣрнаго слугу?

„— Возьмите это кольцо, сказала королева, и переломите его: одну половинку возьмите себѣ, а другую я оставлю у себя. Если въ семь лѣтъ время изгладитъ ваше лицо изъ моей памяти, то я узнаю васъ по половинкѣ этого кольца.

„Элизоръ сломалъ кольцо, простился съ королевой и полуживой приготовился къ отъѣзду. Онъ отпустилъ своихъ слугъ и взявъ только одного изъ нихъ съ собою исчезъ безслѣдно.

„Семь лѣтъ! Кто любитъ, тотъ можетъ себѣ вообразить какими продолжительными они должны были показаться Элизору!

„Прошли семь лѣтъ и одна минута. Королева отправилась въ церковь. Въ началѣ обѣдни къ ней подошелъ отшельникъ съ длинной бородой и, поцѣловавъ ей руку, подалъ письмо. Королева, думая, что это одна изъ многочисленныхъ просьбъ, которыя она получала ежедневно, не обратила на письмо особеннаго вниманія и открыла его уже среди обѣдни. Въ письмѣ была половина кольца Элизора. Королева очень обрадовалась и тотчасъ же послала одного изъ своихъ придворныхъ отыскать отшельника и привести его къ ней. Придворный всюду искалъ отшельника и нигдѣ не нашелъ и наконецъ узналъ, что тотъ уѣхалъ; но куда—никто не могъ сказать ему этого. Такимъ образомъ прошло довольно много времени, пока придворный вернулся съ извѣстіемъ о неудачѣ своихъ поисковъ. Королева принялась на досугѣ за чтеніе письма, которое было слѣдующаго содержанія:

„Благодатная сила времени излечиваетъ все, даже страсть, потому что заставляетъ насъ дѣлать надлежащую оцѣнку вещамъ и отличать прочное отъ мимолетнаго. Я не разъ спрашивалъ свое сердце: что побуждаетъ меня любить васъ? и долженъ былъ сознаться, что меня прельщала ваша красота, соединенная съ жестокостью. Но я благословляю эту жестокость, потому что она, возвратила мнѣ свободу. Благодаря ей я пересталъ видѣть красоту; и ея могущество пропало для меня. Семь лѣтъ не проходятъ безслѣдно для красоты! Мнѣ же они были полезны, потому что внесли миръ въ мою душу и объяснили мнѣ, что женщина, которая такъ высоко цѣнитъ себя и требуетъ такихъ долгихъ и тяжелыхъ испытаній—не любитъ и никогда не любила меня. Послѣ семилѣтняго испытанія мнѣ ничего не остается сказать вамъ, кромѣ того, что мы никогда больше не увидимся! Многое и

многое произошло въ нашей жизни въ этотъ долгій срокъ. Будемъ ли мы избѣгать другъ друга, или опять увидимся, но мы на вѣки разстались съ вами"!..

„Королева, читая это письмо, пролила цѣлый потокъ слезъ и къ своему удивленію почувствовала величайшее сожалѣніе. Несмотря на свою королевскую корону, она считала себя самой несчастной женщиной въ своемъ государствѣ, потому что лишилась лучшаго, что у ней было въ жизни, благодаря собственной глупости. Она надѣла на себя глубокій трауръ; не было ни одной долины, пещеры или кустарника въ странѣ, гдѣ бы она не искала отшельника—все было напрасно.

„Королева поставила слишкомъ высокую ставку и проиграла игру„.

— Вѣроятно эта исторія случилась очень давно! замѣтилъ король.

— Разумѣется, возразилъ Маро, потому что любовь продолжалась семь лѣтъ!

Король отъ души расхохотался.

— Клеманъ! сказалъ онъ, ты положительно день ото дня становишься хуже, или ты хочешь доказать, что злые языки не напрасно обвиняютъ тебя въ еретическихъ мысляхъ!

— Я не думаю, возразила Маргарита, что бы такой поэтъ, какъ Клеманъ Маро могъ сомнѣваться въ существованіи продолжительной привязанности.

— Но подумай Маргарита, можно ли сохранить вѣрность цѣлыхъ семь лѣтъ, въ пору полнаго разцвѣта силъ и желаній и, вдобавокъ, при сознаніи, что когда кончится срокъ испытанія, то жизненныя силы будутъ на убыли! Нѣтъ, это даже не по рыцарски, а просто глупо! Какъ вы думаете, почтенный Ласкарисъ [1]), что сказали бы о такой любви въ Греціи или Римѣ?

— То-же что и ты сказалъ, король! отвѣтилъ сѣдовласый старикъ, который, спасаясь отъ наступающихъ турокъ, въ числѣ другихъ своихъ соотечественниковъ внесъ основательное изученіе классицизма въ западную Европу и по пріѣздѣ во Францію сблизился съ Бюде; послѣдній даже бралъ у него уроки. Король относился съ большимъ уваженіемъ къ греческому мудрецу, но сталъ особенно ухаживать за нимъ послѣ смерти своего любимца, знаменитаго Леонардо да Винчи, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ внезапно заболѣлъ въ Амбуазѣ, недалеко отъ Блуа и скончался на рукахъ короля.

Францискъ заговорилъ съ Ласкарисомъ, котораго часто видѣлъ съ Бюде и невольно вспомнилъ о послѣднемъ.

— Какъ здоровье Бюде? спросилъ король, обращаясь къ адми-

[1]) Ласкарисъ, ученый грекъ, пріѣхавшій съ порученіемъ къ Франциску I отъ папы Льва X и который по желанію короля вмѣстѣ съ Бюде составлялъ библіотеку въ Фонтенбло.

ралу. Надѣюсь, что ты посовѣтовалъ ему остаться въ замкѣ Шато-бріанъ до полнаго выздоровленія его ноги.

— Нѣтъ, я ничего не говорилъ ему! отвѣтилъ Бонниве.

— Ты всегда былъ и будешь самымъ легкомысленнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ!

— Но его вѣроятно удержитъ любознательный и рѣдкій умъ графини. Насколько я могъ замѣтить онъ совершенно очарованъ ею.

— Развѣ она дѣйствительно такъ умна?

— Она разговаривала съ нимъ о самыхъ мудреныхъ вещахъ и засыпала его вопросами, такъ что я вполнѣ понимаю, почему струсилъ простоватый бретанскій графъ.

— Любопытно будетъ взглянуть на нее. Завтра или послѣ завтра, если выберется время, мы отправимся туда... Но вотъ и герцогиня Ангулемская!

Король, сестра его, а за ними все остальное общество поднялись съ своихъ мѣстъ и поклонились герцогинѣ, которая приближалась къ нимъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ пажей.

Король сдѣлалъ нѣслолько шаговъ на встрѣчу своей матери и обнялъ ее. Коннетабль съ ужасомъ замѣтилъ, что герцогиня, бросая на него молніеносные взгляды, разсказывала что-то своему сыну. Онъ ясно видѣлъ, что для него наступила рѣшительная минута, которой онъ такъ опасался.

Коннетабль не ошибся. Король, вернувшись на свое мѣсто, тотчасъ же обратился къ нему съ вопросомъ:

— Я желалъ бы знать, г. коннетабль, какого вы мнѣнія о семилѣтней вѣрности.

Коннетабль не отличался быстротой соображенія и потому не могъ дать отвѣта, не обдумавъ его.

— Я нахожусь въ томъ же положеніи, что и тотъ отшельникъ, отвѣтилъ король—и за семь лѣтъ свожу счеты съ моими вассалами, чтобы убѣдиться, которые изъ нихъ остались вѣрны мнѣ.

— Кузенъ король, отвѣтилъ медленно, но ясно Бурбонъ, мнѣ кажется, что при хорошихъ отношеніяхъ, гдѣ съ обѣихъ сторонъ соблюдается справедливость, можно остаться вѣрнымъ не только семь, но и семьдесятъ лѣтъ, а тамъ, гдѣ слабѣйшій не увѣренъ и въ семи часахъ и гдѣ все зависитъ отъ расположенія духа сильнѣйшаго; тамъ нельзя даже поднимать вопросъ о вѣрности.

— Браво, кузенъ! сказала Маргарита, вы какъ здравомыслящій воинъ прямѣе смотрите на этотъ вопросъ, чѣмъ наши трубадуры. Прошу всѣхъ васъ сѣсть опять по своимъ мѣстамъ. Г-нъ Клеманъ Маро только и дожидается этого, чтобы начать свой разсказъ.

— Да, Клеманъ, ты разскажешь намъ которую нибудь изъ своихъ непотребныхъ исторій, сказалъ улыбаясь король; только избавь насъ отъ всякихъ предисловій и отступленій. Всѣ твои исторіи безнравственны; постарайся по крайней мѣрѣ разсмѣшить насъ.

„Въ Гасконскомъ графствѣ Але, началъ Маро серьезнымъ тономъ, нѣкто, по имени Борне, женился на одной скромной женщинѣ и очень дорожилъ ея честью и добрымъ именемъ, какъ это вообще свойственно мужьямъ. Но онъ самъ хотѣлъ при этомъ пользоваться удовольствіями на сторонѣ; „на то я мужчина, говорилъ онъ, мнѣ это вполнѣ прилично!“ Между прочимъ, сталъ онъ ухаживать за горничной своей жены; но та была порядочная дѣвушка, а онъ не годился въ герои. У него, напримѣръ, была дурная привычка разсказывать все, что съ нимъ случалось, своему сосѣду, портному. Такая откровенность никогда не приноситъ пользы, а къ тому же его другъ портной былъ моложе его и вынудилъ у него обѣщаніе уступить ему красивую дѣвушку, когда онъ вполнѣ насытится ея ласками. „Я съ удовольствіемъ сдѣлаю это!“ сказалъ Борне; и они пожали другъ другу руки въ знакъ согласія. Но у горничной было другое на умѣ; она пошла къ своей хозяйкѣ и разсказала, какъ мучитъ ее хозяинъ дома своимъ непозволительнымъ ухаживаньемъ. Госпожа Борне была очень огорчена этимъ и захотѣла проучить своего мужа. Она сказала горничной: „Ты честная дѣвушка и я избавляю тебя отъ его преслѣдованій, но, если ты сразу оттолкнешь его, то изъ этого ничего не выйдетъ. Ты должна сдѣлать видъ, какъ будто день ото дня становишься къ нему благосклоннѣе и, наконецъ, позволь ему прійти ночью въ твою комнату. Только скажи мнѣ въ точности, какой день ты назначишь, а когда онъ явится къ тебѣ, то попроси его не говорить съ тобой ни одного слова, потому что я могу услышать вашъ разговоръ“. Горничная такъ и сдѣлала. Борне и его другъ портной были въ восторгѣ и рѣшили заранѣе отпраздновать свою побѣду. Пока они пировали, госпожа Борне отпустила горничную къ ея роднымъ, а сама расположилась въ ея комнатѣ и стала ждать своего легкомысленнаго мужа. Онъ пришелъ въ назначенный часъ, все время молчалъ и ушелъ отъ нея въ полночь, вполнѣ довольный. Онъ зналъ, что его пріятель портной ждетъ его съ нетерпѣніемъ и потому поторопился впустить его въ комнату горничной. Госпожа Борне была увѣрена, что ея мужъ вернулся назадъ и поэтому не сопротивлялась, когда при прощаньи онъ снялъ съ ея пальца обручальное кольцо, которымъ очень дорожатъ жены въ Гасконіи, такъ какъ съ нимъ связанъ весьма важный предразсудокъ. Она подумала: ну, завтра я уличу злодѣя, благодаря этому кольцу!

„Когда портной вернулся къ Борне и показалъ ему кольцо, то у этого въ головѣ мелькнулъ проблескъ истины, потому что онъ узналъ бы это кольцо изъ тысячи. Онъ ударился головой объ стѣну и воскликнулъ: „Ахъ! какой же я оселъ?“

„— За что ты бранишь себя? спросилъ портной.

„— То чѣмъ дорожитъ весь свѣтъ, какъ величайшимъ сокровищемъ, я самъ... въ цѣломъ мірѣ не найдется такого дурака, какъ я!...

„— Да почему же Борне?

„— Почему? да почему? Давай сюда кольцо и убирайся къ чорту!

— Остановись Клеманъ! Довольно! сказалъ король при громкомъ хохотѣ мужчинъ. Ты развращаешь юношество...

— Курьеръ изъ Италіи! доложилъ вошедшій секретарь, передавая королю пакетъ—онъ привезъ эти депеши съ приказомъ немедленно передать ихъ вашему величеству.

Король поспѣшно открылъ пакетъ и прочитавъ нѣсколько строкъ, топнулъ ногой и воскликнулъ съ горестью и гнѣвомъ: О Лотрекъ! Лотрекъ!

— Такъ, нѣкогда, воскликнулъ Августъ: Варъ! Варъ! возврати мнѣ мои легіоны! шепнулъ Маро Дюшателю.

Король, услышалъ эти слова и овладѣвъ собою, бросилъ полуразсѣянный, полугнѣвный взглядъ на нескромнаго поэта, который сильно смутился этимъ.

— Что такое случилось, сынъ мой? спросила герцогиня Ангулемская.

— Вы спрашиваете, что случилось! Италія потеряна для насъ, потому что Лотреку не были посланы подкрѣпленія. Задача моей жизни рушилась! Горе тому, у кого совѣсть не чиста и кто подвелъ Лотрека! Надъ нимъ будетъ наряженъ строжайшій судъ; я никому не дамъ пощады, хотя бы наказаніе постигло мою родную мать.

Герцогиня замѣтно встревожилась и хотѣла говорить, но король сдѣлалъ такой рѣшительный жестъ, что всѣ поспѣшили удалиться и онъ остался одинъ на ярко освѣщенномъ лугу, гдѣ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ слышался веселый говоръ и смѣхъ.

— Коннетабль Франціи! крикнулъ неожиданно король.

Карлъ Бурбонъ, пользуясь удобной минутой, поспѣшилъ присоединиться къ остальному обществу, но теперь онъ вынужденъ былъ вернуться.

Король стоялъ передъ нимъ нѣсколько минутъ молча, съ опущенными руками и, наконецъ, медленно проговорилъ:

— Коннетабль, противъ васъ существуютъ сильнѣйшія улики... Вы поддерживаете сношенія съ императоромъ Карломъ V...

Коннетабль молчалъ.

— Улики на лицо! продолжалъ король. Какъ первый военный сановникъ въ государствѣ, какъ принцъ королевскаго дома, вы рискуете потерять черезъ это честь, свои земли и жизнь. Вамъ не угодно отвѣчать на это, потому что вы не рѣшаетесь солгать мнѣ.

— Государь!..

— Оставимъ это. Съ вами дурно поступили и раздражили васъ; мы сами виноваты въ этомъ; забудемъ послѣдніе мѣсяцы; пусть каждый изъ насъ постарается загладить свои ошибки. Честь и величіе Франціи въ опасности! Будь достойнымъ Бурбономъ, кузенъ, обнажи свой мечъ коннетабля и не складывай оружія до тѣхъ поръ, пока наши побѣдоносныя знамена не будутъ развѣваться на берегахъ По.

Собери войска и жди меня въ Ліонѣ... Могу ли я расчитывать на тебя?

— Я готовъ служить моему королю.

Францискъ подалъ ему руку и они пошли въ замокъ.

Нѣсколько минутъ спустя, Бурбонъ отправился въ путь въ сопровожденіи своей свиты.

ГЛАВА III.

Примиреніе, о которомъ мечталъ Францискъ, уже не могло состояться. Бурбонъ, вернувшись въ свой замокъ Chantelle, засталъ тамъ нѣмецкаго графа Рейсъ, который пріѣхалъ къ нему съ уполномочіемъ отъ императора, чтобы заключить съ нимъ окончательный договоръ. Коннетабль, узнавъ на опытѣ недобросовѣстность Валуа, не довѣрялъ великодушнымъ порывамъ короля и прочности своего союза съ нимъ, и потому счелъ за лучшее заключить договоръ съ Рейсомъ. По этому договору онъ обязывался произвести приготовленія къ войнѣ противъ короля, въ тѣхъ владѣніяхъ, которыя могли быть отняты отъ него въ случаѣ процесса, какъ: Бурбоне, Овернъ, Маршъ, Форезъ, Божоле, а также во всѣхъ провинціяхъ, гдѣ это окажется возможнымъ. Одновременно съ этимъ, испанская армія должна была занять Гасконію и Лангедокъ, англійская и нидерландская арміи — Пикардію, а нѣмецкая армія — Бургундію. Въ случаѣ удачи, Карлъ Бурбонъ за свое содѣйствіе получалъ бурбонскія владѣнія, Ліонне, Дофине и Провансъ, изъ которыхъ предполагалось составить особое королевство; остальная Франція дѣлилась между императоромъ Карломъ и англійскимъ королемъ Генрихомъ VIII; послѣдній пріобрѣталъ при этомъ титулъ французскаго короля.

Въ Блуа уже не разъ доходили не ясные слухи объ этомъ опасномъ соглашеніи. Даже въ тотъ вечеръ, когда коннетабль сдѣлалъ визитъ герцогинѣ Ангулемской, она сообщила своему сыну, что получила письмо отъ нормандскаго сенешаля Брезе, который извѣщалъ ее, что двое дворянъ признались на исповѣди, что одинъ знатный человѣкъ королевской крови завербовалъ ихъ въ заговоръ противъ государства. Но Францискъ, согласно своему характеру, разсчитывалъ подавить заговоръ, выказавъ рыцарское довѣріе своимъ врагамъ, и отдалъ только приказъ арестовать обоихъ дворянъ и привести ихъ къ герцогинѣ Ангулемской. Вслѣдъ затѣмъ онъ неожиданно отправился въ Бурбоне въ сопровожденіи многочисленной свиты, зная, что еще застанетъ коннетабля въ Муленѣ. Здѣсь повторилась та-же сцена, что и въ Блуа, съ тою разницею, что король высказался болѣе опре-

дѣленнымъ образомъ, просилъ прощенія у коннетабля за оказанную ему обиду и обѣщалъ утвердить за нимъ бурбонскія владѣнія въ случаѣ неправильнаго рѣшенія процесса. Но уже было слишкомъ поздно; Бурбонъ не могъ отступить отъ даннаго слова и былъ вполнѣ увѣренъ, что никакія обѣщанія со стороны короля не спасутъ его отъ строгаго наказанія въ случаѣ, если будетъ открытъ его договоръ съ императоромъ. Поэтому коннетабль, сдѣлавъ надъ собой усиліе, разыгралъ роль покорнаго вассала, заявилъ, что императоръ заискивалъ въ немъ, но что пока между ними не было заключено никакой сдѣлки и что только нездоровье мѣшаетъ ему тотчасъ же отправиться съ королемъ въ Ліонъ.

Король уѣхалъ, оставивъ въ Муленѣ одного дворянина, которому поручилъ слѣдить за коннетаблемъ и торопить къ отъѣзду. Но коннетабль крайне медленно собирался въ путь, и, едва доѣхавъ до la Palisse, внезапно вернулся въ свой замокъ Chantelle. Отсюда онъ написалъ королю, что „будетъ вѣрно служить ему до самой смерти, если онъ прекратитъ процессъ и немедленно утвердить за нимъ его бурбонскія владѣнія“.

Коннетабль во время снялъ съ себя маску потому, что прежде чѣмъ его письмо пришло въ Ліонъ, прибылъ туда посланный отъ герцогини Луизы и Дюпра съ подробными показаніями обоихъ арестованныхъ дворянъ, которымъ былъ сдѣланъ въ Блуа строжайшій допросъ, послѣ чего король немедленно двинулъ войска въ Chantelle. Коннетабль едва избѣжалъ осады въ собственномъ замкѣ и, распустивъ на-скоро своихъ приверженцевъ, бѣжалъ въ Овернскіе горы и впослѣдствіи съ опасностью жизни пробрался черезъ Дофине въ Савойю.

Если съ одной стороны близость королевской власти и уваженіе къ ней способствовало быстрому усмиренію опаснаго возстанія, то съ другой—нельзя было сразу довѣриться успѣху; и потому король рѣшилъ отказаться отъ личнаго участія въ итальянскомъ походѣ. Ловко задуманный планъ возстанія стянулъ извнѣ грозовыя тучи на Францію и никто не могъ сказать тогда, въ какой степени возможно будетъ отвратить ихъ безъ ущерба для государства. Но короля Франциска больше всего огорчала измѣна самаго могущественнаго и знатнаго человѣка въ королевствѣ, его товарища по оружію, который не смотря на простоватость, нагло обманулъ его, увѣривъ въ своей вѣрности. Францискъ былъ озадаченъ такимъ вопіющимъ противорѣчіемъ съ рыцарствомъ, которое стремился воскресить въ своемъ лицѣ. Ему и въ голову не приходило на сколько онъ самъ былъ далекъ отъ рыцарскаго идеала съ свой ненасытной жаждой къ перемѣнамъ въ наслажденіяхъ. Быть можетъ это сознаніе въ значительной мѣрѣ отравило бы ему существованіе, и во всякомъ случаѣ заставило бы его посмотрѣть снисходительнѣе на поступокъ коннетабля.

Но Францискъ не былъ способенъ къ анализу. Онъ вернулся въ Блуа въ самомъ печальномъ расположеніи духа и, противъ обыкновенія, удалился одинъ въ свою комнату. Слуга, предполагая, что король вѣроятно чувствуетъ себя нездоровымъ, развелъ большой огонь въ каминѣ, который въ тѣ времена представлялъ собой подобіе обширной ниши. Король долго сидѣлъ неподвижно въ своемъ креслѣ, грустно устремивъ глаза на мерцающее пламя.

Наконецъ вошелъ слуга и спросилъ: угодно ли будетъ его величеству ужинать въ большомъ или маленькомъ обществѣ, или онъ никого не желаетъ видѣть сегодня.

Король подумавъ немного спросилъ:

— Кто здѣсь изъ моихъ ученыхъ господъ? Вернулся ли канцлеръ Бюде?

— Канцлеръ пріѣхалъ сегодня и къ услугамъ вашего величества.

— Отлично!... Позови его къ ужину. Кто же еще въ Блуа?

— Г-нъ епископъ Тюлля и Макона, затѣмъ г-нъ Дюшатель; онъ пріѣхалъ съ вашимъ величествомъ!

— Разумѣется и они должны быть.

— Здѣсь еще скульпторъ Жюетъ, живописецъ Жанъ Кузенъ. Эти господа уѣзжаютъ завтра въ Парижъ вмѣстѣ съ г-номъ Приматисъ, который собирается въ Фонтенбло [1]).

— А! Приматисъ еще не уѣхалъ! Очень радъ... Еще кто?

— Г-нъ Ласкарисъ, г-нъ Маро...

— Маро мнѣ не нуженъ: я не расположенъ смѣяться сегодня; впрочемъ нѣтъ, пусть и онъ придетъ! Но прежде всего позови ко мнѣ г-на Дюпра.

Съ этими словами король взялъ со стола бумаги и сталъ внимательно проглядывать ихъ. Одной изъ особенностей Франциска было искусство обнять сразу всякое дѣло и быть вѣчно занятымъ, хотя разумѣется не одними государственными дѣлами. Онъ или учился и занимался чѣмъ-нибудь, разговаривалъ, или предавался наслажденію. Это было потребностью его природы и потому онъ любилъ окружать себя учеными или художниками и, никогда не разставаясь съ ними, даже бралъ ихъ съ собою на охоту. Они же были его любимыми собесѣдниками за столомъ. Францискъ называлъ ихъ общимъ именемъ „мои ученые". У него перебывало ихъ огромное количество, потому что каждаго вновь прибывшаго, онъ до тѣхъ поръ разспрашивалъ и выжималъ изъ него соки, пока не приходилъ къ убѣжденію, что тотъ уже не сообщитъ ему ничего новаго. Въ этомъ отношеніи король особенно цѣнилъ Дюшателя, который былъ у него долго чтецомъ, и говорилъ, что Дюшатель единственный человѣкъ, знанія котораго онъ не могъ исчерпать въ два года. Тѣмъ не менѣе Францискъ тратилъ

[1]) Итальянецъ Приматисъ или Primaticio архитекторъ и живописецъ, вызванный изъ Италіи Францискомъ I.

иногда цѣлые дни на свои сердечныя привязанности, но не считалъ это время потеряннымъ.

„Развѣ я не живу полной жизнью, когда наслаждаюсь! говорилъ онъ.—Все остальное должно способствовать этому; чѣмъ я ученѣе и чѣмъ больше буду знать, тѣмъ больше будетъ у меня средствъ къ наслажденію и тѣмъ лучше сохраню я душевное и тѣлесное здоровье, это неизбѣжное условіе всякаго наслажденія. Для окружающихъ, частыя сношенія съ королемъ не были особенно легки и пріятны. Онъ требовалъ чтобы другіе также быстро и живо воспринимали впечатлѣнія, какъ и онъ самъ, невыносилъ не опредѣленныхъ отвѣтовъ и полуправды, и относился съ презрительнымъ равнодушіемъ ко всему, что не соотвѣтствовало его вкусу. Вслѣдствіе этого у короля были частыя столкновенія съ Жаномъ Кузеномъ, знаменитымъ французскимъ художникомъ, архитекторомъ и геометромъ, который по разнообразію своихъ талантовъ не уступалъ геніальному Приматису. Послѣдній имѣлъ надъ нимъ только преимущество въ скульптурѣ и отличался болѣе тонкимъ вкусомъ. Кузенъ отъ живописи на стеклѣ перешелъ къ маслянымъ краскамъ и въ своихъ изображеніяхъ придерживался Микель Анжело. Король находилъ фигуры и лица на картинахъ Кузена чудовищными и превозносилъ до небесъ Рафаэля.

— Человѣкъ представляетъ собою величайшее художественное произведеніе, говорилъ король живописцу,—ты не долженъ позволять себѣ тутъ никакой утрировки.

Кузенъ рисовалъ тогда послѣдній судъ въ Венсеннѣ и считалъ себя оскорбленнымъ, что король посѣщаетъ его рѣже, чѣмъ другихъ живописцевъ.

— Зачѣмъ рисуешь ты мнѣ такія адскія рожи? сказалъ ему по этому поводу Франдискъ,—онѣ непріятно дѣйствуютъ на мою фантазію, вмѣсто того, чтобы освѣжать ее.

Вошелъ Дюпра съ низкимъ поклономъ. Король взглянулъ на него и, окончивъ чтеніе бумагъ, сказалъ:

— Твой докладъ о заговорѣ ясно составленъ, Дюпра, и принятыя тобою мѣры, чтобы изловить преступниковъ, вполнѣ цѣлесообразны. Благодарю тебя... Я не предполагалъ, что на свѣтѣ существуетъ такая глубокая испорченность! Всего досаднѣе, что эти негодяи отнимаютъ у насъ время и отвлекаютъ отъ болѣе важныхъ дѣлъ. Но я не буду церемониться съ ними и навсегда отобью охоту отъ подобныхъ продѣлокъ. Всѣ тѣ, которые окажутся виновными въ государственной измѣнѣ, умрутъ постыдною смертью. Они у тебя здѣсь, въ Блуа?

— Они къ услугамъ вашего величества. Но я осмѣлюсь доложить вамъ, что двумъ изъ нихъ—Матиньону и Аргужу, которые собственно и открыли заговоръ, я обѣщалъ помилованіе именемъ короля, чтобы побудить ихъ къ полному признанію.

— Ты могъ обѣщать, но мое дѣло помиловать ихъ или нѣтъ. Кто третій?

— Дворянинъ, по имени Жанъ Пуатье,—ему не дано никакого обѣщанія... Вашему величеству извѣстно, что я не отличаюсь мягкосердечіемъ, но въ виду будущаго...

— Въ будущемъ никто не рѣшится на что-нибудь подобное, когда увидитъ горькія послѣдствія этого.

— Не найдетъ ли ваше величество болѣе удобнымъ передать это дѣло парламенту, сообразно обычаямъ страны, чтобы избавить себя отъ нареканій и какой бы то ни было отвѣтственности?

— Не для того ли, чтобы парламентъ затянулъ дѣло и отнялъ у него всякое значеніе? До сихъ поръ я встрѣчалъ только препятствія со стороны парламента. Нужно пріучить Францію къ тому, что король рѣшаетъ дѣла, а не парламентъ.

— Но и послѣ рѣшенія парламента за вашимъ величествомъ остается право окончательнаго приговора надъ преступниками. Я заранѣе могу сказать, что въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, парламентъ не отступитъ отъ желаній короля, тѣмъ болѣе, что здѣсь идетъ вопросъ о государственной измѣнѣ.

— Я хочу немедленнаго рѣшенія этого дѣла.

— Я постараюсь по мѣрѣ силъ ускорить его и увѣренъ, что довѣріе, которое вы теперь окажете парламенту принесетъ свои плоды въ будущемъ.

— Надѣюсь, ты не забылъ приказъ, отданный мною въ Ліонѣ, чтобы сюда явились важнѣйшіе сеньоры Нормандіи и Бретани?

— Большинство ихъ уже прибыло въ Блуа. Еслибы только вашимъ величествомъ придумана была подходящая форма для выговора, который вы намѣреваетесь имъ сдѣлать, въ виду незначительнаго числа виновныхъ въ этихъ провинціяхъ...

— Не безпокойся о формѣ. Для короля не существуетъ никакихъ формъ. До свиданія.

Канцлеръ принужденъ былъ удалиться. Не смотря на его неусыпныя старанія, ему никакъ не удавалось встать въ интимныя отношенія къ королю. Онъ дѣлалъ все для достиженія этой цѣли, подыскивалъ подходящіе законы и формы, стараясь истолковать ихъ въ пользу короля, но все было напрасно. Этимъ онъ заслужилъ только расположеніе герцогини Луизы, которая совѣтовалась съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ, между тѣмъ какъ Францискъ неизмѣнно обращался съ нимъ, какъ съ членомъ ненавистной ему оппозиціи въ парламентѣ, которая то здѣсь, то тамъ, сдерживала его деспотическія стремленія. Король зналъ, что Дюпра вовсе не принадлежалъ къ оппозиціи, но не хотѣлъ показать этого, быть можетъ потому, что его тяготила благодарность къ человѣку, котораго онъ презиралъ. Хотя Францискъ не особенно цѣнилъ независимость и честность и какъ равнодушный эгоистъ не старался изучать людей, но если у него былъ малѣйшій

поводъ не довѣрять которому-нибудь изъ своихъ слугъ, то онъ обращался съ нимъ самымъ холоднымъ и унизительнымъ способомъ. Благодаря своему гордому обхожденію и величественной наружности, Францискъ невольно импонировалъ французамъ, какъ никто изъ ихъ бывшихъ послѣдующихъ королей, кромѣ Людовика XIV. Но то наружное величіе, которое у Людовика являлось отчасти результатомъ извѣстныхъ принциповъ, у Франциска было прямымъ слѣдствіемъ его безпечной и эгоистической натуры.

— Эй! кто тамъ? крикнулъ неожиданно король, когда канцлеръ вышелъ изъ комнаты.—Г-нъ канцлеръ! вернитесь на минуту. Скажите кстати сеньорамъ Бретани и Нормандіи, чтобы они немедленно собрались въ церкви и ждали тамъ моего приказа! Пусть имъ пока прочитаютъ мессу!

По знаку короля, слуга отворилъ дверь въ только-что построенный флигель замка, гдѣ среди четвероугольной, ярко освѣщенной залы стоялъ накрытый столъ и гдѣ уже собрались приглашенные гости—ученые и художники. Король вошелъ и не глядя на нихъ сдѣлалъ жестъ рукой вмѣсто поклона. Глаза его внимательно разглядывали потолокъ и стѣны, которые повидимому были только-что окончены, такъ какъ краски казались совершенно свѣжими.

— Ты здѣсь Приматисъ? спросилъ король, не сводя глазъ со стѣнъ и потолка.

— Что угодно вашему величеству? сказалъ подходя къ королю хорошо сложенный человѣкъ съ благороднымъ выраженіемъ лица и красивой бородой.

Францискъ, все еще занятый осмотромъ стѣнъ, подалъ руку художнику съ сіяющимъ лицомъ.

— Ты опять мастерски исполнилъ свое дѣло! Знаешь ли что говорятъ про насъ олухи? Будто мы проводимъ въ искусствѣ антихристіанскую чувственность и что сирены и фауны на карнизахъ и украшеніяхъ уже черезъ-чуръ языческіе!

— Развѣ искусство, возразилъ Приматисъ, ломаннымъ французскимъ языкомъ,—не изображается въ видѣ божества въ чувственныхъ формахъ!

— Разумѣется! замѣтилъ король.—Ты правъ какъ всегда!

— Если мы опять ввели полноту и пластичность формы въ постройкахъ и живописи, продолжалъ Приматисъ,—и отбросили вытянутыя узкія линіи средневѣкового искусства, то это и составляетъ со временъ Брунеллески сущность стиля Renaissance. Ваше величество вѣроятно изволили замѣтить на планѣ новой церкви св. Петра, что въ этомъ удивительномъ произведеніи Браманте Урбино вездѣ преобладаютъ закругленныя линіи и языческая пластика; куполъ греческаго Пантеона долженъ увѣнчать зданіе.

— Любопытно будетъ взглянуть на это зданіе! сказалъ король.— Но у меня въ головѣ составился проэктъ другого, не менѣе свое-

образнаго смѣшенія стилей, который меня еще больше интересуетъ. Завтра ты поѣдешь со мной въ Солонь. Тамъ на краю необозримаго дубоваго лѣса Шамборъ стоитъ убогій готическій замокъ одного стараго графа. Съ грязной башни этого замка я не разъ любовался на зеленое море лѣса. Ничто не можетъ быть прелестнѣе этого, Приматисъ! На нѣсколько миль кругомъ ничего не видишь кромѣ древесныхъ верхушекъ на темной массѣ густой бархатистой зелени. Тамъ мы построимъ замокъ сообразно всѣмъ требованіямъ новѣйшаго вкуса, съ стройными мавританскими зубцами, широкими куполами и высокими лѣстничными башнями. Только лѣстницы должны быть еще шире и легче тѣхъ, которые ты строишь въ этомъ замкѣ. Тамъ ты сдѣлаешь мнѣ плоскую крышу, для наслажденія лѣсомъ съ высоты на открытомъ воздухѣ! Разверни крылья своей фантазіи маэстро и представь мнѣ завтра проэктъ моего новаго замка!... А! и ты здѣсь Гилльомъ! Выздоровѣла ли твоя нога? Не пріѣхала ли съ тобой въ Блуа твоя красивица графиня?

— Моя нога зажила, отвѣтилъ Бюде, слѣдуя за королемъ въ оконную нишу,—но графиня осталась въ Бретани.

— Очень жаль! Ну, а самъ Шатобріанъ пріѣхалъ?

— Да, онъ здѣсь, такъ какъ вамъ угодно было созвать сюда всѣхъ этихъ бароновъ. Графъ бережетъ свою жену отъ постороннихъ взоровъ какъ драгоцѣнность и я нахожу, что онъ вполнѣ правъ!

— Я хочу видѣть это сокровище foi de gentilhomme! Меня точно также тянетъ къ красивой женщинѣ, какъ оленя къ источнику въ жаркій день. Мы сегодня же ночью отправимся туда и сдѣлаемъ сюрпризъ прекрасной хозяйкѣ замка.

— Не дѣлайте этого, государь! Предоставьте это времени. Можетъ быть между вами образуются болѣе прочныя и честныя отношенія. Но не втягивайте это прекрасное благородное существо въ дикій омутъ...

— Я вижу, что твоя голова все еще занята твоимъ богословскимъ порученіемъ въ Англію! Ты слишкомъ совѣстливъ, Бюде, и вѣроятно научился этому въ Римѣ, гдѣ тебя въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ надували святые люди по поводу конкордата.

— Лучше быть обманутымъ, чѣмъ обманывать людей за одно съ высокопоставленными людьми. Все, что я видѣлъ въ Англіи, привело меня къ убѣжденію, что дѣла церкви становятся тамъ запутаннѣе со дня на день и что съ королемъ Генрихомъ не можетъ быть никакого соглашенія. У него какіе-то нечестные замыслы; онъ хочетъ избавиться отъ папской власти, но не думаетъ вводить какія либо улучшенія въ церкви. Что же касается нашихъ плановъ относительно школъ и обученія вообще, то мы опередили его; поддержите только наши новыя учрежденія въ Парижѣ и мы подымемъ уровень знанія. Если бы вы дали мнѣ только средства нанять десятерыхъ учителей!

— Средства! Средства! У меня самого нѣтъ денегъ. Здѣсь про-

изошли въ твое отсутствіе такія важныя перемѣны, что вѣроятно потребуются новыя суммы. Я по тому и послалъ за тобой гонца въ Бретань, что за ночь у меня созрѣлъ новый планъ. Ты долженъ дать мнѣ добрый совѣтъ и помочь по мѣрѣ силъ! Завтра ты отправишься въ Туръ и узнаешь, нельзя ли безъ особеннаго скандала снять серебренную рѣшетку у памятника святого Мартина. Король Людовикъ XI былъ искусный политикъ, но не имѣлъ никакого понятія объ искусствѣ. Нужно объяснить жителямъ Тура, что слѣдуетъ сдѣлать болѣе изящную рѣшетку для ихъ святого и что я уже заказалъ ее. Жанъ Жюстъ отправится вмѣстѣ съ тобой въ Туръ и сообразно размѣрамъ гробницы представитъ мнѣ эскизъ красивой мраморной ограды. Пойдемъ Гилльомъ, я намѣренъ сдѣлать небольшую прогулку и посовѣтоваться съ тобой объ одномъ дѣлѣ.

Король взялъ подъ руку канцлера и вышелъ съ нимъ на склонъ горы, обращенный къ Луарѣ. Слуги должны были опять снять со стола принесенныя блюда и унести въ кухню.

Они привыкли къ тому, что король не соблюдалъ имъ же самимъ назначенныхъ часовъ для обѣда или ужина, и всегда строго взыскивалъ съ нихъ, если какое нибудь кушанье оказывалось не достаточно горячимъ или вкуснымъ. Гости также не были удивлены невниманіемъ короля; онъ поступалъ такъ безцеремонно вовсе не потому, что у него собрались одни только художники и ученые. Если бы даже его ожидали въ это время самыя знатныя особы королевства, то и тогда онъ не стѣснился бы уйти отъ нихъ, если что нибудь другое занимало его. Большею частью его побуждало къ этому не какое нибудь важное и спѣшное дѣло, потому что онъ готовъ былъ бросить всякое дѣло, чтобы окончить незначительный разговоръ, почему либо увлекавшій его. Въ этомъ не было также ни малѣйшаго желанія издѣваться надъ людьми, но и тутъ, какъ всегда, дѣйствовалъ присущій ему эгоизмъ, который заставлялъ его забывать о другихъ и предаваться всецѣло впечатлѣнію минуты.

Была темная сентябрьская ночь; съ рѣки дулъ теплый порывистый вѣтеръ.

Король сѣлъ на камень, приготовленный для постройки, и послѣ продолжительнаго молчанія сказалъ:

— Я вѣчно останусь благодаренъ тебѣ, Гилльомъ, за то, что ты въ былое время умѣлъ успокоить королеву Клавдію, когда я бывалъ несправедливъ къ ней. Теперь только я оцѣнилъ ея кротость и прямодушіе и мнѣ не достаетъ ея добрыхъ, любящихъ глазъ, которые такъ благотворно дѣйствовали на меня. Она могла быть красивѣе... какъ часто и съ горечью я упрекалъ ее за это... но она меня горячо любила и всегда была мила со мной, когда бы я не приходилъ къ ней, и въ какомъ бы ни былъ расположеніи духа. Я говорю о моей женѣ, какъ о мертвой, Гилльомъ, потому что доктора со дня на день ждутъ ея смерти; она и теперь едва похожа на человѣческое суще-

ство. Мнѣ нужна женщина, которая бы любила меня, не стѣсняя моихъ привычекъ. Между тѣмъ Францiя точно выродилась; я не встрѣчаю больше ни однаго красиваго существа. Когда я вспоминаю мое свиданiе съ папой въ Болоньи, послѣ битвы при Мариньяно, то невольно удивляюсь тому изобилiю красавицъ, которое я видѣлъ тогда; у меня разбѣгались глаза и едва хватало времени чтобы сорвать всѣ тѣ роскошные цвѣты, которые попадались мнѣ на каждомъ шагу.

— Вы тогда были семью годами моложе, государь.

— Ты меня не увѣришь, что это единственная причина. Красота стала рѣдкостью во Францiи; изъ-за этого я готовъ былъ бы поѣхать въ Испанiю; но этотъ проклятый коннетабль удерживаетъ меня здѣсь. Вы всѣ говорите, что нашли рѣдкое сокровище въ лицѣ молодой графини Шатобрiанъ и хотите закрыть мнѣ доступъ къ ней. Я не знаю даже, чѣмъ объяснить это!

— Я былъ бы вполнѣ счастливъ, еслибы могъ посватать вамъ эту прелестную женщину и соединить ее на всю жизнь съ моимъ королемъ! Эта мысль занимала меня во все время моего пребыванiя въ замкѣ Шатобрiанѣ. Я еще не встрѣчалъ существа, которое болѣе подходило бы къ вамъ по своему развитiю и душевнымъ свойствамъ; веселость совмѣщается въ ней съ задушевностью, мечтательность съ остроумiемъ; талантливость сказывается во всемъ, до чего прикоснется ея рука, или что произведетъ на нее хотя минутное впечатлѣнiе; ея умъ способенъ понять самыя глубокiя мысли, примѣниться ко всѣмъ формамъ жизни. При этомъ она хороша, какъ ангелъ...

— Этого достаточно, Бюде! Она будетъ принадлежать мнѣ. Это также вѣрно, какъ то, что Луара течетъ къ Бретани.

— Я прокляну часъ, когда заговорилъ о ней въ вашемъ присутствiи, если вы намѣрены легкомысленно посягнуть на ея честь.

— Развѣ у меня не можетъ быть относительно твоей графини серьезныхъ и честныхъ намѣренiй? Не сегодня, завтра, я буду вдовцомъ. Неужели ты думаешь, что папа не дастъ развода какой либо женщинѣ по моей просьбѣ?

— Государь...

— Я не женюсь больше изъ-за политическихъ цѣлей! Мнѣ уже нечего больше добиваться престола...

— Если бы это могло случиться когда нибудь! Но этого не будетъ! Вы слишкомъ пылки и невоздержаны; васъ ничто не свяжетъ... вы...

— Что я такое?

— Вы измѣните всякой женщинѣ.

— Бюде, ты становишься дерзкимъ.

— Да, мой повелитель, я знаю это...

— Ты ошибаешься. Развѣ вѣрность не составляетъ основы рыцарства, или ты не считаешь меня рыцаремъ?

— Напротивъ, я считаю васъ вполнѣ рыцаремъ!..

— И такъ приступимъ къ дѣлу. Оно имѣетъ для меня весьма важное значеніе. Клянусь своей рыцарской честью, что я увижу ее. Едва ли она любитъ графа Шатобріана.

— Нѣтъ, она не можетъ чувствовать къ нему никакой привязанности. Ее отдали отжившему пустоголовому графу, когда ей не было и пятнадцати лѣтъ; но она воспитана въ самыхъ строгихъ правилахъ.

— Какъ это устроить, чтобы онъ вызвалъ ее въ Блуа?

— Ну, это будетъ необыкновенно трудно. Графъ на-сторожѣ и боится какой нибудь нахальной выходки со стороны Бонниве. Онъ оставилъ свою жену въ замкѣ подъ строгимъ надзоромъ и не приказалъ ей выѣзжать оттуда до тѣхъ поръ, пока она не получитъ условленнаго знака.

— Какого знака?

— Половину кольца, которая должна въ точности подойти къ той половинѣ, которую онъ оставилъ ей.

— Значитъ одну половину кольца онъ возитъ съ собой! Если бы можно было добыть ее какъ нибудь на двадцать четыре часа, то у меня нашлись бы художники и на такое дѣло... Но довольно объ этомъ, я проголодался, пойдемъ ужинать Гилльомъ.

— Что это значитъ? Церковь освѣщена!..

Король громко расхохотался и воскликнулъ:

— Это значитъ, что норманцы и бретанцы молятся тамъ въ ожиданіи моего прихода; нашъ господинъ съ кольцомъ также въ церкви... Что случилось?

Послѣдній вопросъ относился къ придворному, который видимо ожидалъ короля на лѣстницѣ замка и вышелъ къ нему на встрѣчу. Онъ доложилъ, что месса давно окончена и что сеньеры ждутъ короля.

— Пусть ждутъ, пока я поужинаю.

Проходя черезъ караульную, король сдѣлалъ знакъ рукой. Тотчасъ же громко затрубили трубы, что служило сигналомъ, что король садится за столъ. Слуги бросились стремглавъ за кушаньемъ.

ГЛАВА IV.

Король, не смотря на свое видимое равнодушіе, не пропустилъ ни одного слова изъ того, что говорилъ Бюде и еще въ началѣ ужина поспѣшилъ сообщить обо всемъ этомъ Бонниве, какъ самому искусному человѣку въ любовныхъ дѣлахъ. Адмиралъ вполнѣ заслуживалъ

довѣріе короля, потому что со стола не была еще снята первая перемѣна, какъ уже слуга его былъ отправленъ въ Блуа съ затруднительнымъ порученіемъ достать во что бы то ни стало вѣрный снимокъ съ половины кольца графа Шатобріана. Слуга этотъ, по имени Флоріо, былъ привезенъ адмираломъ изъ Италіи. Въ тѣ времена Италія была тѣмъ же, чѣмъ впослѣдствіи сдѣлалась Франція: утонченность жизни была развита въ ней болѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ въ Европѣ, а равно и способность къ интригѣ, чѣмъ и теперь отличаются итальянцы. Флоріо родился въ Римѣ и былъ итальянцемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Вопросы, волновавшіе тогдашній европейскій міръ, были ему знакомы въ общихъ чертахъ. Онъ служилъ прежде у одного прелата и мѣриломъ умственныхъ интересовъ, занимавшихъ тогдашнее высшее духовенство, можетъ служить тотъ фактъ, что за десять лѣтъ передъ тѣмъ папы на Латеранскомъ соборѣ сочли нужнымъ оспаривать „еретическое ученіе о смертности души“. Платонизмъ, породившій столько любопытныхъ теорій и крайностей, былъ изгнанъ изъ жизни духовенства, и уступилъ мѣсто скептицизму и эпикурейству. Помимо живописи и скульптуры, геніальный папа Левъ X увлекался въ такой же степени охотой, концертами, поэзіей и театромъ; въ его присутствіи представляли въ Ватиканѣ комедію Маккіавели „la Mondragore“, гдѣ осмѣяно монашество и его распущенность въ самыхъ яркихъ краскахъ. Прелаты въ свою очередь старались во всемъ подражать папамъ и ихъ слуги славились, какъ самые утонченные плуты въ цѣломъ свѣтѣ. Въ Болоньи, во время знаменитаго свиданія Франциска I съ папой, Бонниве удалось завербовать Флоріо къ себѣ въ слуги. Съ этихъ поръ онъ часто употреблялъ ловкаго итальянца для порученій въ любовныхъ дѣлахъ короля.

Флоріо поспѣшно сошелъ съ горы, на которой стоялъ замокъ, и отправился въ темнѣвшій передъ нимъ городъ, чтобы познакомиться со слугами графа Шатобріана. Всѣ питейные дома въ Блуа были въ это время переполнены тѣлохранителями и слугами пріѣхавшихъ сеньеровъ, потому что каждый изъ этихъ господъ изображалъ изъ себя маленькаго короля и не иначе отправлялся въ дорогу, какъ въ сопровожденіи многочисленной свиты. Всѣ они были на ногахъ, такъ какъ перы королевства все еще ожидали короля въ церкви. Блуа былъ тогда на столько незначительнымъ городомъ, что Флоріо тотчасъ же отыскалъ все, что ему было нужно. Черезъ какіе нибудь четверть часа онъ узналъ, что любимымъ слугой графа Шатобріана былъ кровный бретанецъ, по имени Батистъ, пожилой человѣкъ, съ рыжими волосами и мрачнымъ выраженіемъ лица, и тотчасъ же свелъ съ нимъ знакомство. Сначала разговоръ шелъ довольно туго, потому что Батистъ говорилъ на своемъ непонятномъ мѣстномъ нарѣчіи, что было естественно въ тѣ времена, когда даже въ высшихъ классахъ очень немногіе говорили чистымъ французскимъ языкомъ. Но Флоріо скоро

освоился съ говоромъ своего новаго пріятеля и не много погодя они уже довѣрчиво сидѣли другъ передъ другомъ за кружкой вина. Итальянецъ послѣ десятилѣтняго пребыванія въ странѣ, успѣлъ приглядѣться къ особенностямъ различныхъ французскихъ провинцій и зналъ, какъ обходиться съ бретанцемъ. Предполагая, что Батистъ, какъ большинство его соотечественниковъ, склоненъ къ меланхоліи. и пьянству, онъ предложилъ ему вина и занялъ серьознымъ разговоромъ. Разсчетъ его оказался вполнѣ вѣрнымъ. Батистъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ описаніе жизни римскихъ прелатовъ, тѣмъ болѣе, что Флоріо выдалъ себя за природнаго француза, который попалъ въ Италію въ качествѣ военноплѣннаго и такимъ образомъ познакомился съ нравами тамошняго духовенства. Вмѣстѣ съ тѣмъ Флоріо усердно подливалъ своему ревностному слушателю бургонское, которое велѣлъ подать вмѣсто легкаго мѣстнаго вина. Батистъ скоро разгорячился и безпрекословно согласился на предложеніе Флоріо уйти отъ шумнаго окружающаго ихъ общества, чтобы на свободѣ поговорить о Богѣ и церкви. Слуги пріѣхавшихъ господъ не стѣсняясь выражали свое мнѣніе о королѣ, который по ихъ понятіямъ былъ ничто сравнительно съ ихъ сеньерами, но каждый изъ нихъ остерегался говорить о религіи въ публикѣ. Между тѣмъ Флоріо началъ разсказывать о нѣмецкомъ еретикѣ и бывшихъ въ то время церковныхъ состязаніяхъ и такъ заинтересовалъ Батиста, что тотъ самъ предложилъ ему отправиться на квартиру графа Шатобріана. Этого только и желалъ Флоріо. Войдя въ домъ, онъ внимательно разглядѣлъ разложенные чемоданы и разъ десять подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ пытался удалить на нѣсколько минутъ Батиста изъ комнаты. Это долго не удавалось ему; но съ наступленіемъ ночи бургонское оказало свое дѣйствіе: у бретонца стали слипаться глаза; онъ положилъ обѣ руки на столъ и, склонивъ на нихъ голову, заснулъ мертвымъ сномъ; его глаза и лобъ мало по малу скрылись въ кожанныхъ рукавахъ куртки.

Жилище графа состояло изъ двухъ небольшихъ комнатъ; дверь между ними была открыта; единственная лѣстница выходила на дворъ. Пріѣхавшіе синьеры не могли быть особенно взыскательны въ выборѣ помѣщенія, такъ какъ ихъ было слишкомъ много для такого города какъ Блуа. Внизу на дворѣ стояли графскія лошади; люди его свиты частью расположились на открытомъ воздухѣ, частью въ конюшнѣ. Тогда не церемонились съ прислугой; ее кормили до сыта, но считали излишнимъ заботиться объ ея постеляхъ. Кто не былъ господиномъ, т. е. свободнымъ сеньеромъ на своей наслѣдственной землѣ и не носилъ меча, тотъ считался ни во что. Одни только лакеи пользовались сравнительно нѣкоторымъ комфортомъ, потому что господа для большей безопасности и удобства держали ихъ при себѣ. Такимъ образомъ въ комнатѣ, гдѣ они сидѣли, у Батиста была своя постель, состоявшая изъ одѣялъ сложенныхъ на землѣ. Здѣсь также

были разбросаны пожитки графа: бѣлье, платье, шпоры, оружіе, но разумѣется, нигдѣ не видно было половины драгоцѣннаго кольца, которую хотѣлъ добыть Флоріо. Впрочемъ, онъ и не думалъ искать тутъ кольца, а прямо направился въ комнату графа, убѣдившись посредствомъ шумнаго расхаживанья по комнатѣ, что нелегко разбудить Батиста.

Въ сѣняхъ и на лѣстницѣ было тихо; со двора слышалось равномѣрное расхаживаніе и говоръ конюховъ, которые не смѣли лечь до возвращенія своего господина. Флоріо не стѣсняясь перешарилъ чемоданы, комоды и шкапы при свѣтѣ лампы, взятой имъ со стола, у котораго спалъ Батистъ. Ни что не было заперто, потому что тогдашній сеньеръ былъ довѣрчивъ и вообще имѣлъ съ собой мало денегъ; но Флоріо не нашелъ того, чего искалъ. Стоя передъ небольшой шкатулкой съ цѣпями и различными украшеніями, онъ съ досадой повторилъ себѣ то, въ чемъ былъ убѣжденъ въ тотъ моментъ, когда взялся за трудное предпріятіе, а именно, что графъ носитъ на себѣ важную для него драгоцѣнность и никогда не разстается съ нею. Прійдя къ такому неутѣшительному заключенію, Флоріо вернулся къ своему спящему товарищу; но тутъ онъ услышалъ какъ съ шумомъ отворилась входная дверь и въ сѣняхъ раздалось бренчаніе шпоръ. Флоріо, догадавшись, что это графъ, поспѣшно задулъ лампу и изо всѣхъ силъ началъ трясти Батиста за плечо. Тотъ въ испугѣ вскочилъ съ своего мѣста и бросился зажигать лампу, но это долго не удавалось ему, такъ что Флоріо успѣлъ спрятаться подъ одѣяла, составлявшія постель Батиста.

Вошелъ графъ и очутившись въ темнотѣ разразился грубою бранью. Съ нимъ былъ какой то другой сеньеръ, котораго онъ прямо провелъ въ свою комнату.

Наконецъ Батистъ зажегъ огонь, но къ счастью сеньеры были въ такомъ возбужденномъ состояніи, что не обращали ни какого вниманія на то, что дѣлалось въ другой комнатѣ. Они громко разговаривали между собой и въ рѣзкихъ выраженіяхъ бранили короля, который заставилъ ихъ ждать до полуночи въ церкви, а потомъ велѣлъ сказать имъ черезъ ненавистнаго выскочку Бонниве, что онъ не будетъ говорить съ ними до тѣхъ поръ, пока не будутъ ему выданы изъ ихъ провинцій соучастники бурбонскаго заговора.

— Развѣ мы сдѣлались слугами и подданными этого высокомѣрнаго Валуа! воскликнулъ съ яростью графъ Шатобріанъ. Развѣ онъ не заслуживаетъ, чтобы мы нарушили ленную клятву, такъ какъ онъ превышаетъ права леннаго государя! Я держусь того мнѣнія, что мы бретанцы должны съ наступленіемъ завтрашняго дня отправиться въ Реннъ, а вы всѣ нормандскіе сеньеры въ Руанъ; оттуда мы пошлемъ сказать Франциску, черезъ нашихъ сенешаловъ, что если онъ не смиритъ свою непомѣрную гордость, то пусть не разсчитываетъ на нашу вѣрность.

— Я не знаю насколько это будетъ полезно для Нормандіи! ска-

залъ другой сеньеръ, маленькій щеголеватый человѣкъ, который вмѣстѣ съ графомъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Къ несчастью мой тесть сильно замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ; если я буду отстаивать права провинціи и заслужу немилость короля, то могу погубить старика.

— Вы кажется также старались довести до свѣдѣнія короля о бурбонскомъ заговорѣ! Дай Богъ чтобы вамъ не пришлось раскаяться въ этомъ!.. Чѣмъ же онъ выказалъ вамъ свою благодарность?

— Онъ кажется считаетъ это не болѣе какъ исполненіемъ обязанности леннаго сеньера! Мнѣ даже не дано было разрѣшенія войти въ темницу графа Валлье; моя жена будетъ очень огорчена этимъ. Впрочемъ, вашей женѣ предстоитъ такое же душевное горе; я слышалъ что ея братъ Лотрекъ ѣдетъ сюда и подвергнется строгой отвѣтственности... Мы должны поступать крайне осторожно, потому что король задается широкими планами: а вы знаете что онъ подобно Людовику XI крайне не разборчивъ въ выборѣ средствъ и съ помощью Дюпра захватитъ въ свои руки парижскій парламентъ, который и безъ того пользуется всякимъ случаемъ, чтобы урѣзать наши права.

— Какое намъ дѣло до Парижа! возразилъ Шатобріанъ.—Развѣ у насъ нѣтъ своихъ парламентовъ! Мы главнымъ образомъ должны принять мѣры чтобы эти королевскіе прислужники не сѣли намъ на шею. Вы напрасно ожидаете Брезе какихъ то благъ отъ Валуа. Что они такое? Бѣдные рыцари, случайно возведенные на престолъ вслѣдствіе прекращенія королевскаго рода! Какъ безумно поступила ты, Анна Бретанская, выйдя замужъ за Людовика! Ты принесла насъ бретанцевъ въ приданое этому лживому королевскому дому и отдала кроткую Клавдію высокомѣрному Франциску, который не умѣетъ цѣнить ни своей жены, ни твоей наслѣдственной Бретани! Не въ тысячу ли разъ было бы лучше, если бы мы сохранили свою самостоятельность или присоединились къ Англіи?..

— Нѣтъ Шатобріанъ! Это было бы измѣной относительно Франціи!

— Франція! Что такое Франція? Ужъ не этотъ ли сбродъ людей, которыхъ возвышаетъ Валуа на нашу гибель? Во имя этой же Франціи, мало по малу уничтожаютъ наши права. Я не французъ, а бретанецъ!.. Но если мы будемъ стоять другъ за друга, тогда и они станутъ дорожить нами и уважать наши права!.. Бѣдный Лотрекъ! Неужели онъ долженъ погибнуть!

— Черезъ него Францискъ потерялъ цѣлое войско и страну, которую считалъ своимъ наслѣдственнымъ достояніемъ, отвѣтилъ Брезе.

— Онъ не виноватъ, если счастье измѣнило ему! Лотрекъ не трусъ; въ его жилахъ течетъ кровь Фуа; я убѣжденъ, что онъ не сробѣетъ передъ Францискомъ. Тѣмъ не менѣе мы должны приготовиться къ борьбѣ; горькая необходимость принуждаетъ насъ къ этому...

— Мы объ этомъ еще переговоримъ. Покойной ночи графъ!..

Между тѣмъ Батистъ совершенно забылъ о своемъ гостѣ; онъ

приготовилъ на ночь большой бокалъ вина для своего господина и, поставивъ его на столъ, подошелъ къ своей постели чтобы стряхнуть одѣяла. При этомъ разумѣется онъ нашелъ Флоріо и, такъ какъ вовсе не ожидалъ ничего подобнаго и вообще не отличался быстротою соображенія, то дѣло не обошлось безъ возгласа и разныхъ вопросовъ со стороны бретанца. Къ несчастью, это случилось въ то время, когда графъ провожалъ своего пріятеля черезъ комнату Батиста въ единственную переднюю, выходившую на лѣстницу; графъ увидѣлъ Флоріо и бросился къ нему съ крупною бранью. Итальянецъ вскочилъ на ноги и въ короткихъ словахъ старался объяснить свое присутствіе въ комнатѣ Батиста. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ кончить свою фразу, Брезе съ испугомъ шепнулъ графу:

— Этотъ плутъ подслушалъ насъ!

— Велика бѣда! возразилъ графъ,—то, что мы говоримъ, можетъ слушать весь свѣтъ!

— Вѣдь это слуга адмирала Бонниве! Я знаю его въ лицо.

— Какъ! и онъ осмѣлился!.. громко вскрикнулъ графъ, поспѣшно подходя къ столу, на которомъ лежали разныя вещи,—гдѣ мой кнутъ

Флоріо пользуясь этимъ моментомъ, бросился къ двери и исчезъ прежде, чѣмъ сеньеры и Батистъ успѣли выбѣжать со свѣчей въ переднюю. Итальянецъ отличался рѣдкою настойчивостью въ преслѣдованіи своихъ цѣлей. Онъ сообразилъ, что теперь, когда его узнали, врядъ ли когда нибудь представится ему такой удобный случай для выполненія даннаго порученія; и потому рѣшился во что бы то ни стало остаться въ домѣ, въ томъ разсчетѣ, что здѣсь всего менѣе станутъ искать его. Передняя, какъ почти во всѣхъ домахъ того времени, состояла изъ открытой галлереи, окружавшей весь домъ. Вмѣсто того чтобы сбѣжать по лѣстницѣ на дворъ, Флоріо остался въ галлереѣ и свернувъ за уголъ прижался къ простѣнку. Разсчетъ его оказался вѣрнымъ. Преслѣдователи прямо устремились къ лѣстницѣ и спустились по ней. Флоріо выждалъ, когда они скрылись за поворотомъ крыльца и проскользнулъ назадъ въ комнату Батиста черезъ настежъ отворенную дверь. Здѣсь онъ поспѣшно подошелъ къ столу, гдѣ стоялъ приготовленный бокалъ съ виномъ, взялъ его ощупью одной рукой, а другой вынулъ изъ своей куртки небольшую стклянку, откупорилъ ее зубами и вылилъ изъ нея всю жидкость въ бокалъ, который опять поставилъ на столъ. Затѣмъ онъ началъ шарить по комнатѣ стараясь найти мѣсто, гдѣ ему спрятаться. Онъ выбралъ его еще лежа на постели Батиста. Это былъ правый уголъ при входѣ, гдѣ была протянута занавѣсь изъ саржи для предохраненія висѣвшихъ за нею платьевъ отъ пыли. Но тутъ Флоріо наткнулся на стулъ, и, упавъ на землю, выронилъ пустую стклянку изъ рукъ. Отыскивая ее въ темнотѣ онъ услышалъ голосъ графа, который возвращался домой съ Батистомъ. Флоріо ничего не оставалось какъ бросить поиски и поспѣшно скрыться за занавѣсью.

Графъ былъ въ сильномъ гнѣвѣ и наказалъ своего слугу чувствительнымъ ударомъ кнута. Батистъ равнодушно перенесъ его и молча сталъ приготовлять постель своему господину. Графъ сердито сорвалъ съ себя платье и проходя мимо стола, взялъ бокалъ и болѣе чѣмъ на половину выпилъ его. Въ этотъ моментъ Батистъ всею тяжестью своего тѣла наступилъ на стклянку и раздавилъ ее.

— Это что такое? воскликнулъ графъ, ставя бокалъ на столъ.

— Не знаю, отвѣтилъ слуга въ смущеніи, поднимая осколки.

Графъ выхватилъ у него изъ рукъ кусочекъ стекла и разглядывая его при свѣтѣ лампы, увидѣлъ на немъ какую то вязкую жидкость. Онъ понюхалъ ее, затѣмъ бокалъ, и повидимому въ головѣ его блеснула какая то мысль. Подозвавъ Батиста, онъ пристально вглядывался въ его лицо нѣсколько минутъ. Тотъ стоялъ равнодушно, не мигнувъ глазомъ.

— Выпей все до дна, сказалъ графъ, подавая ему бокалъ.

Батистъ, ничего не понимая, съ удовольствіемъ выпилъ вино до послѣдней капли.

Графъ молча легъ на постель. Батистъ снесъ лампу въ его комнату, заслонилъ ее кресломъ и самъ отправился на покой. Нѣсколько минутъ спустя въ обѣихъ комнатахъ наступила мертвая тишина и Флоріо могъ убѣдиться, что сонный напитокъ, привезенный имъ изъ Рима оказываетъ свое дѣйствіе и на сильно-возбужденныхъ людей. Когда захрапѣлъ Батистъ сначала тихо, а потомъ все громче и громче, Флоріо вышелъ изъ своей засады, снялъ съ себя башмаки и поставивъ ихъ въ передней у дверей, прокрался въ комнату графа. Четверть часа стоялъ онъ неподвижно у порога и съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивался къ дыханію спящаго; наконецъ убѣдившись, что съ этой стороны ему опасаться нечего, подошелъ къ постели.

Но чѣмъ дольше приглядывался Флоріо и осматривалъ спящаго графа со всѣхъ сторонъ, тѣмъ недовольнѣе становилось его лицо. Онъ расчитывалъ, что половина кольца вѣроятно надѣта на шеѣ графа и прикрѣплена къ цѣпочкѣ. Но на обнаженной, обросшей черными волосами груди сеньера не видно было ни цѣпочки, ни кольца. Нужна была не малая доля рѣшимости чтобы подойти къ изголовью и близко разсмотрѣть это блѣдное лицо съ высокимъ лбомъ, широкими висками и отброшенными назадъ черными жидкими волосами. Что-то угрожающее было въ орлиномъ заостренномъ носѣ бретанскаго сеньера, въ нервномъ подергиваніи лица и въ его худощавой рукѣ, протянутой на одѣялѣ, съ напряженными жилами и крѣпко стиснутымъ кулакомъ, который какъ будто готовился нанести ударъ. Но это не могло удержать Флоріо; онъ зналъ. что трудится для короля и что въ случаѣ удачи его ожидаетъ большая награда. Онъ наклонился надъ спящимъ и поднялъ руку надъ его лицомъ чтобы убѣдиться на сколько сохранилась въ немъ чувствительность. Но графъ

лежа на спинѣ спалъ также спокойно какъ и прежде. Флоріо быстро отвернулъ у него воротъ рубашки съ правой стороны и увидѣлъ къ величайшей своей радости шелковый шнурокъ; не теряя ни секунды онъ съ тою же поспѣшностью открылъ рубашку съ лѣвой стороны; тутъ у безпокойно бьющагося сердца висѣла половина кольца. Противъ всякаго ожиданія вмѣсто цѣпочки оказался шелковый шнурокъ, и потому Флоріо могъ безъ труда перерѣзать его и овладѣть кольцомъ. Но это не входило въ его планы, потому что графъ на слѣдующее утро могъ замѣтить потерю кольца и принять мѣры, чтобы никто не могъ воспользоваться находкой. Вѣрный слуга адмирала не поддался искушенію и хотѣлъ въ точности исполнить возложенное на него порученіе. Онъ вынулъ изъ кармана небольшой кусокъ воска, осторожно притянулъ къ себѣ за шнурокъ половину кольца и тщательно облѣпилъ ее воскомъ со всѣхъ сторонъ чтобы снять по возможности вѣрный снимокъ. Это былъ самый трудный моментъ для Флоріо; онъ долженъ былъ низко наклониться надъ спящимъ и чувствовалъ его дыханіе на своемъ лбу. Вынимая поспѣшно кольцо изъ воска онъ невольно вздрогнулъ, такъ какъ ему померещелись, что графъ смотритъ на него, и при этомъ довольно сильно потянулъ къ себѣ шнурокъ. Графъ быстро поднялъ руку, сначала схватилъ себя за грудь, потомъ за руку Флоріо; глаза его на половину открылись. У итальянца замерло сердце отъ испуга; онъ не шевельнулся; малѣйшее движеніе съ его стороны могло окончательно разбудить спящаго. Благодаря этому, графъ черезъ секунду опять заснулъ крѣпкимъ сномъ; глаза его закрылись, крѣпко вцѣпившіеся пальцы ослабли и выпустили руку Флоріо. Вѣрный слуга, едва не сдѣлавшійся жертвой своей смѣлости, опять почувствовалъ себя на свободѣ. Тихонько ступая нога за ногу, онъ пробрался въ комнату Батиста и вышелъ въ переднюю. Здѣсь онъ бережно спряталъ восковой снимокъ, который держалъ въ лѣвой рукѣ и вытеръ потъ, выступившій у него на лбу отъ страха. Ему показалось, что онъ слышитъ шорохъ въ комнатѣ Батиста, но теперь это не особенно встревожило его, такъ какъ онъ считалъ себя внѣ опасности. Сойдя поспѣшно съ лѣстницы онъ безъ труда отодвинулъ засовъ, которымъ была заперта наружная дверь и сталъ прислушиваться; но на лѣстницѣ и въ комнатахъ на верху была мертвая тишина.

Очутившись на улицѣ, итальянецъ набожно перекрестился и исчезъ во мракѣ сентябрской ночи.

Король Францискъ ничего не зналъ о распоряженіяхъ Бонниве. При своей страстности и деспотизмѣ, онъ считалъ дозволительнымъ все, что служило для исполненія его желаній, лишь бы это дѣлалось помимо его и глубоко возмущался, когда видѣлъ какое нибудь грубое насиліе, которое совершалось на его глазахъ,—противорѣчіе, кото-

рое мы часто встрѣчаемъ въ нравственно неразвитыхъ и грубыхъ натурахъ. Бонниве былъ созданъ для роли фаворита: онъ никогда не заботился о томъ, чтобы дать полезный совѣтъ королю, а давалъ только тѣ совѣты, которые были согласны съ желаніями его величества. Изучивъ до тонкости характеръ Франциска, онъ не считалъ нужнымъ сообщить ему о данномъ порученіи относительно кольца, пока дѣло окончательно не устроится.

Обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, когда уже все было подготовлено ловкимъ адмираломъ съ большимъ трудомъ, а иногда и цѣною преступленія, Францискъ со смѣхомъ пользовался тѣмъ, что онъ называлъ своей bonne fortune и вступалъ въ любовную интригу, не удостоивая даже словомъ благодарности своего услужливаго любимца.

Теперь, когда точный восковой снимокъ былъ въ рукахъ, ничего не стоило поддѣлать половину кольца. Но опытный адмиралъ понималъ, что это былъ только первый шагъ и что еще много предстояло ему хлопотъ для достиженія желаемаго результата. Поэтому онъ долго совѣщался съ Флоріо о томъ, какъ вызвать графиню изъ замка съ помощью кольца, не возбудивъ подозрѣній, и какъ устроить ее въ Блуа такимъ способомъ, чтобы она хотя на первое время была убѣждена, что находится въ квартирѣ своего мужа. Для этого необходимо было удалить графа изъ города, что представляло не легкую задачу.

Флоріо долженъ былъ возобновить свои сношенія съ Батистомъ, такъ какъ графъ вѣроятно сочтетъ нужнымъ извѣстить жену объ опасности, грозившей ея брату. Всего удобнѣе было отправить кольцо съ посланнымъ графа, а какъ это устроить, адмиралъ не считалъ нужнымъ давать какія бы то ни было наставленія своему слугѣ. Авантюристъ всегда расчитываетъ на случай и чертитъ планъ въ общихъ чертахъ, не заботясь о подробностяхъ.

Вечеромъ слѣдующаго дня, когда поддѣльное кольцо уже было въ рукахъ Флоріо, онъ увидѣлся съ Батистомъ и за стаканомъ вина узналъ отъ него, что графъ намѣренъ завтра утромъ отправить посланнаго съ письмомъ въ замокъ Шатобріанъ. Захватить этого посланнаго было не трудно. За двѣ мили отъ Блуа по дорогѣ въ Амбуазъ, былъ лѣсъ, прославленный разбойничествомъ: здѣсь Флоріо приказалъ тремъ слугамъ Бонниве напасть на бѣдняка, ограбить его и связать. Пока посланный лежалъ ничкомъ съ связанными руками и ногами, одинъ изъ мнимыхъ разбойниковъ принесъ ожидавшему въ лѣсу Флоріо письмо графа. Письмо было запечатано и завязано шелковой ниткой, но такимъ первобытнымъ способомъ, что ловкій итальянецъ, нетронувъ печати, вложилъ въ него половину кольца и опять завязалъ нитку. Затѣмъ онъ выѣхалъ на большую дорогу и бросивъ на землю письмо, съ большимъ участіемъ заговорилъ съ несчастнымъ посланнымъ и освободилъ его отъ веревокъ. Тотъ былъ безконечно

ЭЛЛАДА И РИМЪ.

КУЛЬТУРНАЯ ИСТОРІЯ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ.

СОЧ. ЯКОВА ФАЛЬКЕ.

ОСКОШНЫЯ, изящныя изданія съ иллюстраціями текста знаменитыхъ писателей въ настоящее время въ европейской литературѣ въ большомъ ходу,—напримѣръ, „Потерянный Рай“ **Мильтона,** иллюстрированный знаменитымъ **Доре**, „Божественная Комедія“ **Данта,** „Орландо Фуріозо“ **Аріосто**, иллюстрированные тѣмъ же **Доре**. Но упомянутыя роскошныя иллюстраціи тѣсно связаны съ текстомъ писателя, такъ что читатель и текстъ и иллюстраціи представляетъ себѣ въ умѣ нераздѣльными. Значительное отличіе отъ сейчасъ исчисленныхъ иллюстрацій представляетъ роскошное изданіе г. **Фальке,** озаглавленное „Эллада и Римъ“. Въ подобныхъ изданіяхъ уже не рисунки подгоняются къ тексту, а текстъ и рисунки приготовляются совмѣстно, взаимно себя иллюстрируютъ, и, во многихъ случаяхъ, текстъ приготовляется и приспособляется къ предварительно составленнымъ рисункамъ,—стало быть разница большая.

Въ послѣднее десятилѣтіе рвеніе къ изученнію классическаго міра сильно оживилось, благодаря развитію языкознанія (сравнительнаго), благодаря множеству раскопокъ, сдѣланныхъ и на средства правительствъ разныхъ государствъ и на частныя средства. Многія раскопки пролили неожиданный свѣтъ на исчезнувшій міръ.

Одушевленныя весьма понятнымъ энтузіазмомъ художественныя силы—карандашъ, рѣзецъ, кисть—примкнули къ неутомимымъ трудамъ раскопщиковъ.

Современное направленіе нашего высшаго образованія — классическое, и мы глубоко убѣждены, что, въ смыслѣ пособія для изученія классическаго міра, мы вкладываемъ посильную лепту изданіемъ „Эллады и Рима“.

Развернувъ уже первые выпуски роскошнаго изданія **Фальке,** читатель найдетъ множество прекрасныхъ рисунковъ древнихъ вазъ и сосудовъ, добытыхъ большею

частью **Шлиманомъ,** при его раскопкахъ Трои, Олимпіи и Микенъ, и срисованныхъ со всею тщательностью и точностью даровитыми германскими художниками. Читатель найдетъ также много рисунковъ, конструированныхъ на основаніи сохранившихся остатковъ, гдѣ цѣлое довершала уже фантазія художника (напримѣръ, древній дворецъ въ Микенахъ и ворота со львами). Въ этомъ именно—и читатель, надѣемся, съ нами согласится—мы и полагаемъ главнѣйшее достоинство роскошнаго изданія **Фальке.**

„Извѣстные знатоки классической древности **Альма Тадема, Фридрихъ Геллеръ, Отто Книлле, Ансельмъ Фейербахъ, Людвигъ Гансъ Фишеръ** присоединились къ извѣстному автору этого сочиненія о классической древности, чтобы создать произведеніе, имѣющее цѣлью содѣйствовать популяризаціи прекраснаго, представить царство идеала въ чудномъ совершенствѣ древней жизни. Новѣйшія находки въ Олимпіи, Танагрѣ, Микенѣ, Троѣ, Пергамонѣ подробно описаны въ этомъ сочиненіи; многочисленныя изображенія греческихъ и итальянскихъ пейзажей почти всѣ сняты съ натуры".

Приводя эти слова нѣмецкаго издателя, укажемъ на авторитетный отзывъ профессора **В. Любке** объ этомъ сочиненіи: „Одинъ замѣчательный изслѣдователь исторіи культуры соединился съ нѣсколькими извѣстными художниками съ цѣлью представить всю древнюю культурную жизнь въ интересномъ описаніи, съ приложеніемъ роскошныхъ иллюстрацій. Въ числѣ иллюстрацій мы находимъ не только превосходныя изображенія мѣстностей, драгоцѣнныхъ украшеній изъ Микены и Кипра, но и картины большого формата, заслуживающія высокой похвалы. Мастерски исполнены пейзажи, большей частью съ воспроизведеніемъ древнихъ памятниковъ, изъ которыхъ искуснѣйшіе художники съ глубокимъ пониманіемъ классической древности создали идеальные образы чарующей красоты".

Русское изданіе выходитъ выпусками, по одному въ недѣлю, по вторникамъ, въ случаѣ возможности двойными выпусками. Мы выпускаемъ его въ двухъ изданіяхъ: одно на роскошной бумагѣ, въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, другое на обыкновенной хорошей бумагѣ. **Текстъ и рисунки въ обоихъ изданіяхъ одни и тѣ же.** Между большими картинами, изображающими классическую древность,

кромѣ картинъ **Альма Тадемы, Фейербаха,** и друг. будетъ и картина **Семирадскаго** „Живые свѣточи Нерона". Цѣна роскошнаго изданія **80** коп. каждый выпускъ, цѣна обыкновеннаго изданія **50** коп. выпускъ. Всѣхъ выпусковъ будетъ 35.

Въ нашихъ книжныхъ магазинахъ въ Петербургѣ и Москвѣ можно получатѣ оба изданія, уплачивая за каждый выпускъ отдѣльно, съ обязательствомъ взять всь

выпуски по мѣрѣ ихъ выхода. Учебныя заведенія могутъ выписать то или другое изданіе, высылая деньги въ тѣ сроки, какіе имъ наиболѣе удобны. Подписная цѣна для городскихъ и иногородныхъ съ пересылкою: роскошнаго изданія 24 рубля, обыкновеннаго 15 руб. Деньги эти могутъ быть разсрочены такъ: при подпискѣ на роскошное изданіе: 10 руб. при подпискѣ, 10 руб. послѣ выхода десятаго выпуска и 4 руб. послѣ выхода двадцатаго выпуска. При подпискѣ на обыкновенное изданіе: 5 руб. при подпискѣ, 5 руб. послѣ выхода десятаго выпуска и 5 руб. послѣ выхода двадцатаго выпуска.

Оглавленіе 1-го выпуска: Текстъ. Предисловіе. Книга 1-я. Исторія и государственная жизнь. I. Эпоха сказаній. II. Эпоха образованія государства (до пер-

сидскихъ войнъ). Рисунки въ текстѣ: Видъ Аѳинъ.—Дубы на Парнасѣ.—Додона. — Темпейская долина съ Олимпомъ и рѣкой Пенеемъ. — Развалины Трои.—Головной уборъ изъ золота (находка **Шлимана** при раскопкахъ Трои).—Ворота со львами въ Микенахъ.—Панорама раскопокъ **Шлимана** въ Микенахъ.—Золотые сосуды изъ Микенъ, времени царей.—Глиняные сосуды съ острова Кипра.—Итака.—Видъ Аѳинъ съ мѣловыхъ скалъ Пирея.—Гимнастическія упражненія спартанскихъ юношей въ гимназіяхъ. Большія картины внѣ текста: Аѳинскій Акрополисъ.—Олимпійскія игры. — Кромѣ того, роскошныя заглавныя буквы, составляющія цѣлые рисунки, заставки и др. украшенія.

ВЪ ОБЛАСТИ ВѢЧНАГО ЛЬДА

ИСТОРІЯ ПУТЕШЕСТВІЙ КЪ СѢВЕРНОМУ ПОЛЮСУ СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ

Соч. Фридриха Гельвальда.

Предлагаемое русской читающей публикѣ иллюстрированное сочиненіе Фр. Гельвальда „въ Области вѣчнаго льда" („Im Ewigen Eis"), снабженное большимъ количествомъ рисунковъ въ текстѣ и отдѣльно, составляетъ, по интересу содержанія, одну изъ лучшихъ и популярнѣйшихъ книгъ во всемъ современномъ читающемъ мірѣ.

Предлагаемая книга представляетъ весьма полную и объемистую исторію путешествій въ полярныя страны. Что касается изложенія, то оно у Ф. Гельвальда блестяще, картинно, общедоступно и притомъ имѣетъ научную основу. Исторія грандіозныхъ предпріятій сѣвернаго мореплаванія, всѣ связанные съ этимъ факты и явленія описаны ярко, картинно, полны жизненной правды, безъ всякой утомительности. Это постоянное, неутомимое стремленіе на далекій сѣверъ, постоянный самоотверженный бой на-животъ и на-смерть съ суровою сѣверною природою, — во имя науки, для разрѣшенія проблемы о доступномъ для плаванія полярномъ морѣ—все это поддерживаетъ въ читателѣ неослабѣвающій драматическій интересъ.

Но затѣмъ слѣдуетъ еще обратить вниманіе на другую сторону дѣла. Кромѣ полной исторіи путешествій къ сѣверному полюсу, книга г. Гельвальда представляетъ еще и полную яркую картину всего полярнаго міра, всей полярной пророды, съ ея необычайными для нашихъ широтъ явленіями, съ ея ужасами, съ ея вѣчною борьбою жизни и смерти, съ ея жителями, съ ея фауной, съ ея скудною растительностью. Все это въ общей картинѣ представляетъ, конечно, общечеловѣческій интересъ. Одна часть картины: сама полярная природа съ ея грознымъ характеромъ, и затѣмъ другая часть картины—это борьба мужественныхъ и самоотверженныхъ героевъ-путешественниковъ съ подобною природой. Это даетъ неистощимый матеріалъ для мышленія и обильную пищу воображенію читателей всѣхъ возрастовъ и состояній.

Чтобы дать болѣе наглядное понятіе о богатствѣ и разнообразіи содержанія новаго труда Ф. Гельвальда, перечислимъ главные пункты или главы, излагающіе его содержаніе:

Народы населяющіе самый отдаленный сѣверъ.

Животная и растительная жизнь въ полярной области.

День и ночь, свойства, отношенія и характеръ: свѣта, воздуха и температуры въ области вѣчныхъ льдовъ.

Бой тюленей и ловля китовъ въ Европейскомъ полярномъ морѣ.

Охота на полярныхъ медвѣдей.

Поѣздка на сѣверъ Пиѳея Массилійскаго, за 320 л. до Р. Хр.

Путешествія норманновъ на островъ Исландію.

Открытіе Гренландіи.

Первое полярное путешествіе и представленія средневѣковыхъ германцевъ то полярныхъ странахъ.

Полярные поселенцы-эскимосы.

Первое путешествіе для отысканія сѣверо-восточнаго проѣзда.

Полярныя путешествія голландцевъ.

Полярный путешественникъ Виллоби и его англійскіе послѣдователи.

Новая Земля и Шпицбергенъ.

Изслѣдованія и описанія азіатскихъ сѣверныхъ береговъ въ XIX столѣтіи.

Открытія русскихъ въ Сѣверной Азіи.

Алеуты.

Берингъ и его изслѣдованія.

Древнѣйшія путешествія для отысканія сѣверо-западнаго проѣзда.

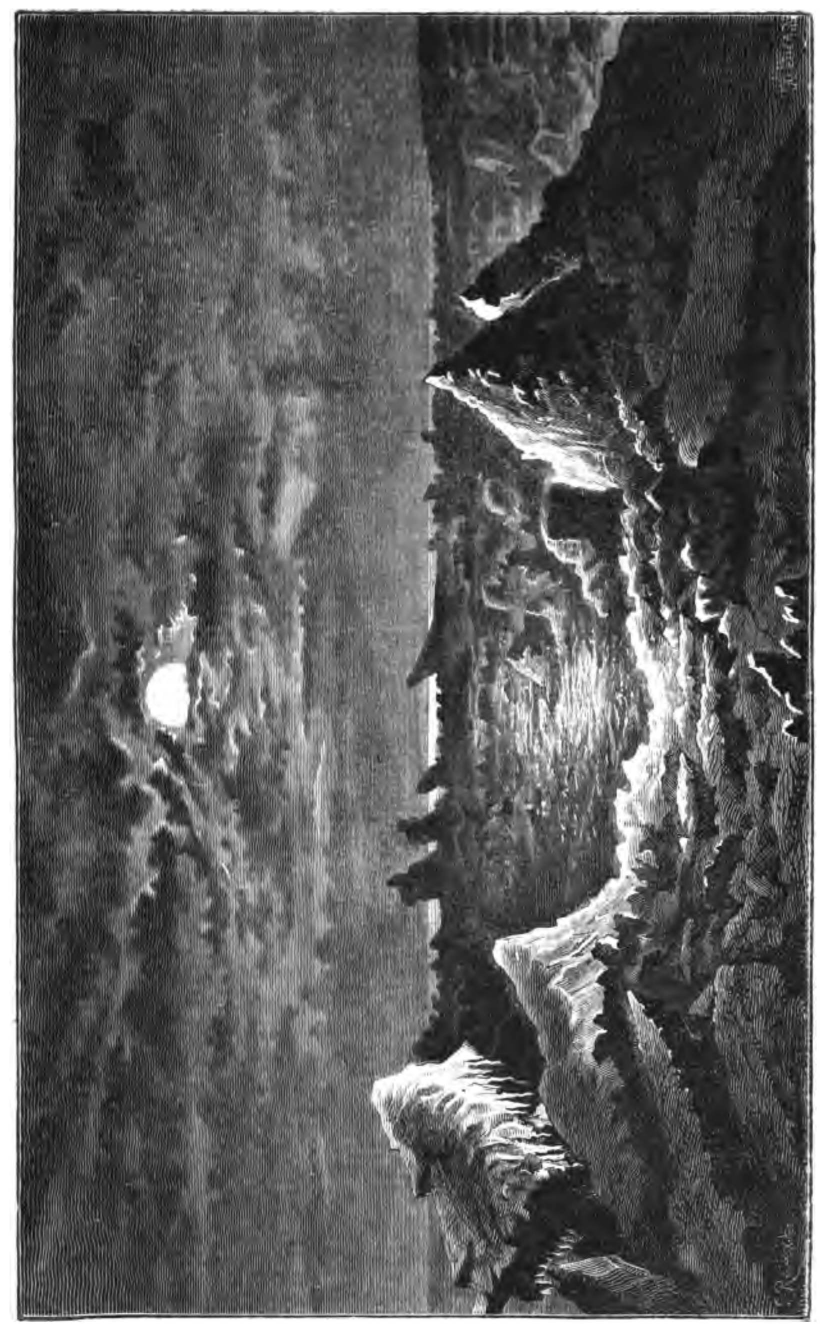
Франклинъ и открытіе сѣверо-западнаго проѣзда.

Путешествія по континенту Сѣверной Америки.

Полярныя изслѣдованія настоящаго времени: нѣмцы и австрійцы, шведы, англичане и проч. и проч.

Возможность достигнуть полюса.

Многочисленныя иллюстраціи и карты, служащія какъ для объясненія текста, такъ вмѣстѣ съ тѣмъ и для украшенія (ибо достоинство рисунковъ въ этомъ смыслѣ дѣйствительно обусловливаетъ собою украшеніе книги г. Гельвальда и дополняетъ и



изящество его произведенія), дѣлаютъ то, что книга Ф. Гельвальда можетъ занять достойное мѣсто и въ каждой домашней и общественной библіотекѣ, и въ каждомъ кабинетѣ, и въ каждомъ салонѣ.

Цѣна каждаго выпуска въ 5 печатныхъ листовъ большого формата 65 коп.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2.